

Всероссийская научно-практическая конференция

**Забайкальское казачество:
история и современность**

Чита, 2018

Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чите
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское общество любителей истории

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Всероссийская (с международным участием)
научно-практическая конференция**

30 марта 2018 г.

г. Чита

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 94(47+57):39(571.55)(082)
ББК 63.3(2)-283.31:63.5(2Рос-4Чит)я431
ББК Т3(2)-283.31:Т5(2Рос-4Чит)я431
3 12

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

М. Г. Ганопольский, д-р филос. наук, профессор,
Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень

К. Н. Лобанов, д-р полит. наук, доцент,
Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина, г. Белгород

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), *Н. Г. Дятчина*,
Д. А. Крылов, *Ю. Н. Ланцова*, *Н. Н. Константинова*,
М. В. Пряженникова, *Ю. Г. Саранчина*, *О. А. Яремчук*

3 12 **Забайкальское казачество: история и современность** : материалы Всерос.
(с междунар. участием). науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; [отв. ред.
Е. В. Дроботушенко]. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 214 с.

ISBN 978-5-9293-2087-3

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, состоявшейся в Чите в марте 2018 года, посвящённой различным аспектам истории и современного состояния казачества. Основной вектор конференции – это забайкальское казачество в исторической ретроспективе и проблемы его современного развития. В докладах отражены вопросы развития казачества в иных регионах России и за пределами государства. В материалах характеризуется роль казачества в образовательной, культурной и иных сферах жизни социума.

Издание представляет интерес для учёных, преподавателей высших, средних и средних специальных учебных заведений, всех тех, кто интересуется историей и современным состоянием казачества в Забайкалье, Российской Федерации и за её пределами.

УДК 94(47+57):39(571.55)(082)
ББК 63.3(2)-283.31:63.5(2Рос-4Чит)я431
ББК Т3(2)-283.31:Т5(2Рос-4Чит)я431

ISBN 978-5-9293-2087-3

© Забайкальский государственный университет, 2018

Transbaikal State University
Zabaikalsky Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Regional Branch of Russian Historical Society
Baikalsky Regional Branch Academy of military Sciences
Zabaikalsky Historical Society

**ZABAIKAL COSSACKS:
HISTORY AND MODERNITY**

**Allrussian (with international participation)
Scientific-Practical Conference**

30 March 2018

Chita

**Chita
Transbaikal State University
2018**

УДК 94(47+57):39(571.55)(082)
ББК 63.3(2)-283.31:63.5(2Рос-4Чит)я431
ББК Т3(2)-283.31:Т5(2Рос-4Чит)я431
3 12

Reviewers

M. G. Ganopolsky, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor,
Tyumen scientific center SO RAS, Tyumen
K. N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Docent, Associate Professor Department of Humanitarian and Sociopolitical Disciplines of I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Belgorod

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *N. G. Diatchina*,
D. A. Krilov, *Yu. N. Lantsova*, *N. N. Konatantinova*,
M. V. Pryazhennikova, *Yu. G. Saranchina*, *O. A. Yaremchuk*

3 12   **Zabaikal Cossacks: History and Modernity** : proceedings of the Allrussian (with international participation) Scientific-Practical conference / Transbaikal State University ; [E. V. Drobotushenko chief-in-editor]. – Chita : Transbaikal State University, 2018. – 214 p.

ISBN 978-5-9293-2087-3

The collection contains materials of the reports and performances of participants of Allrussian (with international participation) scientific-practical conference held in Chita city in March 2018, on various aspects of the history and current state of the cossacks. The main vector of the conference is zabaikal cossacks in the historical retrospective and modern problems of its development. The reports reflected the issues of development of the Cossacks in the other regions of Russia and outside the state. In materials characterized the role of the Cossacks in the educational, cultural and other spheres of life of society.

This publication is of interest for scientists, teachers of higher, secondary and secondary special educational institutions, all those interested in the history and current status of the cossacks in Zabaikalye, the Russian Federation and a board.

УДК 94(47+57):39(571.55)(082)
ББК 63.3(2)-283.31:63.5(2Рос-4Чит)я43
ББК Т3(2)-283.31:Т5(2Рос-4Чит)я431

ISBN 978-5-9293-2087-3

© Transbaikal State University, 2018

Содержание

Приветственное слово	9
Предисловие	11

Раздел 1. Общие вопросы истории России и истории казачества

Харламов М. И. Остров Хортица – колыбель украинского казачества	12
Васильев М. В. Городовое казачество как явление русской военной культуры	14
Константинова Т. А. «Кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть Сибирью...» (к 160-летию Айгунского договора с Китаем)	19
Уханаева М. Г. Выпускник Харацайского церковно-приходского училища – первый бурятский учёный Доржи Банзаров	25
Аргудяева Ю. В. Семья и семейный быт уссурийских казаков	28
Черенщиков О. Ю., Черенщикова Е. С., Граселиус Р. В. Казачьи военно-речные флотилии востока России в конце XIX – начале XX века	32
Абраменко В. А. Подполковник Мартос в революционных событиях 1905 года на станции Тихорецкая Владикавказской железной дороги	35
Вайраух Т. Забайкальские казаки: предвестники политических партий Монголии	39
Никитин Г. В. Забайкальские казачьи офицеры в эмиграции	42
Скрипкарь М. В. Казачьи станицы в Харбине	46
Дроботушенко Е. В. Создание Восточного казачьего союза в Харбине по воспоминаниям полковника Г. В. Енборисова	48
Якунин В. Н. Церковь и армия в годы Великой Отечественной войны	53
Пустовалов О. В. История Русского Трёхречья в рассказах переселенцев из России	57

Раздел 2. Казачество Сибири и Забайкалья в исторической ретроспективе

Пузанов В. Д. Служилое казачество и присоединение Сибири к России (конец XVI–XVII века)	60
Ефаров Р. Р. Захват как способ возникновения прав на землю у забайкальских казаков в период колонизации Забайкалья	64
Арпентьева М. Р. Православные и буддистские церкви и верования народов Забайкальского региона	66
Аникина Е. В. Родословие казаков Кибиревых (посёлок Матусовский Новотроицкой станицы)	73
Мясников А. В. Константин Николаевич Ушаков: врач и фотограф 4-го отдела Забайкальского казачьего войска	76
Мясников А. В., Мясникова Г. В. Неизвестные труды горного инженера Забайкальского казачьего войска Александра Николаевича Баньщикова	81
Пешков И. Г. Списки забайкальцев – защитников Де-Кастри и их награды за Крымскую войну 1853–1856 годов	85
Гантимурова М. И. Документы Урульгинской степной думы второй половины XIX века в фондах Государственного архива Забайкальского края как источник изучения истории забайкальского казачества	89
Ануфриев А. В. Формирование командных кадров в Забайкальском казачьем войске в конце XIX – начале XX века	92
Яремчук О. А. К вопросу о войсковых стипендиях Забайкальского казачьего войска (конец XIX – начало XX века)	97
Куренная И. Г. Источники изучения архитектурного наследия Забайкальского военного ведомства (конец XIX – начало XX века)	100
Ланцова Ю. Н. Казачьи школы в дореволюционном Забайкалье: историографический обзор	106
Рюмкина Е. С. Состояние сельского хозяйства в Забайкальском казачьем войске перед Первой мировой войной	109
Жеребцов Г. А. Забайкальское казачье войско в Первой мировой войне (статистика призыва и потерь в 1914–1917 годах)	112
Косых В. И. Казачья благотворительность в приходах Забайкальской епархии (1914–1917)	114
Пряженникова М. В. Организация обучения плетению корзин в Забайкальском казачьем войске (1915–1917)	116
Валиахметов А. Н. Забайкальское казачество и Чехословацкий легион в годы Гражданской войны в России	120
Савченко С. Н. О противостоянии войскового правления Забайкальского казачьего войска и атамана Г. М. Семёнова осенью 1918 – весной 1919 года	124

Косенков В. А. Принудительная мобилизация как одна из причин эмиграции забайкальских казаков в начале 20-х годов XX века	127
Клестова М. С. Жизненный путь генерал-майора Ивана Фёдоровича Шильникова, автора книги «1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914–1918 гг.»	130
Дроботушенко Е. В. Посемейные списки казачьих станиц на Севере Китая как источник по истории забайкальского казачества в эмиграции во второй половине 30-х годов XX века	135
Елисей III (Елисей Елисеевич Елисейев). К вопросу о степени изученности староверия в среде забайкальских казаков	138
Ланцева Т. В., Погодаев В. А. Судьбы представителей казачьего рода Погодаевых	141
Легун Е. П. Казачий род Подшиваловых из села Бишигино	144
Малахов М. Т. Судьбы казаков – основателей посёлка Нововоздвиженск (Соловьёвск)	147

Раздел 3. Казачество в социокультурном измерении

Ставропольский Ю. В. Л. Н. Гумилёв и этническая идентичность казачества	150
Крылов Д. А. Формируемое пространство самоидентичности: феномен казачества	153
Ставропольский Ю. В., Замогильный С. И. Новая идентичность казачества	157
Парамонова В. А., Беликова Е. О. Отражение казачьей культуры в социокультурной палитре Волгограда	159
Кляус В. Л. Песни забайкальских казаков в Австралии: память о большой и малой Родине	163
Григорьева Ю. А. Механизмы постижения ценностей культуры на примере казачьих династий Юго-Западного Забайкалья	167
Савченко Р. С. Забайкальские казаки в исследованиях фольклористов Забайкалья	171
Камедина Л. В. Документальная эпопея Юрия Курца «На арчаке казачьего седла»	173
Полоротов В. И. Литературное наследие казачьего поэта и прозаика Платона Коренева	179
Иванов-Ардашев В. В. Хабаровский «Приамурский казачий вестник» как пример специализированного периодического печатного издания	183
Бобров С. Г., Константинова Н. Н. «Не австралийцы, а забайкальцы...» (о сотрудничестве забайкальского казачества с потомками казачьих иммигрантов в Австралии)	186
Константинова Н. Н., Травкина Л. Н. Забайкальский краеведческий музей как центр исследования и популяризации истории забайкальского казачества	189
Ерохина Е. Г., Решта Н. П. Популяризация традиционной народной культуры забайкальского казачества на примере деятельности ГУК «Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края»	192
Кайгородов М. В. Формирование исторической памяти родовых казаков на примере экспедиции «Казачий поход “Память”»	194
Трушина С. Ю. Духовно-нравственное воспитание учащихся Знаменской казачьей школы через факультативную деятельность	197
Пешков И. Г. Дорожная карта посольской станицы межрегиональной общественной организации «Казачество Забайкалья» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по созданию музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге и Ленинградской области	199
Елисей IV (Елисей Елисеевич Елисейев). Принципы составления родословия казачьего клана Елисейевых – Шестаковых – Бабич – Серёжниковых – Измайловых – Карнауховых	204
Сведения об авторах	208

Contents

Welcoming Address	9
Preface	11

Chapter 1. General questions of Russian history and the history of the Cossacks

Kharlamov M. I. Island Chortice – long-term of ukrainian cossacks	12
Vasiliev M. V. City cossacks as a phenomenon Russian military culture	14
Konstantinova T. A. “Who will own the mouths of the Amur, he will own Siberia...” (to the 160th anniversary Aigunskogo agreement with China)	19
Ukhanaeva M. G. Graduate of the Haratsai parish school – first buryat scientist Dorji Banzarov	25
Argudyaeva J. V. Family and family life of the Ussuri Cossacks	28
Cherenschikov O. Yu., Cherenschikova E. S., Graselius R. V. Cossack military river flotilla of the east of Russia in the late XIX – early XX centuries	32
Abramenko V. A. Colonel Martos in the revolutionary events of 1905 at station Tikhoretskaya by Vladikavkaz railway	35
Weyrauch T. The zabaikal cossacks: harbingers of Mongolia’s political parties	39
Nikitin G. V. The Zabaikalian Cossack officers in exile	42
Skripkar M. V. Cossack village in Harbin	46
Drobotushenko E. V. The Creation of Eastern cossack union in Harbin by the memoirs of colonel G. V. Enborisov	48
Yakunin V. N. The church and the army during the Great Patriotic War	53
Pustovalov O. V. History of the Russian Sanhe told by descendants of the Russian settlers	57

Chapter 2. The Cossacks of Siberia and Zabaikalye in the history retrospect

Puzanov V. D. Military cossacks and connection of Siberia to Russia (end of the XVI–XVII centuries)	60
Efarov R. R. Capture as a way of the emergence of land rights zabaikal cossacks in the period of colonization of Transbaikalye	64
Arpentieva M. R. Orthodox and buddhist churches and beliefs of the people of the Transbaikal region	66
Anikina E. V. Genealogy of Cossacks Kibireva (settlement Matusovskiy of the village Novotroitsk)	73
Myasnikov A. V. Konstantin Nikolaevich Ushakov: a doctor and a photographer of the fourth department of the Zabaikal cossack army	76
Myasnikov A. V., Myasnikova G.V. Unknown works of the mining engineer of the Zabaikal cossack army A. N. Banschikov	81
Peshkov I. G. Lists of inhabitants, the defenders of De-Castries and awards for Criscuolo 1853–1856	85
Gantimurova M. I. Documents of the Steppe дума of Urulga of the second half of the XIX century in the funds of the State archive of Zabaykalsky krai as sources of studying of the zabaikal cossacks’ history	89
Anufriev A. V. The formation of the command personnel in the Zabaikal Cossack Army in the late XIX – early XX centuries	92
Yaremchuk O. A. To the question of the military scholarships of the Zabaykal Cossack Army (late XIX – early XX centuries)	97
Kurennaya I. G. Sources for the study architectural heritage of the Zabaikalsky military department (late XIX – early XX – century)	100
Lantsova Y. N. Cossack schools in the pre-revolutionary Zabaikalya: historiographical review	106
Ryumkina E. S. The state of agriculture in the Zabaykalsky Cossack Army before the First World War	109
Zherebtsov G. A. The Zabaikal Cossack Army in the First world war (statistics of recruitment and losses in the years 1914–1917)	112
Kosyh V. I. Cossack charity in the parishes of Transbaikal diocese (1914–1917)	114
Pryzhennikova M. V. The organization of learning basket weaving in the Zabaykal Cossack Army (1915–1917)	116
Valiakhmetov A. N. Zabaikal Cossacks and the Czechoslovak Army during the civil war in Russia	120
Savchenko S. N. About the confrontation with the military board Zabaikal Cossack troops of ataman G. M. Semenova in the fall of 1918 – spring 1919	124
Kosenkov V. A. Forced mobilization as one of the reasons for the emigration	

of zabaykalsky cossacks in the early 20-s years of XX century	127
Klestoff M. The life journey of major-general Ivan Fyodorovich Shilnikov, author of “1st Zabaikal cossack division in the Great European War 1914–1918”	130
Drobotushenko E. V. The family lists of cossack villages in the north of China as a source for the history of zabaikal cossacks in emigration during the second half of the 30-s of XX century	135
Elisey III (Elisey E. Eliseev). To the question of the degree of exploration of the old believers in the environment Zabaikal Cossacks	138
Lantseva T. V., Pogodaev V. A. The fate of the representatives of the Cossack genus Pogodaeva	141
Legun E. P. Cossack rhode Podshivalova from the village of Bishigino	144
Malakhov M. T. The fate of the Cossacks – founders of village Novovozdvizhensk (Solov’evsk)	147

Chapter 3. Cossacks in the sociocultural dimension

Stavropolsky Y. V. L. N. Gumilev and ethnic identity of cossacks	150
Krylov D. A. Creating a space of self-identity: the phenomenon of the Cossacks	153
Stavropolsky Y. V., Zamogilny S. I. New identity of cossacks	157
Paramonova V. A., Belikova E. O. Reflection of cossack culture in socio-cultural palette of Volgograd	159
Klyaus V. L. Songs of zabaikal cossacks in Australia: the memory of a Great and Small Homeland	163
Grigoryeva Y. A. Mechanisms of cultural values comprehension by the example of cossack dynasties of Southwestern Zabaykalye	167
Savchenko R. S. Zabaikal cossacks in the investigations of folklorists of Transbaikalia	171
Kamedina L. V. Documentary epic by Yuri Kurtz “On the archaïque of the cossack saddle”	173
Polorotov V. I. Literary heritage of the Cossack poet and novelist Platon Korenev	179
Ivanov-Ardashev V. V. Khabarovsk “Amur Cossack Bulletin” as an example of a specialized periodical publication	183
Bobrov S. G., Konstantinova N. N. “Not Australians, and the Zabaikalians...” (on cooperation of the Zabaikal Cossacks with cossack descendants of immigrants in Australia)	186
Konstantinova N. N., Travkina L. N. Zabaikal regional Museum of local lore as a center of research and popularization of the history of the Zabaikal Cossacks	189
Erohina E. G., Reshta N. P. Promotion of traditional folk culture of the zabaykalsky cossacks on the example of hooke “Educational-methodical center of culture and folk art in Zabaykalsky Krai”	192
Kaigorodov M. V. Formation of the historical memory of ancestral cossacks on the example of the expedition “Cossack campaign “Memory”	194
Trushina S. Yu. Spiritually-moral education of students sign cossack school through extracurricular activities	197
Peshkov I. G. Road Map of the Possole Staney of interregional public organization “Cossack of Transbaikalia” in Sankt-Petersburg and Leningrad region of creat of a museum complex of the Russian Cossacks	199
Elisey IV (Elisey E. Eliseev). Basis of preparation the genealogy of the Cossack clan Eliseev – Shestakov – Babich – Serezhnikov – Izmailov – Karnauhov	204
Information about the authors	208

Приветственное слово

Уважаемые участники и организаторы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Забайкальское казачество: история и современность»!

Уважаемые гости мероприятия!

Хорошей традицией последних лет для Забайкальского края стало проведение крупных научных форумов по истории и современному развитию региона. В рамках их работы рассматриваются самые разные аспекты жизни нашего края.

Яркий пример – настоящая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Забайкальское казачество: история и современность».

Отрадно, что вопросы истории и современного состояния забайкальского казачества, его роли в процессах развития региона вызвали большой интерес не только в Забайкалье, но и за его пределами, о чём свидетельствует состав участников конференции. Это учёные, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, школьные учителя, представители казачьих организаций, краеведы из Забайкальского края и других регионов России, а также учёные из Германии, США, Украины.

Символично, что такой значимый научный форум проводится именно в 2018 году. Это год столетия окончания Первой мировой войны, среди участников которой было много наших земляков, в том числе и представителей забайкальского казачества.

С середины XVII столетия, когда Забайкалье вошло в состав Российского государства, история казачества неразрывно переплелась с историей Забайкальского края. Бесспорно, казаки сыграли огромную роль в укреплении и охране государственной границы и первоначальном хозяйственном освоении приграничных территорий.

Думаю, в изучении этого периода нас ждёт ещё немало интересных открытий. Но всё-таки он уже в достаточной мере исследован предшествующими поколениями историков. Чего, на мой взгляд, пока не скажешь о степени научного изучения и осмысления роли и места казачества и его отдельных руководителей в общественно-политических процессах первой четверти XX века, когда российское общество разделилось на «красных» и «белых». И те, и другие стремились максимально использовать казаков в своих целях. Это не могло не усугубить накал кровопролитных событий Гражданской войны и дальнейших противоречий коллективизации и расказачивания, необоснованных репрессий против казаков.

Отголоски событий тех далёких лет до сих пор слышны в Забайкалье и это, к сожалению, не способствует консолидации общества. Поэтому мы ждём от учёных и краеведов кропотливой, свободной от политической ангажированности работы, направленной на изучение и объективный анализ исторической информации, связанной с казачеством.

Уверена, что проведение таких научно-практических конференций необходимо для развития Забайкальского края. Они не только способствуют установлению новых научных связей, но – что самое главное – позволяют выработать рекомендации для органов власти и общественных структур по самым разным аспектам развития казачества.

Н. Н. Жданова,
Губернатор Забайкальского края

**Уважаемые участники Всероссийской
(с международным участием) научно-практической конференции
«Забайкальское казачество: история и современность», гости научного форума!**

Разрешите от своего имени и от лица всего Забайкальского государственного университета поприветствовать вас на большой, значимой для региона научно-практической конференции.

В очередной раз наш университет выступил площадкой для проведения серьезного научного мероприятия, имеющего, помимо прочего большое социальное значение. Сегодня мы проводим Всероссийскую (с международным участием) научно-практическую конференцию, посвященную истории и современному состоянию казачества.

Всероссийский статус конференции подтверждается участием в ней представителей целого ряда высших учебных заведений и научных центров Российской Федерации. В ней принимают участие и учёные из иных стран, США, Германии, Украины. В очередной раз отмечу, что наш университет всегда был и будет площадкой для таких больших научных форумов.

На конференции будут обсуждаться самые разные вопросы по истории казачества в Забайкалье, Сибири, России и за пределами страны. Учёные из разных стран и городов Российской Федерации будут спорить, искать и находить объективные оценки исторического процесса. Радует, что в рамках конференции будут обсуждаться и современные проблемы развития казачества.

Хочется пожелать участникам конференции плодотворной научной работы, серьезного научного поиска, установления новых контактов и закрепления старых, а самое главное, чтобы данная конференция дала какие-то практические рекомендации по итогам своей работы.

С. А. Иванов,
ректор Забайкальского государственного университета

A handwritten signature in blue ink, consisting of a large, stylized initial 'S' followed by several loops and a final flourish.

Предисловие

2018 год является годом окончания Первой мировой войны, войны, потрясшей десятки стран, войны, в которой участвовали десятки миллионов людей. По официальным данным, только погибло и умерло от ран более 9 млн чел. Участвовали в ней тысячи забайкальцев, наших земляков, многие из которых были представителями казачества.

Забайкальский государственный университет выступил с инициативой проведения в 2018 году большой научной конференции, в рамках работы которой была бы возможность обсуждения многих аспектов истории казачества, в то же время, хотелось бы рассмотреть и современные проблемы его существования. В связи с этим, организационный комитет конференции принял решение определить следующие направления для работы научного форума:

- общая история казачества: актуальные вопросы;
- казачество Сибири и Забайкалья в исторической ретроспективе;
- роль казачества в обеспечении безопасности государства;
- казачество в системе образования и воспитания;
- хозяйственная деятельность казаков: традиции и новации;
- казачество в изобразительном искусстве и литературе;
- перспективы развития казачества: федеральный и региональный компонент.

В сборнике представлены материалы выступлений участников конференции. Это представители высших, средних специальных и средних общеобразовательных учреждений России, ведущих научных центров страны. Всего около 20 городов Российской Федерации. Участие в работе приняли и учёные из стран ближнего и дальнего зарубежья, из Германии, Соединённых Штатов Америки, Украины. Отрадно, что участие в мероприятии принимают краеведы, люди, изучающие историю казачества в силу своего интереса, не имея отношения ни к научным, ни к образовательным организациям.

Материалы данного сборника будут интересны широкой общественности, всем тем, кто интересуется вопросами истории и современного состояния казачества как в России, так и за её пределами. Особую же пользу он принесёт учителям и преподавателям, школьникам, студентам и аспирантам.

Редакционная коллегия

Раздел 1. Общие вопросы истории России и истории казачества

Chapter 1. General questions of Russian history and the history of the Cossacks

УДК 94
ББК ТЗ(2)

*Михаил Иванович Харламов,
Национальный университет гражданской защиты Украины,
г. Харьков, Украина*

Остров Хортица – колыбель украинского казачества

В статье научно рассматриваются аспекты формирования острова Хортица с древнейших времён. Охарактеризованы определённые природные и исторические характеристики острова. Акцентируется внимание на изменениях в географии острова в связи со строительством Днепровской ГЭС. Также рассмотрены некоторые особенности защитных сооружений острова. Автор акцентирует внимание на том, что данные защитные сооружения строились украинскими казаками. Отмечается, что вместе с естественными природными преградами они служили достаточно надёжной защитой от врагов.

Ключевые слова: остров Хортица, украинские казаки, оборонные сооружения

*Mikhail I. Kharlamov,
National University of Civil Protection of Ukraine,
Kharkov, Ukraine*

Island Chortice – long-term of Ukrainian Cossacks

The article discusses the scientific aspects of the formation of the island of Khortytsia in ancient times. Characterized by certain natural and historical features of the island. Focuses on the changes in the geography of the island in connection with the construction of the Dnieper hydroelectric station. It also discusses some characteristics of protective structures of the island. The author focuses on the fact that these defenses were built by Ukrainian Cossacks. It is noted that together with natural, natural obstacles, they were sufficiently reliable protection from enemies.

Keywords: Khortytsia Island, Ukrainian Cossacks, defensive structures

История Хортицы начинается ещё задолго до появления человека на Земле – граниты, на которых стоит остров, образовались ещё на этапе формирования нашей планеты и были когда-то частью единственного на то время большого материка. Являясь самыми древними породами на Земле, выходящими на дневную поверхность, хортицкие гранитные скалы открывают нам тайны самого начала истории острова. Гранитное основание острова – часть Украинского кристаллического щита, простирающегося от Волынского-Подольских до Донецких земель. Сам кристаллический массив, состоящий преимущественно из архейских гранитов, гнейсов и сланцев, скрыт под слоем осадочных пород и продуктов выветривания и выходит

на дневную поверхность лишь в нескольких местах. Одно из таких мест – это глубокая трещина в массивной плите, по которой сейчас протекает правый рукав современного Днепра – Старый Днепр, называемый в древности Борисфеном.

Там, прямо посреди русла древней реки, выходят на поверхность легендарные пороги – большие скалы из древних гранитов, преграждающие путь воде, заполнившей трещину в плите Украинского щита. Русло Старого Днепра образовалось несколько миллиардов лет назад. Но тогда Хортица ещё не была островом – её земли были частью материка, на северо-востоке от образовавшейся в плите трещины. И лишь около 2 млн лет назад воды Днепра прорвались сквозь кристалли-

ческий щит, заполнив трещину, образовав Старый Днепр, потом, врезавшись в высокие скалы северной части Хортицы, частично обошли их, образовав в левобережной части мелководное русло, отделив таким образом Хортицу от левого берега.

Так Хортица стала островом, разделив Днепр на два русла. Левое русло в древности называли рекой Герр, возраст её – лишь несколько миллионов лет, в сравнении с возрастом Днепровских порогов – около 2,8 млрд лет – кажется достаточно небольшим. Поэтому этот новый мелководный рукав назвали Новым Днепром. Сейчас русло Нового Днепра является более широким и мелким, чем русло Старого Днепра, а ранее оно было и вовсе мелководьем с плавнями, протоками и многочисленными песчаными отмелями и островками. Во время сильной засухи в прошлом остров соединялся с левым берегом многочисленными песчаными косами, русло Нового Днепра несколько раз почти полностью пересыхало, и остров почти сливался с материком в восточной части. Как уже было отмечено выше, древние граниты кристаллического щита выходят на поверхность лишь в нескольких местах, одно из которых – Днепровские пороги. Но далее, за порогами, массивные скалы выходят на поверхность ещё больше – на десятки метров. Это северная часть острова Хортица, и скалы на правом берегу Старого Днепра, напротив острова, составляют основание Хортицы и представляют собой наклонную плиту, понижающуюся с севера на юг. Выходя на максимальную высоту над поверхностью в северной части острова и напротив на правом берегу, скалы постепенно понижаются к югу и в центральной части острова плавно уходят под толщу осадочных пород, а далее к югу всё сильнее погружаются под землю, снова становясь невидимыми. Ещё одно место, где кристаллический щит выходит на поверхность – легендарные Каменные могилы [1].

Таким образом, граниты Хортицы являются древнейшими породами на планете, сохранившимися в первозданном виде и образовавшимися почти 3 млрд лет назад, а сам остров возник около 2 млн лет назад, отделившись от левого берега современного Нового Днепра. Легендарные днепровские пороги, к сожалению, оказались затопленными при создании Днепровского водохранилища во время строительства Днепровской ГЭС в 1930-е годы. Но часть скал, выходящих на поверхность посреди реки, осталась ниже плотины, и эти скалы могут рассказать нам, какими были днепровские пороги, как с грохотом и рёвом по ним спускалась вода, образуя

водопады и бурные потоки... А древнейшие скалы Хортицы и правобережья сохранились в том виде, в котором они находились ещё во время зарождения нашей планеты. Немало времени потребовалось, чтобы образовался такой уникальный природно-ландшафтный комплекс, как остров Хортица. Но всё пришло к тому, что здесь, у глубокого разлома в гигантской гранитной плите, образовалась река и, врезавшись в скалистый обрыв, разделилась на два рукава, чтобы снова соединиться в стране сказочных плавневых лесов, озёр и проток. Многие изменилось с тех пор – плавни почти полностью затоплены водами Каховского водохранилища, береговая линия острова претерпевает постоянные изменения, исчезают песчаные косы, броды и островки, образуются новые. Форма острова Хортица также изменяется, её площадь постепенно уменьшается за счёт размыва восточного берега.

На территории острова Хортица за всё время археологических исследований было обнаружено множество культовых сооружений – каменных закладок, кромлехов и святилищ, связанных с древними верованиями наших предков. Каменные святилища – это прообраз древних храмов под открытым небом, все они имеют исключительное духовное предназначение. В первую очередь эти культовые комплексы имели отношение к религиозным верованиям древности, их конструкция и форма часто связаны с культурами зарождения жизни, с календарным циклом, с культом Солнца. С самых древних времён земля острова Хортица считалась священной, что подтверждается многочисленными находками археологов. Здесь в большом количестве сконцентрировались исторические объекты разных эпох и разного назначения – курганные и бескурганные погребальные комплексы, многочисленные каменные сооружения культового назначения, древние поселения и городища. Всё это ещё раз подтверждает духовное, сакральное предназначение острова Хортица – с древнейших времён люди не использовали его землю в бытовых целях, это был своеобразный культурный и духовный центр, объединивший в себе разные эпохи, народности и культуры.

Наибольшая концентрация каменных культовых сооружений наблюдается в северной части острова Хортица. В настоящее время на острове доступны к осмотру следующие святилища: Комплекс кромлехов эпохи энеолита; Святилище-обсерватория – крупнейшее на Хортице; Каменное святилище эпохи бронзы; Культовое сооружение из двух каменных закладок; Святилище скифской эпохи.

Помимо перечисленных выше объектов, на Хортице имеются несколько культовых сооружений, находящихся на стадии исследования и ещё не реконструированных для осмотра, а также несколько святилищ, созданных уже в наше время в качестве реконструкции общего вида и предназначения древних культовых сооружений. В частности, имеется деревянное языческое святилище на северном склоне балки Молодняга, а также реконструкция святилища в южной части острова Хортица на территории мемориально-туристического комплекса «Протолче» [2].

Основными защитными сооружениями украинских казаков на острове Хортица были редуты, посты и шалаши. Редут – это небольшое укрепление в форме прямоугольника, было обнесено со всех сторон земляными стенами; редуты были соединены между собой глубоким рвом и составляли единое звено. Выходы из редутов делались в ров напротив высокой насыпи последнего редута с северной или западной стороны Хортицы. Неподалеку от выхода из редута, за насыпью рва, располагались курени.

Посты – это подобные редутам укрепления, располагались отдельно, на высоте, вблизи крупных и скалистых берегов Днепра (западная часть острова Хортица). Северная часть острова была заселена с двух сторон берега – восточного и западного. Курени были расположены в труднодоступных местах, преимущественным образом в низовьях и балках. А также были на склонах Хортицы, которые были покрыты лесом. Они располагались по прямой линии, иногда бессистемно, но обязательно по двое, причём расстояние

между каждой парой куреней должно было быть не менее 5 м. Курени были размером от 5 м в диаметре. Наибольшие защитные казачьи курени были расположены с западной стороны Хортицы, недалеко от запорожского кладбища.

Западная часть острова Хортица была более заселённой. Учёный-историк запорожского края Яков Новицкий насчитывал остатки 295 куреней с западной части, а с восточной – лишь 171. Часть из последних была расположена в балке Савутиной, недалеко от реки Днепр. С западной стороны курени более далеки от Днепра и расположены над валом и редутами, пересекающими северную часть острова вдоль до соединения их с валом. На Хортице были четыре казачьих кладбища: одно – вдоль Савутиной балки с юго-восточной стороны, второе – в северо-западной части острова, ещё два – крупных – с западной стороны вблизи балки Куцей и переправы через Днепр. В нескольких местах Хортицы были расположены курганы. Из них выделялось два больших – по центру казацкого Коша. Всего курганов историки насчитывали 57 [1, с. 93].

В северо-восточной части острова были расположены большие каменные скалы, они спускались в Днепр; чуть выше Савутиной балки были скалы с глубокими и тёмными пещерами, в которых могли прятаться беглецы. На Хортице каждая балка (Куцая, Генералка, Громушина, Савутина и др.); скалы (Вшивая, Мартынова, Голова) сохранили свои названия ещё со времён казачества. Можно сказать, что для казаков редуты, защитные курени, посты и скалы, балки, пещеры служили надёжной защитой от врагов.

Источники и литература

1. **Новицкий Я.** Остров Хортица на Днепре, его природа, история, древности (по рукописи 1917 г.). – 2-е изд., доп. – Запорожье: Тандем-У, 2005. – 115 с.
2. **Святилища Хортицы** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hortica.zp.ua/ru/history/sanctuary> (дата обращения: 12.01.2018).

УДК 94
ББК ТЗ(2)51

Максим Викторович Васильев,
Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия

Городовое казачество как явление русской военной культуры

В статье рассматривается история формирования городского казачества в России. Анализируется его социальный состав, место и роль в военной истории нашей страны. Отмечается, что городское казачество – это особый вид казачества, который можно рассматривать как самостоятельное явление русской военной культуры. Автор, помимо прочего, говорит о различных актах, регламентирующих существование городского ка-

казачества. Отмечается, что городское казачество имело в своей истории периоды своеобразного всплеска и упадка. Окончательное его исчезновение связано с установлением в стране советской власти.

Ключевые слова: городское казачество, Русское государство, Смутное время, самозванцы, военная история

Maxim V. Vasiliev,
Pskov State University,
Pskov, Russia

City Cossacks as a phenomenon Russian military culture

The article discusses the history of the formation of a policeman of the Cossacks in Russia. An analysis of its social composition, location and role in the military history of our country. It is noted that city Cossacks are a special kind of the Cossacks, which can be considered as a phenomenon of Russian military culture. Author of, among other things, tells about various acts governing the existence of a policeman of the Cossacks. It is noted that city Cossacks had in its history, periods of a kind of surge and decline. Its final disappearance is connected with the establishment in the country of Soviet power.

Keywords: Cossack town, Russian state, Smootin time, impostors, military history

В результате завершения централизации Русского государства и выхода его на международную арену перед Москвой встал вопрос охраны своих границ. Пограничные города и крепости надлежало населить регулярным войском, готовым эффективно нести гарнизонную службу. В этих целях Московское государство в XV–XVI веках направляло в приграничные районы стрелецкие полки. Но их обучение, содержание и вооружение требовали значительных средств, которыми не располагала государева казна. В этих условиях московское правительство всё чаще стало привлекать к службе казачество. Эта «широкая, разгульная замашка русской природы», как писал о ней Н. В. Гоголь, к началу XVI века уже представляла значительную военную и политическую силу на пограничных рубежах государства. Зная смелость и высокую боеспособность казаков, московское правительство использовало всевозможные средства, чтобы привлечь вольное казачество на постоянную государственную службу.

В истории формирования и развития городского казачества можно выделить несколько этапов. Первоначально казачество привлекалось к гарнизонной службе на южных и юго-восточных рубежах. В обязанность казаков входило «постоянно быть на службе, ездить в степи, смотреть за движением татар по известным дорогам, называемым шляхами и сакмами, перехватывать языков и доставлять вести воеводам и государю, а в случае нечаянного набега ордынцев защищать украинские города» [16]. За службу казаки получали землю (в первую очередь те, кто

поступил на службу со своим конём), освобождались от всех повинностей и награждались денежным жалованием. В XVI веке донское и уральское казачество всё чаще стало привлекаться к гарнизонной службе ряда других городов. По приказу казацки сотни со своими атаманами и боевым снаряжением направлялись в пограничные крепости Московского государства, обживались там и выделяли из своего состава людей в полковую и станичную службу. Так образовывалось новое воинское сословие – городские казаки.

Служба городских казаков носила сугубо регулярный характер и полностью регламентировалась Уставом станичной строевой службы, составленным князем Воротыньским и принятым в 1571 году [2]. Законодательное оформление службы городского казачества отличало его от вольных казаков Дона, Урала, Запорожья и привязывало к общегосударственным интересам Руси. Первое письменное упоминание о городских казаках относится к 1502 году, когда Великий князь Московский Иван III приказывал рязанской княгине Агрипине: «Твоим служилым людям и городским казакам быть всем на моей службе, а кто ослушается и пойдёт самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Агрипина, велела казнити» [3]. Обыкновенно казаки, несущие гарнизонную службу в городах, назывались именами того города, в котором проживали сами и члены их семей.

В конце XVI века в целях увеличения численности городского казачества правительство пересмотрело способы его комплектования. Теперь в городские казаки стали набирать «вольных охочих людей», готовых нести

службу за фиксированное жалование и определённый набор льгот. Ряды городских казаков пополнялись представителями различных сословий: вольных землепашцев, безместных стрельцов, посадских людей различных профессий и прочих «гулящих», свободных от тягла (налога). В то же время в казачьи полки присылались отдельные провинившиеся граждане. Такая система комплектования применялась для всех служилых людей «по прибору», в том числе и в стрелецком войске, и постепенно отделяло городское казачество от вольных казаков окраинных земель. С момента организации набора в казаки местного населения наступает второй этап в эволюции городского казачества.

К концу XVI века общая численность городских казаков в Московском государстве составляла 5–6 тыс. чел. [14, с. 87–89]. По данным исследователей, городское казачество составляло среди ратных людей Московского государства третью по численности группу, после дворянского ополчения и стрелецкого войска [1]. Всё это делало казачество важной социально-политической силой в тех городах, где оно несло свою гарнизонную службу. Порой из числа численно увеличивающегося городского казачества выходили добровольцы в стрелецкие полки и в «опричные» отряды Ивана Грозного.

Управление сотнями городских казаков было сходным с управлением стрелецкого войска. У казаков, поступавших на службу отрядами (станицами), сохранялись их выборные атаманы. Все казаки подчинялись казацкому голове, который и набирал их на службу. Сам казацкий голова подчинялся городскому воеводе или осадному голове. Чаще всего в состав крупного городского гарнизона входило около 500 казаков (прибор). Прибор делился на сотни, возглавляемые сотниками. Сотни делились на полусотни и десятки [14, с. 89]. Так, например, Иван Грозный послал 500 донских казаков в Псков для несения городской службы. Именно эти казачьи сотни положили начало формирующемуся псковскому казачеству и приняли активное участие в обороне города от войск Стефана Батория [10].

Главным административным органом, занимавшимся управлением делами всего городского казачества в XVI веке, был Стрелецкий приказ. В ведение приказа входило: набор и отстранение от службы, выплата денежного жалования, перевод казаков из одного гарнизона в другой. Также стрелецкий приказ назначал начальствующих лиц (голов и сотников) и являлся высшей судебной инстанцией для казаков [16].

Во время Смуты городские казаки, как и вольные казаки Дона, Урала и Запорожья, играли особую роль, являясь значительной военной силой в армиях враждующих политических группировок. Большинство городских казаков поддержали различных самозванцев [12]. Так, в 1608 году городские казаки Пскова, сказав псковичам, что выступают из города на разгром польских банд гетмана А. Ю. Лисовского, бесчинствующих на Северо-Западе Руси, вместо этого ушли в Ивангород присягать царевичу Дмитрию, под именем которого скрывался очередной самозванец, бывший дьякон Исидор [4]. Действия казаков во время Смуты были абсолютно ситуативными и зависели от обещаний самозванцев, выплачиваемого жалования или военных успехов и, соответственно, размера боевых трофеев. Сегодня казаки могли присягнуть самозванцу и дружно встать под его знамёна, а через некоторое время направить против него же своё оружие. Так, под Псковом в 1608 году часть казаков, направленных В. Шуйским для борьбы с самозванцем, перешли на сторону антиправительственного Новгорода. Другая часть казаков под командованием атамана Яфима Корсякова, наоборот, защищали Псков от новгородцев. Летописец так описывал эти события: «Казаки бьются отводом с новгородцы вёрст за 10 до Пскова и с немцы... а чтоб не казаки, во Пскове немцы были» [1]. На завершающем этапе Смуты казачество, в том числе и городское, всё чаще стало принимать сторону национально-патриотических сил и сыграло важную роль в освобождении Московского государства от иностранной интервенции. Н. И. Костомаров писал: «Чёрный народ приставал к Тушинскому вору, он наполнял его казацкие шайки, именем обманщика волновались населённые этим народом посады и волости; этот же сирота-народ давал подмогу и поддержку всем другим ворами той эпохи. Только тогда, когда для него стало известно, что желанная воля таким путём не добывается, когда и поляки и свои удалыцы проучили его – он опомнился, однако, всё-таки... сохранил за собою способность при всяком удобном случае пристать к воровскому знамени» [5, с. 408].

После завершения Смутного времени и избрания новым государем Михаила Фёдоровича Романова правительство продолжило политику привлечения казачества к городской службе. С другой стороны, сами казачьи отряды просили принять их на службу и награждать государевым жалованием. Так, например, Псковская летопись сообщала, что в 1615 году отряд казаков в Москве бил че-

лом государю с просьбой послать их против шведского короля под Псков [8]. Учитывая сложную ситуацию на Северо-Западе в связи с наступлением войск Густава Адольфа, в Псков был отправлен отряд, состоящий из 1000 казаков, под командованием воеводы Прозоровского. Именно эти казаки совместно со стрельцами успешно защищали Псков от шведских войск и фактически остановили иностранную экспансию на Северо-Западе России. За ратную службу во время обороны города псковские казаки были награждены денежным жалованием и сукном [7].

В XVII веке городские казаки не только несли военную службу, но и активно участвовали в социально-экономической жизни города и строительстве его оборонных сооружений. Например, в первой четверти XVII века казаки приняли участие в восстановлении разрушенной крепости в Великих Луках [15]. В это время городские казаки приобретают ярко выраженные черты оседлости. В условиях восстановления разорённого Смутой хозяйства у правительства не хватало средств для выплаты денежного жалования всем казакам. Поэтому городские казаки получали право заниматься торговлей и промыслами, что привязывало их к определённой территории. С этого момента наступает третий этап в истории развития городского казачества, изменился и состав городских казаков, в числе которых стали преобладать местные уроженцы. С середины XVII века на государственную службу стали набирать детей и родственников казаков. Таким образом, казачья городская служба стала наследственной.

В Смутное время казаки равнодушно относились к пожалованию земель, что было связано с трудностью её обработки. Но в мирное время казачество настойчиво добивалось от правительства закрепления полученных земель за собой. Московское правительство достаточно активно раздавало земли городским казакам, тем самым, компенсируя разницу в недостаточном денежном жаловании, стремясь разместить военную силу поближе к тем рубежам, охрана которых на них возлагалась. Этот принцип распределения земель был удобен и самим казакам, так как позволял использовать свои наделы без отрыва от постоянного места службы. По Соборному Уложению 1649 года казаки освобождались от посадского тягла. Чаще всего земли казакам отводились компактно в черте города с образованием слобод. Казачьи слободы делились на отдельные двory. Владея землей, казаки имели право строить на ней торговые лавки, бани, мельницы не уплачивая налогов в казну. Отдельные казаки

в XVII веке обзаводились собственными именьями, полученными в качестве награды за особые заслуги. В конце XVII века городские казаки стали получать за службу земли в разных уездах и использовать их непосредственно в сельскохозяйственных целях. Проживая в городах и имея льготные условия, казаки занимались ремеслом и торговлей. У многих казаков были свои лавки, бани, торговые ряды, с которых они платили налог в городскую казну.

Имея оружие, доступ к боеприпасам и сплочённую организацию, городские казаки становились особой социальной прослойкой, способной пойти на открытый конфликт с правящими элитами города. Именно поэтому городское казачество являлось одной из наиболее активных социальных групп, принимавших участие в многочисленных народных волнениях XVII «Бунташного» века.

С 1630 года Московское правительство приступило к проведению крупных военных преобразований, в рамках которых было решено создать постоянные солдатские полки из числа добровольцев. Первоначально правительство намеревалось создать новые полки исключительно из боярских детей, не способных выполнять полковую службу из-за своего материального положения, и в дополнение к дворянской коннице сформировать дворянскую пехоту нового строя. Но этот шаг в реформировании армии не увенчался успехом, солдатская служба не прельщала боярских детей. В результате «уже с 1631 года в солдатские полки нового строя стали набирать казаков. Аналогичным образом из числа казаков стали комплектоваться и драгунские полки. Также в 1650-е годы во время войны с Польшей казаки привлекались к службе в рейтарских полках, до этого считавшихся элитными кавалерийскими частями, в состав которых входили исключительно дворяне и дети боярские. Так, в это время в северо-западных городах три четверти рейтар было укомплектовано из тяглых и приборных служилых людей. После завершения войны правительство вновь вернуло казаков и прочих служилых людей по прибору в солдатские полки» [14, с. 89]. Перевод на службу в полки нового строя не всегда устраивал казаков, так как происходило уравнивание их в жаловании и правах с другими служилыми людьми. В результате нежелания казаков служить в полках нового строя их вновь переводили на городскую службу.

В XVII веке городское казачество сыграло большую роль в освоении Урала, Сибири и Дальнего Востока. Порождённое границей, казачество активно осваивало и присоеди-

няли новые земли, строя города и остроги, являвшиеся форпостами Московского государства. В новые сибирские городки помимо вольных казаков московское правительство направляло пленных болотниковцев, разинцев, участников других казачьих смут. Сибирские казаки составляли немногочисленную, но достаточно боеспособную группу так называемых беломестных казаков – служилых людей, специально поселенных в сибирских слободах и острогах для их военного прикрытия в случае нападения кочевников. Беломестным казакам не полагалось всех видов жалованья, круг их обязанностей был не так широк, но «за службу» они освобождались – «обеливались» от государственных налогов и повинностей и наделялись землёй.

Организация и управление сибирского городского казачества значительно отличались от системы административного управления делами городских казаков в центральной России. В сибирских гарнизонах широко практиковалась выборность «начальных людей», которых окончательно утверждала местная или центральная администрация. Сибирские городские казаки достаточно часто отстаивали собственное мнение в таких принципиально важных для них вопросах, как выбор места для будущего города, целесообразность, сроки, тактика и маршруты военных экспедиций, в которых они принимали участие. Нередки были ситуации, когда во время похода ратные люди собирались, как вольные казаки, для решения «войсковых» проблем «на круг». Более того, в конфликтных ситуациях «войско» могло открыто отказать своему предводителю в подчинении. И не только местная, но и московская администрация порой была вынуждена мириться с таким «самовольством». Служилые люди сибирских гарнизонов имели собственную казну (коробью), которой пользовались с общего ведома и согласия. «Казачество само осуществляло развёрстку и контроль за очерёдностью в выполнении особо обременительных служб, имело своё знамя и под ним не только ходило в бой, но и собиралось на общие «советы» для обсуждения текущих дел» [6].

В XVIII веке положение городского казачества резко изменилось. Первоначально Пётр I перевёл в городские казаки всё оставшееся после создания регулярной армии стрелецкое войско (около 7000 чел.), а сами казаки были подчинены твёрдым рамкам государственного управления. Казаки приписывались к военному ведомству, переводились в состав однодворцев и переставали быть свободными. Была упразднена выборность атаманов. На протяжении всего XVIII века

прослеживалась тенденция перевода казаков в крестьянство. Только в 1799 году вышел указ Павла I о запрещении помещикам закрепощать казаков [9]. С момента Петровских преобразований начинается четвёртый, последний этап в истории городского казачества, когда оно в результате расширения границ Российской империи теряет своё первоначальное значение. Городовое казачество постепенно нивелируется с местным населением или включается в состав казачьих войск. Однако отдельные городские казачьи полки продолжали службу на протяжении всего XVIII века. Отечественная война 1812 года в значительной мере изменила положение казачества. 18 июля 1812 года на основании Высочайшего Манифеста о созыве внутреннего ополчения, графом Дмитриевым-Мамоновым был сформирован из своих же людей, на собственном иждивении Московский казачий графа Дмитриева-Мамонова полк пятиэскадронного состава. Тогда же сформированы в Санкт-Петербургской губернии казачьи регулярные волонтёрские полки [1]. В результате победы над армией Наполеона, в которой значительную роль сыграли казаки, государство изменило своё отношение к казачеству. Само слово «казак» вновь звучало гордо и престижно. В 1828 году была восстановлена выборность станичных атаманов, а в 1845 году появились станичные правления и станичный суд. Годом ранее была введена должность верховного атамана казачьих войск России, на которую стали назначать всех последующих наследников престола.

22 июня 1822 года было издано Положение о городских казачьих полках в Сибири. Это были последние городские казаки, которые потом вошли в состав Сибирского, Семиреченского и Забайкальского казачьих войск. Дольше всех, вплоть до XX века, просуществовали Якутский городской казачий пеший полк и Камчатская городская казачья конная команда, которые подчинялись не Военному ведомству, а Министерству внутренних дел и выполняли разнообразные военные и полицейские функции: пограничную службу, сопровождение торговых караванов и чиновников в отдалённые селения, вели борьбу с браконьерами. Общая численность этих военных формирований на начало XX века составляла около 3000 чел. [13, с. 20]. В Первой мировой и Гражданской войне ни Якутский полк ни Камчатская конная команда участия не принимали. Весной 1917 года приказом Временного правительства Камчатская городская казачья конная команда была расформирована. Через три года общим приказом по

Красной армии был официально упразднён 1920 года окончательно завершил историю и Якутский городской казачий полк. Приказ городского казачества в России.

Источники и литература

1. **Болховитинов Е. А.** История княжества Псковского. – Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1831. – 144 с.
2. **Военная энциклопедия.** – СПб.: Тип. И. Д. Сытина, 1912.
3. **Городовые казаки.** Старая и новая история [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/army/publicist/kazaki.htm> (дата обращения: 16.01.2018).
4. **Казаки присягают царю Дмитрию** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://culture.pskov.ru/ru/today/event/2243> (дата обращения: 16.01.2018).
5. **Костомаров Н. И.** Кто виноват в Смутном времени? // История Руси великой: в 12 т. Т. 8. – М.: Мир книги, 2004. – 477 с.
6. **Никитин Н. И.** Первый век казачества Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.siberia-cossack.org/?pid=287> (дата обращения: 16.01.2018).
7. **Окулич-Казарин Н. Ф.** Осада Пскова Густавом-Адольфом в 1615 г. // Труды Псковского археологического общества. – 1916. – Вып. 2.
8. **Псковские летописи.** – 1955. – Вып. 2.
9. **Рыбаков В.** Происхождение казачества. Роль и место казаков в истории России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rdnepnik.ru/27-istoria-cosak.html> (дата обращения: 16.01.2018).
10. **Скрынников Р. Г.** Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. – 318 с.
11. **Смирнов П. П.** Посадские люди и их классовая борьба до XVII в.: в 2 т. Т. 1. – М.; Л.: Акад. наук СССР, 1947. – 490 с.
12. **Станиславский А. Л.** Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. – М.: Мысль, 1990. – 270 с.
13. **Трут В. П.** Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. – М.: Яуза: Эксмо, 2007. – 560 с.
14. **Чернов А. В.** Вооружённые силы Русского государства в XVI–XVII вв. – М.: Воениздат, 1954. – 224 с.
15. **Юрасов А. В.** Великие Луки в XIII–XVII вв. История и топография средневекового города. – Псков: Возрождение, 1996. – 100 с.
16. **Скрылов А. И., Губарев Г. В.** Казачий словарь справочник. – М.: Созидание, 1992. – 960 с.

УДК 94(47+57)(571.5)
ББК 63.3(2)522(2РОС-4ЧИТ)
ББК ТЗ(2)522(2РОС-4ЧИТ)

*Татьяна Андреевна Константинова,
Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

**«Кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть Сибирью...»
(к 160-летию Айгунского договора с Китаем)**

В статье на основе материалов Государственного архива Забайкальского края, а также ранее опубликованных данных рассматривается деятельность генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва-Амурского по реформированию Восточной Сибири, созданию Забайкальской области, реализации амурской политики, заключению Айгунского договора. Показана его роль в создании Забайкальского казачьего войска. Ряд исторических фактов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, генерал-губернатор, Н. Н. Муравьёв-Амурский, амурская политика, Айгунский договор

**“Who will own the mouths of the Amur, he will own Siberia...”
(to the 160th anniversary Aigunskogo agreement with China)**

The article based on materials of the State Archve of Zabaykalsky Krai, as well as previously published data describes the activities of the Governor-General N. N. Muraviewa-Amurskogo reform in Eastern Siberia, the creation of the Zabaykalsky region, Amur policy implementation, Aigunskogo the conclusion of the contract. Shown its role in the creation of the Zabaykalsky Cossack army. A number of historical facts are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Eastern Siberia, Governor-General, N. N. Muraviev-Amursky, the Amur policy, the Treaty of Aigun

В Государственном архиве Забайкальского края хранятся сотни ценнейших документов с автографом генерал-губернатора и его соратников из ближайшего окружения, они убедительно свидетельствуют о деятельности Н. Н. Муравьева в Сибири...

Николай Николаевич Муравьев родился в 1809 году в дворянской семье. Его отец Николай Назарович Муравьев окончил горный кадетский корпус. Будучи губернатором Новгородской губернии, изучал древнюю историю Новгорода. Блестящие способности передались сыну, который окончил Пажеский корпус с золотой медалью. Служить начал в 17-летнем возрасте прапорщиком в лейб-гвардии Финляндского полка. Приобрёл боевой опыт во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, Кавказской кампании в 1840–1844 годах. В Польской кампании 1831–1833 годов приобрёл первый опыт военно-административной и дипломатической деятельности. В 35 лет вышел в отставку в чине генерал-майора, будучи кавалером шести орденов и золотого оружия с надписью «За храбрость». Вступив в должность тульского губернатора в 1846 году, обратился к Николаю I с предложением ликвидировать крепостное право «...не дожидаясь потрясений в государстве» [2, с. 17]. Император был настолько удивлён, что до конца жизни патронировал Н. Н. Муравьева, уважая его решительность и либеральные взгляды. В назначении 38-летнего чиновника на должность генерал-губернатора Восточной Сибири позиция Н. Н. Муравьева по вопросу ликвидации крепостного состояния имела для императора не последнее значение.

Главную задачу своей службы Н. Н. Муравьев видел в присоединении восточных территорий. Он успел обсудить эту идею с императором и получить его поддержку ещё до отъезда в Иркутск. Он гордился своей трудоспособностью и говорил: «...Бог дал мне

молодость... с молодостью сопряжена деятельность» [1, с. 271]. Первые пять лет в Сибири Н. Н. Муравьев знакомится с огромным краем, продумывает варианты присоединения восточных территорий, находит соратников активной амурской политики. Фактически он разрабатывает новую региональную программу. Проекты преобразований должны были внести существенные изменения в управление. Предшественники Н. Н. Муравьева предлагали увеличить численность забайкальских казаков на одну-две тысячи. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев перевёл в казачье сословие Нерчинских горнозаводских рабочих и крестьян и таким образом, увеличил численность войска до 23 тыс. чел. В 1851 году он создал грозную военную единицу в Восточной Сибири – Забайкальское казачье войско.

Тогда же была создана Забайкальская область, а Чита получила статус областного центра, Администрация области должна была мобильно решать все вопросы, связанные с амурской политикой. По инициативе Н. Н. Муравьева императором Николаем I были утверждены: новое территориально-административное устройство Восточной Сибири с выделением Забайкальской, Камчатской, Якутской областей, Кяхтинское градоначальство, учреждена Амурская экспедиция под руководством Г. И. Невельского, переданы Иркутский и Енисейский конные казачьи полки из гражданского в военное ведомство и др. Н. Н. Муравьев добился частичного подчинения почтового, горного, таможенного ведомств местным чиновникам. В штатном расписании Нерчинского горного округа первым теперь значился генерал-губернатор Восточной Сибири, затем – начальник Нерчинских горных заводов.

В экономической и социальной политике Н. Н. Муравьев выступал против кяхтинских торговцев, откупщиков и золотопромышлен-

ников. Он считал, что государство может и должно направлять и вмешиваться в деятельность «богатого промышленного торгового класса», защищать «низшие слои». В качестве примера можно рассказать о конфликте с купцами Кандинскими. Они давали в долг крестьянам деньги под высокие проценты, держали их в финансовой зависимости. Н. Н. Муравьев лично распорядился не платить долги свыше 10 р. 50 к., не оформленные документально, что фактически означало не платить долгов вообще.

Интересным было отношение Н. Н. Муравьева к разрешению функционирования частной золотопромышленности. Сам он считал, что правильнее было создать государственную золотопромышленную кампанию. Генерал-губернатор требовал «...иметь тщательнейшее наблюдение, ...чтоб на каждом действующем промысле существовали таксы на все, без исключения припасы и материалы, отпускаемые рабочим, чтобы цены не были для них обременительными, чтобы на промыслах не было предметов роскоши, ...чтоб сами хозяева по чувству человеколюбия к рабочим, зорко смотрели ...и не допускали произвольных цен на промышленные припасы и материалы» [3, л. 40–41об.]. Он старался предотвратить и пресечь все беспорядки и преступления, которые были обычными при роспуске рабочих с золотых промыслов, запрещал продажу спиртного вблизи приисков и дороги, по которой возвращались рабочие. Рабочих должны были сопровождать полицейские команды, Н. Н. Муравьев считал, что богатства от частной добычи золота должны распределяться в обществе более справедливо [14, с. 130–131]. Он считал необходимым, чтобы «...к курсу наук в Нерчинском окружном училище было присоединено большее развитие теоретического и опытного познания науки технологической, в такой степени, сколько потребуют интересы Кабинета Его Императорского Величества с изучением процесса добывания... ртути, серы, олова, каменного угля, минеральных красок...» [4, л. 208–209].

Генерал-губернатор умел видеть будущее, понимал, что не только серебро и золото будут основой горнорудной промышленности Забайкальской области. Н. Н. Муравьев предлагал превратить окружное горное училище в многопрофильное учебное заведение: учить фельдшеров и лекарских учеников, заниматься подготовкой «подлесничих куренных мастеров и подмастерьев». Особенно важно для горнорудной промышленности было наличие древесины, поскольку её использовали в больших количествах

в качестве топлива. Кабинет ЕИВ утвердил проект, но по финансовым причинам предложения не были реализованы [5, л. 31об.; 13, с. 122]. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев и сменивший его на этом посту М. С. Корсаков в период «великих реформ» смогли ликвидировать приписное состояние (близкое к крепостному) горнозаводских крестьян и перевести их в казачье сословие. В 1861 году в казачье сословие переведут и горнозаводских рабочих. Н. Н. Муравьев писал великому князю Константину Николаевичу: «Их участь – один из самых отвратительных видов крепостного состояния в России» [14, с. 134–135].

Величайшая заслуга Н. Н. Муравьева перед Отечеством состоит в том, что он сумел в короткий срок всего за 11 лет расширить на $\frac{1}{3}$ территорию России. Нерчинский коммерсант, мемуарист П. И. Пахолков вспоминал: «...Деятельность и преобразования его были поистине изумительны, он ломал и переменил всё до основания в Восточной Сибири: как Пётр Великий в России; это сравнение ни в шутку: ни одна отрасль, как в гражданском, так и в военном управлении, ни была им забыта; несмотря на то, что с 1854 года мысли его были устремлены на Амур...» [15, с. 287]. Первые сибирские годы – путём давления на сибирских чиновников, жёстких мер экономии средств, предназначенных для Восточной Сибири, пожертвований крупных золотопромышленников – позволили создать «капитал особых предприятий Восточной Сибири» [14, с. 153].

Политика фактической колонизации продумывалась самим генерал-губернатором, обсуждалась с сподвижниками. Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе П. В. Казакевич провёл гидрографические исследования на Ингоде и Шилке в 1851–1852 годах, успешно прошла экспедиция Г. И. Невельского. В Забайкалье передислоцированы линейные батальоны из Восточной Сибири, они строили большие плоты, сплавляли хлеб в Шилкинский завод, где были сконцентрированы все приготовления к сплаву. В январе 1854 года Н. Н. Муравьев получил инструкцию, на основании которой мог вступать в сношения с Пекинским Трибуналом, минуя Сенат и МИД, мог самостоятельно решать вопросы уточнения границы с Китаем. Несмотря на тщательную подготовку первого амурского сплава в 1854 году, подбор знающих людей, руководство и контроль со стороны Н. Н. Муравьева, путешествие было довольно сложным. Караваны барж, больших лодок (грузоподъёмностью 1500 пудов) в сопровождении небольших пароходов

отправились вниз по течению Амура. Вместе с ними отправлялись войска и переселенцы, взяв с собой скот, зерно для посева, муку, амуницию. Они прибывали, по воспоминаниям участника событий Н. А. фон Глена, в станцию Лоншакова, которая располагалась напротив Шилкинского завода. Из них 600 чел. были направлены в Сибирский флотский экипаж в Петропавловск, 200 чел. – в Ситху и в порт Ново-Архангельск под командованием майора М. С. Корсакова. С первым сплавом был отправлен горный дивизион под командованием капитана Кузьменко.

Вскоре прибыл и сам генерал-губернатор со свитой. Встреча была скромной, но проводы устроили торжественные. «Проводы организовали инженеры горнозаводского ведомства. Был обед, иллюминация, фейерверк. Пел замечательно хор из каторжан. ...На другой день был молебен перед образом Албазинской Божией Матери. После молебна по выстрелу пушки суда стали отчаливать...» [15, с. 132–133]. Впереди шла дежурная лодка. Сопровождал в плавании хор трубачей 15-го Иркутского конного полка. На выходе в воды Амура Муравьев поздравил казаков с вступлением в Амур. Прибывшие с первым сплавом войска были отправлены на Камчатку и приняли участие в героической обороне от англичан Петропавловска в 1854 году. Узнав о готовящемся реванше англо-французской эскадры в 1855 году, он приказал адмиралу Завойке «снять Петропавловский порт с его укреплениями, вооружить все суда, и не только военных, но и гражданских чинов с их семействами, ранней весной выйти и отправиться со всею эскадрою к устью Амура» [Там же, с. 74–75]. Б. В. Струве оценивает этот поступок так: «Это беспримерное в летописях нашей истории распоряжение спасло честь и славу нашего оружия и всю нашу эскадру и избавило нас от тысяч бесполезных жертв. Вечное русское спасибо Муравьеву-Амурскому!» [Там же].

Когда прибыли англичане и французы, порт был пуст. Для Муравьева, наверное, было важнее, опираясь на кавказский опыт, начать создавать цепь военных постов и станций – Амурскую линию. Осенью 1854 года началась работа по подготовке к новому сплаву. Н. Н. Муравьев отдал распоряжение военному губернатору Забайкальской области П. И. Запольскому: «Принимая во внимание, что экспедиция для сплава по р. Амуру в будущем году должна состояться от Шилкинского Завода непременно 1-го мая, к тому времени должны быть все суда готовы и нагружены и все грузы должны быть доставлены в Шилкинский Завод по зимнему ещё пути ...

езда по реке бывает безопасна только по 10-е апреля, а следовательно, тяжести до нагрузки на суда должны быть размещены в безопасном от огня и от подмочки месте, и так как своевременное и успешное исполнение этого дела сопряжено с весьма важными последствиями, а потому я признаю нужным командировать в Забайкальскую область ...подполковника Буссе для наблюдения... , я ему поручил закупить предметы для Амурской экспедиции [6, л. 124–125].

Подполковник Буссе в рапорте военному губернатору Забайкальской области сообщал, что он решил «...сверх пожертвованных 500 голов рогатого скота закупить ещё 300 штук, с тем чтобы весь пожертвованный скот назначить на посолку, ...вновь закупленный перегнать в возможной сохранности к Шилкинскому Заводу... В Верхнеудинском округе делаются в настоящее время закупы припасов и материалов, имеющих следовать в следующем году в устье Амура...» [Там же, л. 126–127]. Верхнеудинский земский исправник 23 ноября 1854 года доложил военному губернатору Забайкальской области: «...по возложенному на меня генерал-губернатором Восточной Сибири для Амурской экспедиции 1855 года заготавливается мной в Верхнеудинском округе 1500 полушубков, коровьего масла 600 пудов, свечей сальных 300 пудов, масла простого 200 пудов, горчицы китайской 10 пудов, конопляного масла две бочки, муки белой (крупчатки) 200 пудов, луку и чесноку 10 пудов, капусты кислой до 50 бочек, овсяной муки 5 пудов, такой же крупы 160 пудов, ячной 160 пудов... остальное количество масла коровьего 1500 пудов по затруднительному заготовлению в здешнем округе будет куплено в Томске, капусты кислой 50 бочек рассчитывается мною купить в Нерчинском округе. В окрестностях Шилкинского Завода там же будет закуплено 1000 пудов соли, 4 пуда уксуса, ...рукавиц, берёзовой смолы, клюквы и картофеля для госпиталя; сверх того заготавливаются 2000 пуда пеньки и других предметов в Иркутске, на помещение (размещение на плотках и лодках) коих тоже надо рассчитывать» [Там же, л. 148–148об.].

В следующем документе сообщается о пожертвовании бездетным и зажиточным крестьянином Гладковым 50 кобылиц в пользу амурских переселенцев [Там же, л. 135–138]. Н. Н. Муравьев в письме П. И. Запольскому от 29 ноября 1854 года сообщил, что из 50 семейств, избранных Запольским к переселению, он выбрал 22 семьи, а остальные поручил избрать чиновнику особых поручений М. С. Волконскому (сыну декабриста). Генерал-губернатор отметил: «...А как избранные

к переселению (в том числе пять семейств – 47 человек) из Иркутского округа последуют до пристани на р. Шилке на обывательских подводах, то Ваше превосходительство не оставите сделать зависящее распоряжение, как о приготовлении нужных для следования переселенцев, лошадей, так и о внушении жителям тех мест... , чтобы они оказывали возможное к успешнейшему следованию переселенцев, содействие» [6, л. 142–143].

В 1855 году переселили первые 50 крестьянских семей из Забайкальской области и Иркутской губернии. Исполняющий должность военного губернатора Забайкальской области М. С. Корсаков 20 мая 1856 года сообщил исполняющему должность Камчатского военного губернатора капитану I ранга Казакевичу «...об установке постов на протяжении левого берега р. Амура для склада и хранения продовольствия для... возвращающихся с устья р. Амур в течение сего лета разных частей войск». Далее М. С. Корсаков доложил, что первый пост размещён у устья р. Котаманды в 200 верстах от Усть-Стрелки; второй – против Комарского караула, третий – около устья р. Зеи, четвёртый предполагалось разместить в начале Хинганского хребта и пятый – около устья р. Сунгари. На каждом из постов было оставлено продовольствие на 2700 чел. на 10 дней. Начальником всех постов был назначен командующий 2-й конной бригады войсковой старшина Хилковский, местом его пребывания – главный пост около р. Зеи [7, л. 18–19об., 21–22об.].

Для охраны постов были оставлены казаки сводной Амурской сотни, главный пост дополнительно охраняли солдаты части Линейных батальонов. В 1857 году началось переселение казаков Забайкальского казачьего войска. Генерал-губернатор предписал оставить казаков на постах зимовать, открыть почтовое зимнее сообщение с устья р. Амур, оставить необходимое количество продовольствия на 10 месяцев [Там же, л. 107–107об.]. В Государственном архиве хранится уникальный комплекс документов – о наблюдении за китайцами, их поведением, настроением во время дислокации русских по Амуру. Записи достаточно подробны, легко представить повседневную жизнь и быт казаков, по фамилиям перечислены гости как с китайской, так и с русской стороны [Там же, л. 111–123]. Задание генерал-губернатора о необходимости владеть ситуацией выполнялось неукоснительно. Образ отца-командира запечатлён в воспоминаниях участников сплавов 1854, 1855, 1857, 1858 и 1859 годов. Очевидцы вспоминали о том, что он наставлял М. С. Корсакова – «...ночи

иди непременно с фонарями и приучись не спать, как я теперь: сплю три часа после обеда, а потом ложусь в четыре утра до девяти часов: ночью непременно должно наблюдать своим глазом» [15, с. 171].

В феврале 1858 года он пишет, что планируется переселить на Амур 500 пеших казаков и рекомендует военному губернатору поступать и распоряжаться, как опыт и обстоятельства потребуют [8, л. 72–72об.]. В тот же день – 15 февраля – военному губернатору Забайкальской области направлено «Расчисление о числе семейств, подлежащих к переселению из пеших батальонов Забайкальского казачьего войска на Амур в составе одной бригады (4000) и сверх того 400 семейств назначаются в запас» [Там же, л. 85]. Казачьи семьи были большими, и общее количество переселяемых людей могло достигать 40 000. Для сводного полубатальона было дано задание заготовить леса на 900 полных дач, по 300 дач в каждой бригаде, муки на один год, сухарей и мяса сухого или солёного на два месяца, крупы на 14 месяцев и мяса (скот) в живом виде на один год. Также было поручено заготовить «семянный хлеб», то есть привезти семена для будущих посевов. Для передвижения сводного полубатальона на р. Аргунь подготовили 2 баржи, 58 паромов и лодок и часть сплавных средств построили на р. Шилке [Там же, л. 83–84об.]. В письме военному губернатору Забайкальской области Н. Н. Муравьев определил каждому из четырёх пеших казачьих батальонов точное место поселения, расстояние между посёлками было от 125 вёрст [Там же, л. 87–89]. В сентябре 1858 года военный губернатор и наказной атаман М. С. Корсаков получили рапорт и списки казаков Амурского пешего полубатальона, размещённых по станицам. Есаул Пузино сообщил, что в 15 новых станицах несут службу 358 казаков [Там же, л. 293–302об.]. Переселённые казаки выращивали хлеб и одновременно несли пограничную службу.

Апогеем Амурской политики был заключённый с Китаем 16 мая 1858 года Айгунский договор. Н. Н. Муравьев со свитой прибыл в Усть-Зейский пост, устроенный напротив Айгуна, где был встречен китайцами с большим почётом и немедленно начал переговоры с представителями пекинского правительства. Решительный тон генерал-губернатора привёл к быстрому подписанию договора. В государственном архиве хранится лаконичный документ – приказ по станице Благовещенской от мая 21 дня 1858 года: «Генерал-губернатор Восточной Сибири Господин Генерал Адъютант Муравьев по случаю за-

ключения договора с Амурским Главнокомандующим Дзяндзюном И-Шань о присоединении к России левого берега Амура, 18 мая сего года, после совершения в ст. Благовещенской благодарственного молебствия изволил отдать следующий приказ: «Товарищи! Поздравляю Вас, не тщетно трудились мы, – Амур сделался достоянием России, святая церковь молится за нас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр и процветает под кровом его вновь приобретённая страна – Ура!»». В тот же день был издан ещё один приказ – «По случаю заложения храма во имя Благовещения Господня в Усть-Зейской станице Его Высокопревосходительство Господин генерал-губернатор изволил переименовать оную в станицу Благовещенскую» [9, л. 1–1об., 4–4об.].

В этом деле хранится рапорт М. С. Корсакова Н. Н. Муравьёву о том, что богдыхан утвердил договор, заключённый 16 мая с князем И-Шанем, и приказал маньчжур, живущих на левом берегу Амура от устья р. Зеи и ниже переселить в будущем году на правый берег Амура [Там же, л. 2–3]. Полный текст Айгунского договора также хранится в фондах Государственного архива [10]. Очень важно, что Н. Н. Муравьёв успел продумать и политику колонизации восточных территорий. Он разработал «Правила для переселения в Приамурский край» и предложил переселять лиц свободных состояний по желанию. Генерал-губернатор предлагал, что люди, не

имеющие паспорта, даже крепостные, вступив на новую землю, становятся свободными. Фактически он предложил легализовать старинную практику, когда сибирская администрация способствовала беглым крестьянам заселять суровый, необжитый край. Установление частной земельной собственности позволило бы очень быстро заселить край трудоспособными и трудолюбивыми людьми. В документе – Уставе Амурской кампании – есть обращение иркутского купца А. В. Белоголового к военному губернатору Забайкальской области М. С. Корсакову о наделении землёй в 1858 году для строительства торговых зданий, складов для нужд Амурской кампании, о строительстве зданий, гавани в Благовещенске, Софийске, Хабаровске [11, л. 1, 25–25об., 37–39].

Из всех своих наград Муравьёв больше всего ценил орден Св. Георгия 4-го класса и графский титул с почётной приставкой к фамилии – Амурский. Один из первых автографов графа Н. Н. Муравьёва-Амурского украшает документ от 17 января 1859 года [12, л. 150]. Наиболее правильным является мнение служившего под его началом Б. В. Струве: «...все недостатки и слабости Муравьёва меркнут перед его пронизательным административным умом и его светлым взглядом на государственные вопросы, перед его последовательностью в их разрешении и перед его геройской решимостью в случае надобности...» [15, с. 74].

Источники и литература

1. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. – Хабаровск: РИОТИП, 2008. – Т. 1. – 672 с.
2. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. – Хабаровск: РИОТИП, 2009. – Т. 2. – 465 с.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1. – Оп. 1 (общ.). – Д. 340.
4. ГАЗК. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 45.
5. ГАЗК. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 33.
6. ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1 (общ.). – Д. 15859.
7. ГАЗК. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 39.
8. ГАЗК. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 118.
9. ГАЗК. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 170.
10. ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1 (общ.). – Д. 487.
11. ГАЗК. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 226.
12. ГАЗК. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 139.
13. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 2010. – 166 с.
14. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.
15. Матханова Н. П. Граф Н. Н. Муравьёв-Амурский в воспоминаниях современников / отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998. – 409 с.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2РОС-4ЧИТ)52

*Мария Геннадьевна Уханаева,
Харацайская средняя школа,
с. Харацай, Республика Бурятия, Россия*

Выпускник Харацайского церковно-приходского училища – первый бурятский учёный Доржи Банзаров

В статье исследуются начальные этапы биографии первого европейски образованного бурятского учёного Доржи Банзарова, выходца из бурятских казаков Первого отделения Забайкальского казачьего войска. Подробно описаны условия для получения первого начального образования в Харацайском церковно-приходском училище. Этот немаловажный факт слабо освещён в существующей биографии Банзарова. Работы по исследованию архивных материалов данного периода обучения продолжаются.

Ключевые слова: бурятское казачество Забайкалья, Атамано-Николаевская станица, Харацайское церковно-приходское училище, российское образование начала XIX века, первый бурятский учёный Доржи Банзаров, монголоведческие труды

*Mariya G. Ukhanaeva,
Kharatsai Secondary School,
Kharatsai, Republic of Buryatia, Russia*

Graduate of the Haratsai parish school – first buryat scientist Dorji Banzarov

The article examines the initial stages of the biography of the first European-educated Buryat scientist Dorji Banzarov, a native of the Buryat Cossacks of the First Department of the Zabaykalsky Cossack army. Details are explored of the conditions for obtaining the first primary education in the Kharatsa parish school. This important fact is not sufficiently covered in the existing biography of Banzarov. Work on the study of archival materials of this period of study is continuing.

Keywords: Buryat Cossacks of Transbaikalia, Ataman-Nikolaevskaya stanitsa, Kharatsai parish school, Russian education of the beginning of the XIX century, the first Buryat scientist Dorji Banzarov, Mongolian works

В начале XIX столетия первым бурятским учёным, получившим высшее образование западного образца, был Доржи Банзаров.

Доржи Банзаров родился в 1822 году в Ичетуйской долине, в семье бурятских пограничных казаков. Его отец – отставной пятидесятник Ашебагатского казачьего полка Банзар Борхонов проживал в урочище Нижний Ичетуй. Кроме Доржи в семье было ещё четыре сына – Лочон, Дзондуй, Бадма и Харагшан. Отец, Банзар Борхонов, был урядником-пятидесятником (офицером) Ашебагатского полка, исповедовал буддийскую веру. Буряты-казаки были приписаны и несли службу в Атамано-Николаевской (Харацайской) станице, которая входила в 1-е Военное отделение Забайкальского казачьего войска. Центр отдела находился в г. Троицкосавске (ныне г. Кяхта).

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона дано следующее описание Харацайской станицы: «Харацайская станица, именуемая ныне Атамано-Николаев-

ской – в Троицкосавском округе Забайкальской области, по среднему течению реки Джиды. В состав Х. станицы входят посёлки: Атамано-Николаевский, Хулдатский, Нарын-Горохонский, Укыр-Челонский, Капчеронский и Алсакский; в первых 5 посёлках преобладающим населением являются русские казаки, последний же населён исключительно казаками инородцами (бурятами). Всего в Х. станице числилось в 1897 году 344 хозяйства коренных жителей с населением в 1987 душ об. пола. Главное занятие казаков Х. станицы – хлебопашество. Сеют преимущественно овёс, ярицу и яровую пшеницу. Помимо хлебопашества жители Х. станицы занимаются скотоводством. Всего в Х. станице насчитывалось в 1897 г. лошадей 2023, рогат. скота 3104, овец 2934, коз 972 и свиней 450. Развита ремёсла и извоз, доставка товаров (главным образом, чая, хлеба и кож) из Кяхты в Мысовую и Иркутск, а на обратном пути перевозка товаров, идущих из России в Троицкосавск и Кяхту» [8].

Таким образом, Харацайская станица была важной единицей в забайкальском приграничье, о чём говорит и тот факт, что в 1832 году в ней работало церковно-приходское училище при Харацайской Вознесенской церкви [6].

В 1822 году 22 марта был утверждён и получил статус закона «Устав об управлении инородцев» по реформе Сперанского. Основным автором был С. А. Батеньков. По «Уставу» коренные народы были поделены на оседлых, коренных и бродячих. Именно этот «Устав» наделил правом ясачных людей отдавать своих детей в государственные учебные заведения, а также и церковные (церковно-приходские школы и училища).

Благодаря всем этим сложившимся обстоятельствам – близкому расположению к церковному училищу в Атамано-Николаевской станице и официальному разрешению обучения инородцев – родители будущего учёного решили обучить Доржи русской грамоте. Всего за один год смыслённый мальчик окончил трёхклассное Харацайское приходское училище.

В 1828 году в царствование Николая I был принят новый «Устав гимназий и училищ». Положительными моментами в новом «Уставе» были: увеличение сроков обучения – курс обучения в уездных училищах возрастал до трёх лет, а в гимназиях – до семи, увеличение окладов содержания и улучшение положения о пенсиях для учителей. Намечаются и серьёзные отступления от принципов, заложенных в 1786–1804 годы. Известный деятель того времени адмирал А. С. Шишков указывает: «Приходские училища должны у нас существовать преимущественно для крестьян, мещан и промышленников низших классов. Уездные – для купечества, обер-офицерских детей и дворян, не лишая, впрочем, права учиться в них и людей низшего звания, особенно приготавлиющихся в университеты или в учёное звание». Иными словами, образование становится сословным.

Таким образом, мальчик Доржи Банзаров, происходив из казачьего сословия, имел право обучаться в церковно-приходской школе. Мы считаем, что это было отправной точкой отсчёта в дальнейшем блестящем образовании учёного.

В каждом церковно-приходском училище за 3 года обучения читались курсы Закона Божиего, священная история, русская грамматика, чистописание [7]. Всё это было освоено обучающимся Банзаровым за короткое время – один год, что говорит о его даровитости, а также положительно влияющей русско-говорящей среде в станице.

Этот немаловажный факт, а именно – начальное обучение будущего учёного в Атамано-Николаевской станице, слабо освещён, а иногда и совсем не упоминается в биографии Банзарова [4].

В сентябре 1833 года мальчика отдали в Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу. В 1835 году по ходатайству тайши Селенгинской степной думы Банзаров в числе четырёх бурятских мальчиков был направлен на учёбу в 1-ю Казанскую гимназию. Именно за период учёбы в гимназии он кроме родного и русского в совершенстве овладел монгольским, маньчжурским, французским, калмыцким, тибетским и немецким языками. Хорошо разбирался в латинском, тюркском и английском. В 1842 году совет гимназии за отличные успехи в учёбе наградил Банзарова золотой медалью.

После окончания гимназии, в том же 1842 году, Банзаров поступил на восточное отделение философского факультета Казанского университета. Университет открыл Банзарову мир науки. Здесь в течение пяти лет он формировался как учёный: написал для своих соплеменников «Всеобщую географию» и «Грамматику монгольского языка»; перевёл с французского на монгольский «Странствования китайского буддиста IV в. по имени Фа-сян», с маньчжурского – «Путешествие Тулишена Аюб хану». Первые публикации молодого ориенталиста были восторженно встречены в кругах востоковедов. Его статья «Белый месяц. Празднование Нового года у монголов» была опубликована в «Казанских губернских ведомостях».

В 1846 году Доржи окончил университет, защитил диссертацию «Чёрная вера, или Шаманство у монголов». Кроме этого, составил «Маньчжурско-русско-монгольский словарь» (рукопись хранится в Восточной библиотеке ЛГУ). Особое место в научных трудах занимает исследование такого памятника, как «Чингисов камень». Памятник древнемонгольской письменности представляет собой плоскую гранитную плиту, её нашли на берегу реки Кыркыра – одного из притоков Амура. В настоящее время «Чингисов камень» находится в Эрмитаже.

Окончив Казанский университет со степенью кандидата, Банзаров по Высочайшему повелению в августе 1849 года получил разрешение поступить на службу в Восточной Сибири с преимуществами, полагавшимися при учёной степени. На основании данного разрешения генерал-губернатор Восточной Сибири определил Банзарова на должность чиновника особых поручений ГУВС и произвёл в чин коллежского секретаря.

12 апреля 1850 года, после 15-летнего пребывания в Европейской России, Доржи Банзаров выехал в родные края. Сорочичами приезд земляка – большого учёного – был встречен как великий праздник. Его чествовали в каждом улусе. К сожалению, отец, уже бывший урядник Банзаров, умер и не мог порадоваться успехам сына. Вернувшись в Иркутск, Доржи Банзаров получил должность титулярного советника. В это время он занимался расследованием серьёзных дел, связанных с махинациями нойонов, лам, чиновников, и привлекал их к ответственности. Но, несмотря на занятость служебными делами, находил возможность для научных занятий. В этот период учёный выполнил ряд работ: внёс исправления на географические карты, совершил поездки в Тункинский край для исследования происхождения сойотов и их соседей урянхайцев (тувинцев), открыл место рождения Чингисхана в пределах России, перевёл с монгольского «Путешествия Зая-Хамбы в Тибет». В 1851 году был избран членом-корреспондентом Сибирского отдела Русского географического общества [5].

Короткая жизнь не позволила в полной мере раскрыться таланту Банзарова. Он умер 27 февраля 1855 года в Иркутске. Соответствующая запись имеется в «Иркутской летописи 1661–1940 гг.».

Первый бурятский учёный Доржи Банзаров оставил нам и свои оригинальные по содержанию обширные по тематике научные труды по востоковедению. Прежде всего, глубокий след в памяти народа, который бережно хранит память о своём славном сыне, создавая о нём легенды, сказания, песни. Мы

считаем, что материал о Доржи Банзарове является историческим свидетельством того, что этот одарённый человек происходил из забайкальского казачьего сословия.

К научным трудам Доржи Банзарова и сегодня обращаются многие учёные – не только отечественные, но и зарубежные. Его именем названа улица в родном улусе.

В 1947 году именем Доржи Банзарова назван Бурятский педагогический институт, ныне – Бурятский государственный университет. В 1957 году перед зданием института был установлен памятник работы скульпторов А. Р. Вампилова и А. И. Тимина. Именем Доржи Банзарова названы улицы в городах: Улан-Удэ, Иркутск, Кяхта и Казань, селе Кырен (районном центре Тункинского района Республики Бурятия). В год 170-летия, в 1992 году, по инициативе председателя колхоза имени XX партсъезда В. Д. Будаева был установлен памятный камень недалеко от родового гнезда Доржи Банзарова.

В декабре 2007 года администрация Джидинского района учредила премию имени Доржи Банзарова для особо одарённых, талантливых учащихся района, добившихся высоких результатов в различных областях деятельности. Позднее, 24 января 2008 года, постановлением правительства Республики Бурятия имя Доржи Банзарова присвоено Нижне-Ичетуйской средней общеобразовательной школе Джидинского района. 11 июня 2010 года в рамках празднования 75-летия Джидинского района на месте родовой усадьбы первого бурятского учёного установлен памятник работы скульптора Геннадия Васильева.

Источники и литература

1. **Байкал-инфо** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baikal-info.ru/banzarov-dorzhi-pervyy-buryatskiy-uchenyu> (дата обращения: 30.01.2018).
2. **Высотина Е. А.** Забайкальское казачье войско в военной истории России и его атаманы. – Улан-Удэ: Весть, 2013. – 244 с.
3. **История Бурятии с древнейших времён до начала XX века.** – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. – Ч. 1. – 163 с.
4. **Иркeпeдия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.irkipedia.ru/content/banzarov_dorzhi_banzarovich (дата обращения: 30.01.2018).
5. **Ким Н. В.** Доржи Банзаров. (Биографический очерк). – Улан-Удэ: Сибирь, 1992. – 136 с.
6. **Сайт Джидинского района Республики Бурятия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dzhida.ru/dorzhi-banzarov-pervyj-buryatskiy-uchyonuj> (дата обращения: 30.01.2018).
7. **Цыдыпова Ю. В.** Некоторые аспекты развития и становления школьного образования в Верхнеудинске. – Улан-Удэ: Вехи истории, 2014. – 83 с.
8. **Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.** – Репр. изд. – СПб., 1907.

УДК 94(47+57)(571.63)
ББК ТЗ(2)52(2РОС-4ПРИ)-283.31

Юлия Викторовна Аргудяева,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия

Семья и семейный быт уссурийских казаков

В статье говорится о составе дальневосточного казачества, в основе которого – забайкальские казаки с русско-украинским и бурятско-тунгусским культурным компонентом. Отмечается влияние администрирования на расселение забайкальского казачества на Амуре и Уссуре, определяется характер государственной поддержки переселенческой политики во второй половине XIX века. Указывается численность переселенцев, количество образованных ими станиц и посёлков, выявляются особенности их адаптации, регламентации браков, некоторые черты быта, поведения в семье, а также соблюдение народного календаря.

Ключевые слова: дальневосточное казачество, забайкальские казаки, переселенцы, адаптация, станицы, посёлки, семья, быт, народный календарь

Julia V. Argudyaeva,
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of Peoples of Far East Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia

Family and family life of the Ussuri Cossacks

The article deals with the composition of the far Eastern Cossacks, which is based on the Zabaikal Cossacks with the Russian-Ukrainian and Buryat-Tungus cultural component. It is noted the influence of the administration on the settlement of the Zabaikal Cossacks on the Amur and Ussuri, is determined by the nature of state support for resettlement policy in the second half of the nineteenth century. Indicated the number of immigrants, the number of formed their villages and towns, identifies the characteristics of adaptation, the regulation of marriages, some features of everyday life, behavior in the family, and observance of national calendar.

Keywords: far East Cossacks, Zabaikal Cossacks, immigrants, adaptation, villages, settlements, family, life, national calendar

Семья и семейный быт уссурийских казаков с одной стороны отражали особенности формирования этого слоя дальневосточного населения, с другой – транслировали народные традиции территорий выхода и в целом русской культуры в Дальневосточный регион.

С освоением приамурских земель в середине XIX века казаками в составе Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) из его же состава было сформировано дальневосточное казачество – Амурское (АКВ, 1858 г.) и Уссурийское (УКВ, 1889 г.) казачьи войска. Амурские казаки заняли территорию по левобережью р. Амур, уссурийские – правобережье р. Уссури, побережье оз. Ханка и далее на юг до границы с Кореей. Таким образом, основной состав Амурского и Уссурийского казачьих войска второй половины XIX века – забайкальские казаки.

В конце XIX – начале XX века на Дальний Восток, преимущественно в УКВ, прибыли группы терских, оренбургских, кубанских, донских казаков. Переселенческая политика в отношении казаков, проходившая планомерно-принудительными мерами, дала гетерогенный этносоциальный состав дальневосточного казачества. Основу его составлял восточнославянский, преимущественно русско-украинский пласт, куда входили переселенцы из Забайкальского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Донского войска, сложных, в свою очередь, по этническому составу. Выходцы из Забайкалья принесли и бурятско-тунгусский компонент, поскольку забайкальские казаки – потомки русских казаков XVII века, бравших в жёны бурятских и эвенкийских женщин. Однако, как и забайкальские, амурские и уссурийские казаки считали себя русскими. Разнородный социальный состав дальневосточ-

ного казачества сформировался в результате причисления к казачьему сословию крестьян и штрафованных солдат – выходцев из разных губерний России.

В 60–90-х годах XIX века система жизнеобеспечения уссурийского казачества представляла собой комплекс, сложившийся под влиянием определённых геополитических, природно-экологических, экономических, демографических факторов, ставших основными условиями для формирования хозяйственного и семейно-бытового потенциала этой части населения на востоке России. Особенно сложной была ситуация у первых групп казаков-переселенцев, прибывших на Уссури из Забайкалья. Казаки могли создавать свои поселения только в местах, обозначенных начальством, которое руководствовалось административной необходимостью устраивать казачьи посёлки и станицы на расстоянии почтового перегона. Пригодность выбранного места для организации казачьего поселения (наличие вблизи строевого леса, лугов для пастбищ, свободных от кустарников земель, периодичность затопления этих мест во время частых наводнений, возможность транспортного сообщения и др.) не учитывалась. Запланированного на добровольной основе переселения забайкальских казаков не получилось, их пришлось назначать по жребию. Замена вытянувшего жребий другим казаком, который должен был быть непременно женатым и иметь крепкое здоровье, привела к тому, что на Амур и Уссури пошли преимущественно бедные казаки, получившие определённую плату от зажиточного казака, не пожелавшего после жеребьёвки идти «на Амур».

Переселение осуществлялось на государственный счёт (строительство транспортных средств – барж, плашкоутов, плотов; выдача пособия и провианта до первого сбора самостоятельно выращенного урожая: мясо, мука, крупа и др.; снабжение лошадьми и хозяйственными орудиями). Но у переселенцев было ещё много личных и хозяйственных вещей, необходимых в повседневном быту (одежда, обувь, утварь, хозяйственный инвентарь и др.). Если их вес превышал размеры веса груза, разрешённого переправлять за счёт казны, то эту часть хозяйственного скарба можно было переправлять только на плавсредствах, построенных за свой счёт. К тому же размеры и этой доли имущества были ограничены, в результате чего хозяин-казак вынужден был значительную часть предметов хозяйствования и обихода оставить родственникам или обществу. На первом этапе переселения забайкальских казаков и приписанных к ним штрафованных солдат на Амур

и Уссури (1855–1862) туда прибыло 16,4 тыс. чел., основавших 96 станиц и посёлков, в том числе 29 – на берегах р. Уссури [2, с. 59]. Из этой части населения сформировалось АКВ, из которого в 1879 году выделилось, после переселения части казаков с р. Уссури в Южно-Уссурийский край, УКВ.

Особенно сложной была адаптация первых переселенческих групп казаков на Уссури, где природно-климатические условия значительно отличались от природы «материнской» территории. Частые наводнения, обилие насекомых, донимавших людей и домашний скот; ручная раскорчёвка земли под пашни; плохое транспортное сообщение и снабжение необходимыми в хозяйстве товарами; скученность в первых жилищах, тяжёлый труд, постоянный голод, болезни, отсутствие медицинского обслуживания отрицательно повлияли на хозяйственно-бытовой и демографический потенциал казачества [6, л. 17, 124, 130, 133, 135, 137, 139, 145, 155, 161, 167, 172, 206, 209]. Основной контингент переселявшихся забайкальских казаков представлял собой нуклеарные (малые) семьи, состоявшие из родителей и детей. Это в основном были служилые казаки, в сравнительно молодом или среднем возрасте. Семьи со стариками-родителями или одним из них, а также семьи с младшими братьями или сёстрами составляли примерно треть переселявшегося контингента. Совсем немного было больших неразделённых – «отцовских» (родители с двумя и более женатыми сыновьями, младшими детьми и внуками) и «братских» (два женатых брата с детьми) семей. Уровень детности был традиционным – у 35–37-летних супругов было по 3–4 ребёнка, у 40–42-летних – 6–8.

Образование казачьих семей в новом регионе первоначально сталкивалось с определёнными трудностями. Для Дальнего Востока, как и для других осваиваемых районов, был характерен дефицит женщин. Не избежала этой ситуации и казачья среда. Это было связано с целым рядом причин и прежде всего – с необходимостью осваивать неразработанные земли, что преимущественно выполнял мужской контингент. Поэтому в Дальневосточный регион старались отправить семьи, где было более одного мужчины-работника. Преобладание мужчин в казачьей среде было отмечено даже спустя несколько десятилетий после водворения на Дальнем Востоке. Так, по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 года, женщины среди казаков Приморской области (уссурийские казаки) составляли 44,2 % (5200 чел. на 11 763 чел. казачьего сословия) [4, с. 40–42].

Дефицит женщин оказывал негативное влияние на численный состав и структуру семей. Если назначенные на переселение казаки молодого и среднего возраста отправлялись на восток России с жёнами (это было непереносимое условие переселения), то их отцы, находясь ещё в репродуктивном возрасте, нередко были вдовцами, и найти себе брачную пару им было проблематично. Сказывалась здесь и сословная корпоративность – казаки редко брали в жёны крестьянок. Если не удавалось жениться на казачке, крестьянке предпочитали мещанку. Крестьянки также, в силу указанных причин, не желали выходить замуж за казаков. Да и у самих крестьян-дальневосточников продолжительное время был дефицит женщин, который царское правительство пыталось разрешить в 90-е годы XIX века за счёт бесплатной отправки в Дальневосточный регион нескольких сотен лиц женского пола [7, л. 134, 137, 139, 191, 194, 203, 233, 237, 249].

Постепенно ситуация менялась, дети подрастали, вступали в брачный возраст (девушки с 16 лет, юноши – с 18), и браков становилось всё больше. Правда, венчание браков регламентировалось Сводом законов Российской империи и церковью. Последняя не разрешала венчать браки в определённые дни календарного года, в том числе во время постов, субботы, накануне церковных праздников и в некоторые другие дни. Были и абсолютные запреты на вступление в брак с лицами, состоявшими в 4–5 степенях кровного родства, а также в духовном родстве. Были и свои особенности в брачном поведении казаков, связанные с их службой. Каждый казак по достижении 18-летнего возраста зачислялся в приготовительный разряд (на 3 года); по достижении 21 года – в строевой разряд и поступал на действительную службу (на 3,5 года); в возрасте 25 лет казаки увольнялись на льготу; в 33-летнем возрасте они зачислялись в запас; по достижении 38 лет увольнялись в отставку.

Из-за регламентации служебной деятельности молодые казаки оказывались в сложной ситуации. Если казак вступал в брак, находясь на действительной службе, то должен был получить разрешение у войскового атамана. Вступление в брак до прохождения действительной военной службы не приветствовалось. Казак должен был сразу оставить молодую жену в чужой для неё семье, которая использовала её, прежде всего, как рабочую силу. Поэтому нередко создавалась конфликтная ситуация. Часто её итогом было возвращение молодой замужней казачки в родительскую семью или её уход

на заработки. Правда, в Дальневосточном регионе, при дефиците женщин и практического отсутствия традиции зарабатывать на стороне, казачки на заработки не уходили. Это, скорее, было характерно для казаков европейской части России. И именно там был поднят вопрос о запрещении молодым казакам вступать в брак до окончания действительной службы [1, с. 348]. Однако на уровне войскового начальства Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск этот вопрос рассматривался, так как случаи ухода в родительскую семью молодых казачьих жён на Дальнем Востоке были. И это в итоге нередко приводило к распаду семьи.

Менталитет дальневосточного казака в вопросах брака практически не отличался от менталитета российского сельского жителя. Он складывался долго и проявился на Дальнем Востоке вместе с другими традициями казачьей жизни, связанными с хозяйственно-бытовым укладом, материальной и духовной культурой. Традиционные взгляды сельского населения, в том числе казаков, на брак, семью, детей отражали не только этические нормы и нормы обычного права, но и ряд социально-экономических факторов, среди которых важнейшими были следующие: невозможность существования сельского хозяйства вне семьи; высокие рождаемость и детская смертность; необеспеченность общиной и государством старости родителей; религиозный характер повседневных норм поведения и др. В совокупности эти взгляды образовали социально-психологическую модель демографического поведения казаков и крестьян, которое имело такие основные составляющие, как брак, рождаемость, вдовство, развод, повторный брак и др.

Вместе с тем, характер установок на брак, семью, брачное и репродуктивное поведение тесно связан с социально-экономическими особенностями тех или иных регионов на определённом этапе их развития. В этом отношении семейный быт на первом этапе освоения казаками дальневосточных земель, связанный, как было уже сказано, с большими трудностями, характеризовался некоторыми современниками негативно. Так, известный путешественник Н. М. Пржевальский, посетивший уссурийских казаков в 60-е годы XIX века и считавший основной причиной «крайней деморализации» казачьего населения в этот период нищету, писал: «Мужья торгуют своими жёнами, матери – дочерьми и делают это, не задумываясь, часто публично, без всякого зазрения совести» [5, с. 58]. Сообщил он и о неприглядных сценах, которые имели место на зимних вечерах

[5, с. 59]. Но не только сложное материальное положение казаков обуславливало их девиантное поведение. Большое значение имел их социальный и служебно-подчинённый статус. Командиры рядовых казаков нередко были холостыми или находились по службе определённое время далеко от своей семьи. Они вмешивались не только в хозяйственную деятельность основной массы подчинённых им казаков, но и в их семейный быт. Заводили себе любовниц из числа казачьих жён и дочерей или заставляли последних непременно посещать (не без далеко идущего умысла) различные увеселительные «вечера» и в случае невыполнения такого указания отцами и мужьями казачек наказывали казаков [3, с. 400]. В более поздние годы, когда жизнь казаков на Дальнем Востоке более или менее наладилась, такой особенности семейного быта среди дальневосточных казаков не наблюдалось.

Непременной составной частью казачьего семейного быта были различные празднества в рамках народного календаря. Особенно весёлыми были зимние праздники. В эти дни семейные пары непременно посещали друг друга. Помимо взаимных визитов устраивали бега на лошадях; семейные казаки

катали в санях на парах и тройках лошадей своих жён и родственниц. Для молодых казаков и девушек устраивали на скате речного берега нечто вроде горы, с которой казачки и скатывались на бычьих кожах к реке. Девушки на Святки, под Рождество и Новый год гадали о своей будущей семейной жизни, используя разнообразные способы гадания. Молодые казаки в зимние праздники «маскировались» (маскировались – *авт.*), переодевались в другую одежду и ходили по домам. На Пасху казаки соревновались на скачках, для мужчин и женщин устраивали качели, водили хороводы, играли в различные игры. Одним из любимых видов развлечений были вечерки. На них обычно собиралась только молодёжь, откупив избу у какой-либо вдовы, но были вечерки, на которые приходили и семейные пары. Для вечеров были характерны общая весёлая настроенность, различные танцы («барыня», «молодчик», «закаблан», «кадриль» и др.), совместное пение, прежде всего, так называемых «поцелуйных» песен, то есть песен, заканчивавшихся поцелуями.

Таковы в самых общих чертах особенности семейного быта уссурийских казаков в первый период их пребывания на восточных окраинах России.

Источники и литература

1. **Вестник казачьих войск.** – 1901. – № 21.
2. **Кабузан В. М.** Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): ист.-демограф. очерк. – М.: Наука, 1985. – 260 с.
3. **Муров Г. Т.** По русскому Дальнему Востоку: люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1911. – Т. 2. – 479 с.
4. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года.** Приморская область. Тетрадь 1. – СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1899. – Т. 76. – 360 с.
5. **Пржевальский Н. М.** Путешествие в Уссурийский край. 1867–1869 гг. – СПб., 1870. – 364 с.
6. **РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив).** – Ф. 1582. – Оп. 8. – Д. 25.
7. **РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока).** – Ф. 702. – Оп. 5. – Д. 526.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2РОС-4ЧИТ)

Олег Юрьевич Черенщиков,
Кокуйская СОШ № 2,
пос. Кокуй, Забайкальский край, Россия
Елена Серафимовна Черенщикова,
Кокуйская СОШ № 2,
пос. Кокуй, Забайкальский край, Россия
Роман Вадимович Граселиус,
Сретенский дом детского творчества,
г. Сретенск, Забайкальский край, Россия

Казачьи военно-речные флотилии востока России в конце XIX – начале XX века

В статье на основе ранее опубликованных материалов освещены эпизоды создания и функционирования казачьих военно-речных флотилий на реках Амур и Уссури в конце XIX – начале XX века, а также формирования и деятельности временных военно-речных сил на Шилке во время Гражданской войны. Систематизирована и проанализирована история введения в строй особенно заметных пароходов, показано их участие в политических и приграничных событиях начала XX века на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: казачье войско, флотилия, пароходы, паровой катер, Амур, Уссури, Шилка, генерал-лейтенант С. М. Духовской, Д. А. Лухманов, Амурское речное пароходство

Oleg Yu. Cherenschikov,
Kokuiskaya secondary school № 2,
Kokuy, Zabaikalsky Krai, Russia
Elena S. Cherenschikova,
Kokuiskaya secondary school № 2,
Kokuy, Zabaikalsky Krai, Russia
Roman V. Graselius,
Sretensky Children's Art Centre,
Sretensk, Zabaikalsky Krai, Russia

Cossack military river flotilla of the east of Russia in the late XIX – early XX centuries

In article on the basis of previously published materials lit scenes the establishment and functioning of Cossack military of river fleets on the rivers Amur and Ussuri in the late XIX – early XX centuries, as well as the formation and activities of the temporary military forces in the river Shilka during the Civil war. Analyzed and systematized the history of commissioning remarkable ships, showing their participation in political and cross-border events of the early twentieth century in the Far East.

Keywords: Cossack army, fleet, ships, steam boat, Amur, Ussuri, Shilka, Lieutenant-General S. M. Dukhovskoi, D. A. Luhmanov, Amur river shipping company

В конце XIX – начале XX века некоторые казачьи войска Военного ведомства Российской империи стали обзаводиться собственными паровыми и самоходными судами. Небольшие по численности речные флотилии сформировали Донское казачье войско (пароходы «Казак» и «Казачка»), Уральское казачье войско («Уралец» и «Уралка», причём последнее название носили два последовательно сменяющих друг друга парохода), один паровой катер имело Кубанское казачье

войско. В предлагаемой работе рассмотрены некоторые вопросы создания Амуро-Уссурийской казачьей флотилии и истории её кораблей, а также эпизод формирования и деятельности временных военно-речных сил на Шилке во время Гражданской войны.

Инициатором создания казачьей флотилии на Дальнем Востоке стал генерал-лейтенант С. М. Духовской. В 1893–1898 годах он занимал пост Приамурского генерал-губернатора и командующего Приамурским

военным округом, одновременно являясь наказным атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск. По его настоянию в 1895 году Военное министерство выделило 135 000 р. на приобретение судов для казачьих войск. На эту сумму были куплены старый пароход «Сунгача», переименованный в «Казак Уссурийский», баржа «Лена» и заказаны два новых парохода, которые должны были войти в строй в 1897 году. При этом «Казак Уссурийский» и «Лена» были зачислены в имущество Уссурийского казачьего войска (УКВ) и приступили к службе в 1895 году.

В октябре 1896 года Военным ведомством был выработан проект Положения об Амуро-Уссурийской казачьей флотилии (АУКФ) и утверждены штаты на экипажи судов, вводимые с 1 января 1897 года. В Положении предусматривались задачи флотилии: в мирное время – наблюдение за водной пограничной линией, перевозка казённых грузов и войск по заданию Военного ведомства, а в случае войны – патрулирование и ведение боевых действий. Для последнего пароходам необходимо было иметь на складах артиллерийское и пулемётное вооружение. Таким образом, новое формирование должно было решать те же задачи, что и речная часть Сибирской флотилии Морского ведомства до её упразднения в 1872 году.

Два новых парохода флотилии – буксиро-пассажирский в стальном корпусе «Атаман» и паровой катер «Дозорный» – строились фирмой «В. Крейтон и Ко» в г. Або (ныне г. Турку, Финляндия). Летом 1896 года их в разобранном виде доставили с Балтики во Владивосток пароходом Добровольного флота «Киев», а затем по железной дороге отправили на ст. Иман (современный г. Дальнереченск). Собранные в зиму суда в марте 1897 года спустили на воду, и в апреле они совершили переход в Хабаровск и приступили к службе. При этом «Дозорный» в имущественном отношении отошёл Амурскому казачьему войску (АКВ) с припиской в г. Благовещенске со штатом: 1 офицер, 1 урядник, 5 рядовых казаков. Расходы на содержание «Атамана» распределялись между АКВ и УКВ поровну, но флагман неизменно оставался в распоряжении непосредственно командующего Приамурским ВО со штатом: 1 офицер, 1 урядник, 14 рядовых казаков.

Личный состав флотилии комплектовался из местных строевых казаков, прослуживших не менее полугода, а командиры пароходов, машинисты и их помощники могли приниматься по вольному найму, но исключительно из русских. Первым командиром флотилии (и одновременно командиром «Атама-

на») стал Дмитрий Афанасьевич Лухманов, впоследствии – штурман дальнего плавания, Герой Социалистического труда, учёный и писатель-маринист. Он командовал флотилией с марта 1897 по февраль 1901 года [2].

Первый и, пожалуй, единственный раз в своей истории АУКФ подверглась серьёзному испытанию в ходе Боксёрского восстания в Китае 1900–1901 годов. Сразу после объявления военного положения суда прекратили свои хозяйственные и коммерческие рейсы, получив дополнительное вооружение по штату. «Казак Уссурийский» нёс патрульную службу на Уссури, Сунгаче и оз. Ханко, вступая иногда в мелкие стычки с нарушителями государственной границы. «Дозорный» действовал на Амуре в районе Благовещенска, перевозил отряды казаков и выполнял патрульные функции, но в прямых военных действиях участия не принимал. «Атаман» вооружили тремя мортирами и отправили для охранной службы на Сунгари, где он находился всю вторую половину июня 1900 года. Затем, после обстрела повстанцами Благовещенска, флагман возвратился на Амур, где патрулировал с ротой 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка; 14 июля пароход принял участие в перестрелке с повстанцами у станицы Екатерино-Никольской. Перезимовыв и проведя ремонт в Благовещенске, «Атаман» в конце апреля 1901 года вновь вышел на патрулирование Амура, а вскоре перешёл на Сунгари; 26 июня пароход вступил в бой с крупной шайкой хунхузов, шедшей на джонках. Экипажем было захвачено 2 джонки, 17 ружей и 13 человек пленными [4]. За этот бой многие участники были награждены, а бывший командир «Атамана» Д. А. Лухманов за предыдущую навигацию получил орден Св. Станислава 3-й степени.

После окончания военных действий паровые суда были разоружены и приступили к традиционным обязанностям: патрулированию, перевозке грузов, – а «Атаман» – перевозке «военных и гражданских начальствующих лиц».

В связи с образованием Амурской военной флотилии, основу которой составили паровые и дизельные канонерские лодки, Военное ведомство начинает сокращать средства на содержание кораблей АУКФ. В апреле 1909 года на аукционе был продан «Дозорный» (ещё ранее, в 1902 году, была продана баржа «Булава»), в марте 1911 года – «Атаман». Таким образом, к навигации 1911 года из шести первоначальных кораблей АУКФ осталось три: «Казак Уссурийский», баржа «Лена» (в том же году переименована в «Казачку») и баржа «Чукотка». Так, по справедливости

вому замечанию Л. А. Яковенко, «Амуру-Уссурийская казачья флотилия из войскового объединения превратилась в хозяйственную флотилию Уссурийского казачьего войска, каковой она была в период 1895–1897 гг.» [5].

Никем не упразднённая АУКФ окончательно прекратила существование в своём статусе с 1918 года, но пароходы, входившие в нее, требуют отдельного повествования. Начнём мы не с пароходов, а с баржи «Лена». Во-первых, в баржу она была превращена из одноимённого парохода, во-вторых, этот пароход – один из первых на Амуре! Ещё в 1855 году Н. Н. Муравьёв направил П. В. Казакевича и А. Е. Кроуна под видом купцов в Америку для закупки речных пароходов. На транспорте «Европа» ими были привезены в разобранном виде два парохода и корабельная мастерская. Так, к навигации 1857 года на Амуре были собраны пароходы в железных корпусах: буксирный двухколёсный «Амур» и заднеколёсный «Лена». На следующий год «Лена» с Н. Н. Муравьёвым поднялась вверх по Амуру и Шилке до Сретенска, оставшись зимовать в устье р. Куренги, где затем оборудовали «Муравьёвский» затон. В последующие навигации «Лена» совершала рейсы между Благовещенском и Николаевском. Затем этот, по мнению современников, «тихоход» перешёл к частному товариществу «Амур», а в конце 70-х годов под прежним названием был превращён в баржу. В 1895 году она, как мы помним, перешла Уссурийскому казачьему войску, а с 1897 года – Амуру-Уссурийской казачьей флотилии. В 1911 году баржу переименовали в «Казачку», и она прослужила ещё долгие годы.

«Казак Уссурийский». Первоначально этот двухколёсный буксиро-пассажирский пароход в металлическом корпусе назывался «Сунгача». Он был построен вместе с одноимённым «Уссури» гамбургской фирмой «Годефруа, Сын, Бейтон и К» для речной части Сибирской флотилии. В зиму 1862–1863 годов оба парохода были собраны в Николаевске-на-Амуре и после ледохода в мае 1863 года спущены в Амур. «Сунгача» первоначально ходила по Уссури и Сунгаче, где оказалась очень удобной ввиду малой длины и хорошей манёвренности. Со следующей навигации пароход ходил уже по всему Амуру. В 1872 году его передали в созданное Товарищество амурского пароходства (ТАП), а в 1895 году Военное ведомство приобрело его первоначально для Уссурийского казачьего войска. С 1897 по 1917 год пароход вновь выполнял хозяйственные задачи Уссурийского казачьего войска, а в 1918 году оказался

у «белых» и был переименован в «Хорунжий Былков». В советские времена пароход три раза менял названия: «Транспортник», «Шевченко», «Лензатонец». Пароход исправно трудился вплоть до середины 1950-х годов и лишь в зиму 1956–1957 годов закончил свою рекордную по длительности службу, совершив 93 навигации!

«Атаман». После службы в АУКФ пароход с просторным, шикарно отделанным салоном, весной 1911 года был продан Николаевскому судовладельцу и издателю газеты «Восточное Поморье» П. Я. Румарчуку, у которого находился до 1927 года. Во время Гражданской войны в сентябре 1918 года «Атаман», переименованный в «Гермоген Курбатов», участвовал в эвакуации из Благовещенска вверх по р. Зее персонала советских учреждений и красногвардейцев. Эта операция закончилась неудачей, так как караван судов был встречен огнём белогвардейцев и японцев у Суражевского моста. Высадив эвакуируемых в тайгу, «Гермоген Курбатов» вернулся в захваченный «белыми» Благовещенск и в дальнейшем ходил по Нижнему Амуру и Амгуни. В навигации 1923–1927 года пароход состоял у прежнего владельца, а затем был передан кооперативу, получив одноимённое с ним имя – «Дальсельсоюз». В зиму 1930–1931 годов пароход окончательно национализировали, и под именем «Сталин» он вошёл в состав Амурского государственного речного пароходства. В 1935 году пароход вновь переименовали, но теперь уже окончательно в «Зенит». В 1944 году «Зенит» мобилизовали в состав КАФ, и с августа 1945 года он использовался в качестве штабного судна флотилии на р. Сунгари во время Маньчжурской операции. В послевоенное время «Зенит» трудился уже на Шилке у сретенских водников и закончил трудовую деятельность в 1954 году.

Мы не располагаем полной информацией о применении военно-речных сил противоборствующими сторонами в ходе Гражданской войны 1918–1921 годов непосредственно на Шилке. «Белые», «красные» и интервенты активно использовали здесь речные суда для переброски воинских контингентов и грузов. Неоднократно описаны случаи захвата красными партизанами пароходов и барж противника. Имеются сведения о том, что в ходе стратегического наступления японо-белогвардейских войск в августе 1919 года против партизан на Шилке действовали «канонерские лодки» с орудиями и пулемётами [3, с. 18]. Очевидно, речь идёт о случае, описанном одним из участников тех событий М. М. Якимовым. В сентябре

1919 года в район с. Шилкинский Завод против 3-го кавалерийского полка были посланы «...два парохода, забронированные мешками с песком и артиллерией четырёхорудийного состава».

В воспоминаниях Е. М. Красноусова имеется интересный эпизод, связанный с так называемой «Шилкинской флотилией боевых судов», созданной в Сретенске командованием атамана Г. М. Семёнова. В навигацию 1920 года в состав этой «флотилии» вошли два гражданских парохода: флагман «Стефан Левицкий» (первоначально «Михаил») и «Александр Бубнов» – буксир 1902 года постройки. На «Стефане Левицком» были установлены две устаревшие клиновые пушки образца 1877 года и пулемёты. «Александра Бубнова» вооружили одним орудием образца 1900 года и двумя пулемётами. Борты пароходов были заложены мешками с песком и прикрыты листами железа. По сведениям

Е. М. Красноусова, эти суда летом 1920 года занимались конвоированием санитарного судна и транспорта с боеприпасами, продовольствием и обмундированием на линии Сретенск – Усть-Кара. Им подробно описывается обстрел этого судна красными партизанами в районе Усть-Карской пристани. Затем «Андрей Бубнов» был разоружён, а «Стефан Левицкий» ещё какое-то время продолжал нести патрулирование по Шилке [1]. В том же, 1920 году, «Александр Бубнов» оказался уже в руках амурских партизан. На Чепуринском заводе Благовещенска его вновь вооружили 3-дюймовым орудием и пулемётами, переименовав в «Павла Журавлёва». Вместе с вооружёнными колёсными пароходами «Карл Маркс» (бывший «Хабаровск»), «Труд» («Нижний Новгород») и «Марк Варягин» («Сретенск») он вошёл в костяк возрождающейся Амурской флотилии и принимал участие в боевых действиях на Амуре.

Источники и литература

1. **Красноусов Е.** В Шилкинской речной флотилии боевых судов // Флот в белой борьбе. – М.: Центрполиграф, 2002. – С. 433–437.
2. **Лухманов Д.** Жизнь моряка. – Ленинград: Лениздат, 1985. – 512 с.
3. **Очерки истории Восточного Забайкалья.** Читинская область. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – Т. 2. – 240 с.
4. **Речной флот Азиатской России.** – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1901. – 26 с.
5. **Яковенко Л. А.** Все первые пароходы на Амуре (рукопись), 2014.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)532
ББК Т3(2)532

Владимир Александрович Абраменко,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Подполковник Мартос в революционных событиях 1905 года на станции Тихорецкая Владикавказской железной дороги

Статья посвящена изучению истории революционных событий 1905 года и действиям подполковника С. Н. Мартоса по прекращению стачки железнодорожников. На примере мемуарных источников и архивных документов автор реконструирует ход событий в декабре 1905 года на станциях Тихорецкая и Кавказская. Впервые анализируются причины успешности действий рабочих на станции Тихорецкая и неожиданно быстрого подавления выступлений в контексте событий на соседних станциях.

Ключевые слова: Революция 1905 года, подполковник Мартос, забастовка железнодорожников, станция Тихорецкая, Манифест 17 октября

Colonel Martos in the revolutionary events of 1905 at station Tikhoretskaya by Vladikavkaz railway

The article is devoted to the study of the history of the revolutionary events of 1905 and to the actions of Colonel S. N. Martos on the termination of the strike of railway workers. Using the example of memoirs and archival documents, the author reconstructs the course of events in December 1905 at Tikhoretskaya and Kavkazskaya stations. For the first time, the reasons for the success of the workers' actions at the Tikhoretskaya station and the unexpectedly rapid suppression of speeches in the context of events at neighboring stations are analyzed for the first time.

Keywords: Revolution of 1905, Lieutenant Colonel Martos, railroad workers strike, Tikhoretskaya station, Manifest by October 17

Новейшая история российского государства изобилует примерами революционных выступлений. Такие события никогда не проходят незаметно для общества и оказывают влияние на вектор социального и политического развития.

Начало XX века выделяется тремя русскими революциями, которые произошли на относительно кратком историческом промежутке. Первая из них произошла в 1905 году и была связана с массовым стачечным движением по всей территории Российской империи и изданием Манифеста 17 октября, в котором были дарованы многие демократические свободы.

Опубликование этого документа вызвало широкую и неоднозначную общественную реакцию. В историографии существуют различные взгляды на эту проблему – от однозначно положительной оценки принятия Манифеста до резко негативной. Но в целом, опираясь на документы той эпохи и свидетельства очевидцев, следует отметить недостаточное понимание широкими массами содержания Манифеста.

Этим обстоятельством воспользовались социалистические партии, которые проводили широкую антисамодержавную агитацию среди населения. Наиболее активно, по целому ряду причин, эта работа шла среди рабочих. В частности, среди железнодорожников.

К концу 1905 года социальная напряжённость достигла своеобразной вершины и вылилась в целый ряд более или менее значимых и успешных народных выступлений. В советской историографии однозначно отмечалось, что эти события являлись предвестниками будущей революции 1917 года, так сказать «пробой пера». В то же время следует отметить, что выступления носили не только антисамодержавный демократиче-

ский революционный характер, но и просамодержавный. К сожалению, в достаточной мере проблема количественного соотношения этих противоположных тенденций исследована на сегодняшний день недостаточно.

В контексте изучения народных выступлений в конце 1905 года показательно рассмотреть события на станциях Тихорецкая и Кавказская Владикавказской железной дороги.

Стачка железнодорожных рабочих на станции Тихорецкая продолжалась около месяца и была окончательно подавлена 19 декабря 1905 года. Начало выступления рабочих можно отнести к 15 октября, когда, по свидетельству очевидцев, прозвучал призыв «Бросай работу!» [1, с. 9], но после выполнения требований разрешить беспрепятственный отпуск угля со складов мастерских 24 октября «мастерские заработали полным ходом» [Там же, с. 12]. В телеграмме управляющего дорогой Д. И. Иноземцева от 2 ноября 1905 года было признано право на существование общественных организаций рабочих для представления своих экономических интересов. Об этом обстоятельстве руководителем Тихорецкого организационного бюро Союза железнодорожных служащих сообщил начальник Тихорецкого отделения Владикавказского полицейского управления железных дорог подполковник Мартос [Там же, с. 13]. Это вызвало одновременно рост экономических требований и недовольство сотрудничеством с полицией в среде мастеровых. Среди требований необходимо отметить телеграмму графу Витте о немедленном удалении министра внутренних дел Дурново, «как заклятого врага свободы, всей своей деятельностью стремящегося вернуть всеми проклятый старый строй» [Там же, с. 20]. Ситуация продолжала накаляться, и каких-либо значительных шагов по предот-

вращению забастовки со стороны полиции не предпринималось. Только 3 декабря была вызвана для усмирения забастовки казачья сотня, но 5 декабря действовать отказалась. Прибытие второй казачьей сотни ситуацию не изменило. 8 декабря без кровопролития жандармы на станции Тихорецкая, во главе с подполковником Мартосом были разоружены, а сам подполковник был посажен под домашний арест [1, с. 51]. В своём секретном донесении от 9 декабря он указывал, что «до 6 декабря рабочее движение на ст. Тихорецкой шло мирным порядком, стоящим далеко от всякого насилия и произвола» [Там же, с. 65]. Катализатором анархии стало прибытие агитатора «Кубанца» и отказ казаков подчиняться своим офицерам.

Начался период безраздельной власти рабочих на станции. Он завершился рано утром 19 декабря, когда прибывшие со стороны станции Кавказской казаки без боя заняли здания станции. Часть активных участников забастовки была арестована, часть сумела сбежать, многие были уволены без права работать на железных дорогах. Единственным руководителем рабочего движения, кто сумел избежать ареста, стал Михаил «Кубанец», член РСДРП, специально прибывший на станцию для активизации насильственных действий против представителей государственной власти [Там же, с. 36].

Возникает вопрос о противоречиях, которые явно прослеживаются между оценкой жандармов и полиции как палачей свободы и демократии и столь слабыми попытками восстановить порядок на стратегически важной Главной линии Владикавказской железной дороги. Почему не были вызваны дополнительные военные силы? Почему подполковник Мартос предпочёл быть разоружённым, но не стрелять в рабочих?

Ответы на эти вопросы позволяет дать анализ ситуации на соседней станции – Кавказской. Она расположена в 65 километрах от Тихорецкой в хуторе Романовском. Здесь также имелись паровозные мастерские с количеством рабочих, сопоставимым со штатом тихорецких мастерских. Как и на Тихорецкой, опубликование Манифеста вызвало живой отклик среди жителей хутора. 19 октября прошла демонстрация рабочих, а на 20 октября предполагалась демонстрация учащихся железнодорожного училища. 19-го октября администрация училища решила собрать всех учащихся в общий зал мужского училища, ознакомить с содержанием Манифеста и освободить от занятий. Чтению Манифеста были предпосланы объяснения значений тех свобод, которые дарованы Манифестом, и в

заключение все учащиеся спели народную песню «Воля». Во время пения слов «Знать горячая молитва долетела до Царя», встретилось затруднение: одни учащиеся пели – долетела до Царя, а другие – до Творца. Учительница Прасковья Григорьевна Дугенцова пояснила, что необходимо петь до Творца, так как с молитвой все обращаются к Творцу – Богу. «Учащиеся принесли домой неверное истолкование поправки, внесённой учительницей Дугенцовой, что та будто бы говорила, что Царя не надо. Тотчас же, как дети пришли домой, несколько человек родителей с толпой, ничего общего с училищем не имеющей, пришли на школьный двор и с дикими криками, не желая слушать никаких объяснений, заявили недоверие к действительности такого Манифеста, требовали выдать им на растерзание учительницу, не признающую Царя, и заведующего, допустившего это в школе; затем стали трепать и бить учительниц и учителя, пытавшихся дать объяснение, и пробовали врываться в квартиры учащихся» [2, л. 42].

В итоге конфликта учительница Дугенцова была растерзана толпой, а на станции начались волнения. Интересно, что жители требовали возврата самодержавной власти императору. Предотвращение беспорядков в населённых пунктах возлагалось на местную и железнодорожную полицию. Станция Кавказская также находилась в ведении Тихорецкого отделения и подполковника Мартоса. Для разрядки ситуации и просвещения бунтующих «были приглашены законоучителя священник Пётр Феодоровский и священник Георгий Златорунский, чтобы отслужить в школе молебен, удостоверить этим действительность Манифеста и вместе подействовать на разнузданную толпу пастырским словом к усмирению беспорядков. Священник Златорунский, потрясённый ужасной смертью несчастной Дугенцовой, был болен, а священник Пётр Феодоровский положительно доводил до обиды, до панического страха, говоря также, что никакой свободы не нужно и не может быть такого манифеста потому, что в нём нет надобности, это лишь выдумка (хотя в ту же ночь им получена телеграмма с предложением прочитать Манифест прихожанам хутора Романовского и служить благодарственный молебен) и повторял те обвинения – слухи, которые были пущены улицей. По особой просьбе моей (заведующего училищем – В. А.) и распоряжению начальника Тихорецко-Кавказского жандармского отделения полковника Мартоса в тот же день был отслужен молебен в школе священником Михаилом Архангельским, который после молебна вместо успокоительного пастырского слова

к детям совершенно безосновательно, возбуждённым голосом стал обвинять учащихся в том, что будто нами мало обращалось внимания на развитие сердца и воли в детях, что развивали только ум, не ходили в церковь – просто натравливал на учителей, и если бы здесь было много посторонних, то трудно предположить, чтобы мы не были здесь же избиты. На слова священника я ответил, что имею, что ответить, но считаю объяснения в данный момент неуместными, и его слова неудобными» [2, л. 43]. После этого педагоги Кавказского училища были под охраной жандармов отправлены в Ставрополь.

В телеграмме от 29 октября 1905 года № 2954 из Кавказской в Ростов в Управление Владикавказской железной дороги докладывали, что «по соглашению с полковником Мартосом составлена охрана станции Кавказской из пятидесяти вооружённых служащих и рабочих. Охрана распространяется не только на станционную территорию, но и на живущих в хуторе служащих и мастеровых. По соглашению с атаманом отдела в хутор назначен разъезд патрулей и установлена правильная связь. Нашей охраной и полицией беспаспортные из хутора немедленно уволены. Служащие успокаиваются, и нормальный ход работы восстанавливается» [Там же, л. 46]. 31 октября 1905 года было подписано Постановление общего собрания родителей служащих всех служб станции Кавказской, имеющих детей в Кавказском училище, в котором учителям железнодорожного училища гарантировалась безопасность и выражалась просьба вернуться и приступить к своим обязанностям [Там же, л. 57–58].

В это время на станцию Кавказскую были введены дополнительные казачьи части, которые окончательно стабилизировали ситуацию. По свидетельству сторожа железнодорожного училища, где были расквартированы казаки, они располагались в хуторе Романовском до начала декабря. Именно эта станция

стала местом сосредоточения военных сил для противодействия забастовочному движению. Со станции Кавказской воинские контингенты направлялись в Тихорецкую и Армавир. Здесь была предотвращена попытка доставить подкрепление из Владикавказа и Минеральных Вод рабочим Главных железнодорожных мастерских в Ростове.

В силу своего стратегически важного расположения овладение станцией Кавказской позволяло пресечь связь по железной дороге между формирующимися на территории Кубанской области «республиками».

Подводя итог, следует отметить, что действия подполковника Мартоса в сложнейших социально-политических условиях конца 1905 года можно расценивать как весьма логичные и дальновидные. К сожалению, личных оценок своих действий офицер не оставил потомкам, но, рассуждая с точки зрения стороннего наблюдателя, напрашивается именно такой вывод.

В воспоминаниях участников забастовки на станции Тихорецкая Мартоса именуют тираном, «зверем», однако массовых кровавых расправ удалось избежать, последовавшие увольнения были характерны для всех железных дорог, а не только для Владикавказской. Выступления в отдалённых от железнодорожных линий населённых пунктах, по сути, отсутствовали.

Дальнейшая судьба подполковника Мартоса показывает, что положительно его действия были оценены и в Министерстве внутренних дел. В 1911 году Жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги стал возглавлять полковник Сергей Николаевич Мартос с квартирой в Иркутске.

Ирония ситуации заключается в том, что, по свидетельству очевидцев, на допросах в Тихорецкой участников забастовки подполковник кричал: «Я вас всех в Иркутскую губернию отправлю» [Там же, с. 54]. Именно там в итоге он и продолжил службу.

Источники и литература

1. **Боевые дни:** декабрьская политическая, забастовка и вооружённое восстание 1905 г. в Тихорецке / под ред. П. Кубанцева [и др.]. – Тихорецк: Тип. Горкомтреста, 1930. – 95 с.
2. **ГАРО (Государственный архив Ростовской области).** – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 261.

УДК 329(571.55:517)
ББК Ф6 (2РОС-4ЧИТ:5МОН)

Томас Вайраух,
Министерство внутренних дел Германии,
Хойхельхайм, Германия

Забайкальские казаки: предвестники политических партий Монголии

Китайская политическая система была основана в 1894 году. В Монголии в то время политических партий не было. Эта страна объявила независимость в период учреждения Китайской Республики. В 1917 году забайкальскими казаками была основана первая политическая партия в Монголии. Это была «Забайкальская казачья партия». Она стала предвестником современной политической системы Монголии.

Ключевые слова: Богдо-хан, большевики, Китай, Гоминьдан, Монголия, Монгольская народная партия, Националистическая партия, политическая партия, партийная система, Тунмэнхой, Забайкальское казачье войско, партия, Унгерн-Штернберг, военачальник

Thomas Weyrauch,
German Ministry of the Interior,
Heuchelheim, Germany

The Zabaikal Cossacks: harbingers of Mongolia's political parties

When China's party system emerged in 1894, there were no political parties in Mongolia. This country declared independence, when the Chinese Nationalist Party established the Republic of China. In 1917 the first political party in Mongolia had been founded by zabaikal Zabaikal Cossacks. Their "Zabaykalsky Cossack Party" became the harbinger of modern Mongolia's party system.

Keywords: Bogd Khan, bolsheviks, China, Guomindang, Mongolia, Mongolian People's Party, Nationalist Party, political party, party system, Tongmenghui, Zabaykalsky Cossack Party, Ungern-Sternberg, warlords

When the first political parties in China emerged after 1894, Mongolia still belonged to the Empire of China. One of those parties, the revolutionary Tongmenghui (同盟會), came to power in 1911. But the Mongol nobility, loyal to the Chinese emperors, did not share that idea of creating the Republic of China and declared Outer Mongolia independent. Their leader became the 8th Bogd Gegeen, the highest buddhist authority in Mongolia using a new title: Bogd Khan (Holy Leader). Inner Mongolia, on the other hand, remained in the Chinese state. While China was in turmoil after founding its republic, all the leaders of the Zhonghua Guomindang (中國國民黨), Chinese Nationalist Party, which originated from the Tongmenghui in 1913, as well as their archenemies of the warlords, who used to keep their monarchic power after 1911, had the vision in common, that Outer Mongolia still belonged to China [1, p. 83; 2, p. 96; 6, p. 12; 10, p. 498].

The newly established Bogd Khanate, in an effort not to become part of China again and

maintain its independence, concluded a treaty with Tibet, whose sovereignty was also not recognized by China. Other states shared the legal position of Beijing, according to which the Bogd Khanate as Outer Mongolia was merely an autonomous part of the newly formed Republic of China [2, p. 29; 6, p.13]. After the Bogd Khanate sent troops to Inner Mongolia in an effort to unify both Mongolian territories, the Mongolian army was driven back by China. In the 1915 Kyakhta Treaty between the Bogd Khanate, the Republic of China, and the Russian Tsarist Empire, the parties reaffirmed sovereignty over the autonomous Khanate, but the influence of the Chinese government weakened. A Chinese invasion in 1919 brought the territory back under the control of Beijing, but China's power over the Khanate did not last a long time, because the course of the Russian October Revolution influenced the events in Mongolia.

Czarist forces opposed the Bolsheviks not only in Europe but increasingly in Siberia as well. On their side was the leader of the Baikal Cos-

sacks, Grigory Semyonov, who tried to find an alliance with the Bogd Khan to found a pan-Mongolian state. But first and foremost in this context is Baron Roman von Ungern-Sternberg must be mentioned in this context, a nobleman with Austro-Baltic roots and a firm commitment to the monarchy. According to historical records he is described as an extremely cruel man, who invaded the Bogd Khanate, killed the majority of Chinese and carried out pogroms among Jews who were fled there and whom he considered communists. Attempts by the Republic of China to return Outer Mongolia to its territory had failed. The Kyakhta Treaty therefore no longer had any significance, and Mongolia declared its independence once again in 1921. Formally, the Bogd Khan remained the Mongol regent, but military power was exercised by Ungern-Sternberg [1, p. 192; 2, p. 29; 6, p. 13; 7, p. 58].

During the time before the Russian October Revolution there seemed no need for the people in Outer Mongolia to found political parties for the purpose of representing one's interests. This situation changed in the extremely violent year 1917 involving Cossacks and Mongols, who founded in their home region an own anti-Bolshevik "Zabaykalsky Cossack Party", that opposed the "Buryat National Committee", which was an bourgeois-nationalist body and also an instrument of counter-revolution. Unfortunately, there is very little information on the Zabaykalsky Cossack Party, but nevertheless it is an important historic fact, that this group became the first organization with a political intention on Mongolian soil [1, p. 165; 9, p. 794; 11, p. 279].

Despite this lack of attention in literature lies its significance in the impact that the party not only became a participant in the internal Russian conflict, but also the midwife of a new form of political rule in the neighboring country. In other words: a formation of the state by acting political parties. That orientation should also be valid for a long authoritarian period and the democratic-liberal system of today's Mongolia.

Four years after the establishment of the "Zabaykalsky Cossack Party", a new party, the Mongol Ardyn Nam, the Mongolian People's Party, was founded on March 1, 1921 by 164 members. It originated in an atmosphere of great resentment against China, whose renewed dominance had just been overcome after the 1919 invasion. In that regard, the Mongol Ardyn Nam was among other factors responsible for the new formal founding of the Bogd Khanate on March 13, 1921. Under Soviet influence on the Bogd Khanate, the Mongol Ardyn Nam changed its previous policy at its 3rd Party Congress in August 1924 and renamed herself Mongol Ardyn Huwysgalt Nam, Revolutionary Party of the

Mongolian People. In this way it ushered in the transformation of the state into the Mongolian People's Republic on November 26, 1924, and remained until 1989 the only dominant power of the state [1, p. 165; 4, p. 231; 8, p. 475]. During the following years, the political transformation of Mongolia led to a large number of parties. 63 parties have been founded since 1990 with democratic, socialist, communist, national democratic or liberal objectives. Others promote the environment, civil rights or the affairs of women, young people, and minorities [11, p. 281]. But who knows today, that initially the Trans-Baikal Cossacks were the harbingers of Mongolia's party system? This question is a reason to deepen the research on this and to publish the results internationally.

Когда в Китае после 1894 года появились первые политические партии, Монголия всё ещё принадлежала к Китайской империи. Одна из этих партий, революционная Тунменхой (同盟會), пришла к власти в 1911 году. Но монгольская знать, верная китайским императорам, не разделяла идею создания Китайской Республики и объявила внешнюю Монголию независимой. Их лидером стал 8-й Богдо-Гэгэн, Высшая буддийская власть в Монголии, стали использовать новое название: Богдо-хан (Святой лидер). Внутренняя Монголия, с другой стороны, осталась в китайском государстве. В то время, как Китай был в смятении после основания своей Республики, все руководители партии Гоминьдан (Zhōngguó Guómíndǎng, 中國國民黨), китайской националистической партии, которая возникла из партии Тунменхой в 1913 году, а также из полевых командиров, старались удержать свою монархическую власть после 1911 года. Было очевидно, что Внешняя Монголия по-прежнему принадлежала Китаю [1, с. 83; 2, с. 96; 6, с. 12; 10, с. 498].

Вновь созданное Богдо-ханство, в усилиях, чтобы не стать снова частью Китая и сохранить свою независимость, заключило договор с Тибетом, чей суверенитет не был признан Китаем. Другие государства разделяли правовую позицию Пекина, согласно которой Богдо-ханство, как внешняя Монголия, было всего лишь автономной частью вновь образованной Республики Китай [2, с. 29; 6, с. 13]. После этого Богдо-ханство послало войска во Внутреннюю Монголию в целях унификации обеих монгольских государственностей. Монгольская армия был отброшена. В 1915 году заключили Кяхтинский договор между Богдским ханством, Китайской Республикой и Российской Империей, по которому был укреплён суверенитет автономного ханства,

влияние китайского правительства ослабло. Китайское вторжение в 1919 году вернуло территорию под контроль Пекина, но власть Китая над ханством длилась недолго, на события в Монголии повлияла Октябрьская революция в России.

Царские силы противостояли большевикам не только в Европе, но и в Сибири. На их стороне был лидер забайкальских казаков, Григорий Семёнов, который пытался найти альянс с Богдо-ханом, чтобы построить пан-монгольское государство. Однако, в первую очередь, в этом контексте, следует упомянуть барона Романа фон Унгерна-Штернберга, дворянина с австро-балтийскими корнями и твёрдой приверженностью монархии. Согласно историческим данным, его называют крайне жестоким человеком, вторгшимся в Богдское ханство, убившим большинство китайцев и совершившим погромы среди бежавших туда евреев, которых он считал коммунистами. Попытки Китайской Республики вернуть внешнюю Монголию в свой состав не увенчались успехом. Таким образом, Кяхтинский договор уже не имел никакого значения, Монголия лишилась своей независимости в 1921 году. Формально Богдо-хан оставался регентом Монгольской империи, но военная власть осуществлялась Унгерн-Штернбергом [1, с. 192; 2, с. 29; 6, с. 13; 7, с. 58].

В период, предшествовавший Российской Октябрьской революции, людям во внешней Монголии, казалось, не было необходимости создавать политические партии с целью представления своих интересов. Эта ситуация изменилась в крайне жестоком 1917 году. При участии казаков и монголов была создана в своём родном регионе собственная антибольшевистская Забайкальская казачья партия, выступавшая против Бурятского национального комитета, который был буржуазно-националистическим органом, а также орудием революции. К сожалению, сведений о Забайкальской казачьей партии очень мало, но, тем не менее, важным историческим фактом является то, что эта

группа стала первой организацией с политическим намерением на монгольской земле [1, с. 165; 9, с. 794; 11, с. 279]. Несмотря на отсутствие внимания в литературе, её значимость заключается в том, что партия не только стала участницей внутрироссийского конфликта, но и предвестницей новой формы политического правления в соседней стране.

Спустя четыре года после создания казачьей партии Забайкалья 1 марта 1921 года была основана новая партия, Монгольская народная партия (Монгол Ардын Нам). Количество её членов на момент основания составляло 164 чел. Она появилась в атмосфере сильного возмущения против Китая, чьё новое господство было только что преодолено после вторжения 1919 года. В этой связи новая монгольская партия была одним из факторов, предопределяющих существование нового Богдского ханства от 13 марта 1921 года. Под советским влиянием на Богдское ханство Монгольская народная партия изменила свою прежнюю политику на 3-м съезде партии в августе 1924 года и переименовала себя в Монгольскую народно-революционную партию (Монгол Ардын Хувьсгалт Нам). Таким образом, 26 ноября 1924 года она открыла путь к преобразованию государства в Монгольскую Народную Республику и оставалась до 1989 года единственной основой государственности [1, с. 165; 4, с. 231; 8, с. 475].

В последующие годы политическая трансформация Монголии привела к появлению большого числа партий. С 1990 года было создано 63 партии с демократическими, социалистическими, коммунистическими, национально-демократическими или либеральными целями. Иные продвигали идеи защиты окружающей среды, гражданских прав или прав женщин, молодёжи и меньшинств [11, с. 281]. Но кто сегодня знает, что изначально забайкальские казаки были предвестниками системы политических партий Монголии? Этот вопрос является основанием для углубления исследований и публикации новых результатов на международном уровне.

Источники и литература

1. **Barkmann U.** Geschichte der Mongolei oder Die „Mongolische Frage“. Die Mongolei auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat (History of Mongolia or The „Mongolian Question“: Mongolia on its Way to its Own National State). – Bonn: Bouvier, 1999.
2. **Blunden J.** Mongolia. – 3rd edition. – Chalfont St Peter: Buckinghamshire: Bradt, 2014.
3. **Bruun O., Odgaard, O.** Mongolia in Transition: Old Patterns, New Challenges. Abingdon. – Oxon: Routledge, 1996.
4. **Buttler W.** The Mongolian Legal System: Contemporary Legislation and Documentation. – Hague; Boston; London: Martinus Nijhoff, 1981.
5. **Fukui H.** Political Parties of Asia and the Pacific. – Westport; London: Greenwood Press, 1985. – Vol. 2.
6. **Gilberg R., Svantesson J.** The Mongols, their Land and History // Mongolia in Transition / O. Brunn, O. Odgaard (Hrsg.). – Richmond: Surrey, 1996. – P. 5–22.

7. **Sablin I.** Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism, and Nationalism in State and Autonomy Building. – London; New York: Routledge, 2016.
8. **Sanders A.** Historical Dictionary of Mongolia. – 3rd edition. – Lanham; Toronto; Plymouth: Scarecrow, 2010.
9. **Schwarz H.** Trans-Baikal Cossack Party. – 2010. – № 5. – 794 p.
10. **Vogelsang K.** Geschichte Chinas (History of China). – Stuttgart: Reclam, 2013.
11. **Weyrauch T.** Die Parteienlandschaft Ostasiens (Political Party Landscape of East Asia). – Heuchelheim: Longtai, 2018.

УДК 94(47+57)(571.55)-054.72
ББК ТЗ(2)61(2РОС-4ЧИТ)-283.31-27

Геннадий Викторович Никитин,
Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск, Россия

Забайкальские казахи офицеры в эмиграции

В статье говорится о представителях ЗКВ, оказавшихся после Гражданской войны в Китае, дана их приблизительная цифра на период середины 1930-х годов XX века названо значительное число имён. Приводятся данные о среднем возрасте казаков-эмигрантов, информация об их жилищно-бытовых условиях, о видах деятельности, о сохранении или воссоздании ими многих войсковых структур, о принадлежности их к различным организациям, взаимоотношениях с японскими оккупационными властями и настроениях по отношению к советской власти.

Ключевые слова: казачья эмиграция, Китай, жилищно-бытовые условия, род деятельности, БРЭМ, Маньчжоу-Го, японские власти, антисоветские организации

Gennady V. Nikitin,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk, Russia

The Zabaikal Cossack officers in exile

The article refers to the representatives of the ZKV, who appeared after the Civil war in China, given their approximate figure for the mid-1930s., named a significant number of names. Provides data on the average age of Cossacks-emigrants, information about their housing and living conditions, activities on the preservation or reestablishment of their many military structures of their belonging to different organizations, relationship with the Japanese occupational authorities and attitudes towards the Soviet regime.

Keywords: Cossack emigration, China, living conditions, kind of activity, BRAM, Manchukuo, Japanese authorities, the anti-Soviet organization

После Гражданской войны многие офицеры Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) оказались в положении эмигрантов. За редким исключением, местом их вынужденного пристанища стал соседний Китай. Для большинства кадровых офицеров Китай не был какой-то неведомой страной, многим довелось побывать на территории этого государства во время Китайского похода 1900–1901 годов и Русско-японской войны. В мирное время некоторые офицеры совершали поездки в Китай в составе охраны дипломатических миссий, участвуя в научных экспедициях и т. д. Так, будущий первый выборный

атаман ЗКВ В. В. Зимин с 1898 по 1907 год неоднократно совершал поездки в сопредельную страну. Формально целью его длительных командировок было изучение китайского языка. С этой же целью в Китае около двух лет (1913–1914 гг.) находился офицер ЗКВ И. В. Тонких.

Предварительное знакомство со страной в последующем облегчит адаптацию к её условиям значительной части офицеров-эмигрантов. Одни из них прибыли в Маньчжурию с территории Забайкалья в октябре–ноябре 1920 года в составе войск атамана Г. М. Семёнова. Другие уходили в зарубежье два года

спустя из Владивостока в составе Дальневосточной казачьей группы генерала Ф. Л. Глебова. Проведя несколько месяцев в корейском порту Гензан, многие весной–летом 1923 года перебрались в Китай. Некоторые забайкальские офицеры, те, кто по возрасту и здоровью не состоял на службе, переходили российско-китайскую границу в частном порядке.

Основными источниками, позволяющими хотя бы приблизительно оценить масштабы казачьей эмиграции в Китай, являются «Справочник – список руководящего и рядового состава Союза казаков на Дальнем Востоке» (СКДВ) и архивные материалы Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). Выборка, сделанная из «Справочника-списка», позволила выявить почти 200 офицеров-забайкальцев. Сверка с общим алфавитным списком российских эмигрантов, состоявших на учёте в БРЭМ, а также непосредственная работа с архивными делами в целом подтверждают это число. Тем не менее, полученный результат не мог быть полным и окончательным, поскольку и списки членов СКДВ, и списки БРЭМ представляют персональный состав русской эмиграции, начиная с середины 1930-х годов. К тому времени значительного числа офицеров не было в живых, некоторые покинули пределы Китая, были и такие, кто не был учтён в каких-либо списках и организациях.

На основе архивных материалов и ряда других источников удалось идентифицировать более 350 офицеров-эмигрантов, имевших принадлежность к ЗКВ. В основном это те, кто проживал на территории Маньчжурии. О многих из них была получена дополнительная информация биографического характера (возраст, семейное положение, образование, прохождение военной службы, время прибытия в Китай, род занятий в эмиграции и т. д.).

Преобладающий возраст большинства офицеров (по состоянию на середину 1930-х гг.) – 40–45 лет. Большинство офицеров – люди семейные. Многим удалось вывезти свои семьи из России. Часть офицеров вступила в брак уже в эмиграции. Довольно большую группу составляли старшие офицеры (31 генерал и 36 полковников). Среди них А. Бакшеев, К. Асламов, Г. Мациевский, Т. Артамонов, К. Ловцов, И. Кобылкин, И. Токмаков, И. Шильников, Г. Семёнов, Д. Семёнов и другие активные участники Белого движения на территории Забайкалья.

По видам трудовой деятельности, общей занятости, начиная со времени прибытия в эмиграцию, офицеры ЗКВ распределялись

следующим образом: на военной службе (Русский Шанхайский полк, дивизия генерала Нечаева, китайские военные формирования, японская военная миссия и др.) – 28; служба в полиции – 25; служба в охране – 28; занятие различными видами предпринимательства – 26; занятость в промышленности – 34; работа на транспорте – 17; ведение личного хозяйства – 23; преподавательская деятельность – 14; журналистика – 5; оказание юридических услуг – 2.

Данный перечень видов деятельности не является полным и окончательным. Один и тот же человек в разное время мог заниматься её различными видами. Многие из эмигрантов были вынуждены браться за любую работу, способную дать средства к существованию. Значительная часть офицеров-эмигрантов прошла через случайные, временные работы, не требующие какой-либо квалификации, особой подготовки. Это работа в качестве дворника, сторожа, истопника, чернорабочего. Такие виды труда были низкооплачиваемыми, что вынуждало искать что-то другое, более соответствующее интересам и желаниям, а главное, позволяющее иметь больший заработок. Тем более, что на рынке туда, особенно неквалифицированного, не требующего даже элементарного образования, эмигрантам было сложно конкурировать с местными жителями.

В гораздо лучшем положении оказались те офицеры, которые имели какую-либо профессию, востребованную в местных условиях. В первую очередь это относилось к работам, связанным с обслуживанием техники. Некоторые офицеры, обладая соответствующей специальностью и квалификацией, сумели на длительное время обеспечить себя стабильной занятостью и постоянным, относительно неплохим заработком. Так, например, есаул В. Тарский, имея специальность электротехника (окончил в 1907 г. Иркутское промышленное училище) с 1921 до 1942 года работал на электроустановках Харбина. Сотник А. Димов, который в 1909 году окончил речное училище в Благовещенске, начиная с 1923 года, трудился на судах Сунгарийского речного бассейна (с 1934 г. – капитан парохода). Несколько молодых офицеров-забайкальцев окончили шофёрские курсы и в течение многих лет трудились на Харбинской автобирже.

Среди офицеров была категория самозанятых – тех, кто жил своим личным хозяйством или же занимался предпринимательством. Например, хорунжий Я. Леонов, имея свой обоз, выполнял грузовые перевозки. На протяжении 20 лет ломовым извозчиком на

собственных лошадях трудился в Харбине подьесаул Я. Филиппов. Занимался извозом на своих лошадях и подьесаул П. Филиппов. Позднее он окончил шофёрские курсы, купил автомобиль и работал на Харбинской автобирже. Подьесаул Г. Моторин вёл личное хозяйство, в котором было более 20 голов домашнего скота. Хорунжий В. Вагин с 1929 по 1941 год имел в Харбине частную практику по тибетской медицине. Есаул В. Первушин после окончания фармацевтических курсов стал владельцем аптеки.

Однако таких, которые обладали постоянной работой, гарантированным заработком, было сравнительно немного. Большинство перебивались временными занятиями, случайными заработками. Немалая часть офицеров за время эмиграции сменила по нескольку мест и видов работы. Например, сотник Г. Волокитин в разное время трудился разносчиком газет, расклейщиком афиш, торговцем кваса, чернорабочим, плотником, театральным статистом, извозчиком, помощником механика, шофёром, журналистом, редактором газеты.

Многие, не имея никакого образования кроме военного, искали работу, которая в той или иной степени была бы приближена к их знаниям, опыту и умениям. Значительная часть забайкальских офицеров состояла на службе в местных вооружённых формированиях, принимала участие в Гражданской войне на территории Китая, служила в полиции, в охране лесных концессий, железных и шоссейных дорог. Некоторые офицеры служили в японской военной миссии, а также на командных должностях в созданных японцами из числа эмигрантской молодёжи разведывательно-диверсионных отрядах. Наиболее известным из последних был есаул И. Пешков, который в 30–40-х годах командовал конно-казачьим отрядом в Трёхречье. В августе 1945 года Пешков со значительной частью своего отряда расстрелян японцами.

Те из офицеров, кто закрепился в сельской местности, особенно в районе Трёхречья, в местах компактного проживания забайкальцев-эмигрантов, находились в значительно лучших условиях. Занятие сельским хозяйством, различными промыслами приносило определённое благополучие. Однако таких было немного. Большинство забайкальских офицеров концентрировались в городах, прежде всего в Харбине, испытывая материальную нужду и крайне стеснённые жилищно-бытовые условия.

Особенно тяжёлым было положение пожилых и одиноких. Один из эмигрантов, будучи студентом Харбинского политехнического

института, одно время брал уроки математики у генерала Н. Комаровского, бывшего во время Первой мировой войны командиром 1-го Читинского полка ЗКВ. Вот как этот студент описывает жилище старого и совершенно одинокого генерала: «Это была малюсенькая комната, метра два на три, с низеньким потолком и небольшим окошечком напротив входной двери. В окошке – стёкла. Слева узкая раскладушка, за ней, почти по всей стене, толстая соломенная циновка. Под окном малюсенький столик и два табурета. Напротив раскладушки два ящика (один на другом) и у самой двери – печурка, жестяная труба тянется через всю комнатку и выходит наружу справа от окна. В ногах кровати, у самой двери, на нескольких кирпичках – бочонок с водой. На полу – старое, толстое татами. Трудно себе было представить более убогое обиталище!» [4, с. 5].

Некоторые из таких, как генерал Комаровский, испытывая крайнюю нужду и отчаявшись найти работу, обращались в эмигрантские организации с просьбой о помощи. Характерно прошение полковника В. Трубникова, с которым 70-летний ветеран обратился в 5-й отдел БРЭМ: «Покорнейше прошу о предоставлении мне какой-либо службы: преподавателя, классного наставника, домашнего учителя, управляющего домом, конторщика, сидельца у больного, палатного служителя в больнице, швейцара, сторожа» [3]. Мы не знаем, была ли удовлетворена эта просьба. Известно лишь то, что умер Трубников в марте 1945 года в приюте для одиноких и бедных. Других, таких же одиноких, смерть настигала посреди улицы. Именно так скончался полковник В. Новиков. Как бездомный, в общей могиле был похоронен герой Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, есаул И. Шангин.

Для казачества всегда было характерно стремление к самоорганизации, сохранению своей идентичности, самобытной культуры. Находясь в эмиграции, казаки смогли сохранить или воссоздать многие войсковые организационные структуры. На территории Северо-Восточного Китая существовало 27 казачьих станиц. Абсолютное большинство офицеров-забайкальцев входило в их состав. Офицеры были широко представлены среди станичных атаманов, членов станичных правлений (В. Войлошников, П. Зуев, В. Лисицын, Г. Мациевский, К. Парыгин, М. Рюмкин, Д. Семёнов, В. Сергеев и др.). Немалое их число занимало выборные посты в различных эмигрантских организациях. Руководящее ядро таких организаций, как Союз казаков на Дальнем Востоке, Восточный Казачий союз

практически полностью состояло из казачьих офицеров, среди которых было много забайкальцев. Много их было и в руководстве БРЭМа, его отделениях на местах.

Созданное по инициативе японских властей в декабре 1934 года Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) кроме выполнения ряда социальных функций было обязано содействовать японской администрации в решении эмигрантских вопросов. Фактически это означало формирование прояпонских ориентаций в эмигрантской среде, установление и поддержание полицейского контроля за эмигрантами. Даже в своём передвижении по территории Маньчжоу-Го российские эмигранты имели ограничения. Чтобы покинуть место постоянного проживания, требовалось разрешение Бюро. Вот одно из прошений, с которым на имя начальника Бюро обратился генерал-майор Н. Лоншаков: «Прошу ходатайства на право выезда в город Хайлар и дальше в Монголию по реке Имшигалу с остановкой в район Хунхульди к родственнику, войсковому старшине Сюсину Николаю Константиновичу, имеющему там постоянное жительство (хозяйство) до ноября сего года. Харбин, 28 июля 1937 года. Подпись» [2].

Японские оккупационные власти и подчинённые им лидеры эмигрантских организаций внимательно следили за настроениями в среде эмигрантов, не гнушаясь внедрением в эту среду тайных осведомителей. Широко использовалась практика поручительства за благонадёжность отдельных представителей эмиграции. Вот один из примеров такого рода: «Я, нижеподписавшийся Алексей Никитич Пушкарев, проживающий по Варшавской ул. Болотной № 83, кв. 8 анкета БЮРО № 13668, ручаюсь за политическую и уголовную благонадёжность Егорова Севастьяна Лукича. 3 августа 1936 года. Подпись поручителя» [1].

Все эмигранты обязаны были встать на учёт в отделениях БРЭМ по месту жительства. В обязательном порядке при постановке на учёт заполнялись анкеты с длинным перечнем вопросов. При заполнении анкеты каждый должен был сообщить подробные биографические сведения. В частности нужно было ответить на следующие вопросы: «Где занимались, где служили и на каких должностях?» Сведения требовалось изложить последовательно, по годам, начиная с 1910 года.

В перечне вопросов был особый раздел под общим заглавием «Общественно-политические сведения». Почти все офицеры, заполняя анкету, заявляли о своих монархических предпочтениях. Одновременно значи-

тельная часть офицеров позиционировала себя в качестве русских патриотов и националистов. У некоторых националистические убеждения имели крайние формы. О своём членстве в Русской фашистской партии в анкетах заявили 9 офицеров, ещё двое выразили желание вступить в ряды этой партии. Членства в каких-то других политических партиях забайкальских офицеров нами не установлено. Скорее всего, в среде военной части русской эмиграции преобладало скептическое отношение к партиям вообще.

Многие офицеры, оказавшись на чужбине, испытывали тоску по покинутой Родине. У большинства ностальгические чувства переплетались с неприятием СССР как государства. Условием возврата для них могла быть только ликвидация власти большевиков. При этом умеренная часть казачьих офицеров занимала пассивно-выжидательные позиции, очевидно, рассчитывая на то, что коммунистический режим будет устранён и без их прямого участия. Другая, радикальная часть казачьей эмиграции, сделала ставку на продолжение вооружённой борьбы с Советами, тем более что у многих в первые годы после Гражданской войны сохранялась надежда на недолговечность советской власти. В 1920-х годах на территорию Забайкалья неоднократно вторгались вооружённые отряды белых партизан, возглавляемые такими забайкальскими казачьими офицерами, как З. Гордеев, В. Деревцов, Ф. Мыльников, И. Шадрин и др. Одни из них совершали рейды по приграничной территории, расправляясь с местными советскими и партийными работниками, а то и сводя личные счёты. Другие пытались тайно, таёжными тропами проникнуть в глубинные районы Забайкалья с целью создания там опорных баз для последующего ведения подрывной работы среди населения.

К началу 1930-х годов попыток прорыва бандформирований из-за рубежа стало значительно меньше. К этому времени многие белые командиры были либо уничтожены в боевых столкновениях, либо арестованы советскими спецорганами. К тому же была усилена охрана советской государственной границы, ужесточён пограничный режим. Тем не менее, радикальная часть военной эмиграции продолжала сохранять надежду на уничтожение советского строя с помощью Японии. Японцы в свою очередь старались использовать в своих интересах антисоветски настроенную часть дальневосточной эмиграции. Её лидерам в лице атамана Семёнова было обещано, что в случае оккупации Японией Забайкалья и Дальнего Востока на этой обширной территории будет образовано под-

контрольное Японии государство, к управлению которым будут допущены представители эмигрантских кругов.

Этим планам не суждено было осуществиться. В августе 1945 года на территорию Маньчжурии вошли советские войска, что означало окончание японской оккупации, а вместе с ней конец и российской военной эмиграции в Китае. Значительная часть забайкальских казачьих офицеров была арестована и депортирована в СССР. Одни из

них (Г. Семёнов, А. Бакшеев, М. Куклин, Л. Власьевский) были приговорены к смертной казни, другие (Д. Семёнов, В. Казаков, А. Костромин, М. Ваулин и др.) закончили свой жизненный путь в советских тюрьмах и лагерях. Немногим офицерам-забайкальцам удалось избежать принудительного свидания с Родиной и найти очередной чужой кров теперь уже в дальних заморских странах (Австралия, страны Северной и Южной Америки).

Источники и литература

1. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). – Ф. Р830. – Оп. 3. – Д. 14424.
2. ГАХК. – Ф. Р830. – Оп. 3. – Д. 27540.
3. ГАХК. – Ф. Р830. – Оп. 3. – Д. 47487.
4. Русская Атлантида. – 2015. – № 58.

УДК 94(47+57)-054.72
ББК ТЗ(2)61-283.31-27

Мария Викторовна Скрипкарь,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Казачьи станицы в Харбине

Статья посвящена эмиграции казачества в китайский город Харбин и формированию ими казачьих станиц. Всего с 1920-х по 1930-е годы в Харбине было сформировано 9 казачьих станиц: Амурская, Забайкальская, Енисейская, Иркутская, Кубано-Терская, Молодая имени атамана Г. М. Семёнова, Оренбургская, Сибирская, Уссурийская. Особое внимание уделено Енисейской казачьей станице. Отмечается, что с течением времени в Харбине шёл процесс консолидации казачества, в котором отдельные станицы принимали самое активное участие. Таковой являлась именно Енисейская казачья станица, которая стала примером использования войсковых начал при адаптации в новых условиях.

Ключевые слова: казачество, казачьи станицы, эмиграция, Харбин, Китай

Maria V. Skripkar,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Cossack village in Harbin

The article is devoted to emigration of the Cossacks to the Chinese city of Harbin and the formation of Cossack villages. In total from the 1920's to the 1930's. 9 Cossack villages were formed in Harbin: the Amur, Zabaikalskaya, Yenisei, Irkutsk, Kuban-Tersk, Young Ataman named G. M. Semenov, Orenburg, Siberian, Ussuriysk. Particular attention is paid to the Yenisei Cossack village. It is noted that over time in Harbin was a process of consolidation of the Cossacks, where the separate villages had taken an active part. Such was the Yenisei Cossack village, which has become an example of the use of the military began during adaptation in the new environment.

Keywords: the Cossacks, Cossack village, emigration, Harbin, China

Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Гражданская война в России (1918–1922) привели к закономерному итогу – эмиграции части российского населения за границу. По разным подсчетам, около

2 млн наших соотечественников эмигрировали в более чем 30 стран мира.

Одним из крупнейших центров эмиграции населения, прежде всего с Дальнего Востока, стал Китай. Несколько сотен тысяч рос-

сийских граждан, представители различных слоёв населения выбрали Китай как место своего постоянного или временного проживания. Особую группу составляло казачество.

Точных данных о количестве казаков, эмигрировавших в Китай, нет. Согласно одной из наиболее распространённых версий, в 20-х годах XX века их численность превышала 25 тыс. чел. Общее число казаков, покинувших Россию, составляет приблизительно 80 тыс. чел.

О. И. Сергеев выделяет 3 этапа эмиграции казачества в Китай. Первый этап (XIX в. – 1917 г.) был связан со строительством КВЖД и экономическим освоением прижелезнодорожной полосы, Трёхречья и других районов. Согласно исследователю, по численности казачьего населения, поселившегося в Китае, этот этап можно считать наименее представительным.

На втором этапе (1917–1922) основными причинами эмиграции казачества в Китай выступили Февральская и Октябрьская революции 1917 года и Гражданская война 1918–1922 годов. В этот период наблюдается наибольший рост эмигрантов среди казаков.

Третий этап (1920–1930-е гг.) был обусловлен социально-экономическими и политическими преобразованиями, осуществляющимися советским правительством, которое активно использовало различные репрессивные методы [1].

Одним из наиболее популярных мест эмиграции казачества в Китае стал город Харбин. Популярность Харбина объясняется тем, что он являлся центром притяжения всех русских эмигрантов на Востоке. Согласно подсчётам, в 1920-е годы в нём проживало около 200 тыс. эмигрантов из России. В Харбине действовали православные храмы, школы и другие учебные заведения. У русской диаспоры были свои магазины, банки, учреждения культуры и даже суд. Не случайно Харбин называли «островком Российской империи начала XX века».

Одними из первых в Харбине были созданы Оренбургская станица (1920), которая первоначально была известна под названием «Рабочая артель», Сибирская станица (1923), Амурская станица (1924) и Молодая имени атамана Г. М. Семёнова казачья станица (1931). Всего с 1920-х по 1930-е годы в Харбине было сформировано 9 казачьих станиц: Амурская, Забайкальская, Енисейская, Иркутская, Кубано-Терская, Молодая имени атамана Г. М. Семёнова, Оренбургская, Сибирская, Уссурийская. Одной из наиболее развитых и влиятельных станиц ста-

ла Енисейская. Она была создана в начале 20-х годов и просуществовала до 1945 года.

И. В. Чапыгин считает, что «примером удачного использования земляческого и войскового начал при адаптации в новых условиях может служить опыт Енисейской казачьей станицы в Харбине». Он отмечает, что «характер казачьей общественной организации в значительной мере помог им консолидироваться и заняться активным обустройством жизни на новой территории. Опираясь на военную по сути организацию жизни, они смогли в достаточно короткие сроки обустроить своё хозяйство. При этом казаки стремились консолидироваться по войсковому принципу (дончаки с дончаками, забайкальцы с забайкальцами и т. д.) и воссоздавали системы войскового и станичного управления общественной жизнью и хозяйством, как было на Родине» [2, с. 62].

Исследователь отмечает: «Испытывая на первых порах серьёзную материальную нужду, казаки-енисейцы не растерялись, не пали духом и, “держась дружною семьёй около старших руководителей”, сразу же организовали трудовое объединение, что позволило им закупить лошадей, составить программу джигитовки и ездить с ней на гастроли, зарабатывая тем самым деньги для себя и станицы. Причём эти выступления проходили не только в Китае, но, например, в 1923 г. и на Филиппинах. Оставшаяся в Харбине часть казаков-енисейцев занялась извозом и работой на лесных концессиях, некоторые из них поступили на службу в частные фирмы и правительственные учреждения, везде зарекомендовав себя с лучшей стороны» [Там же].

По причине своего географического расположения Харбин, прежде всего, привлекал казаков-эмигрантов из Сибири. Однако в 1937 году в городе была сформирована Кубано-Терская станица, состоявшая из казаков с Кубани и Северного Кавказа. Она была немногочисленной (немного более 80 чел.), но также играла свою роль в поддержке казаков в Харбине.

Кубано-Терская станица преследовала следующие цели: моральную и материальную поддержку членов станицы; культурную и воспитательную работу по подготовке молодого подрастающего поколения.

Казачьи станицы Харбина играли существенную роль в консолидации казачества в городе, старались оказывать материальную поддержку и развивать духовную культуру, помогать казакам и другим эмигрантам из России обустроиваться на новом месте.

Источники и литература

1. **Сергеев О. И.** Опыт сохранения традиционного уклада жизни казачества в условиях зарубежья // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар: Кубанькино, 2008. – С. 93–107.
2. **Чапъгин И. В.** Казачья эмиграция в Китае. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 171 с.

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)61

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

**Создание Восточного казачьего союза в Харбине
по воспоминаниям полковника Г. В. Енборисова**

В статье характеризуется один из малоизученных в настоящее время аспектов истории российской эмиграции в Китае – организация Восточного казачьего союза в г. Харбине в 1923 году. Отмечается, что имеющиеся публикации по истории казачьей эмиграции в Китае зачастую только упоминают о данной организации, без анализа процесса её создания и деятельности в период существования. Источником для анализа послужили воспоминания одного из организаторов названного союза полковника Г. В. Енборисова. Отмечается, что история Восточного казачьего союза требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: казачество, эмиграция, белогвардейцы, Восточный казачий союз, Китай, Харбин, Г. В. Енборисов

Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

**The Creation of Eastern Cossack Union in Harbin
by the memoirs of colonel G. V. Enborisov**

The article characterizes one of the little-known, at present, aspects of the history of the Russian emigration in China, namely, the organization of Eastern Cossack Union in Harbin in 1923, it is noted that the available publications on the history of the Cossack emigration in China, often only mention this organization, without analyzing the process of its creation and activity in the period of existence. Source for analysis were the memoirs of one of the organizers named after Union Colonel G. V. Enborisov. It is noted that the history of the Eastern Cossack Union requires further study.

Keywords: Cossacks, exile, the whites, the Eastern Cossack Union, China, Harbin, G. V. Enborisov

История казачества в целом и в Китае в частности не раз становилась предметом научного анализа. Следует отметить, что изучена она относительно неплохо, однако есть страницы, которые и на сегодняшний день являются незаполненными. Такова история формирования и деятельности Восточного казачьего союза в г. Харбине на Северо-Востоке страны.

Несмотря на то, что сам факт существования союза достаточно широко известен, объёмных всеобъемлющих публикаций по его истории, на сегодняшний день нет. Существует достаточно много работ с краткими

упоминаниями о его создании, руководителях в разное время, но все они дают отрывочные данные.

Так, один из специалистов по истории российской эмиграции в Китае Н. Н. Аблажей в некоторых публикациях только упоминает о создании союза, в других не находим тому подтверждения [2; 3].

О воспоминаниях Г. В. Енборисова вскользь говорил К. В. Фомин, один из первых учёных, достаточно анализировавших казачество в Китае, при этом серьёзно не останавливаясь на деятельности Восточного казачьего союза [24].

Аналогичную картину наблюдаем в целом ряде иных специальных исследований по истории российской эмиграции или по истории казачьей эмиграции в Китае, причём авторы зачастую воспоминания Г. В. Енборисова или сам Восточный казачий союз даже не упоминают [5; 13; 14; 15; 16; 19; 21; 22; 26].

О создании Восточного казачьего союза говорит специалист по казачеству в Китае И. В. Чапыгин, однако сам процесс его организации, да и последующая деятельность до реорганизации в 1933 году автором не затрагивается. В своей монографии по истории казачьей эмиграции в Китае И. В. Чапыгин даёт лишь краткую характеристику целей и руководство [25, с. 74].

Авторству В. Н. Абеленцева принадлежит объёмная биография одного из организаторов до 1933 года, членов руководства Восточного казачьего союза (председателя – с 1933 г.) Совета казачьих войск генерала Е. Г. Сычева, однако никаких данных о союзе автор не приводит. Он отмечает, что к началу 1930-х годов Восточный казачий союз объединял более 20 000 казаков, являясь одной из наиболее крупных и авторитетных эмигрантских организаций на Севере и Северо-Востоке Китая [1].

А. Брагин в одной из публикаций рассказывает о судьбе казачества в Маньчжурии в 1920–1930-е годы, говорит о создании в 1920 году в Харбине Рабочей артели из остатков Оренбургского казачьего войска, об образовании в 1923 году казаками Сибирского войска Сибирской казачьей станицы, об организации Амурской станицы в 1924 году и т. д., но ни словом не упоминает Восточный казачий союз. Его изложение материала по казакам на Севере и Северо-Востоке Китая строится через характеристику «Союза казаков на Дальнем Востоке» [6].

Не найти упоминаний о Восточном казачьем союзе и в иных относительно интересных публикациях по казачьей миграции в Китае [7; 12; 23].

Отметим, что краткие, отрывочные упоминания Восточного казачьего союза относятся не только к работам современных исследователей. Это свойственно и исследованиям современников [11, с. 146; 17; 18; 20]. Причину столь странного отношения учёных к вопросу открытия и первоначального периода существования Восточного казачьего союза назвать сложно, тем более что в последние годы были оцифрованы воспоминания Г. В. Енборисова, появившиеся в Шанхае в 1932 году, позднее его воспоминания были изданы [9; 10]. Отметим, что воспоминания Г. В. Енборисова достаточно развёрнуты

и могут значительно восполнить имеющиеся пробелы в казачьей истории Китая [8–10].

Воссоздание истории Восточного казачьего союза важно и в связи с тем, что в имеющихся упоминаниях существуют расхождения. Так, часть публикаций говорит о том, что он прекратил своё существование в 1933 году, отдельные работы называют 1935 году [1; 20].

Итак, цель данной статьи – дать характеристику процесса организации Восточного казачьего союза в Харбине. Её основой станут воспоминания полковника Г. В. Енборисова, причём мы будем опираться не на широко известный их вариант, а на набранный на печатной машинке, хранящийся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Отметим, что изданные в Шанхае воспоминания дополняют название «Памятка о пережитом». В оригинале её нет. Воспоминания именуются просто «От Урала до Харбина», датированные 1917–1927 годами. Общий объём документа – 171 лист. Отметим, что архивный документ и изданные воспоминания практически не отличаются друг от друга [8].

На момент издания своих мемуаров в 1932 году в Шанхае Г. В. Енборисов был Почётным мировым судьёй, проживал в Харбине, что отражено на титульном листе первого издания воспоминания [9]. В рамках предметного поля данной статьи нас интересует краткий период с января 1923 года – это время организационной работы и в итоге создания Восточного казачьего союза.

История Восточного казачьего союза начинается с января 1923 года, когда к Г. В. Енборисову пришёл генерал Сычев, которого тот ранее не знал, с предложением о создании казачьего союза. Первая же встреча, прошедшая на месте службы Г. В. Енборисова, в экспедиции КВЖД, привела к положительному решению, и 28 января того же года состоялось первое организационное собрание. Г. В. Енборисов отмечает, что идея создания чего-то подобного союзу возникла у него самого ранее, и им даже был написан устав общества.

Было утверждено создать объединяющий всех казаков на севере и Северо-Востоке Китая институт – союз, который должен был возглавить Советом. В данный Совет должны были войти представители от войсковых правительств. Помимо Совета, создавался Президиум Совета. На первом собрании присутствовали приглашённые: три представителя от Оренбургского казачьего войска, три – от Сибирского, три – от Амурского, два – от Енисейского. Другие казачьи войска не прислали своих представителей. Причина была в том,

что они не получили извещения об организационном собрании. Отсутствие представителей от иных войск делало союз неполным. Было принято решение о включении представителей от них в Совет союза отдельной процедурой, по согласованию с правлением созданного союза [8, л. 112].

За первым собранием последовало второе, на котором проводились выборы. Оно состоялось через несколько дней, 2 февраля 1923 года. На собрании присутствовали: «...от оренбуржцев – полковник Енборисов, надворный советник Архипов, от сибирцев – генерал Белов, полковник Березовский, от амурцев – Сычев, генерал Вертопрахов, доктор Корнев и Нижегородцев, от енисейцев – статский советник Кузнецов. От амурцев явились четыре человека, потому что Сычев называет себя атаманом, а атаманы уже по своему званию входят в совет [Там же, л. 114].

Выборы в правление союза прошли единогласно. Председателем правления был избран Г. В. Енборисов; товарищами председателя – доктор Корнев и полковник Березовский; секретарём – советник Кузнецов. И. В. Чапыгин говорит не о товарищах, а о заместителях председателя, хотя в воспоминаниях именно «товарищи», при этом, он верно отмечает, что первый был представителем Сибирского казачьего войска, второй – Амурского [8, л. 113; 25, с. 74]. Причём на первом же заседании Совета Восточного китайского союза секретарём вместо Кузнецова был избран надворный советник Архипов [8, л. 114].

Помимо технической процедуры избрания органов управления союза, организационное собрание постановило признать Главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича, т. е. обозначить свою приверженность монархии и старой династии [Там же, л. 113].

О создании новой казачьей организации было принято решение известить все имеющиеся эмигрантские и казачьи структуры, что и было сделано к лету 1923 года. В ответ в конце года был получен приветственный адрес из Болгарии от Объединённого Совета казаков Дона, Кубани и Терека [Там же, л. 114]. И. В. Чапыгин говорит о том, что программа организации была направлена на объединение всего русского зарубежного Дальнего Востока против большевиков [25, с. 74].

Следующее после выборов заседание подняло вопрос об увеличении количества представителей в союзе от казачьих войск. Однако, согласно воспоминаниям далеко не все казачьи войска подчинились этому решению. Более того, отметим, что основное пред-

ставительство было от оренбургских казаков, что предопределено, вероятно, происхождением самого Г. В. Енборисова.

Так, результатом заседания стало принятие в союз от Оренбургского казачьего войска – генерала генерального штаба Косьмина, – который был избран управляющим делами совета и правления. В воспоминаниях указывается, что он состоял казак по Арсинской станице. Как известно, данная станица до Революции 1917 года отправляла сотню в Верхнеуральский казачий полк Оренбургского казачьего войска.

На этом же заседании своим представителем на западе Совет Восточного казачьего союза назначил атамана (опять же) Оренбургского казачьего войска генерала Акулина. Через него Великому князю Николаю Николаевичу был сделан доклад о созданном союзе. Председатель Совета союза Г. В. Борисов в ответ на данный доклад получил от Великого князя телеграмму, датируемую 14 декабря 1923 года. В ней высказывалась благодарность за объединение казаков посредством создания союза, за приветствие и «доверие» [8, л. 113].

Не обошлось и без разногласий, которые при анализе истории российской эмиграции в Китае иногда называют просто «сколками». Так, полковник Е. П. Березовский заявил, что выйдет из Совета союза, если в него введут «...Шмотина или Нестеренко...». Они предлагались (подчеркнём – *авт.*) от оренбургских казаков. Возможно, именно количество оренбуржцев и толкнуло Е. П. Березовского на такой шаг, поскольку сам он был представителем сибиряков. Его при этом поддержал представитель Амурского казачества генерал Е. Г. Сычев заявил: «Мы все откажемся, если войдут эти люди». Несомненно, свою роль могли сыграть и человеческие качества, но, можно предположить, что это стало поводом к принятию в Совет от Сибирского казачьего войска члена Войскового правительства есаула Грибановского. Об иных избраниях, Г. В. Енборисов не пишет [Там же].

О том, что в союз вошли казаки Забайкальского казачьего войска, находим подтверждение в упомянутой ответной телеграмме Великого князя Николая Николаевича.

Г. В. Енборисов отмечает, что позднее он получил от Объединённого Совета казаков Дона, Кубани и Терека «Основные положения казачьей платформы», которые он приводит полностью [Там же, л. 115]. На основании названных основных положений была принята Резолюция Совета Восточного казачьего союза.

Ознакомившись и обсудив Основные положения казачьей платформы (Объединённого совета Дона, Кубани и Терека), Совет Восточного казачьего союза признал, что:

«...1. На Дону, Кубани и Тереке в процессе борьбы с советской – коммунистической властью – исторически возникла необходимость перехода этих казачьих войск на положение особых государственных образований с присвоением им временно, впредь до восстановления законной общероссийской государственной власти, государственного суверенитета.

2. Такая необходимость объявить государственную самостоятельность на Дону, Кубани и Тереке освещена борьбой этих казачьих войск за национально-государственные начала исторической жизни русского народа, за его веру и экономический уклад жизни, основанный на праве частной собственности и свободе частно-хозяйственной инициативы.

3. Остальные казачьи войска в процессе революции вынуждены были объединиться в Восточный Союз для борьбы с теми же врагами Родины и казачества, с которыми боролись на Западе Донское, Кубанское и Терское казачьи войска. Но по ходу исторических событий и согласно обстановке действий казачьи войска Сибири и Востока Европейской России не имели нужды в обособлении казаков в виде государственных образований, подобных тем, какие были установлены в процессе революции и борьбы на Дону, Кубани и Тереке.

4. Все казачьи войска и казаки внутренне объединены в общей борьбе за сохранение исторически возникшего уклада казачьей жизни и образа его служения родной стране. Залогом их экономического благосостояния и обеспечения возможности выполнять казачье служение являются войсковые и общественные земли с их недрами, закреплённые за казачьими войсками грамотами законной государственной власти на вечные времена. Такое единение в борьбе за общие для казаков цели Совет чувствует и исповедует и теперь.

5. Все казачьи войска и Запада, и Востока одинаково одушевлены верностью и преданностью общей Родине-матери России, засвидетельствованными жертвенностью, не раз доказанной в борьбе против внешних врагов страны и нынешних её поработителей коммунистов. Эта борьба не прекратилась и теперь, но она приняла другие формы, и казачество верит, что придёт час, и оно вместе со всем русским народом вновь отдаст всё, чтобы восстановить единую, великую и свободную Россию. Верит оно, что и в новой России казачеству будет дана возможность

устроить свою жизнь по своему желанию, чтобы и впредь казачество могло служить родной стране верно и преданно, как встарь.

Постановлено: изложенные суждения сообщить Объединённому совету Дона, Кубани Терека и заверить его, что казачьи войска Восточного Союза готовы идти рука об руку вместе со своими братьями к единой цели: к свержению советской власти и восстановлению разрушенной коммунистами Российской государственности и казачества»...» [8, л. 115].

Далеко не во всех публикациях можно встретить упоминание о том, что полковник Г. В. Енборисов выступал за активное сближение с японским командованием, хотя в отдельных работах вкратце об этом говорится [27, с. 100]. Находим подтверждение этому в воспоминаниях Г. В. Енборисова. Самое главное то, что действия белогвардейского полковника позиционируются на Восточный казачий союз. Так, он отмечает, что в июле 1923 года. Совет союза принял решение о вынесении благодарности Японскому императорскому правительству через японского генерал-губернатора в Корею за заботу о русских беженцах, большинство из которых являлись казаками [8, л. 114].

Созданный Восточный казачий союз именовался также Союзом казаков на Востоке. Иногда исследователи говорят о том, что Восточный казачий союз создавался как представительство «Казачьего союза» в Париже [25, с. 74]. Справедливости ради отметим, что не совсем ясно, из чего следует такое заявление, в воспоминаниях встречается только краткое упоминание о том, что в Париже приветствовали создание союза [8, л. 114].

Воспоминания В. Г. Енборисова дают представление о том, как союз будет действовать дальше. Практически сразу после его организации, он начал разваливаться «изнутри».

Так, с протестом на имя Председателя Совета союза выступили казаки Амурского войска, обвинив в «некрасивых указаниях» генерала Е. Г. Сычева, отметив при этом, что он незаконно принял на себя звание атамана. Казачество его не избирало, и два войсковых круга на этом основании исключило его из казачьего войскового сословия.

Разногласия начались в иных войсках. Так, в Сибирском лишился полномочий полковник Е. П. Березовский. Возникли противоречия у енисейцев и уральцев, причём они выходили за рамки войск и Восточного казачьего союза, перекидываясь на страницы эмигрантских газет.

Итогом стало возникновение разногласий уже между самим В. Г. Енборисовым и «объединившимися» Е. П. Березовским и Е. Г. Сычевым. Первый называет их «народоправцами», стремящимися к революции и заскучавшими по переворотам, Г. В. Енборисов при этом отходит от дел [8, л. 116].

Здесь мы встречаем ещё одно упоминание о забайкальском казачестве. Так, после того как руководить Советом Восточного казачьего союза стал полковник Е. П. Березовский, в Совет вошёл генерал-лейтенант, войсковой атаман (с 1922 г.) Забайкальского казачьего войска (по В. Г. Енборисову – председатель Забайкальского войскового правительства) А. П. Бакшеев. Однако через некоторое время он вышел из Совета союза [Там же].

Таким образом, судьба Восточного казачьего союза в Харбине, в принципе, была предreshена. Он просуществовал до первой половины 30-х годов XX века. Однако на сегодняшний день его история не получила должного освещения.

Следует отметить, что Восточный казачий союз появился на два года раньше Казачьего союза в Шанхае, который получил в дальнейшем значительно большую известность. Это является показателем активной деятельность генерала Е. Г. Сычева, так и полковника Г. В. Енборисова. Можно только сожалеть, что достаточно быстро его настигла «болезнь» российских эмигрантов в Китае – постоянные споры, противоречия, конфликты, склоки.

Для нас очевидно то, что, несмотря на разные цели создания Восточного казачьего

союза, относительно недолгий период его существования, в первоначальный период он выступил объединительной силой для казаков Северо-Востока Китая.

Таким образом, воспоминания полковника Г. В. Енборисова на сегодняшний день, во-первых, дают нам представление об организации и о начале работы Восточного казачьего союза, а во-вторых, являются, судя по всему, единственным относительно весомым источником по данному вопросу.

Следует отметить, что названные воспоминания интересны и при изучении некоторых иных аспектов истории русской эмиграции в Китае. В настоящее время практически отсутствуют научные публикации по истории православия в Чанчуне – административном центре провинции Цзилинь (Гирин). В воспоминаниях Г. В. Енборисова находим названия некоторых церквей, имена священнослужителей. Здесь мы не говорим о воспоминаниях о Восточной Сибири, поездке из Читы до Харбина и др.

Представляется, что воспоминания Г. В. Енборисова – это ценнейший источник как по отечественной истории, так и по истории российской эмиграции в Китае. В то же время, работа с ним должна подразумевать использование основополагающих принципов исторической науки (как, впрочем, и работа с любыми иными воспоминаниями), принципов историзма и объективности. Всё же полковник Г. В. Енборисов был представителем белогвардейской эмиграции, его взгляды на жизнь во многом этим и предопределены.

Источники и литература

1. **Абеленцев В. Н.** Председатель Восточного казачьего союза генерал Е. Г. Сычев // *Белая гвардия. Казачество России в Белом движении*. – М.: Посев, 2005. – С. 292–301.
2. **Аблажей Н. Н.** РОВС и Енисейское казачество // *Гуманитарные науки в Сибири*. – 2004. – № 2. – С. 84–87.
3. **Аблажей Н. Н.** Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2008. – 341 с.
4. **Аблова Н. Е.** КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005. – 556 с.
5. **Аурелене Е. В.** Российская эмиграция в Китае: 1920–1950-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Хабаровск: Хабар.пограничный ин-т, 2004. – 376 с.
6. **Брагин А.** «Союз казаков» в Маньчжурии [Электронный ресурс] // *Историко-культурное наследие Кубани*. – Режим доступа: <http://www.gipanis.ru/?level=1125&type=page> (дата обращения: 03.01.2018).
7. **Ганин А. В.** Атаман А. И. Дутов [Электронный ресурс] // *Военная литература*. – М.: Центрполиграф, 2006. – 688 с. – Режим доступа: http://www.militera.lib.ru/bio/ganin_av01/text.html (дата обращения: 06.01.2018).
8. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**. – Ф. 5881. – Оп. 2. – Д. 334.
9. **Енборисов Г. В.** От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. – Шанхай, 1932. – 155 с.
10. **Енборисов Г. В.** От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. – М.: Вече, 2014. – 288 с.
11. **Казачество.** Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. – Париж: Казачий Союз, 1928. – 384 с.
12. **Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945.** Союз казаков на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // *РУСТРАНА*. – Режим доступа: <http://www.pustrana.pf/article.php?nid=18478> (дата обращения: 03.01.2018).

13. **Каргопольцев Д. С.** Молодёжные объединения российской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 326 с.
14. **Кротова М. В.** СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е – 1950-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб.: С.-Петербург. ин-т истории РАН, 2014. – 536 с.
15. **Ляпсенкова Л. Н.** Культурное наследие российской эмиграции в Маньчжурии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2008. – 158 с.
16. **Малышенко Г. И.** Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Омск: Омск. гос. аграрный ун-т, 2007. – 498 с.
17. **Пеньковский Д. Д.** Политические последствия эмиграции белого казачества за границу // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2005. – № 58. – С. 98–107.
18. **Пеньковский Д. Д.** Эмиграция казачества в составе белых войск из России и её последствия: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – М.: Моск. гум. ун-т, 2006. – 443 с.
19. **Писаревская Я. Л.** Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, середина 1920-х – середина 1930-х гг.: социально-политический состав, быт, реэмиграция: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2001. – 241 с.
20. **Пушкарёв В. А.** Советский извод и китайский исход амурского казачества [Электронный ресурс] // Благинформа. Информационный портал Благовещенской епархии. – Режим доступа: <https://www.blagininform.ru/wp-content/uploads/Извод-и-Исход.pdf> (дата обращения: 03.01.2018).
21. **Ревякина Т. В.** Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (начало 1920 – середина 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2004. – 308 с.
22. **Рекунов В. А.** Эмиграция белых войск из России в Китай и её военные последствия: 1918–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М.: Моск. гос. ун-т, 2011. – 155 с.
23. **Судьба полковника Енборисова** [Электронный ресурс] // Единение. – Режим доступа: <http://www.unification.com.au/articles/read/3877> (дата обращения: 06.01.2018).
24. **Фомин К. В.** Казачья эмиграция в Китае (1922–1931): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М.: Моск. автодорожный ин-т (Гос. техн. ун-т), 2004. – 163 с.
25. **Чапыгин И. В.** Казачья эмиграция в Китае. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 171 с.
26. **Чуприна М. В.** Эмиграция гражданского населения из России в Китай и её особенности: 1917–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М.: Моск. гум. ун-т, 2012. – 185 с.
27. **Яковкин Е. В.** Русские солдаты Квантунской армии. – М.: Вече, 2004. – 320 с.

УДК 27:94(47+57)

ББК Э372.24-362:Т3(2)622

Вадим Николаевич Якунин,
Поволжский государственный университет сервиса,
г. Тольятти, Россия

Церковь и армия в годы Великой Отечественной войны

В статье анализируется патриотическая деятельность Русской православной церкви в 1941–1945 годы, её помощь фронту и тылу. Характеризуются виды данной деятельности. Называются отдельные священнослужители, много сделавшие для дела Победы. Приводятся цифровые данные по количеству собранных средств. Отмечается, что после окончания войны церковь не осталась в стороне от социальных процессов, направляя верующих на восстановление хозяйства. В основу работы легли имеющиеся научные публикации, а также архивные источники – документы по истории Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская православная церковь, патриотическая деятельность, архиереи, священники

Vadim N. Yakunin,
Volga Region State University of Service,
Tolyatti, Russia

The church and the Army during the Great Patriotic War

The article analyzes the Patriotic activity of the Russian Orthodox Church in 1941–1945, it will help the front and the rear. Characterized by the types of the activity. Called some priests, have made very great service to the cause of Victory. Lead-Xia digital data, by number of funds raised.

It is noted that after the war the Church did not remain aloof from social processes, guiding the faithful to restore the economy. The basis of this work was the available scientific publications and archival sources – documents on the history of the Russian Orthodox Church in the years of the great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic War, the Russian Orthodox Church and Patriotic activities, bishops, priests

22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз. В первый же день фашистского нашествия глава РПЦ патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) написал послание, в котором призвал их к исполнению священного долга перед Родиной. Высшие иерархи РПЦ откликнулись на подвиги партизан и призывали русских людей оказывать им всякую поддержку в борьбе с врагами, вступать в ряды народного антифашистского сопротивления [4; 6; 24, с. 40, 61, 74]. Такие обращения руководителей Московской Патриархии через штабы партизанского движения в листовках переправлялись за линию фронта и распространялись среди населения [11, л. 46]. О силе их воздействия свидетельствуют отклики самих партизан: «Ваш листок сыграл большую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим в борьбе против фашизма», – писал митрополиту Ленинградскому Алексию верующий боец второй Ленинградской особой партизанской бригады разведотдела штаба Северо-Западного фронта А. Г. Голицын, и он в своём мнении не был одинок [7]. 2 ноября 1944 года в ГУПП РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма с просьбой «по встретившейся надобности в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви» [11, л. 45].

Пастыри церкви благословляли верующих на сооружение оборонительных рубежей и сами участвовали в этом благородном деле. Многие из духовенства принимали самое активное участие в местных органах противовоздушной обороны, а некоторые из них занимали командные посты в этой работе [Там же, с. 46]. Послания священноначалия Русской православной церкви распространялись на всей территории СССР, в том числе и на оккупированной фашистами. Этому способствовали органы государственной власти, понимавшие необходимость пастырского слова в тот период, его востребованности в обществе, страдающем от потерь войны.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), будучи по своей светской специальности хирургом, имевшим степень доктора медицин-

ских наук и звание профессора медицины, спас сотни раненых бойцов Красной армии [9, л. 5–9]. Лечение раненых преосвященный Лука совмещал с архиерейским служением – в 1943 году он был назначен управляющим Красноярской епархией, а в феврале 1944 года переведён правящим архиереем в Тамбовскую епархию. На новом месте своего служения владыка сразу же начал ремонтировать городской собор, собирать причт, вести службы. На его попечении находилось 150 госпиталей, в каждом – до 1000 коек. В некоторых регионах страны к представителям Церкви за помощью обращались руководители госпиталей, детских домов и других организаций [8, л. 19]. Фактов отказа духовенства и верующих в таких случаях документально не зафиксировано.

Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 году на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии, и среди них будущий патриарх Пимен. В то время, когда началась война, он был иеромонахом и отбывал ссылку в Средней Азии. Начав свой боевой путь заместителем командира роты, будущий патриарх дослужился до звания майора, пока, наконец, не обнаружили, кто он такой на самом деле. За этим последовали скандал, изгнание из армии и последующее заключение [20, с. 334]. После войны отец Пимен вернулся к пастырской деятельности и был назначен настоятелем Благовещенского собора в г. Муроме.

В литературе достаточно много написано о священнослужителях – участниках Великой Отечественной войны. Приведём несколько примеров из архивных данных. Священствовавший в Уфимской епархии с 1924 года отец Димитрий Логачевский в годы Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной армии, где в рабочем батальоне помогал нашим воинам громить врага. После ранения в 1943 году он вернулся к пастырскому служению, был награждён медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [2]. Клирик храма во имя святого благоверного князя Александра Невского Стефан Козлов боевое крещение принял в июле 1944 года. Ратный путь пулемётчика ознаменован орденом Славы III степени и медалью «За победу над

Германией». Честно отслужил отец Стефан в рядах вооружённых сил и четыре послевоенных года. Личным мужеством в боях за Родину отличился и священник Тихвинской церкви села Романишино Лужского района Георгий Степанов, награждённый медалями «За отвагу» и «За победу над Германией» [12, л. 17–18]. Протоиерей Георгий Иванович Никитин с 1942 года вплоть до своего ранения в феврале 1943 года был на фронтах Великой Отечественной войны. В марте 1945 года его назначили настоятелем Богоявленской церкви села Подвалье [1].

30 декабря 1942 года патриарший местоблюститель обратился к архипастырям, пастырям и приходским общинам Церкви с призывом жертвовать средства на сооружение танковой колонны имени Димитрия Донского [3; 23, л. 2]. Призыв митрополита Сергия был с воодушевлением подхвачен верующими, которые собрали свыше 8 млн р., большое количество золотых и серебряных предметов [24, с. 95]. На танковом заводе г. Челябинска в короткий срок было построено 40 танков Т-34. Их передача 38-му и 516-му танковым полкам состоялась у деревни Горелки, что в пяти километрах северо-западнее Тулы. В день передачи колонны, 7 марта 1944 года, состоялся торжественный митинг, на котором выступил митрополит Николай Крутицкий (Ярушевич) [10, л. 135–136; 11, л. 21–23; 18].

Верующие нашей страны вносили средства на эскадрилью самолётов имени другого русского святого князя – Александра Невского. Благодетель г. Горького протоиерей А. А. Архангельский, проводивший в первые дни на фронт брата и своих детей, внёс в конце 1942 года 200 000 р. на постройку боевого самолёта этой эскадрильи. Он призвал всех православных священнослужителей последовать своему примеру [22]. 23 марта 1944 года духовенство и верующие церковью только г. Москвы внесли на постройку самолётов 1 млн р. [10, л. 135–136].

Подчас духовенство являлось единственным связующим звеном между населением и партизанами, священники укрывали красноармейцев, сами вступали в ряды народного антифашистского сопротивления. Многие из тех священнослужителей, кто был вынужден сосуществовать с оккупантами, одновременно вели против них подрывную работу, помогали партизанам медикаментами, одеждой, продовольствием, а иногда и оружием. Духовенство способствовало формированию у населения положительного образа партизан, призывая всех способных носить оружие встать на сторону народных мстителей.

Священнослужители в невероятно тяжёлых и опасных условиях оккупации собирали средства в Фонд обороны страны, спасали евреев от смерти, крестя их и давая им христианские имена, укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, препятствовали эвакуации в Германию соотечественников, распространяли среди населения сводки Совинформбюро. Надо признать, что проповеди пастырей Церкви, оставшихся на занятой врагом территории, имели для населения зачастую не меньший вес, чем эти сводки.

Одной из форм патриотической деятельности Церкви можно считать организацию церковных попечительств, оказывавших бесплатную помощь продуктами питания и лекарствами больным и престарелым людям, оказавшимся в оккупации.

РПЦ внесла весомый вклад в нашу победу в Великой Отечественной войне. В посланиях иерархов и проповедях священников Церковь не только утешала верующих в скорбях, но и поощряла их к самоотверженному труду в тылу, мужественному участию в боевых операциях на фронте и партизанских отрядах, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем самым формированию высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников.

Духовенство Церкви и её иерархи активно использовали для своих выступлений средства массовой информации: периодическую печать и радио. В годы войны ими было прервано многолетнее молчание РПЦ, в печатных органах впервые за долгие годы стала даваться положительная оценка Церкви и её деятельности.

Патриотическая деятельность РПЦ послужила причиной изменения государственно-церковных отношений, в СССР начали открываться православные храмы [5, с. 189–190; 13, с. 77–80; 14, с. 8–13; 15, с. 145–149; 16, с. 93–100; 17, с. 90–98; 19, с. 101–104; 25, с. 311–316].

Патриотическая деятельность проводилась во всех православных епархиях нашей страны. Пастыри Церкви благословляли верующих на сооружение оборонительных рубежей и сами участвовали в этой работе. Многие из них принимали активное участие в местных органах противоздушной обороны, укрывали от фашистов раненых красноармейцев, помогали им пробираться к своим частям.

Во время войны православные приходы брали шефство над госпиталями, детскими

домами и садами. В монастырях собирались пожертвования на военные нужды, устраивались госпитали, находящиеся на полном содержании и обслуживании монашествующих. Монахини женских монастырей обслуживали больницы, работали в прачечных, пекарнях и на других работах. Многие обитатели оказывали материальную помощь разрушенным войной районам.

Из направлений патриотической деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны выделим следующие: сбор различных видов пожертвований для фронта и тыла, помощь раненым, детям-сиротам, семьям погибших бойцов; организация госпиталей и оказание им финансовой поддержки, уход за больными и ранеными; материальная помощь детским домам и садам; участие духовенства и верующих в боевых операциях действующей армии и в отрядах партизан; помощь народным мстителям на оккупиро-

ванных территориях, организация отрядов самообороны; проведение разъяснительной и воспитательной работы среди верующих; воспитание мужества, самопожертвования и веры в победу у населения; утешение людей и помощь им в преодолении страданий от потерь войны; консолидация верующих, направленная на достижение единства тыла; духовное подвижничество; международная миротворческая и антифашистская деятельность; восстановление разрушенного хозяйства и помощь разрушенным войной районам. Всё это вместе взятое способствовало общей для всех задаче разгрома оккупантов. Свыше 300 млн р. было собрано в годы войны православными верующими [10]. После того как гитлеровцы были изгнаны с территории СССР, иерархи Церкви призвали всех верующих к восстановлению разрушенного войной хозяйства. Сотни миллионов рублей были собраны ими в Советский фонд мира в послевоенные годы.

Источники и литература

1. **Архив В. Н. Якунина.**
2. **Архив Самарского епархиального управления.** Переписка с журналом Московской Патриархии.
3. **Васильева О. Ю.** С именем Димитрия Донского // Журнал Московской Патриархии. – 1990. – № 5. – С. 45.
4. **Васильева О. Ю.** Митрополит Сергей (Страгородский): штрихи к портрету // Альфа и Омега. – 2002. – № 1. – С. 136.
5. **Васильева О. Ю.** Проблема государственно-церковных отношений в СССР в современной финской историографии // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 189–190.
6. **Васильева О. Ю.** «Пророки» в отечестве. Вторая мировая началась по воле божьей // Новое время. – 1994. – № 29. – С. 36.
7. **Васильева О. Ю.** Жребий митрополита Сергея // Наука и религия. – 1995. – № 5. – С. 20.
8. **ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).** – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 27.
9. **ГАРФ.** – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 9.
10. **ГАРФ.** – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 17.
11. **ГАРФ.** – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 3.
12. **ГАРФ.** – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 53.
13. **Дроботушенко Е. В.** Динамика роста количества православных храмов и молитвенных домов Сибири и Приморья в середине 40-х гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3–2. – С. 77–80.
14. **Дроботушенко Е. В.** Направления изучения православия в Забайкалье в 1943 – конце 1980-х гг. по документам Государственного архива Российской Федерации // Гуманитарные исследования Внутренней Азии: вестник БГУ. – 2017. – № 2. – С. 8–13.
15. **Дроботушенко Е. В.** Проблемы историографии Русской православной церкви в Восточном Забайкалье (XX – начало XXI в.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. – 2016. – С. 145–149.
16. **Дроботушенко Е. В.** Развитие православия в Читинской области в деятельности Совета по делам Русской православной церкви в 1943–1947 гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: материалы XIII Междунар. науч. конф. – 2014. – С. 93–100.
17. **Кузнецов В. В., Дроботушенко Е. В.** Русская православная церковь в Читинской области в 1943–1950 гг. // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 3. – С. 90–98.
18. **Митрополит Николай.** На алтарь Родины // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – № 4. – С. 12–16.
19. **Молодов О. Б.** Процедура регистрации православных приходов в 1940-е годы (на материалах архивов Вологодской области) // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 101–104.
20. **Поспеловский Д. В.** Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

21. **Правда о религии в России.** – М.: Московская патриархия, 1942. – 250 с.
22. **Правда.** – 1943. – 5 янв.
23. **РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).** – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 188.
24. **Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война:** сб. док. – М.: Моск. патриархия, 1943. – 100 с.
25. **Хисамутдинова Р. Р.** Село в период восстановления // История Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургская губерния, 1996. – С. 311–316.

УДК 39:811.161.1
ББК Т5:Ш141.2-006

Олег Викторович Пустовалов,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
г. Томск, Россия

История Русского Трёхречья в рассказах переселенцев из России

В статье рассматривается история становления русской общины в районе Трёхречья (Санхэ, округ Хулунбуир, Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика) по письменным и устным воспоминаниям бывших и нынешних русских трёхреченцев и их потомков. До середины 50-х годов прошлого века русские и их потомки составляли большинство населения Трёхречья, живущего в традициях русской культуры и говорящего по-русски. Статья основана на результатах научной экспедиции в Трёхречье (Санхэ, район Хулунбуир, Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика). Экспедиция состоялась в сентябре 2017 года. Основной целью экспедиции было изучение быта, языка, традиций потомков русских поселенцев.

Ключевые слова: социолингвистика, русский язык в зарубежье, Китай, Трёхречье, русская культура, русское казачество

Oleg V. Pustovalov,
Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia

History of the Russian Sanhe told by descendants of the Russian settlers

The article deals with history of formation of the Russian community near The Three Rivers region (Sanhe, the District of Hulunbuir, Inner Mongolia, the People's Republic of China) according to written and oral memories of former and present Russians from The Three Rivers region and their descendants. To the middle of the 1950th the Russians and their descendants constituted the majority of the population of the Three River Region which living in traditions of the Russian country culture and speaking Russian. Written article is based on the results of scientific expedition to Three river region (Sanhe, the District of Hulunbuir, Inner Mongolia, the People's Republic of China). The expedition took place in September 2017. The main aim of expedition was to study life, language, traditions of descendants of the Russian settlers.

Keywords: sociolinguistics, Russian language abroad, China, the Three Rivers Region, Russian culture, the Russian Cossacks

Русское Трёхречье является одним из мест русского послереволюционного расселения. Эта территория вызывает большой интерес у современных исследователей: Е. А. Оглезневой [12], В. Л. Кляуса [10], А. А. Забияко [8], А. П. Забияко [8], Ю. В. Аргудяевой [4], Я. В. Зиненко [9], Лян Чже [11] и др.

Трёхречье – территория бассейнов рек Ган, Дербул и Хаул – притоков Аргуни, находится в уезде Аргунь [1]. Это место давней русской колонизации из Забайкалья. Во

второй половине XIX века казаки перегоняли сюда скот, строили заимки, охотились, занимались рыболовством, хлебопашеством, а иногда и распахивали плодородные целинные земли. Первые русские поселения появились здесь в 1885 году вдоль реки Хаул [13, с. 41]. После Октябрьской революции в России Трёхречье пополнилось русским населением из Забайкалья: это были казаки и зажиточные крестьяне, имевшие заимки в Китае и бежавшие туда от новой власти,

а также женщины, вышедшие замуж за китайцев и ушедшие вместе с ними в Китай. В 30-е годы в Трёхречье было более 20 русских сёл. До «великой культурной революции» в Трёхречье существовало 9 русских школ, 18 православных храмов и один монастырь, численность православных верующих достигала 28 тыс. чел. [3, с. 178].

Сейчас русское население рассредоточено по 7–8 деревням. Из 2,5 тыс. русских, проживающих в Китае, 1774 чел. населяют национальную волость Эньхэ.

Удивительно, что на русском языке там еще говорят. Проживающие в Трёхречье русские обладают разным уровнем языковой компетенции в русском языке. Представители старшего поколения – потомки русских во втором поколении – говорят по-русски, а их дети и внуки – в основном по-китайски, хотя многие понимают русский язык. В устном и письменном общении большинство потомков русских перешли на китайский язык, но стараются сохранить русские традиции, православную веру. Так, взамен ранее закрытых в городе Лабудалинь православных храмов в 1990 году при поддержке китайских властей построен Храм святителя Иннокентия Иркутского, освящённый в августе 2009 года [2]. Потомки переселенцев в Трёхречье – это в основном метисы, которые сохраняют русскую речь, календарные и семейные обряды. Проживая на территории Китая, где основными религиями являются буддизм, даосизм, конфуцианство, они отмечают православную Пасху и Троицу, хоронят усопших по христианским обычаям, а некоторые всё ещё живут в избах, построенных по русскому образцу [10].

Сохранились письменные воспоминания русских, проживавших в XX веке в Трёхречье, а затем реэмигрировавших из Китая, являющиеся бесценным источником по истории русских в Китае. Так, бывший житель Трёхречья Павел Шахматов, ныне проживающий в Австралии, в своей книге «Трёхречье. Воспоминания» писал, что эта территория являлась землёй обетованной для казаков, вышедших из пограничных забайкальских станиц «по договору с местным начальством за определённую сумму казаки получали разрешение косить сено. Граница была условной, поэтому казаки свободно переходили на маньчжурскую сторону и охотились на пушного зверя. Охрану границы несли только местные жители этого района: монголы, тунгусы и маньчжуры. Все эти народности питали симпатии к русским, часто сами переходили на русскую сторону, вели торговлю с казаками. Некоторые даже крестились, посещали церкви на

русской стороне. Караулы с маньчжурской стороны в начале двадцатого века несли службу небрежно и пересекающим границу русским они препятствия не чинили» [13, с. 42]. П. Шахматов отмечал, что Трёхречье стало быстро развиваться: «При отсутствии больших налогов, взаимопомощи и уже через 5–10 лет те, у кого было менее 30 голов скота и лошадей, считались бедняками и освобождались от поселковых налогов. В начале тридцатых годов в этом районе купцы занялись торговлей, открылось более двадцати молочных заводов, были построены двадцать мельниц, овчинно-шубные, пимокатные, винокурные заводы» [Там же, с. 51]. Таким образом, Трёхречье в 20–30-е годы представляло собой своего рода оазис русской жизни на китайской, приграничной с Россией территории.

Одним из источников по истории русских и русского языка в китайском Трёхречье являются записи русской речи, сделанные нами в октябре 2017 года во время научной экспедиции в Трёхречье, а именно город Лабудалинь и село Эньхэ. Удалось побеседовать с 8 потомками русских переселенцев в Трёхречье.

Рассказы информантов восстанавливают картину жизни русских в Трёхречье, начиная с начала XX века. Укажем на основные темы их воспоминаний.

Потомки русских переселенцев вспоминают об особенностях переезда русских в Трёхречье: «Много русских приехали в Китай, когда в России произошла революция. Которые были богатые, кулаки, они сюда переехали. Те, которые там навредили. Когда японцев гнали, потом сюда переехали...» [5].

Говоря об устройстве жизни и быта русских в Трёхречье, потомки переселенцев русских указывают как на сохранение русских обычаев, так и на соединение в бытовой жизни атрибутов разных культур – русской, славянской и восточной, китайской. Подтверждение находим в воспоминаниях: «...мама готовила пироги из квашни. Знаешь, что такое? Вкусно!..» [5]; «У меня жена – монголка, мы дома готовим по-русски, по-китайски...» [7]; «...саманный дом – глину намесят, такая смесь, грязь наложат...» [4].

Самым страшным временем проживания русских в Китае, по воспоминаниям потомков русских переселенцев, является время японской оккупации и Культурной революции: «Сюда японцы заходили в 1955, бои здесь были. Я ещё помню, здесь в Хайларе погиб 1001 человек...» [7]; «Во время культурной революции метисов в кандалы. Здорово нас пичужили. Два года сидели в тюрьмах...» [5].

Важное место в жизни потомков русских переселенцев в Трёхречье в течение всего времени существования русской общины в Трёхречье занимала православная церковь, именно православная вера являлась и является средством их этнической самоидентификации: «...праздники тоже отмечаем. В церковь ходим. Богу молимся. Паски тоже здесь есть...» [6]; «Крещёный я. В церкви церковь была...» [5]; «Меня в церкви крестили, Анной назвали. Потом дали имя Лида» [6].

Сохранив русский язык, они понимают, что он не так хорош, как в России, понимают, что начинают забывать его: «...Раньше эти старики, старухи разговаривают, а мы маленькие же слушали. Шибко много не знаем...» [Там же]; «...Вот к нам приходили

городские, они скажут мы и запоминаем. Мы-то не так говорим... Вот ты мне скажешь, как надо, а я потом ещё долго помнить буду...» [5].

Оставшись в Китае, ставшем для них родиной, они вместе с тем осознают некую оторванность от исторической родины и возможность воссоединения с ней через своих потомков – детей и внуков: «Многие русские уезжали в Казахстан, в Россию, в Австралию, у меня сын в Иркутске...» [7]; «Старший сын живёт в России, он 20 лет уехал на Чёрное море» [5].

Записанные рассказы потомков русских, всю жизнь проживших в Китае и не утративших русского языка, являются уникальным лингвистическим и историческим источником и представляют большой интерес для исследователей.

Источники и литература

1. **Жэньминь жибао** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/31516/4298977.html> (дата обращения: 20.01.2018).
2. **Седмица.ru** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/779398.html> (дата обращения: 20.01.2018).
3. **Анучин В. А.** Географические очерки Маньчжурии. – М.: Географгиз, 1948. – 300 с.
4. **Аргудяева Ю. В.** Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). – Благовещенск: Изд-во АмГУ: Онеон, 2016. – 477 с.
5. **Беседа с А. Меньцагиным** // Фоноархив «Русское Трёхречье». Запись: 25.09.2017 г.
6. **Беседа с Л. Дьячковой** // Фоноархив «Русское Трёхречье». Запись: 24.09.2017 г.
7. **Беседа с Н. Щипуновым** // Фоноархив «Русское Трёхречье». Запись: 24.09.2017 г.
8. **Забияко А. А., Забияко А. П.** Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 160–171.
9. **Зиненко Я. В.** Культурная и религиозная жизнь русского Трёхречья (по материалам журнала «Рубеж» 1926–1945 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: Изд-во БГПУ. – 2015. – Вып. 5. – С. 147–149.
10. **Кляус В. Л.** «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 384 с.
11. **Лян Чжэ.** Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015). – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2016. – 252 с.
12. **Оглезнева Е. А.** Языковая история семьи: Забайкалье – Трёхречье – Харбин (на материале записей речи потомков забайкальских переселенцев в Китай) // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 142 с.
13. **Шахматов П. В.** Трёхречье. Воспоминания. – Томск: Красное знамя, 2014. – 344 с.

Раздел 2. Казачество Сибири и Забайкалья в исторической ретроспективе

Chapter 2. The Cossacks of Siberia and Zabaikalye in the history retrospect

УДК 94
ББК ТЗ(0)5

*Владимир Дмитриевич Пузанов,
Шадринский государственный педагогический университет,
г. Шадринск, Россия*

Служилое казачество и присоединение Сибири к России (конец XVI – XVII века)

Служилые люди являлись основной группой русского населения в заселении Сибири в XVII веке. В первом столетии русского заселения Сибири 1586–1700 годов можно выделить три главных периода. Первый этап 1586–1605 годов – эпоха присоединения к России Западной Сибири и начало движения в Восточную Сибирь в бассейн р. Енисея. Второй этап русского заселения края проходил в 1605–1654 годах. Третий этап 1654–1700 годов – это время освоения занятых территорий, усиления русского влияния, подъёма народной крестьянской колонизации.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, крестьяне, город, острог, дворяне, боярские дети

*Vladimir D. Puzanov,
Shadrinsky State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia*

Military Cossacks and connection of Siberia to Russia (end of the XVI–XVII centuries)

Military people were the main group of the Russian population in the settlement of Siberia in the XVII century. In the first century of the Russian settlement of Siberia in 1586–1700, three main periods can be distinguished. The first stage of 1586–1605 was the epoch of the annexation of Western Siberia to Russia and the beginning of the movement to Eastern Siberia in the basin of the river the Yenisei. The second stage of the Russian settlement of the province took place in 1605–1654. The third stage of 1654–1700 is the time of development of occupied territories, the strengthening of Russian influence, the rise of peasant colonization of the people.

Keywords: military people, Cossacks, peasants, city, prison, nobles, boyars children

Первое столетие русского заселения Сибири с конца XVI до начала XVIII века – это особый период истории Сибири – время, когда Сибирь была присоединена к Русскому государству, стала частью Российской империи на всей громадной территории – от Урала до Камчатки, а край заселялся русским населением. Первые контакты русских и народов Сибири были отмечены гораздо раньше, русские люди совершали экспедиции в Зауралье с XI века, однако все это было только подготовкой великой колонизации Сибири. В этом первом столетии русского заселения

1586–1700 годов можно выделить 3 главных периода. Первый этап 1586–1605 годов – эпоха присоединения к России Западной Сибири и начало движения в Восточную Сибирь в бассейн Енисея. Сибирское взятие началось с похода вольных казаков. Но поход казаков ещё не привёл к присоединению Сибири к России. Сибирское царство было присоединено в 1586–1594 годах в результате действий русских правительственных отрядов из служилых людей.

В 1586 году по царскому указу отряд воевод Василия Сукина и Ивана Мясного по-

строил важный русский военный центр на юге края – город Тюмень. В 1587 году русский отряд основал Тобольск около старой столицы Сибири Кашлыка. В результате двух этих экспедиций были основаны две важные русские крепости в центре, и наиболее важная часть Сибирского царства оказалась под русским контролем. Однако на окраинах Сибирского царства продолжалось сопротивление местной знати, для окончательного подчинения окраины были предприняты новые экспедиции 1593–1594 годов. В 1593 году из Москвы была послана экспедиция под командованием воевод Траханиотова, Горчакова и Волконского, которые построили два русских города на севере – Пелым, выполнявший транспортную функцию связи с Россией, и Березов, важнейший военный, административный и ясачный центр на севере Сибири. В результате территория Нижнего Приобья оказалась под контролем русского государства.

В 1594 году русские отряды Сибирского царства предпринимают две экспедиции на восток Сибирского царства. В 1594 году по приказу правительства в Сибирь были отправлены экспедиции князя Фёдора Борятинского и Владимира Аничкова, основавшие Сургут и подчинившие русскому контролю Среднее Приобье [9, с. 36]. Наиболее крупной военной экспедицией, отправленной в это время, была экспедиция под командованием князя Андрея Елецкого, который в 1594 году основал город Тару, важнейший центр русской власти на юге Сибири [7, с. 156]. В конце XVI века для организации коммуникации из Русского государства в Сибирь были основаны ещё два важных центра – Верхотурье и Туринский острог на реке Туре. Из Сургута началось дальнейшее продвижение русских отрядов по реке Оби, в результате чего были основаны Нарымский острог, Кетский острог и в 1604 году – город Томск. Строительство Томска положило конец этому первому колониационному движению. Новый пункт на р. Томь – Кузнецкий острог – был поставлен только через 14 лет в 1618 году. На этом этапе русское население состояло, главным образом, из служилых людей. Небольшие группы крестьян переселялись в южные уезды края по указу правительства, для организации снабжения хлебом служилых людей. Смутное время в России и выход кочевников к городам русской Сибири закончили этот первый этап русской колонизации. В годы Смуты набеги, движения народов Сибири не привели к уходу русских из края.

Конец Смуты стал началом второго этапа русского заселения края – время 1605–1654 годов. Это время присоединения к Рос-

сии Восточной Сибири и Дальнего Востока, колонизации бассейна рек Енисея и Лены, Даурии, выхода к Тихому океану, строительства первого русского порта на Дальнем Востоке – Охотска, открытия пролива около Азии Семёном Дежнёвым. Главную роль в географических открытиях, строительстве городов, острогов играют служилые люди края. В Сибири первыми строятся не деревни и слободы, а города – административные, военные центры уездов с воеводами и служилыми людьми, остроги. А уже затем около городов появляются деревни, которые в то время по данным описаний состояли обычно из 1–2 дворов с хозяйством служилых людей и других групп населения, которое проживало в городе. Позднее в Сибири начинается строительство слобод с крестьянским населением. Только после того как русское военное влияние в крае было усилено и развивалось в форме служилой колонизации, началось заселение южных земель Сибири крестьянской колонизацией. Крестьянская колонизация с начала XVII века получила главное развитие на Урале, не выходя за пределы Верхотурского, Туринского, а также западных территорий Тобольского уездов. Таким образом, колонизация Сибири имела, прежде всего, городской военный, служилый и государственный характер.

Третий этап (1654–1700) – это время освоения занятых территорий, усиления русского влияния, подъёма народной крестьянской колонизации, когда тысячи крестьян шли в Сибирь. Именно в этот период темпы формирования вольной колонизации в Сибирь начинают опережать правительственную колонизацию.

Глубокие изменения в военном деле, начатые европейской военной революцией XVI века, показали, что военная мощь земледельческих государств резко увеличилась. Теперь кочевники, которые на протяжении двух тысячелетий были наиболее мощной военной силой Евразии, утратили своё военное превосходство и политическое могущество, побеждённые новыми централизованными империями. Этот глубокий переворот в политической истории Евразии завершился в XVIII веке тремя катастрофами крупнейших кочевых народов. Ойраты разгромили казахов в 20-е годы XVIII века. В 1735–1741 годах башкиры были разгромлены в ходе крупнейшего восстания против русского государства, а территория Башкирии, которая до этого времени находилась под русским покровительством, теперь попала под полный контроль Российской империи. В середине XVIII века Китай разгромил крупнейшее государство ко-

чевого мира – Джунгарию, а казахские роды подчинились главным государствам региона – Российской империи и Китаю.

На юге русской Сибири на протяжении всего периода XVII–XVIII веков – последней эпохи, когда кочевые народы ещё могли оказывать глубокое политическое влияние на соседнее государство – шли интенсивные контакты между русскими и кочевым миром. К XVI веку русские уже имели опыт длительных контактов с народами Сибири, которые заключались, главным образом, в торговле и в попытках поставить часть родов в отношения зависимости для получения дорогих сибирских товаров экономическими средствами, а если возможно, и политическими. В 50-е годы XVI века России удалось присоединить Поволжье, после чего её продвижение на восток, фактически не встречая серьёзного сопротивления, продолжалось в течение столетия, пока не натолкнулось на естественную границу – Тихий океан. Необходимо отметить, что это продвижение могло быть успешным только при условии соблюдения русскими второй естественной границы Сибири – менее заметной, но оттого совсем не менее определённой – азиатской половины Великой степи. Эта Великая степь до XVI века играла роль сердцевины политической жизни Евразии, движения кочевников оттуда сметали государства периферии материка и образовывали на их развалинах непрочные кочевые империи. В первые десятилетия XVII века ойраты отбросили далеко на запад своих главных соперников в борьбе за южные земли, ногаев, и стали единственными крупными соседями русских от Иртыша до Волги. В результате всех этих бурных политических событий русская колонизация Сибири приняла служилый характер. Крестьянская колонизация в это время не могла иметь в Сибири значительно-го размера. Земли, пригодные для хозяйства, были нужны и кочевникам, у которых в это время имелось больше военных возможностей их удержать. Количество удобной земли в Сибири было малым.

В первые десятилетия русского присоединения Сибири русское население сосредоточилось почти исключительно в городах, которые не хотели покидать даже при условии наличия поселений за стенами укреплений. Русские служилые люди, посадские люди и крестьяне в это время стремились иметь дворы в городе под защитой укреплений. Города эти имели, главным образом, военный характер. Первой группой жителей здесь были служилые люди, присланные правительством на восток. Характерно, что в большинстве городов Сибири служилые люди

оставались основной, а часто и единственной группой населения до конца XVII века. Как справедливо отметил историк Сибири Н. И. Никитин, служилые люди являлись преобладающей группой русского населения на протяжении первого столетия колонизации Сибири [6, с. 179]. В 1625 году во всех 13 сибирских городах имелось 2696 служилых людей; к 1628 году в 14 городах количество служилых выросло до 3449 чел. (главным образом, за счёт восточных городов Красноярска, Енисейска, Томска). В 1635 году гарнизоны Сибири были увеличены до 5146 чел. (путём перевода служилых людей из центра в связи с резким обострением отношений с ойратами). В это время в первую очередь увеличились именно центральные сибирские гарнизоны: Тобольска – с 851 до 1309 чел.; Тары – с 313 до 735 чел.; служилый мир Тюмени возрос в 3 раза – с 331 до 981 чел. [3, с. 58].

Позднее, в 40–90-е годы XVII века, численный состав большинства старых сибирских гарнизонов, входивших в Тобольский разряд (Тюмень, Тобольск, Тара, Верхотурье, Туринск, Пелым, Березов, Сургут) изменялся незначительно. Только в Тобольске – главном городе всей Сибири – количество служилых людей постоянно росло: 1645 чел. – в 1663 году; 1990 чел. – в 1684 году и 2156 чел. – в 1699 году [6, с. 29]. В результате Тобольск, самый крупный центр Сибири, надолго приобрёл особый характер преимущественно военно-служилого города. В 1624 году в Тобольске 77,6 % дворов владели служилые и церковные люди; 16,8 % дворов принадлежали посадским людям; даже в конце XVII века 64,8 % дворов принадлежало различным группам военно-административного населения и только 35,2 % – посадским людям [4, с. 90].

Северные города, Березов и Сургут, в XVIII веке оставались преимущественно военными городами, где единственной категорией населения были служилые люди и их семьи [5]. Причём только в этих двух центрах, представлявших русскую власть на северо-западе Сибири, было сосредоточено всё постоянное русское население, проживавшее на этой огромной территории. Но что говорить о севере, если в южном Тарском уезде с его плодородными землями даже через 50 лет после начала колонизации служилые люди оставались фактически единственной группой населения. По сообщению списка Тобольска и Тобольского разряда городов за 1633 год, в Таре «при служилых людях у государевых дел быть некому, посадских людей на Таре нет» [8, кн. 46, л. 41]. Во всём Тарском уезде в 1624 году имелось 7 дворов па-

шенных крестьян и 2 двора гулящих людей. К 1645 году в Тарском уезде было только 29 крестьян, живших у стен города. В Томске – главном русском центре Приобья, который с 1629 года стал центром не только уезда, но и особого разряда, охватывающего все восточные уезды Сибири – также в это время абсолютное большинство населения составляли служилые люди и члены их семей. В 1626 году 386 из 531 чел. к русского населения Томского уезда были служилыми людьми; в 1632 году – 555 из 719 чел.; в 1646 году – 767 из 1045 чел. [1, с. 121].

Подобное преобладание служилого населения почти во всех сибирских городах и их уездах имело разные причины. Северные уезды, где жизнь была спокойней, чем на юге, мало подходили для занятия хлебопашеством и ремеслом. На юге, наоборот, были хорошие возможности для занятия пашней и промыслами, но здесь долго этого не давала сделать военная обстановка. К 1641 году в Сибири жили 8 000 семей русского населения, из них более 5 000 – служилых людей; 2 300 – крестьян; 350 – посадских людей. К 1699 году в Сибири жили 25 000 семей русского населения; 11 500 – служилых людей; 11 000 – крестьян; 2 500 – посадских людей. Город Сибири в первое столетие русской колонизации – это, прежде всего, военный и административный центр. Служилое население преобладало над посадскими людьми и в городах Европейской России. К 1703 году в Сибири служили 2 полковника, 3 подполковника, 14 голов, 32 дворянина, 786 боярских детей, 71 сотник, 1 поручик, 2 прапорщика, 2374 конных казака, 6022 пеших казака, 1000 драгун, 28 беломестных казаков, 75 пушкарей, 477 служилых татар – всего 10 884 чел. [8, ф. 24, д. 1, л. 13].

Русское государство обладало ко времени завоевания Сибирского царства двумя системами комплектования войска: основу боевой мощи составляли служилые люди по отечеству – около 25 000 дворян, имевших в качестве обеспечения поместья. Второстепенную роль в XVI веке играли служилые люди по прибору – стрельцы, городовые казаки, служившие за небольшую денежную сумму. В XVII веке их роль постепенно возрастала, тогда как роль дворянской конницы уменьшалась. Здесь главным был процесс усиления роли пехоты по сравнению с конницей и переход от восточной тактики к европейской Нового времени, что происходило на протяжении всего XVII века.

В Сибири, с самого начала поселения здесь русских, главную роль играли служилые люди по прибору. Основой войска в Сибири стали силы, расположенные в немногочисленных городах – уездных центрах. Там собирали известное количество стрельцов, казаков и детей боярских – элиту сибирских служилых людей, которые происходили в большинстве своём из выслужившихся простых чинов. Таким образом, офицерский корпус комплектовался непосредственно на месте из служилых людей и был тесно с ними связан. Поэтому в конфликтах с воеводами сибирские начальные люди в основном поддерживали рядовую массу. Служилые люди по прибору в целом обходились дешевле для государства, чем дворяне, но отсутствие значительного количества конницы отрицательно сказалось позднее, когда начались столкновения с большими кочевыми народами. Служилые казаки хорошо могли защищать уезды Сибири, города, которые никогда, несмотря на десятки нападений на них, не были взяты.

Источники и литература

1. **Бояршинова З. Я.** Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Историко-филологические науки. – 1950. – Т. 112. – С. 23–210.
2. **Буцинский П. Н.** Заселение Сибири и быт её первых насельников // К истории Сибири. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003. – С. 4–253.
3. **Газенвинкель К. Б.** Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII в. – Казань, 1892. – 75 с.
4. **История Сибири:** в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России / АН СССР; Ин-т истории филологии, философии. – Л.: Наука, 1968. – 539 с.
5. **Миненко Н. А.** Северо-западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 308 с.
6. **Никитин Н. И.** Служилые люди в Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – 256 с.
7. **Пузанов В. Д.** Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.). – СПб.: Алетейя, 2009. – 445 с.
8. **РГАДА (Российский государственный архив древних актов).** – Ф. 24.
9. **Солодкин Я. Г.** «Сургуцкий город» и присоединение к России сибирских земель в конце XVI – начале XVII вв. // Северный регион: наука, образование, культура. – 2004. – № 1. – С. 31–38.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(0)(2РОС-4ЧИТ)4

Ренат Реваевич Ефаров,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Захват как способ возникновения прав на землю у забайкальских казаков в период колонизации Забайкалья

В статье представлен анализ такого способа приобретения прав на землю у забайкальских казаков в период активной колонизации Забайкалья, как захват земельных участков. Представлены причины и условия применения забайкальскими казаками такого способа приобретения прав на землю. В статье сделан вывод о преобладании захвата как способа приобретения прав на землю у забайкальских казаков в период колонизации Забайкалья.

Ключевые слова: забайкальские казаки, колонизация Забайкалья, земля, права на землю, захват

Renat R. Efarov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Capture as a way of the emergence of land rights Zabaikal Cossacks in the period of colonization of Transbaikalye

The article presents the analysis of this method of acquisition of land rights zabaikal cossacks in the period of active colonization of Transbaikalia as the seizure of land. The reasons and conditions for the use of the Zabaikal Cossacks this method of acquiring land rights. The article made the conclusion about the prevalence of seizure as a method of acquiring rights to land the Zabaikal Cossacks in the period of colonization of Zabaikalye region.

Keywords: Zabaikal Cossacks, colonization of the Zabaikalye, land, rights to land, capture

В период активной колонизации Забайкалья нельзя вести речь о полноценных земельных отношениях. Это связано с тем, что как такового пользования земельными участками не существовало. Казаки занимались захватом территории в целом и не имели ни желания, ни возможности осуществлять землепользование угодий. На данном этапе можно вести речь лишь о попытках выбора наиболее удобной для землепользования земли. В этот период нет даже права государственной собственности на землю, поскольку центральная власть не расценивала Забайкалье как часть России. Территорию Забайкалья рассматривали как колонию, которую государство использует для извлечения дохода, но не воспринимает её как свою собственность.

Коренное же население Забайкалья в силу отсутствия земельных общественных отношений никаких прав на землю не устанавливало вообще. По свидетельству Н. И. Разумова, «Связи с землей у инородцев (Забайкалья) не существовало. Не вкладывая в неё

труда, они легко покидали пространства, на которых некоторое время обживались со своими стадами. В отношении пользования землями интересы аборигенов и завоевателей ещё не сталкивались, и потому ни с той, ни с другой стороны не было речи о каких-либо правах на землю, хотя вся политика, правительства относительно колонизации страны, по мнению составителя "свода", заставляет думать, что все вновь приобретённые пространства становились государственной собственностью. Главным образом это вытекает из того, что пользование этими землями всегда обуславливалось вознаграждением казны в том или другом виде» [4, с. 56].

К концу этого периода в 1676 году, по словам Н. Г. Спафария, между Селенгинском и Байкалом по реке Селенге было несколько казачьих поселений, в которых пахали и сеяли хлеб [5, с. 124–125].

Существовали также и попытки обязать крестьян к земледелию, в частности обязать их пахать государевы десятины (1682) [1]. Однако все эти попытки оказались тщет-

ными, поскольку осложнившиеся отношения с Китаем грозили войной, и хлебопашество для населения Забайкалья представлялось бесперспективным. К тому же суровые климатические условия делали хлебопашество рискованной формой занятий, требующим, к тому же, вложения значительных усилий.

Лишь к концу XVII века, когда был заключён Нерчинский трактат 1689 года, русское правительство, поняв, что расширение границ дальше на данном этапе освоения Забайкалья невозможно, посчитало необходимым инициировать и упорядочить земельные отношения. Именно этот период можно считать отправной точкой возникновения земельных отношений в Забайкалье.

В 1701 году было постановлено землю отводить казакам (до этого казак землю выбирал самостоятельно и без получения разрешения). Для получения земли казак должен был подать «челобитную» воеводе. Воевода посылал казака сделать «досмотр» и предоставить описание земельного участка. Если земля оказывалась свободной от прав третьих лиц (при том, что «доезжикам» достаточно было только не встретить никого на указанном участке и не обнаружить следы использования участка), то воевода выдавал казаку «данную» (с 1737 года «данные» стали называться «владельческими указами») – документ на право владения земельным участком. При этом также отводилась земля под дворовое строение, телятник и выпас. Право владения землёй давалось навечно, продавать её было нельзя. Последующие жалобы инородцев на захват их земель по отводам оставались без рассмотрения. По всей вероятности, отвод казачьим поселениям в целом не производился [4, с. 244]. Получив землю, казак лишался хлебного жалования. За использование земли больше отведённого земельного участка казак платил штраф (служащий казак отдавал казне каждый 10-й сноп, неслужащий – каждый 5-й сноп) [3, с. 256].

Однако к этому времени и в дальнейшем казаки занимались активным захватом земель. Политика Русского правительства по отношению к таким захватам земли была весьма лояльной. По свидетельству А. А. Кауфмана, в 70-х годах XVIII века иркутский губернатор А. И. Бриль издал указ, в котором разделил русских колонистов, самовольно захвативших земли, на тех, кто не образовал хозяйство, и тех, кто издавна поселился на инородческих землях и ведёт хозяйство. Первых предписывалось гнать с земли и строения их рушить, а вторых не трогать [2, с. 51]. Следовательно, местная власть стремилась

оградить права инородцев, но лишь в той степени, которая позволяла максимально сохранить земельные наделы за русскими колонистами, в числе которых на первом месте были казаки.

Формы захвата у казаков отличались тем, что у казаков с момента начала колонизации Забайкалья собственностью считались не только захваченные земли, которые казак расчистил для пашни, но так называемые «светлые» пашни, то есть земли, захваченные казаком, не требующие расчистки для земледелия. Такое право сохранилось за казаками вплоть до конца XIX века. Утрата прав на такую захваченную землю происходила при снятии хозяином ограждения земельного участка, иногда при этом хозяину давался срок для сохранения прав на землю после снятия ограждения. По истечении данного срока земля считалась свободной для захвата. При этом земля, самовольно захваченная казаком, если он сам её расчистил, переходила в наследственное пользование [Там же, с. 116].

Права, которыми владел казак, захвативший таким образом землю, выражались в праве пользоваться землёй бессрочно, завещать её, сдавать в аренду и даже продать любому третьему лицу, не получая никакого разрешения от власти [Там же]. Такое право, как право продать землю без получения разрешения от власти, просуществовало недолго. Оно само по себе противоречило основному положению в земельных отношениях России – земля принадлежит государству.

Редко встречались случаи, когда при общинном землепользовании община совершала передел земли для наделения переселенных безземельных или малоземельных казаков. В этом случае земля отрезалась от тех, у кого наблюдался явный избыток земли. В основном наблюдалась картина, при которой захват ещё не утратил своего значения, но земельные участки отрезались в пользу безземельных или малоземельных казаков от всех дворов, имеющих излишнюю землю (чаще всего это касалось всех членов общины). Однако такие ситуации всё-таки носили разовый характер. То есть, произведя однажды отрезку земли в пользу малоземельного казака, в дальнейшем продолжали осуществлять захват земель.

В целом землевладение и землепользование того периода носило характер захвата земель. Местная власть вероятнее всего смотрела на это благосклонно. Споры, возникающие между землевладельцами, разрешались местной властью путём достижения согласия между конфликтующими сторонами. То есть свою задачу местная власть видела

в погашении каких-либо конфликтов. В свою очередь такая политика не могла не привести к возникновению в дальнейшем существенных противоречий в праве пользования на земельные участки. Договор между конфликтующими сторонами, который достигался по

средством местной власти, не носил окончательного правоустанавливающего характера, он представлял собой, скорее, умиротворяющий стороны акт. Сам конфликт, таким образом, не исчерпывался, а приобретал хронический, затяжной характер.

Источники и литература

1. **Васильев А. П.** Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3 т. Т. 1. – Репр. изд. 1916–1918 гг. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2007. – 156 с.
2. **Кауфман А. А.** Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 года. – Иркутск: Восточное обозрение, 1900. – 179 с.
3. **Полное собрание законов Российской империи № 1835** [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 18.06.2017).
4. **Забайкалье:** свод материалов высочайше учрежденной Комиссии для исследования местного землевладения и землепользования под председательством статс-секретаря Куломзина / сост. Н. И. Разумов. – СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1899. – Гл. XI. – 373 с.
5. **Спафарий Н. Г.** Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария [Электронный ресурс] / введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. – 214 с. – Режим доступа: <http://www.elib.shpl.ru/ru/nodes> (дата обращения: 19.06.2017).

УДК 27:24(571.55)

ББК 86.372:86.35(2РОС-4ЧИТ)

Мариям Равильевна Арпентьева,

*Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия*

Православные и буддистские церкви и верования народов Забайкальского региона

Забайкалье сохраняет свои уникальные верования, обогащающие со временем друг друга и мировую культуру. Этот процесс не протекает просто, однако общее его направление задано отчетливо: интеграция нового и старого с опорой на традиции и соединение психотехнического и космологического, повседневного и духовного, индигенного и общечеловеческого. В Забайкалье сформировались и зародились, а также распались и переместились в другие регионы многие иные государства, империи и цивилизации: здесь шли постоянные войны, миграции и постоянный обмен народов и этносов, религий и культур. Движения из этого региона и в него часто отражали разные волны миграции народов хунну, ставших основой современного славянско-татарского суперэтноса России.

Ключевые слова: Забайкалье, верования, психотехнический компонент верований, космологический компонент верований, шаманизм, буддизм, даосизм, мусульманство, христианство, тюрки, эвенки, монголы, буряты, казаки, гураны

Mariam R. Arpentieva,

*K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University,
Kaluga, Russia*

Orthodox and buddhist churches and beliefs of the people of the Transbaikal region

Zabaikalye retains its unique beliefs, enriching each other's time and world culture. This process does not proceed simply, however, the general direction of it is clearly indicated: the integration of the new and the old with the support of traditions and the combination of psychotechnical and cosmological, everyday and spiritual, indigenic and universal. In Zabaikalye, many other states, empires and civilizations were formed and originated, and also disintegrated and moved to other regions: permanent wars, migrations and the constant exchange of peoples and ethnic groups,

religions and culture took place here. The movements of their region and into it often reflected different waves of migration of the Hunn people, which became the basis of the modern Slavic-Tatar superethnos of Russia.

Keywords: *Zabaikalye, beliefs, psycho-technical component of beliefs, cosmological component of beliefs, shamanism, Buddhism, Taoism, Islam, Christianity, Türks, Evenks, Mongols, Buryats, Cossacks, gurans*

Забайкальское казачество, как и всё население Забайкалья, исповедовало две основные религии: православие и буддизм [1; 9; 12; 14]. Также у коренных народов в Забайкалье и в Средневековье, и позднее, и до сих пор продолжают жить традиционные и разнообразные языческие верования, а также некоторые иные, неязыческие религии. Распространены шаманизм, тотемизм и другие вероисповедания [8; 13; 22]. Исторические данные свидетельствуют нам о том, что уже со II века до н. э. протомонгольские этнические группы (хунну и их потомки сяньби, кидани и т. д.) были разносторонне и глубоко знакомы с буддийскими доктринами разного типа. Православие пришло в Забайкалье, Бурятию и т. д. намного позже: первоначально оно возникло с поселенцами – старообрядцами, затем с казаками (регулярных и иррегулярных частей), а также их потомков – гуранов. В Забайкалье проживают и последователи иудаизма и ислама, старательно стёртого действиями Монголии, Китая и России в XVII–XIX веках. Жива о Великой Орде и её каганатах, а также доордынских государственных образованиях Забайкалья как одной из колыбелей цивилизации, её достижениях и жизни. К сожалению, сама культура в ходе традиционных и информационных войн почти полностью уничтожена, деформирована и разрушена многочисленными подменами. Артефакты разветвлённой системы представлений о мире, в том числе мире потустороннем, у сибирских татар воспринимаются как выдумки, не имеющие значения для представления о развитости болгарской и татарской культур, в том числе религиозных доктрин и практик.

Переселение татар в Забайкалье происходило со второй половины XVII века по настоящее время, в вольном и подневольном режиме. Поскольку у татар Забайкалья широко распространены браки с русским и иными народами, то этнические признаки – смешанные. До этого времени, однако, отмечается государство «тохаров»: народа европеоидной расы, который жил ранее в Средней Азии (в том числе, на Таримской равнине, II в. до н. э. – I в. н. э.): «До прихода русских в Сибирь жило много разных народов. Но, как рассказывали старики, в памяти остались только такие народы, как чудь и баргуты. Они на нашей

земле жили давно, потом произвелись. Пошто они из этих мест ушли, кто знает? После них сюда прикочевали тунгусы... буряты... почему они бежали с запада, говорят, с Алтая, никто не знает...» [7, с. 5–6, 10]. Гунны, татары и иные имена принимал народ, сформировавший в III веке н. э. и существовавший до середины VI века, – первый, жужанский каганат (жужани/авары). В Забайкалье сформировались и зародились, а также распались и переместились в другие регионы многие иные государства, империи и цивилизации: здесь шли постоянные войны, миграции и постоянный обмен народов и этносов, религий и культур. Движения из этого региона и в него часто отражали разные волны миграции народов хунну.

Основа Забайкалья – потомки скифов и гуннов. Здесь находилась известная до XVI века но ныне забытая Тартария. В ней жили и русские: большая группа русских жила в Сибири задолго до казачьего отряда Е.(Г.) Тимофеева, то есть ещё в XIV веке. В конце XV века татарские улусы, разбросанные по Тоболу и Иртышу, объединились в так называемое Сибирское ханство со столицей Кашлык (Искер, или Сибирь). Здесь возникло феодальное государство, сначала зависевшее от Золотой Орды, но затем приобретшее независимость: к власти в нём пришли потомки татар-тохтар. В целом с середины XIV и до конца XV века в Сибири (как и во всей Руси) длилось Смутное время: войны всех со всеми. Однако в новое и новейшее время история этого региона неоднократно деформировалась: современные историки не стремятся эти деформации исправить, а о стране Тартарии и иных «Лукоморьях» остались в основном сказки [7]. Вместе с тем, М. В. Ломоносов писал: «Итак, по величеству чудского народа и по доказательствам исключительным славян, имя скифов чудскими поколениями следует... , равно как сходствующие скифские и чудские речения и обстоятельства соответствующие подают всему неодолимую вероятность и не оставляют сомнения, что чудские поколения суть от рода подлинных древних скифов, ныне по большей части Российской державе покорённые или уже из давних времён в един народ с нами совокупленные. Из сего следует, коль велика древность и слава чудского племени» [11].

Забайкалье стало ареной войн и между Монголией, Китаем и Россией, а также сферой интересов правительств Японии, Европы, Америки, на свой лад перекраивавших её историю, если не удавалось сразу переписать карту. Так, в XVII веке Монголия стала объектом захватов России и маньчжуров. Россияне и китайцы использовали междоусобицы правителей-нойонов Монголии. В результате они заключили Нерчинский (1689) и Кяхтинский (1727) договоры, по которым Прибайкалье и Забайкалье вошли в состав России. В результате этносы Прибайкалья и Забайкалья стали отделены от монголов, возник как отчасти самостоятельный бурятский народ. В рамках Российской империи развернулся процесс социально-культурной консолидации разных этносов и подгрупп этносов. Новые, не свойственные индигенным хозяйственно-экономические и социально-культурные отношения, привели к формированию и развитию отчасти самостоятельного к концу XIX века собственно бурятского этноса.

Традиционные народные верования эвенков и других этносов Забайкалья, с которыми они жили до прихода русских, в том числе казачества, – шаманизм (хара шажан – «чёрная вера») – сохраняется до сих пор. Эвенки, или тунгусы (орочен, эвен), сложились на основе смешения аборигенов Восточной Сибири с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья [2; 8; 17; 18]. К прототунгусской общности антропологи и языковеды также относят и «глазковскую культуру», культуру древнетунгусских племён Прибайкалья и Приангарья (XVIII–XIII века до н. э.), которую считают предшественницей эвенков и других тунгусо-маньчжурских народностей. Иногда в качестве предков эвенков рассматривают увань (гувань), история которых связана с войнами с киргизами, тюрками Уйгурского каганата и империей Тан. В целом, многие столетия подряд среди бурят и эвенков, проживающих в Прибайкалье, шаманизм является традиционно мощным духовно-религиозным направлением, включающим самые разнообразные родовые и другие культы. У эвенков, несмотря на спады, современный шаманизм остаётся ведущей религией. В конце XX века началось также возрождение шаманизма на территории Бурятии. Буряты, проживающие в Иркутской области, на Западе региона, всё же больше опираются на буддизм, поддерживая, а местами и восстанавливая связи с монгольскими народностями и Монголией, а также с представителями этих народностей в Китае [4; 5; 14; 24].

Понятие «шаман» существует почти во всех культурах мира. «Паншаманизм» убеждает, что шаманские верования были свойственны всем культурам на начальных стадиях их развития, однако шаманизм существует и до сих пор, в том числе в сообществах, живущих во вполне «цивилизованных» условиях, а сам шаманизм встречается далеко не во всех культурах [21–24]. Часто, кроме того, его путают с изменёнными состояниями психики и болезнями психики, «одержанием» и т. д. По одним источникам, понятие о шаманах исходит из древнеиндийского, санскритского «шраман» (śramaṇa). Шраман – странствующий отшельник, духовный подвижник-аскет. Полагают, что параллельно с буддизмом этот термин проник в Азию и через эвенкийский язык проник в русский и западные языки. Но, с другой стороны, чаще всего полагают, что понятие имеет собственно тунгусо-маньчжурское происхождение: оно возникло от понятия «са» – знать. Так, у эвенков существует слово «саман» – человек, любящий знания. Шаманом выступал человек, предстающий посредником и избранником «духов». Он обладал или обладает способностью понимать иную потустороннюю реальность и путешествовать в ней [21, с. 495].

Шаманы – это важные, в том числе с точки зрения внешних и внутренних отношений и политики, члены традиционного общества. Будучи посредниками между миром людей и миром духов, они проходят специальную подготовку, обряды инициации и посвящения для «увеличения сакральной силы», для «преодоления шаманских болезней» и получения статуса «большого шамана». Важным моментом многих шаманов является разделение шаманов на белых, камлавших в Верхний мир, и чёрных, камлавших во все миры: «белые» шаманы, как полагают народности Забайкалья, совершают восхождение в небесные миры и почитают небесных богов или высшего бога, а «чёрные» шаманы связаны с подземными, хтоническими, духами и совершают нисхождение в нижний мир. Однако, как отмечает Е. А. Торчинов, такие «волшебные (экстатические) путешествия» и в верхний, и в нижний мир совершает один и тот же шаман [13, с. 135].

Кроме того, будучи посредниками между мирами людей и духов, шаманы могут не только понимать, но и путешествовать в иные реальности и через них, в том числе пребывать одновременно в двух и более мирах. Вселенная как особое, сакральное, пространство и время, в котором действуют уникальные для каждого мира и слоя законы, отличные от обыденной, физической, жизни,

была доступна шаману, в зависимости от его могущества и мудрости, в разной мере [2; 8; 25]. Путешествия в мир духов (восстановление того, что они видели в мире духов, когда спасали душу больного, умирающего и т. д.) практиковались у многих народов Алтая и Забайкалья. Для этого использовался механизм «камлания». В настоящее время в Сибири также существуют целые шаманские школы: они работают в Якутии, Туве, Хакасии, на Алтае. В их работе происходит сочетание традиций и их взаимообогащение, в том числе в соответствии с новыми знаниями и опытом, присваиваемыми из других религий и событий жизни народа и его шамана.

Новые интерпретации духовного (мистического и ритуального) опыта, например, нередко встраиваются в системы, разработанные в рамках агни-йоги, буддизма, даосизма, христианства. Однако центральная тема поиска пути и обретения человеком гармонии с собой, восстановления и развития утраченных или нарушенных связей с природой и культурой, собой и миром выступает центральной для шаманской практики и теории, а также для исканий современного человека в целом [1; 24]. В результате того, что многие годы в СССР рекламировался атеизм, а также иных механизмов родового и этнического плана, наследники шаманских родов и иные, часто «случайные» люди, испытывают болезни типа шаманской. У тунгусов, например, шаманизм почти подразумевает «шаманскую болезнь»: она отражает сверхъестественное избранничество, требует обучения и испытания избранника на практике. С помощью погружения в транс (камлание), танца/пляски (с бубном, жезлом, ножами и т. д.) шаман осуществляет путешествие в мир духов, либо вселение духа в собственное тело с целью получения знания [25].

Иногда шаманы путешествуют «между звёздами»: посещают иные планеты и их спутники, иные солнечные/звёздные системы и их жителей. О том они также могут рассказать, в том числе рассказать, что именно они узнали и научились делать. При этом, как и проявления сверхспособностей, связанных с изменением телесных параметров шамана, подтверждаемых очевидцами, во время камлания и после него шаман способен поделиться сведениями, которые могут быть частично (в меру разведанности того или иного региона, в том числе фрагмента Вселенной и т. д.) подтверждены и сопоставлены с научными данными. Обычно же шаманы работают с разными духами: духами буга – богом, миром и небом, индифферентными человеку; духами эндური – конкретного места; духами

арэнки – духами неуспокоенных душ мёртвых, духами сиркуль – конкретных болезней, а также часто с собственными или «общими» духами сывэн – помощниками. Е. А. Торчинов, однако, отмечает, что «за исключением психотехники в шаманизме нет ничего уникального, ибо все космополитические и космографические идеи и представления, используемые или утилизируемые шаманизмом (тройственное деление мира, образ мировой оси и т. п.), существовали и до него, и помимо него. ...Особенность шаманизма именно в том, что он сделал эти представления содержанием индивидуального религиозного опыта, а точнее, смоделировал его форму по образцу общепринятых космологических представлений, используя их и для описания своего сугубо личного опыта глубинных переживаний» [13, с. 123].

Особенно интересно эти процессы протекают в тунгусских племенах. «Тунгусы в большей мере, чем их соседи, склонны признавать влияние духов, и не только нижнего, но и этого мира – потенциальных источников всякого рода беспорядка. Именно поэтому тунгусские шаманы предпринимая сеансы, особенно предварительные, «малые сеансы», не только по классическим мотивам – болезнь, смерть, жертвоприношение богам, но и по многим другим поводам, которые, однако, всегда требуют знания духов и господства над ними», – писал М. Элиаде [20, с. 64]. «Тунгусы явно сопоставляют силу и отвагу «старых шаманов» с малодушием современных, которые – в отдельных районах – уже не решаются предпринимать опасные нисхождения в Преисподнюю. При этом тунгусский шаман обязан употреблять свою силу во многих случаях. Шаман необходим как исцелитель – он либо разыскивает душу больного, либо изгоняет демонов заклятиями; с другой стороны, он является проводником душ; он же относит жертвы на Небо или в Ад; но главная его обязанность – поддержание духовного равновесия общества в целом. Когда болезни, неудачи или бесплодие угрожают роду, именно шаман должен определить причины и исправить положение» [Там же].

При этом в архаических культурах сообщение между Небом и Землёй используется для жертвоприношений небесным богам, а не для того, чтобы предпринимать конкретное и индивидуальное восхождение, которое остаётся уделом шаманов. Они способны выходить в иные миры, в Небо и т. д., преобразуя космологические концепции своего народа в конкретный индивидуальный и экзотический мистический опыт: «то, что для остальной общины остаётся космологической

идеограммой, для шаманов (и других героев) становится мистическим маршрутом. Обычные люди отправляют в мир по ту сторону реальности просьбы и приношения, шаманы же могут уходить в этот мир. Однако шаманы не создали космологию, мифологию и теологию, бытующие у их народностей. «Они лишь ввели их в свой внутренний мир, опробовали и использовали в качестве маршрута для своих экстатических путешествий», – писал М. Элиаде [19, с. 151–152].

Поэтому в ходе развития шаманизма его психотехнический элемент активно развивался: трансперсональные переживания («транс» в терминологии М. Элиаде) становятся всё более глубокими и обширными, привычными и разработанными: стремление достичь «вознесения во плоти», мистического и в то же время реального путешествия в иные миры часто приводит к ошибочным трансам, накоплению и отбору опыта трансов и психотехник трансов [Там же, с. 198].

При этом шаманизм мало отличается от других практик изменения сознания: «люди во все века, от шаманов до индийских йогов и от орфиков и гностиков до “сайентологов”, занимались экспериментами с психикой, стремясь поверить опытом доктринальные положения и догматические схемы, которые, в свою очередь, непосредственно или опосредованно также восходили к опыту и переживанию», – пишет Е. А. Торчинов [13, с. 125]. Иногда такие эксперименты приводили к психотехническим «чудесам», подобным йоге, иногда – к появлению весьма опасного во многих отношениях религиозного и другого «культы». «Шаманизм был шаманизмом, пока психотехнический и космологический (архаический по своему характеру) аспекты его находились в гармонии и согласии», – отмечает он, однако, чрезмерное усиление психотехнических экспериментов повлекло к осознанию недостаточности старых мифов и космологии, наступил кризис шаманизма, в том числе, разрешаемых путём создания целостных, интегративных религий типа даосизма [Там же].

«Шаманская болезнь» есть лишь там, где существует представление об избранничестве или необходимости потомственной передачи функций шамана: потенциальный шаман является, по его мнению, бессильным перед «волей духов», бессознательным, стремящимся прорваться в этот мир, не учитывая его сознательную волю. Если же будущий шаман избирается практикующим шаманом, а шаманское служение становится результатом сознательного и добровольного выбора человека, то «шаманская болезнь»

не наступает. Феномен «шаманской болезни» часто списывают на психопатологию: проявление «арктической истерии» [3]. Эта точка опровергнута М. Элиаде [21, с. 22–32]: шаманизм и «шаманская болезнь» распространены по всему миру; переживания многих больных психически людей сами по себе лишены религиозного содержания и религиозной ценности и сравнимы с религиозными трансперсональными состояниями внешне, а нативные носители шаманской традиции чётко различают носителей шаманского дара от носителей психопатологии; шаманский транс управляем и создаётся с помощью специальной процедуры, шаман – это «исцелившийся больной», полностью управляющий своим состоянием; шаманы представляют элиту народа, выступая как хранители и трансляторы национальной культуры, её традиций, мифов и фольклора [13, с. 128]. Методом исцеления и самораскрытия личности и индивидуальных потенциалов шамана выступает посвящение (инициация), включающее элементы переживания смерти, расчленения, очищения и воскресения, в результате которых умирает «ветхий человек» и воскресает обновлённая личность «нового человека», «сверхчеловека». Аналогичные психотехнические приёмы и практики посвящения есть и в высокоразвитых религиях, в буддизме и христианстве. Иногда отличается их цель: отделение от тщеты и мгновенности мирского и профанического, всеобщности непостоянства и неизбежности смерти, переживание «памятования о смерти» и трансценденция профанного [21, с. 63–64]. Шаманская деятельность как бескорыстное служение – это весьма «тяжёлая работа» [13, с. 133]. Поэтому, например, «для шамана существует разрыв между его могуществом, обрётённым в трансе, и его состоянием в обыденной жизни, тогда как для даоса и то и другое едино и неразделимо» [23, с. 45].

С конца XVI века начала широко распространяться и активно развиваться одна из тибетских школ буддизма под названием «гелугпа» (*шара шажан* – «жёлтая вера»). В начале XVII века тибетский буддизм прошёл на север региона, к бурятам (сами буряты также перемещались, распространяя буддизм как одну из типичных для монгольских народностей вер) [4–6; 23]. Сначала он был распространён у этнических сообществ, пришедших незадолго до того из Халхи – цонголов, сартулов, хатагинов; а конце XVII – начале XVIII века он стал встречаться на территории Забайкалья повсеместно. Второй источник буддизма в Забайкальском регионе – Тибет, в том числе монастырь Лабранг Трашикхил. Из Лабранга реализовывалась целенаправ-

ленная трансмиссия – проповеди и посвящения буддизма в среде бурят, тувинцев и калмыков. Лабранг Трашикхыл выступает одним из ведущих образовательных центров буддизма в то время и ныне – это, по сути, университет, преподающий основы теории и практики буддийской философии, нижнего и верхнего тантрических, Калачакры, тибетской медицины и религиозного права. При завоеваниях Забайкалья и его, возможно, беспроblemного освоения русскими буддизм был официально принят в качестве государственной религии Российской империи, наряду с другими религиями.

Первым дацаном – буддийским монастырём-университетом у российских бурят – на территории региона стал Цугольский, построенный в селе Цугол в 1801 году. Цугольский дацан «Даши Чойпэлинг» (Сүүгэлэй дасан) впервые на бурятской земле открыл классические монастырские школы буддийской философии Цанид и Мамба. Основы школы связаны с работами наставников тибетского монастыря Лабранг, а также школы тибетской медицины Г.-Ж. Тугулдунова, пригласившего сюда монгольского эмчи-ламу Чой-монранбу. В итоге в философском, психологическом и этическом учении современного бурятского буддизма нет серьёзных отличий от фундаментальных положений буддизма Махаяны, изложенных в тибетском варианте буддийского канона – Кэнгюр (Ганжуур) и Тэнгюр (Данжуур).

Буряты-буддисты являются приверженцами северного буддизма (махаяна), которая распространена в регионах Восточной Азии (Китай, Тибет, Монголия, Корея и Япония). Шаманизм же в свою очередь распространён среди бурят Иркутской области, а также среди старых баргутов Китая [1; 2]. В конце XIX века началось интенсивное проникновение буддизма в Предбайкалье – Северную Бурятию, – где он встретил огромное сопротивление со стороны шаманов и православных миссионеров. В общем буддизм оказал сильнейшее продуктивное влияние на развитие традиционной науки и культуры бурят-монголов, особенно плодотворным было его воздействие на формирование и развитие философской мысли, норм нравственного поведения, медицины, художественной литературы, изобразительного искусства. Буряты, верующие в Бога, преимущественно и до сих пор исповедуют буддизм. Многие из них, однако, и до сих пор являются шаманистами. Потомки тех, кто сражался в казачьих войсках, часто исповедуют христианство. Более того, они и другие индигенные сообщества Забайкалья нередко оформляются в отдельную группу.

Одной их интереснейших историй Забайкалья является история гуранов. Параллельно взаимопроникновению религий Забайкалья происходило возникновение и развитие в самостоятельную общность гуранов – ныне коренных забайкальцев, потомков браков русских с бурятами, эвенками, монголами, маньчжурами и т. д. В результате в регионе сформировался интересный тип «русского» населения, основанный на бурятском, эвенкийском. Преимущество русской идентичности в идентичности гуранов позволяет людям считать себя русскими, хотя и – особыми русскими. Статус этой группы не признан, однако, продолжает сохраняться. Н. Н. Цыбиков утверждает: «В своём развитии этносы постоянно подвергаются процессу взаимопроникновения (гибридизации), следствием чего является либо исчезновение этноса, либо формирование нового... Забайкалье является уникальным регионом, в котором прослеживаются эти процессы. Чётко определены временные интервалы миграционных потоков русских, которые вступали в браки с аборигенами, результатом чего явилось рождение нового этноса гуранов» [16, с. 19].

С XVII века в регион с поселением русского населения пришло в край и православие, возникновение последователей христианства или русской веры – «ород шажан». Миграционные процессы в XVIII–XIX веках, в том числе православное и иное христианское миссионерство, повлекли становление православных общин и епархий на территориях, ранее не охваченных. Произошёл быстрый рост числа приверженцев православия, а также старообрядчества и иных христианских доктрин в Забайкалье. В эти же времена, после церковного раскола, в Забайкалье, до казаков, поселялись и старообрядцы. Во второй половине XVIII века юго-западную часть территории современного Забайкальского края населяли ссыльные старообрядцы-семейские. Первая христианская, православная церковь – Воскресенская – была выстроена в 1670 году в Нерчинском остроге. Как автономная Забайкальская епархия сформирована была, однако, лишь в 1894 году. До неё работу проводила Иркутская епархия, которая широко развернула миссионерскую деятельность, а также Английская духовная миссия в Забайкалье. Она действовала до середины XIX века в Селенгинске. Благодаря ей был осуществлён первый перевод Евангелия на бурятский язык [9; 10; 15].

Однако в целом христианизация была малоуспешной: русские сохраняли свои верования даже в сообществах гуранов, а тунгусы, буряты и другие народности сохраняли свои, даже будучи включёнными к казачье войско. Христианизация, в том числе насиль-

ственная и потому часто поверхностная и малоуспешная, усилилась во второй половине XIX века, продолжается до сих пор, при весьма негативном отношении местной епархии к развитию церкви иных верований, в том числе и буддизма. Протестантизм и другие христианские течения в Забайкалье возникли относительно поздно и не имеют большой значимости.

Таким образом, Забайкалье сохраняет свои уникальные верования, обогащающие со временем друг друга и мировую культуру. Этот процесс не протекает просто, однако, общее направление его задано отчётливо: интеграция нового и старого с опорой на традиции и соединение психотехнического и космологического, повседневного и духовного, индигенного и общечеловеческого.

Источники и литература

1. **Авилов Р. С.** Дальневосточное казачество в конце XIX в. в воспоминаниях барона А. П. Будберга // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – № 2. – С. 28–41.
2. **Анисимов А. Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 238 с.
3. **Богораз В. Г.** К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. – М., 1910. – Кн. 1–2. – С. 84–85.
4. **Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии** / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – 160 с.
5. **Буддизм в современных общественно-политических процессах Бурятии.** – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – 200 с.
6. **Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б.** Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: Структура и социальная роль культовой системы / отв. ред. В. В. Мантатов. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние АН СССР, 1983. – 240 с.
7. **Елиасов Л. Е.** Байкальские легенды и предания: фольклорные записи Л. Е. Елиасова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 255 с.
8. **Жеребина Т. В.** Шаманизм и христианство. – М.: Изд-во Рус. Христианской гум. акад., 2011. – 176 с.
9. **Забайкальское казачество:** сб. док. – Чита, 1991. – 60 с.
10. **Константинов А. В., Константинова Н. Н.** История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года). – Чита: ЗабГГПУ, 2002. – 248 с.
11. **Ломоносов М. В.** Древняя российская история. Краткое описание разных путешествий по северным морям. – СПб.: Лениздат, 2014. – 253 с.
12. **Манзанов Г. Е.** Современное состояние религиозности в Республике Бурятия // Религиоведение. – 2005. – № 2. – С. 79–87.
13. **Торчинов Е. А.** Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2005. – С. 123–143.
14. **Уланов М. С.** Буддизм в социокультурном пространстве России. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. – 236 с.
15. **Христосенко Г. А.** К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода: сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 155, 161.
16. **Цыбилов Н. Н.** Этногенез и резистентность // Народы Забайкалья: возрождение и развитие: междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию образования Чит. обл. (г. Чита, 24–25 июня 1997 г.). – Чита: ЗабГПУ: ГАЧО и ЧОКМ, 1997. – С. 13–20.
17. **Эвенки:** Народы России. Атлас культур и религий. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. – 320 с.
18. **Эвенки:** Сибирь. Атлас Азиатской России. – М.: Топ-книга: Феория: Дизайн. Информация. Картография, 2007. – 664 с.
19. **Элиаде М.** Космос и история: избранные работы / общ. ред. И. Р. Григулевича, М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 145–198.
20. **Элиаде М.** Шаманизм: архаические техники экстаза. – М.: Ладомир, 2015. – 552 с.
21. **Eliade M.** Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy / Foreword by W. Doniger. – Bollingen: Princeton University Press, 2004. – 648 p.
22. **Eliade M.** Shamanism // Forgotten Religion / ed. by V. Ferm. – New York, 1949. – P. 299–308.
23. **Izutsu T.** Mythopoetic “Ego” in Shamanism and Taoism // Sophia Perennis. The Bulletin of the Imperial Iranian Academy of Philosophy. – 1976. – Vol. 2, No. 2. – P. 22–47.
24. **Zernov N.** The Russian Religious Renaissance of the XX Century. – London: Harper & Row Harper & Row, 1963. – 410 p.
25. **Znamenski A. A.** The Beauty of the Primitive: Shamanism and Western Imagination. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 464 с.

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК Т214(2)(2РОС-4ЧИТ)-7

Екатерина Васильевна Аникина,
школа иностранных языков «ВКС-ИИ»,
г. Москва, Россия

Родословие казаков Кибиревых (посёлок Матусовский Новотроицкой станицы)

В статье предпринята попытка воссоздать родословие казачьей ветви рода Кибиревых, в начале XX века проживавших в пос. Матусовском Новотроицкой станицы 3-го военного отдела ЗКВ (ныне с. Матусово Балейского района Забайкальского края). Назван родоначальник забайкальского рода Кибиревых – крестьянин Осип Кибирев, говорится, что его прямые потомки – это горнозаводские крестьяне и казаки Кибиревы, жившие в XVIII – первой половине XX века на территории «раннего заселения» (современные Нерчинский, Шилкинский и Балейский районы Забайкальского края).

Ключевые слова: горнозаводские крестьяне, казачья ветвь рода Кибиревых, пос. Матусовский Новотроицкой ст. 3-го военного отдела ЗКВ, состав и количество населения с. Матусово, казачье сословие, казачьи экспедиции на Амур

Ekaterina V. Anikina,
Foreign language school “ВКС-ИИ”,
Moscow, Russia

Genealogy of Cossacks Kibireva (settlement Matusovski of the village Novotroitsk)

The article is an attempt to recreate the genealogy of the Cossack branch of the family Kibireva, in the beginning of XX century lived in the settlement Matusovski Novotroitsk of the 3rd military division ZKV (now settlement Matusova Baleyskaya area Zabaykalsky Krai). The ancestor of the Zabaykalsky genus of Kibirevs – the peasant Osip Kibirev is called, it is said that his direct descendants are the mining peasants and Cossacks of Kibirev who lived in the XVIII – first half of the XX centuries in the territory of “early settlement” (modern Nerchinsky, Shilkinsky and Baleysky districts of Zabaykalsky Krai).

Keywords: mining peasants, Cossack branch of the family Kibireva, settlement Matusovski Novotroitsk of the 3rd military division ZKV, composition and population settlement Matusovski, the Cossack class, the Cossack expedition to the Amur

Родоначальником большого забайкальского рода Кибиревых считается крестьянин Осип Кибирев, в 1682 году прибывший с тремя сыновьями в Даурию для поселения на «государевой пашне» [18]. Его прямые потомки – это горнозаводские крестьяне и казаки Кибиревы, жившие в XVIII, XIX и первой половине XX века на территории «раннего заселения» [9, с. 10], то есть в пределах современных Нерчинского, Шилкинского и Балейского районов Забайкальского края. В данной статье предпринята попытка воссоздать родословие одной из ветвей этого рода, а именно – родословие казаков Кибиревых, в начале XX века живших в пос. Матусовском Новотроицкой станицы 3-го военного отдела Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) (ныне с. Матусово Балейского района Забайкальского края).

Точная дата возникновения и имя первопоселенца с. Матусово неизвестны. Первое упоминание «деревни Матысовой» ведомства Ундинской слободы содержится в описании Нерчинского уезда, составленном историком и исследователем Г. Ф. Миллером в 1734 году [14], а это относит время появления села к первой четверти XVIII века. К сожалению, отсутствуют подробные сведения о жителях Матусово в XVIII веке, однако в доступных архивных документах удалось найти некоторые фамилии. Так, в «Книге переписной населения г. Нерчинска и уезда», датированной после 1744 года и содержащей сведения о выбывших из подушного оклада после I ревизии, упоминаются разночинцы Литвинцевы и Шаровы, крестьяне Барановы, монастырский крестьянин Чернеговский [19].

Примерно с 1740-х годов Матусово также упоминается в числе деревень, принадлежавших Нерчинскому Успенскому монастырю [10], что можно объяснить появлением там общины монастырских (после упразднения монастыря – экономических) крестьян, предположительно переселявшихся из близлежащих вотчин монастыря. Около 1774 года экономический крестьянин Токмаков заявлял о желании переселиться из Галгатайской деревни в Матусово, как и экономический крестьянин Пешков, чей дом в деревне Семёновой сгорел в 1773 году. В это время выборным экономических крестьян в Матусово был крестьянин Чупров [2]. Сохранившиеся сказки IV ревизии 1782 года указывают на проживание в Матусово ясачных инородцев Золтуевых [1].

К началу XIX века население Матусово состояло преимущественно из крестьян, приписанных к Нерчинским сереброплавильным заводам. В 1812 году VI ревизией податного населения в Матусово было учтено семьдесят четыре души мужского пола горнозаводских крестьян [4, д. 572], а в 1851 году – сто три души мужского пола всех возрастов были переведены в пешие казаки ЗКВ [17, с. 25]. Экономические крестьяне и ясачные инородцы, в свою очередь, постепенно сформировали другую группу – губернских крестьян. Таким образом, за Матусово закрепился двойной административный статус, отразившийся, например, в материалах комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области 1896–1898 годов: «Посёлок Матусовский (Новотроицкой станицы) и деревня Матусова Ундинской волости Читинского округа составляют один пункт, населённый частью казаками, частью крестьянами» [13, с. 45].

Самые ранние сведения о Кибиревых из Матусово содержатся в «Ревизской книге крестьян, приписанных к Нерчинским горным заводам», относящейся к VI ревизии 1812 года. В то время там проживал заводской крестьянин Василий Кибирев с тремя сыновьями – Иваном, Петром и Прокопием. Отцу, по данным ревизской книги, было 38 лет, а сыновьям – 13, 12 и 7 лет соответственно [4, д. 572]. Две особенности – во-первых, то, что фамилия Кибирев не упоминалась среди жителей Матусово ни в одном из выявленных источников XVIII века, во-вторых, то, что в 1812 году семья Василия Кибирева состояла только из родителя и несовершеннолетних детей, позволили предположить, что Кибиревы не были старожилками в Матусово, а переселились или были переведены из какой-либо близлежащей приписной деревни. Руковод-

ством сереброплавильных заводов нередко принимались решения о переводе приписных крестьян из одной деревни ведомства в другую, что отразилось в ревизских сказках первой половины XIX века и исследованиях профессиональных историков [8].

Изучение метрических книг и исповедных ведомостей Урульгинской Покрово-Николаевской церкви, в приходе которой состояла большая часть жителей Матусово, выявило, что Василий Кибирев не был её прихожанином. Сведения о нём и его семье были обнаружены в документах другой ближайшей к Матусово церкви – Кибиревской Троицкой. То, что Василий Кибирев и его семья, живя в Матусово, были у исповеди именно в этой церкви, а также то, что она располагалась в Кибиревской (позднее Новотроицкой) слободе, названной по фамилии основателя, косвенно указывает на место, откуда был родом Василий. Отчество Василия – Трофимович – также связывает его происхождение со слободой, так как в ней жил заводской крестьянин Трофим Наумович Кибирев (1740–1814), внук её основателя служилого человека Никиты Осиповича Кибирева и правнук одного из первых пашенных крестьян в Даурии – Осипа Кибирева [15].

Итак, Василий Трофимович Кибирев родился около 1772 года, по нашей версии, в Кибиревской слободе (современный пос. Новотроицк в составе г. Балей). 4 апреля 1797 года у него родился старший сын Иван [6, д. 70]. Крёстным отцом Ивана стал крестьянин Михаил Пешков, а поскольку заводские и экономические крестьяне Пешковы проживали именно в Матусово, можно предположить, что Василий Кибирев к 1797 году уже обосновался там. Сын Пётр родился около 1799 года, а во втором браке с Ириной Семёновной родились в 1803 году – сын Прокопий, в 1806 году – дочь Фёкла, четырьмя годами позже – дочь Екатерина и в 1814 году – младший сын Егор, проживший только три года [5]. Умер Василий Трофимович 14 марта 1840 года в возрасте около 70 лет. Метрическая запись о его смерти и погребении была обнаружена в книге Кибиревской Троицкой церкви [6, д. 667].

В 1846 году, согласно исповедной росписи той же церкви, в Матусово проживали сыновья Василия Трофимовича – горнозаводские крестьяне Иван, Пётр и Прокопий Васильевичи Кибиревы с семьями [Там же, д. 883]. В 1850 году, накануне создания ЗКВ, каждый из братьев имел собственный дом, у Ивана и Петра было по одной рабочей лошади и одной корове, а у Прокопия – 3 рабочих лошади, 4 коровы и 10 голов овец. Общая

пашня братьев составляла 22 десятины, а их заводские повинности включали перевозку дров и руды [4, д. 1886]. С 1851 года сыновья и внуки Василия Трофимовича состояли в казачьем сословии.

Иван Васильевич Кибирев от двух браков имел четырёх сыновей – Герасима, Диомида, Василия и Иону, но более поздние документы указывают на то, что потомков по прямой мужской линии у него не было. Дочь Лукерия была выдана замуж за крестьянина Карлина, дочь Мария – за крестьянина Петрова. Умер Иван Васильевич в 1871 году, а метрическая запись о его смерти была сделана в книге уже другой церкви – Ундино-Посельской Покровской [6, д. 2284], построенной в 1861 году в ближайшем к Матусово крупном селе.

О потомках Петра Васильевича Кибирева известно больше. В браке с Татьяной Семёновной Золтуевой он произвёл троих сыновей – Гурия, Семёна, Павла – и двух дочерей – Сусанну и Ефросинью. Умер Пётр Васильевич на год позже своего старшего брата, в 1872 году [Там же, д. 2327]. Сын Гурий Петрович Кибирев совместно с другими казаками 8-го батальона 2-й пешей бригады ЗКВ нёс пограничную службу на Усть-Сунгарийском посту зимой 1857–1858 годов [12], тем самым став участником первых казачьих экспедиций на Амур. Его женой была Анастасия Николаевна Красноярова, а из семи детей только Афанасий Гурьевич продолжил род – в браке с Соломонидой Евсеевной у него было четыре сына – Пётр, Григорий, Степан и Илья Афанасьевичи. В 1916–1917 годах, во время проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи, у Афанасия Гурьевича в Матусово было довольно большое хозяйство – 74 головы скота, 11 десятин пахотной земли, 9 десятин собственной и арендованной сенокосной земли, а также сельскохозяйственная техника – косилка, жнейка и веялка [3].

О судьбе троих сыновей Афанасия Гурьевича сообщает «Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье». Старший сын Пётр Афанасьевич участвовал в восстании 1930 года, а в 1937 году был арестован и приговорён к расстрелу. Степан и Илья Афанасьевичи в этом же году были приговорены к тюремному заключению на десять лет [11, с. 269–270]. Трагична и судьба старшего сына Петра Афанасьевича – Александра Петровича Кибирева, погибшего в бою в августе 1943 года.

Третья и наиболее многочисленная ветвь Кибиревых из Матусово – это потомки Прокопия Васильевича, младшего сына родоначальника Василия Трофимовича. У Прокопия Васильевича и его жены Агафии Николаевны Пешковой было 11 детей – 6 сыновей и 5 дочерей. Четыре сына – Варлам, Трофим, Феодосий и Михаил – достигли совершеннолетия и создали собственные семьи. Две дочери – Фёкла и Наталья – были выданы замуж за крестьян Веселкова и Золтуева. Точная дата смерти Прокопия Васильевича пока неизвестна.

Из четырёх сыновей Прокопия Васильевича только двое имели детей мужского пола и тем самым продолжили род. Феодосий Прокопьевич был старшим урядником 8-го пешего батальона ЗКВ, а в 1865 году избирался членом попечительства при вновь построенной Ундино-Посельской Покровской церкви, о чем сообщалось в «Иркутских епархиальных ведомостях» [16]. Умер Феодосий Прокопьевич рано – в 1874 году в возрасте 41 года [6, д. 2397]. Его сын Алексей Феодосьевич в 1900–1901 годах участвовал в Китайском походе в составе 5-го Забайкальского казачьего батальона и был награждён Знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени [7, с. 342]. В 1917 году в хозяйстве Алексея Феодосьевича было 60 голов скота, около 10 десятин пахотной земли и 3 – сенокосной. Сын Алексея Феодосьевича Яков, как и многие казаки Матусовского посёлка, участвовал в Первой мировой войне [3].

У Михаила Прокопьевича и Елены Семёновны Кибиревых было две старших дочери – Анастасия и Ефросинья, в замужестве Ветрогонова и Котельникова, и три сына – Илья, Гавриил и Степан. Гавриил и Степан Михайловичи в 1917 году имели собственные дворы и семьи, у Гавриила был один сын, а у Степана – два [Там же]. В 1930 году их племянник Григорий Ильич Кибирев принял участие в антисоветском восстании и был приговорён к 10 годам заключения [11, с. 269].

Промежуточный итог изучения родословия казаков Кибиревых представлен в виде упрощённого генеалогического древа. Автор надеется, что со временем история рода Кибиревых привлечёт больше внимания, в том числе его современных представителей, и древо будет дополнено неизвестными ранее и более точными сведениями.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1(об.). – Оп. 1. – Д. 17511.
2. ГАЗК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 126.
3. ГАЗК. – Ф. 19. – Оп. 3. – Д. 232.

4. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 572, 1886.
5. ГАЗК. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 189, 453.
6. ГАЗК. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 70, 667, 883, 2284, 2327, 2397.
7. **Георгиевские кавалеры** Забайкальского казачьего войска в Русско-японскую войну 1904–1905 годов: в 3 т. Т. 1 / сост. В. Ю. Апрельков. – Чита: Экспресс-издательство, 2012. – 388 с.
8. **Жеравина А. Н.** Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 322 с.
9. **Игнатович Т. Ю.** Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья: фонетические особенности. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 237 с.
10. **Казакова Т. П.** Нерчинский Успенский монастырь (1706–1764) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник. – 2003. – № 6. – С. 82–87.
11. **Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье:** в 5 т. Т. 3 / сост. В. И. Василевский, А. В. Соловьев. – Чита: Поиск, 2005. – 423 с.
12. **Крюков В. В.** Дальневосточный пограничный округ. К истории охраны границы и 153 годовщине создания округа [Электронный ресурс] // Амурское казачье войск. – Режим доступа: <http://www.akv.center/materialy> (дата обращения: 26.10.2017).
13. **Материалы высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области.** Вып. 1. Списки населенных мест и дач / сост. С. Черемисинов. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1898.
14. **Миллер Г. Ф.** Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII–XVIII вв.). – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2007. – С. 125–166.
15. **Никита Осипович Кибирев – основатель Новотроицка** [Электронный ресурс] // Новая слобода. – Режим доступа: <http://www.novaya-sloboda.ru/archives/1279> (дата обращения: 26.10.2017).
16. **Открытие приходского попечительства** // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 33. – 14 авг.
17. **Полное собрание законов Российской Империи. 1852 г.** – Собр. 2-е, т. XXVII, отд-ние 2. – СПб., 1853.
18. **РГАДА (Российский государственный архив древних актов).** – Ф. 214. – Кн. 782; Ф. 1121. – Оп. 1. – Д. 43.
19. **РГАДА.** – Ф. 350. – Оп. 2. – Д. 1917.

УДК 94(47+57):77(571.55)
ББК ТЗ(2)533:Щ163(2РОС-4ЧИТ)

*Алексей Владимирович Мясников,
Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

Константин Николаевич Ушаков: врач и фотограф 4-го отдела Забайкальского казачьего войска

В начале XX века фотография получает большое распространение в Забайкалье, появляются не только фотографы-профессионалы, но и любители. Их творческое наследие пока мало изучено, так как хранится в домашних архивах. В статье на основе документов из семейного архива приводятся сведения о забайкальском периоде жизни военного врача и фотографа-энтузиаста К. Н. Ушакова. Впервые публикуются его фотографии Забайкалья, которые представляют большой интерес для истории края.

Ключевые слова: К. Н. Ушаков, Забайкальское казачье войско, история фотографии

Konstantin Nikolaevich Ushakov: a doctor and a photographer of the fourth department of the Zabaikal Cossack Army

In the beginning of XX century photo widespread in Zabaikaly, not only professional photographers but also amateurs were in this region. Their artistic heritage is still little studied, because is stored in home archives. The article based on the documents from the family archive provides information about Baikal period of life of the doctor and photographer-enthusiast Ushakov. His photos of Zabaikaly which are of great interest for the history of the region are published in the article first time.

Keywords: K. N. Ushakov, Zabaikal Cossack Army, the history of photo

В Забайкальском казачьем войске служило немало интересных личностей, которые внесли вклад в культурное наследие края. Имена некоторых таких людей сейчас хорошо известны краеведам и историкам. Например, казачий офицер А. П. Васильев написал замечательный исторический очерк «Забайкальские казаки» и роман «Муравьев-Амурский». Врач Сретенской войсковой больницы Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) А. К. Белявский изучал урскую болезнь, организовал кружок любителей музыки и литературы. Войсковой горный инженер А. Н. Баньщиков занимался краеведением и оставил после себя серию статей о природе и людях края. К сожалению, многие другие энтузиасты – краеведы, литераторы, художники – оказались незаслуженно забыты. К ним, несомненно, относится и врач 4-го отдела ЗКВ Константин Николаевич Ушаков. Будучи фотографом-любителем, он создал ценнейшую коллекцию фотографий, на которых запечатлены пейзажи, портреты и разные стороны повседневной жизни забайкальцев начала XX века. Это уникальное собрание бережно хранит правнучка Константина Николаевича – Ирина Епифанова. С ее разрешения мы впервые публикуем часть его творческого наследия.

Константин Николаевич Ушаков родился в 1880 году. Его отец – Николай Андреевич Ушаков – был помощником управляющего имения Воронцовых-Дашковых, а мать – Екатерина Ивановна (в девичестве Склобовская) – дочерью священника. Семья, в которой кроме Константина было ещё четверо детей, жила на хуторе Данило Воронежской губернии. Здесь Константин учился в сельской школе. По её окончании поступил в классическую гимназию в Воронеже, потом продолжал образование в Императорской Военно-медицинской академии в Петербурге.

В период обучения Константин Николаевич часто бывал в селе Воронцовка, находив-

шемся в пяти верстах от родного хутора. Там он познакомился с дочерью дворянина Марией Петровной Сардановской. Она училась в столице на Бестужевских курсах, а летом приезжала к родным в Воронежскую губернию, в Воронцовке навещала свою подругу. Константин и Мария понравились друг другу, стали общаться.

В 1908 году Константин Николаевич, отлично сдав экзамены, выпустился из академии со званием лекаря и получил назначение на службу в Сибирь. Сначала его отправили в Красноярск, где был расквартирован Восточно-Сибирский стрелковый полк. Весной 1909 года военное начальство определило прибывшего выпускника академии на должность полкового младшего врача. По долгу службы ему приходилось общаться с разными людьми, ездить по селениям и городам. Осматривая пациентов, он быстро понял, что местным военным необходима квалифицированная стоматологическая помощь и предложил командованию открыть в Красноярске зубоучебный кабинет. Начальство одобрило идею и обещало содействие. Несмотря на успешное начало службы, Ушаков тосковал без Марии, писал ей письма, в которых ласково называл её «милым философом». В одном из них Константин Николаевич признался, что ради встречи с ней хочет выпросить у начальства отпуск или командировку в Петербург, а заодно побывать в Воронцовке [2].

Но у военного ведомства были совсем другие планы. В 1910 году Ушакова направили за Байкал. Новым местом службы назначенного военного врача стало село Нерчинский Завод. Расположенное у границы с Китаем, оно было административным центром Нерчинско-Заводского уезда и 4-го военного отдела Забайкальского казачьего войска. Здесь находились больница, казачий лазарет и аптека, основанная в 1762 году. Кроме

того, там были купеческие лавки, базар, общественное собрание, горное училище, действовал любительский театр. Местные жители хорошо помнили о горнозаводской славе своего села. Ведь только в 1902 году отсюда в Читу переехало Управление Нерчинского горного округа Кабинета Его Императорского Величества. Во время переезда в забайкальскую столицу вывезли богатейшую библиотеку и музей, созданные знаменитым начальником Нерчинских заводов Е. Е. Барботом де Марни. Тогда ещё были живы отставные горные служители, которые могли рассказать, как тут, у горы Крестовой, добывали и плавил серебро.

Ушаков, хотя и не застал расцвет Нерчинского Завода, но не мог не заметить, что в этом тихом приграничном селении есть очаги культуры, где жива память о замечательном прошлом. Однако молодому влюблённому человеку, оказавшемуся вдали от подруги сердца, старинная горнозаводская столица по началу показалась весьма унылым и неприветливым местом. Первыми впечатлениями о Нерчинском Заводе он поделился с Марией Петровной: «Да – грустно! Я так рвался к Вам, так хотел, а вышло иначе. Я на три тысячи вёрст стал ещё дальше от моего милого философа! ...Я теперь ссыльный поселенец: без спроса не могу уехать отсюда. Командировали меня сюда без моего согласия... Ведь здесь каторга; здесь знаменитый Акатуй и не менее знаменитая Нерчинская каторга, в последней сегодня был и смотрел на неё... А если бы повидали здесь людей! Я прямо попал в мир интриг и сплетен. Ведь я и переведён сюда, потому что мой предшественник не поладил с атаманом отдела. Здесь каждое слово, каждый жест имеют своё значение, свой скрытый смысл» [3].

Вскоре после прибытия Ушакова зачислили в комиссию по приёму казаков на службу. В её составе он ездил по казачьим сёлам 4-го отдела, а заодно знакомился с нравами и обычаями местных жителей, природой края. В поездках он чувствовал себя свободным и на время отвлекался от тягостных дум о кознях разлучницы-судьбы, предавался любимому увлечению – фотографии. Во время летнего сплава комиссии по реке Аргунь Константин Николаевич снимал виды прибрежных посёлков, сюжеты из жизни сплавщиков.

С 14 мая 1910 года его назначили исполняющим обязанности старшего врача 4-го военного отдела Забайкальского казачьего войска. Константин Николаевич по-прежнему был обязан часто ездить по станицам. Кроме того, осматривал казаков в больнице и лазарете, давал выписки, на основании которых

больных на время освобождали от службы или возвращали в строй. Нередко к нему попадали взрослые и дети со смертельными заболеваниями или травмами. Ушаков очень переживал, что помочь им никак нельзя. «Видеть почти слепую веру в тебя и её не оправдать, о как это больно, как безнадежно больно. Чувствовать в душе бури сомнений, а действовать с уверенностью!» – признавался он Марии Петровне [4].

В ноябре того же года Константин Николаевич в письме сделал ей предложение руки и сердца. Получив согласие, он почувствовал себя окрылённым. Ожидание прибытия невесты заставило его иначе взглянуть на Забайкалье. Край каторги, диких степей и тайги постепенно становился для него чуть приветливей. Он уже признавал, что в суровости даурской природы есть особая красота, восхищался песней «Славное море – священный Байкал», популярной среди забайкальцев. Правда, люди ему пока казались непонятными, чужими, угрюмыми. Впрочем, Ушаков их не обвинял, а объяснял особенности их характера тяжёлыми природными условиями и влиянием каторги. Вот как он писал об этом невесте в начале 1911 года: «У нас (в Воронежской губернии – А. М.) там всё так просто, ясно, открыто, задушевно. А здесь... здесь всё подозрительно, всё враждебно, всё угрюмо. Здесь шуток совсем не понимают! Сурова здесь природа, много она жертв требует от человека, суровы и угрюмы здесь люди. Таких песен парней и девок, какие поются у нас, я здесь ещё не слышал. Я не видел здесь такого беззаботного веселья и смеха, как у нас. Раз только я слышал здесь заразительный смех, слушая который, я тоже хохотал над чем-то, чего и сам не знаю, но это был смех больной истеричной женщины во время припадка. Если здесь смеются, то оглядываются, не слышит ли их злой рок, не придушит ли он завтра смеющегося... Да, сурова здесь природа, суровы и люди! Недоверие – их вера! Я знаю одного доктора, который 10 лет прожил здесь, что кажется должен был свыкнуться, а между тем, как он радовался, когда совсем отсюда уезжал! Но судьба посмеялась над ним, когда снова загнала его сюда! Проклинаю всё и вся, он снова начал играть в карты... Обстановка здесь для европейца тяжела и давяща!» [5].

Но дикая природа и отдалённость Даурии от Европейской России не испугали Марию Петровну Сардановскую. Она поехала к своему жениху в Нерчинский Завод. 11 мая 1911 года они обвенчались в Нерчинско-Заводском Богоявленском соборе. Таинство венчания совершал протоиерей Александр

Титов. Поручителем со стороны жениха выступил местный учитель Андрей Иванович Соломин. Поручителем невесты стал заведующий Олочинским лечебным пунктом, старший фельдшер Александр Алексеевич Мухин [1].

Приезд Марии Петровны сильно изменил жизнь Константина Николаевича. Он обрёл семью, а вместе с ней – радость и уверенность. Служебные поездки по отдалённым казачьим станицам теперь стали интересными путешествиями по неизведанному краю. В дорогу врач Ушаков, как и прежде, брал фотоаппарат и с энтузиазмом снимал всё, что считал заслуживающим внимания.

Летом 1911 года в составе комиссии по приёму казаков на службу он на плоту совершил путешествие по Аргуни. Во время сплава фотографировал пейзажи и своих коллег. Тогда в объектив его фотокамеры попала природная достопримечательность – утёс Белый камень, который, словно корабль с острым носом, врезался в Аргунь (см. рис. 1).

Рис. 1. Скала Белый камень на Аргуни. Лето 1911 г.

Это скала, сложенная из известняка, внушала страх всем, кто сплавлялся на плотках или лодках. Дело в том, что сильное течение, особенно в большую воду, било прямо о каменную громаду, а миновать её было очень трудно. Поэтому, проходя Белый камень по воде, путешественники молились об удаче. Комиссия успешно добралась почти до Амура, о чём свидетельствуют снимки пути в станицу Актугачинскую. В том же году Ушаков снял живописное местечко с мельницей на р. Газимуре.

В 1912 году во время разъездов по краю он сделал серию снимков, повествующих о жизни людей в горнозаводских селениях. Например, в станице Красноярской он запечатлел строения над шахтой, в которой добывали золото. Особый интерес представляют кадры с женщинами, работающими на приисках.

Константин Николаевич никогда не забывал фотографировать и повседневную жизнь Нерчинского Завода. Так, он снял торговую площадь села, заполненную людьми и лошадами с телегами (см. рис. 2).

Рис. 2. Ярмарка в Нерчинском Заводе

Вероятно, это был ярмарочный день. В левой части кадра обращает на себя внимание белоснежное здание с четырьмя колоннами и мезонином – знаменитый дом купцов Кандинских, принадлежавший тогда купеческой семье Израилевых. Весной 1912 года ему удалось заснять небольшой караван верблюдов на отдыхе между церковной оградой и торговыми рядами. Рядом с животными, запряжёнными в большие деревянные сани, фотографу позировали любопытные мальчишки. Картина экзотическая для большинства современных забайкальских поселений! Но в конце XIX – начале XX века забайкальцы часто видели верблюдов. На них купцы перевозили грузы по Шилке и Аргуни. На человека, не знакомого с Даурией, такое зрелище производило сильное впечатление.

Особенный интерес вызывают кадры с медицинскими сюжетами. Вот коллеги Константина Николаевича стоят за аптечным столом, готовят лекарства. На другом снимке пациенты в приёмном покое сидят на койках, а за ними у входа стоит доктор. На одной из фотографий врач Ушаков вместе с коллегой осматривает в перевязочной ногу пациента (см. рис. 3). Скорее всего, Константин Николаевич попросил кого-то сфотографировать его за работой или сделал автопортрет.

У него хорошо получались снимки села и отдельных зданий. Весьма примечателен вид с одной из улиц на гору Крестовую (см. рис. 4). С левого края снимка – одноэтажное деревянное здание – приёмный покой. Справа – дом с колоннами. Песчаная дорога уводит взгляд к неказистым торговым лавкам, обрамляющим площадь, а затем –

к подножию Крестовой, где белеет Иннокентьевская церковь. На острой вершине горы просматривается маленькая часовня.

Рис. 3. В перевязочной. 1912 г.

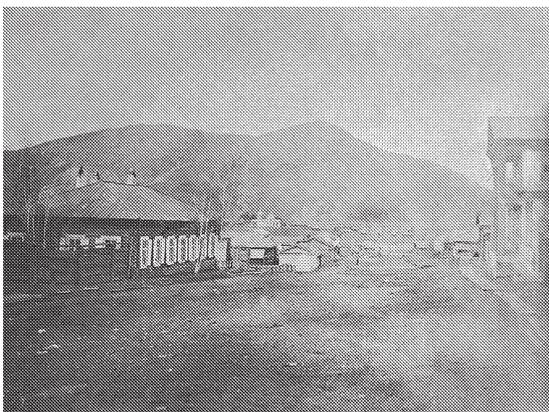

Рис. 4. Вид с улицы на гору Крестовую.
Нерчинский Завод

Неоднократно Ушаков фотографировал Богоявленский собор. На одном из снимков, очевидно, зафиксирован праздник, происходивший зимой или ранней весной. Возле собора собралось множество людей. Кто-то подъехал на санях, кто-то пришел пешком. Одни люди столпились у входа в храм, другие собрались на прицерковной площади, где, похоже, идёт представление (см. рис. 5).

Также он запечатлел двухэтажное здание Управления 4-го отдела ЗКВ, дом, в котором проживал с семьёй, мельницу на речке Алтатче, откуда хорошо была видна Крестовка и окраина села. Благодаря этим кадрам мы можем представить, как выглядел Нерчинский Завод в начале XX века.

Рис. 5. Богоявленский собор
в Нерчинском Заводе

В 1913 году Ушакова перевели служить на Кавказ. 26 марта он вместе с женой и семимесячным сыном Игорем покинул Нерчинский Завод. Перед отъездом Ушаковы сфотографировались на память у дома, в котором прожили непростое, но всё-таки счастливое время.

В годы Первой мировой войны Константин Николаевич принимал участие в Эрзумской операции русской армии на Кавказском фронте, а затем был переведён в Персию. В 1918 году, оставив службу, поселился в станции Курской на Северном Кавказе, работал хирургом. В 1923 году семья Ушаковых переехала в г. Георгиевск (Ставрополье). Там Константин Николаевич трудился до конца 1950-х годов. Его сын Игорь окончил Тифлисский сельскохозяйственный институт, работал в Батумском ботаническом саду. Но Великая Отечественная война заставила Игоря Константиновича взяться за оружие. Он сражался под Сталинградом, в апреле 1945 года был комиссован по болезни, после чего работал агрономом в Георгиевске. Второй сын Константина Николаевича Юрий тоже воевал, погиб в Германии незадолго до Победы. Дочерей Ирину и Нину забрали из жизни болезни.

В Ставрополье Константин Николаевич Ушаков с теплотой вспоминал суровый, но удивительный край у Аргуни, где ему, чтобы обрести семейный очаг, пришлось пережить немало испытаний. Он умер в 1967 году, оставив потомкам старые фотографии и письма – свидетельства канувшей в вечность эпохи.

Источники и литература

1. **Выписка из метрической книги** Нерчинско-Заводского Богоявленского собора, выданная причтом 20 мая 1911 г. – № 134.
2. **Письмо Н. К. Ушакова М. П. Сардановской** из Ачинска. 25 марта 1909 г. // Семейный архив И. Епифановой.
3. **Письмо Н. К. Ушакова М. П. Сардановской** из Нерчинского Завода 1910 г. // Семейный архив И. Епифановой.
4. **Письмо Н. К. Ушакова М. П. Сардановской** из Нерчинского Завода. 18 нояб. 1910 г. // Семейный архив И. Епифановой.
5. **Письмо Н. К. Ушакова М. П. Сардановской** из Нерчинского Завода. 9 янв. 1911 г. // Семейный архив И. Епифановой.

**УДК 622(09):94(47+57)(571.55)
ББК 33Г:ТЗ(2)53(2РОС-4ЧИТ**

Алексей Владимирович Мясников,
Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия
Галина Васильевна Мясникова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

**Неизвестные труды горного инженера Забайкальского казачьего войска
Александра Николаевича Баньщикова**

В начале XX века на землях Забайкальского казачьего войска развивалось горное дело. Большой вклад в его становление внёс войсковой горный инженер А. Н. Баньщиков. В данной статье на основе архивных документов приводятся сведения о его работах по развитию горного и соляного дела на казачьих землях. Особый интерес вызывают его предложения об организации геологических разведок, разрешении Забайкальскому казачьему войску проводить добычу драгоценных металлов. Доклад о Борзинском соляном озере представляет собой рассказ об истории и проблемах изучения и эксплуатации этого водоёма. В статье впервые публикуются отрывки из этих неопубликованных докладов.

Ключевые слова: А. Н. Баньщиков, Забайкальское казачье войско, история горного дела

Alexey V. Myasnikov,
State Archve of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia
Galina V. Myasnikova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

**Unknown works of the mining engineer
of the Zabaikal Cossack Army A. N. Banschikov**

In the beginning of XX century the mining industry developed on the lands of the Zabaykal Cossack Army. A great contribution to its development made a military mining engineer A. N. Banschikov. The author of the article on the basis of archival documents gives information about his works on the development of mining and salt industry in the cossack lands. Of particular interest are his proposals for the organization of geological reconnaissance, permission for the Zabaykalsky Cossack Army to carry out the extraction of precious metals. The report on the Borzinskoe salt sake is an article about the history and problems of studying and exploiting this reservoir. Fragments from his unpunished reports are published firstly.

Keywords: A. N. Banschikov, the Zabaikal Cossack Army, the history of mining industry

В конце XIX – начале XX века представители забайкальского казачества успешно проявляли себя в науке, литературе, общественной деятельности. Ярким примером тому может служить жизнь и работа Александра Николаевича Баньщикова – потомственного казака, исследователя, общественного деятеля.

Его биография пока слабо изучена и не получила достаточно полного освещения в научной литературе. Известно, что родился он 20 ноября 1871 года в семье старшего урядника Забайкальского казачьего войска (ЗКВ). Образование получал в Иркутском промышленном училище и Горном институте в Петербурге. В 1899 году горное ведомство утвердило его в звании горного инженера. В 1902 году он был зачислен в I Аргунский полк «с прикомандированием к Управлению 2 военного отдела» ЗКВ. В том же году его причислили в I Нерчинский полк, но оставили на прежнем месте службы. В 1904 году Баньщикова определили на службу по горному ведомству «с откомандированием» в распоряжение Забайкальского казачьего войска [2, л. 1–4]. Так Александр Николаевич стал войсковым горным инженером. Круг его обязанностей на этом посту был довольно широк. Он рассматривал просьбы о проведении разведок на казачьих землях, выдавал разрешительные свидетельства на разведывательные работы, отводил площади под разработку, следил за поступлением платы за разведку и добычу полезных ископаемых, собирал информацию о горном промысле на территории ЗКВ, организовал геогностические исследования.

Несмотря на огромную занятость, Баньщиков с интересом включился в общественную и научную жизнь края. Он принимал активное участие в работе Забайкальского общества изучения сельского хозяйства, Общества изучения Сибири, Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. В 1906–1907 годах работал директором Читинского краеведческого музея, оставаясь при этом войсковым горным инженером. С 1912 по 1916 год Александр Николаевич был редактором журнала «Забайкальский хозяин». В 1917 году он входил в Забайкальский комитет общественной безопасности, через год избирался Гласным городской думы [1, с. 115–116; 7].

Точная дата его смерти не установлена. Многие краеведы считают, что он ушёл из жизни около 1920 года. Однако Т. Г. Васильева, ссылаясь на торгово-промышленный путеводитель «Вся Чита и Забайкалье», сообщает, что в 1923 году директором Читинского политехникума был А. Н. Баньщиков [1, с. 116].

Перу Баньщикова принадлежат статьи о благоустройстве края, проблемах переселенцев и серебряно-свинцового производства. Некоторые из них перечислены в библиографическом указателе Е. Д. Петряева «Краеведы и литераторы Забайкалья» [8].

Известные опубликованные работы – малая часть наследия А. Н. Баньщикова. Это подтверждают его доклады, выявленные нами в фонде Хозяйственного правления ЗКВ Государственного архива Забайкальского края. Посвящены они проблемам развития горного и соляного промыслов.

Например, в 1906 году Баньщиков выступил соавтором доклада хозяйственного правления о необходимости передачи Забайкальскому казачьему войску месторождений благородных металлов и драгоценных камней, найденных на казачьих землях. В данной работе отмечалось, что правом на их разработку обладают: казна в Западном Забайкалье и Кабинет Его Императорского Величества в Восточном Забайкалье. Между тем казачье население Забайкальской области жило в бедности, что неминуемо сказывалось на состоянии войскового дохода. Капитал войска неуклонно сокращался с 1897 года. Причинами этого бедствия названы истощение почв, вырубка лесов, наводнения, неурожай, эпизоотии, падение золотого промысла и мобилизация для войны с Японией [4, л. 20б.]. Авторы доклада утверждали, что надежды на развитие на казачьих землях горного промысла, а, значит, и получения дохода, могут стать реальностью только в отдалённом будущем, поскольку у войска нет средств для создания собственных горных предприятий. «Горный промысел мог бы давать войску некоторый доход в скорейшем же времени, но лишь при том условии, если бы со всеми другими полезными ископаемыми, в распоряжение войска были предоставлены также благородные металлы и драгоценные камни» [Там же, л. 3]. Из прав казны и Кабинета на благородные металлы и драгоценные камни предлагалось изъять только то, что впредь окажется в недрах казачьих земель» [Там же].

Чиновники императорского Кабинета скептически относились к подобным предложениям и не спешили отвечать на них согласием. Право Кабинета на добычу золота, серебра и ювелирного сырья в пределах Нерчинского округа оставалось незыблемым.

Понимая это, Баньщиков сосредоточился на составлении реестра месторождений полезных ископаемых, а также минеральных источников, за счёт которых можно было бы увеличить доходы ЗКВ. В 1906 году он поставил на учёт Зашуланский и Полкановский

минеральные источники, месторождения железных руд на дачах посёлка Жетковского и Куларской станицы, месторождения медных руд на дачах посёлков Моронского, Будюкканского и Курунзулайского. Кроме того, было зарегистрировано три месторождения каменного угля, два месторождения олова и проявления кобальтового блеска на дачах Титовской станицы [6, л. 27].

В 1908 году Александр Николаевич представил общему присутствию войскового хозяйственного правления доклад о возможностях развития горного промысла. Во вступлении он заявил, что этот промысел на казачьих землях ЗКВ «всё ещё стоит на начале своего развития», и напомнил, что горное дело проходит через стадии: «поиски месторождения, разведку, добычу и обработку полезного ископаемого» [3, л. 11]. Баныщиков говорил, что в редких случаях перечисленные этапы проходят через одни руки, и поэтому в горной промышленности большую роль играют посредники и крупные капиталисты, которых необходимо привлекать в край.

Ниже он перечислил факторы, тормозившие развитие горного промысла: «Отсутствие крупных местных капиталистов, малокультурность края и отдалённость его от промышленных центров с одной стороны и слишком малый срок даваемый на разведки – с другой... Сами крупные капиталисты со стороны не пойдут к нам за поисками полезных ископаемых. Капиталистов возможно привлечь только предложением уже разведанных месторождений» [Там же, л. 11об.]. В доказательство докладчик привёл пример, когда войсковое правление приглашало предпринимателей разрабатывать уже известные месторождения, но в ответ получало запросы: «Каковы запасы, каков анализ руд, каковы условия залегания» [Там же, л. 28]. Следовательно, настаивал Баныщиков, войско должно организовать широкомасштабные разведывательные работы и взять для этого ссуду. По его мнению, ссуда позволила бы войску в течение приблизительно двух лет разведать богатые месторождения. В конечном итоге такая мера, считал он, должна была способствовать делу государственной важности – развитию войскового горного промысла. Александр Николаевич был убеждён, что иные отрасли хозяйства не удовлетворяют всех нужд населения.

Тезис о важности правильной организации войском поисков и разведок полезных ископаемых он развил в докладе от 9 января 1913 года. В нём он предложил учредить при Войсковом хозяйственном правлении справочно-посредническое бюро, которое должно

было служить посредником между теми, кто знает о местонахождении полезных ископаемых, и теми, кто желает их разрабатывать. В бюро предприниматели могли бы получать информацию о месторождениях руд и минералов, а открыватели – представлять образцы полезных ископаемых [5, л. 24об.–25]. Идея получила одобрение военного губернатора Забайкальской области И. А. Кияшко.

Наряду с поиском возможностей развития горного промысла Александр Николаевич Баныщиков занимался изучением соляной промышленности. В 1909 году, после того как Борзинское соляное озеро, или Дабасу-Нор, поступило в ведение ЗКВ, он приступил к детальному обследованию этого солеродного источника.

В том же году Баныщиков представил доклад о Борзинском озере. В частности, он отмечал, что «некоторые из исследователей озера указывают на постепенное обеднение его солью и предсказывают ему печальную участь других озёр, которые некогда также были соляными, а ныне являются простыми гуджирными» [6, л. 1об.].

Опираясь на данные о добыче соли с 1756 по 1885 год, автор доказывал, что подобные прогнозы весьма сомнительны, поскольку основаны, главным образом, на предположениях. Документы же свидетельствовали: количество добываемой соли, пусть не стабильно, но возрастало. За первые сто лет эксплуатации озера (1756–1856) получено 373 198 пудов соли, а в последующее за тем десятилетие весь объём добычи составил 549 111 пудов. Правда, после столь обильного «посада» озеро давало гораздо меньшие «урожаи». «Поэтому можно верить и старожилам, и исследователям, указывающим на уменьшение урожайности, но во всяком случае нельзя сейчас говорить о скором истощении озера, и сейчас за Борзинским озером надо признать столь же важное экономическое значение, как и 1½ века тому назад, и ныне можно верить, что будут ещё впереди годы, когда добыча будет превышать сотню тысяч пудов, и уж несомненно, что мы не доживём до того времени, когда Борзинское соляное озеро обратится в гуджирное», – подытожил Баныщиков [Там же, л. 2об.].

Отбросив сомнения в «благонадёжности озера», он не забыл, что садки на нём может не быть десятилетиями, и потому предложил построить при Борзинском промысле солеваренный завод. Аналогичные идеи, хотя и высказывались ранее, но не находили поддержки у местной администрации. Доставка топлива для соляных варниц обошлась бы казне весьма дорого.

По мнению Баныщикова, источник дешёвого топлива находился совсем рядом с Дабасу-Нором. В 25 верстах отсюда были открыты каменноугольные копи, что давало надежду найти уголь ещё ближе. Тем не менее, исследователь считал, что прежде чем начать строительство завода, необходимо провести дополнительные изыскания и окончательно установить, откуда берётся в озере рассол. Решение этой проблемы имело принципиальное значение для организации солеварения. Инженеры понимали: если рассола мало, или он не достаточно крепок, то и строить варницу незачем.

К тому времени относительно повышенной минерализации Борзинского озера выдвигались три гипотезы, о коих Баныщиков, ссылаясь на статью горного инженера Гартунга, сообщал следующее: «1. Поваренная соль может залегать пластами под озёрным илом, в таком случае вода, накапливающаяся в озере различным путём, служит только средою, выносящей соль из глубины на поверхность. 2. Поваренная соль может выноситься в озеро питающими его родниками, если они встречаются на пути своём где-либо истоки каменной соли. 3. Почва окрестностей озера может содержать в составе своём поваренную и другие соли, которые уступают атмосферной воде стекающей в озеро, и которые отлагаются затем во время засухи» [6, л. 4].

Оставалось только проверить эти предположения. Пока Дабасу-Нор находился во льду, Баныщиков намеревался изучить донную почву, путём бурения добраться до гипотетического соляного пласта и взять с него образцы. Потом собирался исследовать родники по берегам, чтобы «установить, в какой мере принимают они участие в образовании соли». Планировал собрать и подвергнуть химическому анализу образцы почв из окрестностей озера.

Осуществить намеченное ему удалось в 1910 году. О результатах исследований Баныщиков сообщил во втором докладе. Из него следует, что, приехав на Дабасу-Нор с командой рабочих, он обследовал берега и выяснил, что родники, ранее считавшиеся соленосными, на самом деле почти пресные или слегка солоноватые. В ходе бурения и шурфовки в самом водоёме было установлено несколько важных фактов. «Эти работы, – писал Баныщиков, – обнаружили, что дно озера состоит из плотной глины, на которой залегают пласт кристаллической соли, представляющей глауберову соль с примесью поваренной соли» [Там же, л. 17об.]. Глауберова соль, или мирабилит, обладает слабительным эффектом. Отделять от неё поваренную соль было возможно вымораживанием, что повлекло бы дополнительные расходы. Поэтому от идеи устройства варниц пришлось отказаться.

Но это не означало, что нужно отказываться от добычи соли на озере. По подсчётам Баныщикова, её запасы в озере были ещё велики – не менее трёх миллионов пудов. Следовательно, требовалось усовершенствовать самосадочный способ добычи, при котором соль собиралась лопатками с мирабилитовой корки (черепа) на дне озера. Кроме того, Баныщиков рекомендовал Войсковому хозяйственному правлению организовать поиски соляных залежей. Войсковое хозяйственное правление последовало рекомендациям своего горного инженера. Оно организовало сбор информации о соляных источниках и стало больше внимания уделять усовершенствованию Борзинского соляного промысла.

Перечисленные доклады Александра Николаевича Баныщикова, несомненно, представляют интерес для истории горного дела на казачьих землях. Они так же ценны, как часть его творческого наследия, которое ещё предстоит собрать и изучить.

Источники и литература

1. **Васильева Т. Г.** Интеллигенция Забайкалья и переселенческое дело (вторая половина XIX – начало XX в.). – Чита: ЗабГУ, 2009. – 141 с.
2. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** – Ф. 30. – Оп. 3. – Д. 29.
3. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 3. – Д. 31.
4. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 3. – Д. 44.
5. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 3. – Д. 100.
6. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 3. – Д. 126.
7. **Карчанова Л. М.** Баныщиков Александр Николаевич // Энциклопедия Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. 2. – С. 96.
8. **Петряев Е. Д.** Краеведы и литераторы Забайкалья. Биобиблиографический указатель. – Чита: Чит. обл. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры, 1981. – 128 с.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(ПРОС-4ЧИТ)521.2-68

Игорь Георгиевич Пешков,
г. Санкт-Петербург, Россия

Списки забайкальцев – защитников Де-Кастри и их награды за Крымскую войну 1853–1856 годов

В ранней исторической литературе, включая и фундаментальный трёхтомник А. П. Васильева «Забайкальские казаки» об обороне Де-Кастри и последующем «стоянии в голоде и болезнях», с огромными небоевыми потерями, упоминается, что совершенно несоразмерны исторические результаты и те жертвы, которые забайкальцы тогда принесли на алтарь Отечества. Теперь известны первые Георгиевские кавалеры ЗКВ.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 годов, ЗКВ (Забайкальское казачье войско), первые кавалеры ЗОВО (Знак отличия Военного ордена) Святого Георгия, награждение по Высочайшей воле серебряным рублём, награждение светло-бронзовыми медалями «В память войны 1853-1856 гг.» на ленте ордена Андрея Первозванного

Igor G. Peshkov,
Sankt-Petersburg, Russia

Lists of inhabitants, the defenders of De-Castries and awards for Criscuolo 1853–1856

In early historical literature, including A. Vasiliev's fundamental three-volume "Zabaikal Cossacks", about the defense of De-Castries and the subsequent "standing in hunger and disease", with huge non-combat losses, it is mentioned, quite disproportionate to historical results and to those victims who transbaikilians were then brought to the altar of the Fatherland. Now the first Georgievsky Cavaliers of the ZKV are known.

Keywords: The Crimean War of 1853–1856, ZKV (Zabaikal Cossack Army), The first cavaliers of the ZVO (Distinguished Order of the Military Order) of St. George, rewarding by the highest will with a silver ruble rewarding with light bronze medals "In commemoration of the war of 1853–1856" on the ribbon of the Order of St. Andrew the First-Called

В разгар Крымской войны флотилии английских и французских интервентов, чтобы лишить Российскую Империю её дальневосточных владений, решились на войну. Враг полагал, что все воинские резервы русских уже без остатка брошены в огонь сражений в Крыму, на Кавказе, Балтийском, Чёрном и Белом морях и землях. Но они так и не смогли высадиться в дальневосточной гавани Де-Кастри, несмотря на то, что первоначально против их 80 корабельных орудий действовали две горные пушки-единороги. А против четырёх сотен отборных британских морских пехотинцев действовали 130 забайкальских казаков под командованием есаула Помпея Пузино. С 3 по 17 октября 1855 года гремела канонада, велись кровопролитные бои, и интервенты потерпели поражение. К этому времени русских на берегу, при четырёх единорогах, было уже 735 воинов, готовых безропотно умереть за Веру, Царя и Отечество. Это были 465 казаков Сводного пешего полубатальона ЗКВ, двухротного состава из лучших стрелков и охотников, выбранные из

12 пеших батальонов ЗКВ, 6-й сотни Амурского конного полка ЗКВ.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в приказе писал: «...войска на устьях Амура нигде от неприятеля не отступают, в плен не сдаются и побеждают на своих местах или умирают, памятуя слова великого князя нашего Святослава: "Тут ляжем костями: мертвые бо срама не имеют!" В Капитул российских императорских и царских орденов внесены "За храбрость, оказанную против англичан во время пребывания неприятельской эскадры в гавани Де-Кастри в октябре 1855 года"» [3]. Среди нижних воинских чинов, награждённых Знаками отличия Военного ордена Святого Георгия по Высочайшему Манифесту, казаки ЗКВ, солдаты и артиллеристы. Было принято решение, что все «нижние чины» – защитники бухты – будут награждены по Высочайшей воле серебряным рублём каждый. Наградные рубли умерших от ран или болезней казаков или солдат, а также за период ожидания повторного натиска интервентов, до весны 1856 года, насчитыв-

валось больше трети от первоначального состава, пересылались родственникам. Все участники боевых действий были награждены светло-бронзовыми медалями «В память войны 1853–1856 гг.» на ленте ордена Святого Андрея Первозванного. Это была первая массовая боевая награда забайкальцев. Позднее будет продолжена практика присвоения внеочередных воинских офицерских званий забайкальским казакам за воинскую доблесть и отвагу.

В сводном действующем пешем полубатальоне ЗКВ воевали: Александр Николаевич Сеславин – подполковник, адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири, командующий русскими сухопутными войсками на Амуре; Помпей Поликарпович Пузино (1830–1889) – есаул (1854), командир 1-й роты; Доминик Забелло (1832–1856) – есаул, командир 2-й роты; Карл Амendus Яннау – хорунжий, младший офицер 2-й роты.

Отличились медработники: Барт – врач, умер от цинги (март 1856 г.); Ренчицкий – врач, умер от тифа (весна 1856 г.); Демидов Марк Григорьевич – военный фельдшер. Были отмечены урядники: Безсонов Максим; Бекетов Иван; Бекетов Михаил; Белонос Алексей; Березин Герасим; Березин Платон; Бус(...?)дов (в док. неразборчиво Бусоедов?) Пётр; Былков Дмитрий (награждён ЗОВО); Вагин Иван; Ваулин Филипп; Голобоков Капитон; Дружинин Степан; Духовников Алексей; Журавлёв Афанасий; Золотарёв Григорий; Зырянов Михаил; Казанов Иван; Каргин Кондратий (при возвращении с Амура в 1856 г. оставлен как тяжело заболевший в Усть-Стрелочном карауле); Каргин Пётр; Косяков Агафон; Кузнецов Михайло; Лончаков Антон (в капитульных списках Антип, награждён ЗОВО № 103051, умер как атаман 3-го военного отдела Забайкальского казачьего войска 26 ноября 1892 г.) [3]; Лопатин Иван (награждён ЗОВО; произведён в зауряд-хорунжий «за отличие противу неприятеля», приказ военного министра по иррегулярным войскам № 7 от 13.03.1856 г. [7], в рядах 2-го Забайкальского казачьего пешего батальона; награждён орденом Св. Станислава 3-й степени «за труды, усердие и самоотвержение при возвращении России Амурских владений», приказ по войскам Восточной Сибири № 592 от 14.12.1858 г.; младший офицер Амурского пешего казачьего батальона от 12.01.1860 г., зауряд-сотник от 19.12.1860 г.); Подкорытов Федосей; Пузырёв Никифор; Пуртов Иван; Рахманин Григорий Петрович (Новотроицкая (Курлыченская?) станица; награждён ЗОВО, произведён в зауряд-хорунжий «за отличие противу неприятеля», приказ во-

енного министра по иррегулярным войскам № 7 от 13.03.1856 г. [Там же], в рядах 8-го Забайкальского казачьего пешего батальона; награждён орденом Святого Станислава 3-й степени «за труды, усердие и самоотвержение при возвращении России Амурских владений», приказ по войскам Восточной Сибири № 592 от 14.12.1858 г.) [Там же]; Савин Василий; Сапожников Николай Степанович (награждён ЗОВО, произведён в зауряд-хорунжий – «за отличие противу неприятеля», приказ военного министра по иррегулярным войскам № 7 от 13.03.1856 г. [Там же], в рядах 5-го Забайкальского казачьего пешего батальона; зауряд-хорунжий Уссурийского казачьего пешего полубатальона (1858), награждён полугодовым окладом жалованья – «за труды, усердие и самоотвержение при возвращении России Амурских владений», приказ по войскам Восточной Сибири № 592 от 14.12.1858 г.); Сверкунов Силифонт (в капитульных списках Ксенофонт, награждён ЗОВО №103049; умер 06.06.1856 г. от цинги. В графе возвращения знаков указано: знак получен... умершего урядника пешего батальона № 8 Забайкальского казачьего войска Ксенофонта Сверкунова 20 марта 1857 г.) [3]; Секисов Кондратий; Сенотрусов Нил; Таскин Пётр (пос. Пуринский Быркинской станицы; награждён ЗОВО № 103055 [4], произведён в зауряд-хорунжий по ЗКВ, станичный атаман, награждён (1869) медалью Восточно-Сибирского отделения Русского Технического общества за образцы озимой ржи); Ушаков Фёдор (ст. урядник 7-го Забайкальского казачьего пешего батальона, 1856); Федотов Архип; Филиппов Константин; Чипизубов Никифор (ст. урядник 5-го Забайкальского казачьего пешего батальона, 1856); Шмакотин Леонтий Григорьевич (Торгинская станица, был жив на 15.10.1902 г.); Шульгин Яков; Щеголев Федор; Ярославцев Василий; Тюрин Лаврентий (мл. унтер-офицер Лейб-гвардии Волынского полка, прикомандирован).

Проявили себя и музыканты (барабанщики и горнисты): Веригин Лука; Гордиенко Алексей; Дементьев Лука; Димов Терентий; Журавлёв Николай – мл. урядник; Кибирев Андрей; Матафонов Козьма; Пакулов Пимен; Путинцев Нестер; Семёнов Козьма; Ушаков Василий; Фёдоров Афанасий. Казаки: Алексеев Осип; Ангарский Анфил; Аникьев Спиридон; Антипов Захар; Анциферов Пётр; Апрельков Андрей (награждён ЗОВО, произведён в ст. урядники за отличия по службе (1856); зауряд-хорунжий Амурского конного казачьего полка, произведён «за отличную усердную и ревностную службу, начальством засвидетельствованную», приказ по иррегу-

лярным войскам № 32 от 18.09.1857 г.; Высочайше награждён полугодовым окладом жалованья – «за труды, усердие и самоотвержение при возвращении России Амурских владений», приказ по войскам Восточной Сибири № 592 от 14.12.1858 г.); Аршинский Пётр Григорьевич (при возвращении с Амура оставлен, вследствие «простуды ног», в Усть-Стрелочном карауле, куда за ним в ноябре 1856 г. выехал на подводе отец, казак Григорий Аршинский из Титовской станицы); Астафьев Аввакум; Балаганский Иван; Балагуров Евстафей; Балагуров Моисей; Балагуров Яков; Балябин Алексей; Банщиков Александр; Банщиков Афанасий; Баранов Алексей; Баранов Артемий; Баранов Евсей; Баранов Константин; Баранов Кирик; Баранов Кирило; Баранов Лога; Баранов Макар (при возвращении с Амура в 1856 г. оставлен как тяжело заболевший в Усть-Стрелочном карауле); Баранов Пётр; Баранов Фёдор; Баранов Фома; Белоголов Семён; Березин Иван; Блохин Спиридон; Богомятков Пётр; Божедомов Василий; Борзых Родион; Борисов Яков; Бояркин Илья; Бояркин Тимофей; Брагин Антон; Брагин Терентий; Брюхов Максим; Брюхов Никита; Булдыгеров Гавриил; Булыгин Александр; Булыгин Пётр; Былков Пётр; Бянкин Захарий. Веретельников Иван; Верхотуров Алексей; Верхотуров Андрей; Верхотуров Андриан; Верхотуров Давыд; Верхотуров Евсей; Веслополов Василий; Веслополов Егор; Вишняков Пётр; Вологдин Андрей; Вологдин Евдоким; Вологдин Поликарп; Воложанинов Егор Никифорович (3-й ВО ЗКВ, был жив на 15.10.1902 г.); Воронов Дорофей; Высотин Дмитрий; Высоцкий Ельпидифор. Гагарин Иван; Гагаркин Николай; Гамов Павел; Гамов Степан; Горяшин Лука; Горяшин Михайло (награждён ЗОВО; ст. урядник 6-го Забайкальского казачьего пешего батальона, 1856); Гладышев Демьян; Глотов Христофор; Голобоков Дармидон (т); Горячкин Павел; Глухих Семён; Гранин Иван; Гранин Леонтий Филиппович (был жив на 15.10.1902 г.; 3-й ВО ЗКВ); Губин Захарий; Даурцев Ларион; Дедюхин Иван; Дедюхин Иван (2-й); Дементьев Арсентий; Дементьев Козьма; Деревцов Спиридон; Димов Прокопий; Димов Степан Климович (при возвращении с Амура в 1856 г. оставлен как тяжело заболевший в Усть-Стрелочном карауле); Димов Флор [1]; Добрынин Флегонт; Домошонкин Хрисанф; Дружинин Иоаким; Дутов Зиновей; Дутов Николай; Дутов Симон; Едров (Редров?) Василий; Екимов (Якимов) Матвей; Елин Егор; Епифанцев Андрей; Ермилов Леонтей. Жигалин Захар; Жилин Филимон; Журавлёв Дмитрий; Журавлёв Софрон; Журавлёв Федот; Журавлёв Яков; Забе-

лин Иван; Загузин Иван; Зверев Дармидон (т); Зимин Дмитрий; Золотарёв Терентий; Золотухин Матвей; Зырянов Пётр; Иванов Зеновей; Иванов Иван (награждён ЗОВО № 103047, приказный. В графе возвращения знака указано: умер, знак получен вх. № 4132 21 в сент. 1887 г.) [3]; Иванов Павел; Ивачёв Карп; Ивачёв Степан; Игумнов Павел; Казаков Изосим; Казаков Николай; Казанов Денис; Казанов Ефим; Казанов Иван (награждён ЗОВО № 103054. В графе возвращения знака указано: умер, знак получен... 1870) [Там же]; Кайгородов Иван; Калинин Константин; Караваяев Хрисанф; Каргин Иван; Кибирев Архип; Кибирев Ефим; Кибирев Трофим; Козлов Михайло; Козлов Фёдор; Козулин Андрей; Колмогорцев Василий; Колобов Николай; Колобов Силифонт; Колобов Семён; Колобов Трифон; Колобов Фёдор; Колосов Евстафий; Колотовкин Венедикт; Кондратьев Лупан; Кондратьев Тимофей; Конев Герасим; Конев Пётр; Конев Фрол; Коренев Василий; Корякин Семён; Корякин Фома; Котельников Максим; Кочмарёв Иван; Кочнёв Михайло; Красильников Алексей; Кузнецов Василий; Кузнецов Михайло; Кузнецов Никита; Кузнецов Павел; Кузнецов Яков; Кулаков Матвей; Кулаков Фёдор; Купряков Григорий; Кутузов Михайло; Кутузов Павел (награждён ЗОВО № 103053) [Там же]; Кутузов Фёдор; Лалетин Тимофей; Лапердин Василий; Лаптев Трифон; Лапшиков Алексей; Лебедей Бонифатий; Лесков Алексей; Лесков Василий; Лесков Гаврило; Лесков Семён; Лесков Яков; Литвинцов Алексей; Литвинцов Андрей; Литвинцов Данило; Литвинцов Дементий; Литвинцов Никита; Лиханов Александр; Лиханов Иван; Лиханов Степан; Лихачов Иван; Логунов Андрей; Лончаков Семён; Лоншаков Василий; Лоншаков Егор; Лоншаков Прохор; Лопаницын Семён; Лопатин Афанасий; Макаров Лаврентий; Макаров Матвей; Макаров Роман; Макаров Спиридон; Макаров Яков; Малофеев Данило; Мальцов Иван; Маньков Алексей; Марков Иван; Марков Малафей; Матафонов Семён; Матафонов Тимофей; Матрёнинский Пахом; Медведев Антон; Милюшкин Асаф; Мирсанов Степан; Молоков Степан; Морогин Прокопий; Морозов Николай; Мосеев Парфил (Перфил); Муратов Пётр; Мурзин Иван; Мурзин Семён; Мыльников Аввакум; Некипелов Пётр; Нечупаренко Григорий; Никитин Прокопий; Носков Ефим (умер при возвращении с Амура 20.08.1856 г. и погребён между Хинганским и Зейским постами); Носырев Иван; Обухов Иван (умер при возвращении с Амура 10.08.1856 г., погребён на Хинганском посту); Обухов Софрон; Ожегов Пётр; Окладников Сила; Оранин Михайло. Пакулов Захарий;

Пакулов Иван; Пальцов Никифор; Панфилов Пётр; Парыгин Арсентей; Парыгин Архип; Парыгин Осип; Пельменёв Василий; Пельменёв Николай; Перебоев Кирило; Перебоев Клим; Перминов Павел; Перминов Яков; Пермяков Егор; Пермяков Дмитрий; Петров Константин; Пешков Иван; Пешков Степан Михайлович (награждён ЗОВО № 103057) [4]; мл. урядник 8-го Забайкальского казачьего пешего батальона на 31.05.1872 г., пос. Сарбактуйский Новотроицкой станицы); Пискунов Мирон; Пичуев Дмитрий; Пичуев Николай; Плотников Александр; Подойницын Андрей; Подойницын Иван; Подойницын Савва; Подшивалов Алексей; Подшивалов Лазарь; Полоротов Фёдор; Полуполтинной Михайло; Пономарёв Михайло; Попов Егор; Попов Иван; Попов Кондратий; Пузырёв Леонтий; Путинцев Кирило; Путинцев Михайло; Пушкарев Пётр; Пьянков Иван; Пьянков Илья; Пьянков Яков; Раздобреев Александр; Раздобреев Ефим; Раздобреев Павел; Раздобреев Павел Андреев(ич); Размахнин Егор; Размахнин Лука; Раитин Фёдор; Ракитин Иван; Ракитин Филипп; Раменской Симон; Распопов Дорофей; Резанов Архип; Резанов Егор; Резанов Харитон Михайлович (1832 г. р.; награждён ЗОВО № 103046 [3]; мл. урядник 5-го Забайкальского казачьего пешего батальона на 31.05.1872 г., пос. Тайнинский Дог-Инской станицы); Рекин (Декин?) Михайло; Репин Сидор; Рожковский Михайло; Саватеев Максим; Саватеев Яким; Савин Тимофей; Саломатов Иван; Саломатов Мирон Васильевич (3-й ВО ЗКВ, был жив на 15.10.1902 г.); Саломатов Яков; Самарин Иосиф; Самароков Дато [1]; Самойлов Василий; Самойлов Захарий; Сараев Афанасий (умер при возвращении с Амура 25.09.1856 г. и погребён в Усть-Стрелочном карауле); Сараев Илья; Сватков Иван (Сретенская станица); Свешников Семён; Селиванов Иван; Семёнов Николай; Семёнов Тарас; Сенотрусов Дмитрий; Сорокин Терентий; Строганов Ефим; Судаков Карп; Судаков Руф; Ташлыков Афанасий; Тихоньких Семён; Толстокулаков Ефрем; Тонких Пётр; Травников Николай; Третьяков Максим; Турков Иван; Тюкавкин Иван; Тюкавкин Степан; Тюменцев Иван; Урюпин Андрон; Усов Федот; Ушаков Андрей; Ушаков Егор; Ушаков Иван; Ушаков Мирон; Ушаков Прокопей; Ушаков Степан; Ушаков Тимофей; Ушаков Тихон; Федореев Сергей; Фёдоров Ефим; Федосеев Василий; Федосеев Козьма; Федотов Фёдор; Фефелов Никита (Шелопугинская станица, награждён ЗОВО, ст. урядник 6-го Забайкальского казачьего пешего батальона (1856), за отлично-усердную и ревностную службу произведён в зауряд-хорун-

жи, приказ войскам Восточной Сибири № 445 от 18.09.1857 г.); Филиппов Лука; Филиппов Николай; Филиппов Матвей; Фомин Лаврентий; Фунтасов Никифор; Харин Михайло; Харин Моисей; Хлестунов Леонтий; Чазов Платон; Чащин Степан; Черепанов Дмитрий; Чернецкий Алексей; Чернецкий Варлам; Черных Пётр; Четвериков Никита; Чипизубов Порфилий; Чипчеев Гаврила; Чупров Гаврила; Чупров Лев; Чупров Семён (умер при возвращении с Амура 05.09.1856 г. и погребён близ Комарского поста); Чупров Фёдор; Шароглазов Иван; Швалов Ермил; Шелеметьев Григорий; Шелеметьев Михаил; Шестаков Иван (умер при возвращении с Амура 14.08.1856 г. и погребён между Хинганским и Зейским постами); Шестопалов Леонтий; Шехирев Василий; Шипунов Матвей; Широких Никита; Широколобов Прокопий; Шишкин Давыд, Шадрин Марк; Шадрин Семён; Щебеньков Николай; Щетинин Андрей; Юдин Василий; Якимов Полуян.

В 6-й сотне Амурского конного полка ЗКВ отмечены: Скобельцын Гавриил Дмитриевич, зауряд-войсковой старшина, командир сотни; Имберг Алексей Константинович, есаул 3-го конного Забайкальского казачьего полка, прикомандирован; урядники: Катанаев Алексей; Лисовский Алексей; Рукавишников Михайло; Селяев Трофим; Таскаев Сидор (умер от болезни в Де-Кастри, жена Авдотья, дочь Наталья); Шемелин Семён; казаки: Анкудинов Иван; Астраханцев Егор Николаевич (умер от болезни в Де-Кастри, был прикомандирован из 2-й Забайкальской казачьей конной бригады); Баженов Андреян; Березовский Илья; Боробов Ксенофонт; Бянкин Роман; Выропаев Александр; Зенков Кондратий; Зенков Фёдор (умер, жена Маргарита Васильевна); Катанаев Мирон; Кожевников Арсений; Корсакин Иван; Корякин Лев; Корякин Николай; Кошкаров Иван; Лончаков Александр; Лончаков Хрисанф; Мимишин (Милюшин?) Тимофей; Мирсанов Афанасий; Носков Клим; Носков Лука; Пешков Ефим; Плотников Софрон; Птицын Василий; Рукавишников Степан Дмитриевич (умер от болезни в Де-Кастри); Самарин Михайло; Самсонов Иван; Сенотрусов Елистрат; Серебряков Сила (умер от болезни в Де-Кастри); Скорняков Алексей; Софронов Куприян; Стуков Семён; Филиппов Тимофей (прикомандирован из 2-й Забайкальской казачьей конной бригады); Черных Александр; Черных Иван; Шеломенцев Абрам (умер от болезни в Де-Кастри); Шемелин Степан [1].

Имеются сведения среди воевавших Забайкальского казачьего войска: 3-го батальона (пешего) – казак Иван Кайгородов, ЗОВО № 106023 «за отличие в делах под Де-Кастри»

[5]; 8-го батальона казак Матвей Сверкунов, ЗОВО № 106025 [6]; 7-го батальона урядник Федот Журавлёв, ЗОВО № 106026 [Там же]; 10-го батальона урядник Варлам Кожевников, ЗОВО № 106027 [Там же]; Сибирского линейного 14-го батальона 1-й роты унтер-офицер Павел Круглых, ЗОВО № 106024 «за отличия в делах под Де-Кастри» [6]; фельдфебель Нестор Копытов, ЗОВО № 103048 [3]; рядовой Леонтий Карпушев, ЗОВО № 103050 [Там же];

артиллерийского горного дивизиона: бомбардир Евграф Кудышкин, ЗОВО № 103052 [Там же]; старший канонир Кассиан Иванов, ЗОВО № 103056 [4].

Усилиями в первую очередь забайкальских казаков Амур был возвращён в хозяйственный оборот России, была отражена угроза захвата устья реки англичанами в ходе Восточной военной кампании 1855–1856 годов [2, с. 51].

Источники и литература

1. **Апрелков В. Ю.** Георгиевские кавалеры Забайкальского Казачьего Войска в Китайском походе 1900–1902 годов. – Чита: Экспресс-изд-во, 2014. – С. 172–178.
2. **Жуков А. В., Пешков И. Г.** Забайкальские казаки и их потомки: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2014. – С. 51–53.
3. **РГИА (Российский государственный исторический архив).** – Ф. 496. – Оп. 3. – Д. 761. – Л. 6.
4. **РГИА.** – Ф. 496. – Оп. 3. – Д. 760. – Л. 7.
5. **РГИА.** – Ф. 496. – Оп. 3. – Д. 761. – Л. 304.
6. **РГИА.** – Ф. 496. – Оп. 3. – Д. 761. – Л. 305.
7. **Приказ военного министра.** – СПб., 1856. – № 7. – 13 марта (по иррегулярным войскам).

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2РОС-4ЧИТ)521

Мария Ивановна Гантимурова,
Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия

Документы Урульгинской степной думы второй половины XIX века в фондах Государственного архива Забайкальского края как источник изучения истории забайкальского казачества

В статье рассматриваются документы по истории Урульгинской степной думы, которые хранятся в Государственном архиве Забайкальского края. В научный оборот вводятся источники по истории изучения судопроизводства инородцев в конце XIX века. Отмечаются аспекты взаимодействия инородцев и казаков.

Ключевые слова: казаки, инородцы, Урульгинская степная дума, Урульгинская инородная управа, судопроизводство

Mariya I. Gantimurova,
State Archve of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia

Documents of the Steppe дума of Urulga of the second half of the XIX century in the funds of the State archive of Zabaykalsky Krai as sources of studying of the Zabaikal Cossacks' history

In the article the analysis of documents on the history of the Steppe Duma of Urulga, which is stored in the State Archive of Zabaykalsky Krai. The author considers these documents as sources of studying the history of the Zabaykalsky Cossacks. The author introduces into scientific circulation previously unpublished sources describing the history of the study of the proceedings of foreigners in the late XIX century. Marked aspects of the interaction of foreigners and Cossacks.

Keywords: Cossacks, foreigners, the Steppe Duma of Urulga, Foreign Council of Urulga, procedure

В Государственном архиве Забайкальского края хранится большой комплекс документов по истории инородцев, к которым в XIX веке относили эвенков, бурят и представителей других народов, проживавших в Забайкалье. В данной статье рассматриваются документы, которые являются важными в вопросе изучения местных народов, их взаимодействия с русским населением. Материалы, выявленные в рамках исследования, относятся ко второй половине XIX века и характеризуют деятельность Урульгинской степной думы. Представленные источники могут помочь в изучении и понимании роли инородческих дум в формировании забайкальского казачества. Охватить весь объём выявленных документов в данной статье не представляется возможным, поэтому здесь охарактеризована лишь небольшая часть документального комплекса по данному вопросу.

По документам фондов «Урульгинская степная дума Читинского уездного правления» (фонд 55), «Урульгинская инородная управа Урульгинской степной думы, село Князе-Урульгинское» (фонд 29), «Забайкальское областное правление» (фонд 1) можно проследить динамику численности населения, сословный состав, обычаи, нравы, хозяйственную деятельность на территории, подведомственной Урульгинской думе. Во второй половине XIX века в её состав входили инородные управы: Кужертаевская, Маньковская, Оловская, Онгоцонская, Улдургинская, Урульгинская, Шундуинская и около сорока родовых управлений [10, с. 47].

Особый интерес представляют годовые отчёты, где представлены демографические данные. В фонде «Урульгинская инородная управа» хранятся отчёты практически за все годы. Интересен тот факт, что на протяжении второй половины XIX века на указанной территории проживало не более 1 % представителей казачьего сословия: например, в 1865 году – 0 чел.; в 1885 году – 44 чел. (7 мужчин, 7 женщин, детей: 14 мальчиков, 16 девочек), при общем количестве 4058 чел. всех сословий; в 1898 году – 50 чел. (10 мужчин, 10 женщин, детей: 17 мальчиков, 13 девочек), при общем количестве 3627 чел. [6, л. 39; 8, л. 39].

В деле «Сведения о числе сёл, деревень, улусов, о скотоводстве, посевах хлеба, числе кочевых и оседлых инородцев» за 1893 год кроме статистических сведений о числе сёл, пофамильных списков имеются данные о видах деятельности населения, уровне развития того или иного направления, описание водных ресурсов, лесных угодий и т. д. Особо

можно отметить, что есть указание на территорию, с которой переселились инородцы [7, л. 262].

Одними из наиболее важных документов, характеризующих отношения инородцев друг с другом, с казаками, являются документы судопроизводства.

В вышеуказанных фондах выявлены документы, содержащие сведения о спорах казаков и инородцев по вопросам использования пастбищных угодий и другим юридическим вопросам. Проблема использования земель оставалась актуальной на протяжении всего XIX века. Результат одного такого спора между инородцами Урульгинской степной думы и казаками Размахнинского станичного общества приводится в рапорте военному губернатору Забайкальской области областного землемера А. Бутакова от 25 февраля 1887 года № 71, в котором отмечалось: «...прошение казаков Размахнинского станичного общества, проживающих в селении Князе-Береговом, ведомства Урульгинской степной думы, Комогорцевых с товарищами, жалующихся на стеснение их инородцами Урульгинского ведомства и дворянами Гантимуровыми в пользовании хлебопахотными и сенокосными землями и на вытеснение с места жительства, – имею честь донести, что хотя просители и поясняют в своём прошении, что предки их за 200 лет тому назад были заселены на Князе-Береговую станцию, будто бы Горным ведомством по незаселённости Нерчинского тракта, для отбывания почтовой гоньбы, но фактов к тому в доказательство никаких не предоставили... Казаки-просители и горное ведомство не имели права теми землями распоряжаться, можно только предположить, что помянутые просители заселились и пользовались землями при Князе-Береговом селении с согласия потомков князей Гантимуровых и родовичей, подведомственных им тунгусов, а потому означенные просители... не могут оставаться на жительстве между инородцами на землях, им назначенных...» [3, л. 2–3].

Среди подобных дел можно отметить следующие: «Переписка с Войсковым правлением Забайкальского казачьего войска, Нерчинским земским исправником, о захвате казаками у тунгусов сенокосных земель по р. Куренге», «Дело по рассмотрению земельного спора между казаками пос. Галкинского и тунгусами села Байцетувского Урульгинской степной думы», «Дело по рассмотрению земельного спора между казаками пос. Богомяжковского, Комогорцевского и Митрофановского станичного округа и тунгусами дер. Кокуйской и улуса Далунского Оловской ино-

родной управы Урульгинской степной думы» и др. [1; 2; 4]. Как показывают документы, отношения между инородцами и казаками были сложными и не всегда мирными.

В связи с особенностями ведения судебных дел в инородческих ведомствах во второй половине XIX века назрела необходимость реформирования судебной системы. Для этого необходимо было изучить и проанализировать данную проблему. Особое внимание, на наш взгляд, заслуживают материалы по изучению устройства судебной части по делам инородцев Приамурского края. В 1896–1898 годах по инициативе приамурского генерал-губернатора Духовского было проведено исследование с целью анализа состояния судебной части у инородцев, подготовки необходимой информации в Государственный Совет для разрешения вопроса о новом устройстве судебной части по делам инородцев. Как отмечалось в предложении приамурского генерал-губернатора от 22 октября 1896 года № 6950 «...предстоящая задача по соображению и разработке таких данных по Приамурскому краю является делом далеко не лёгким ввиду требующегося для сего близкого знакомства с бытом инородцев и некоторых специальных познаний, я находил бы целесообразным привлечь к этому делу возможно большее число лиц, имеющих возможность по условиям своей жизни и деятельности входить в соприкосновение с инородцами и знакомиться с их бытом, а в особенности тех, которые занимались специальным изучением вопросов, касающихся инородцев. Весьма полезным и желательным представлялось бы участие в сем деле местных отделений Императорского Русского географического общества, задачи которого близко соприкасаются с подлежащим ныне разрешению вопросами, и православных миссионеров, и некоторых приходских священников, условия деятельности которых вполне благоприятны для знакомств с бытом инородцев» [9, л. 9об.].

Для этой масштабной работы была подготовлена «Программа для собирания и разработки сведений по собиранию и разработке сведений по вопросу об устройстве судебной части по делам инородцев в областях Приамурского края». В проведении исследования приняли участие члены Читинского, Троицко-Кяхтинского отделений Приамурского отдела Императорского РГО (А. Л. Якуцевич, Н. М. Добромислов), пристав 2-го участка Баргузинского округа М. А. Сафьянников, которые представили результаты на общих собраниях и в периодических изданиях РГО [11] и др. Особое внимание заслуживает мате-

риал, подготовленный начальником Нерчинских тунгусов и председателем Урульгинской степной думы поручиком А. Н. Гантимуровым: «Нерчинские тунгусы. Сведения князя Гантимурова и Урульгинской степной думы». В своей работе он приводит исторические данные о принятии российского подданства и службе князей Гантимуровых, расселении инородцев, подведомственных Урульгинской думе, даёт оценку уровню культурного развития, поднимает вопрос о необходимости образования молодого поколения тунгусов: «В общем все нерчинские тунгусы по своему умственному и нравственному развитию, несмотря на обрусение стоят ещё и до сих пор на низкой степени культуры. В этом отношении буряты перещеголяли тунгусов. Буряты давно поняли, что без образования и просвещения далеко не уйдёшь, поэтому куда только было возможно помещали и помещают детей своих учиться. Тунгусы же только теперь начинают сознавать, что они действительно отстали во всём от остального населения и заботятся об образовании молодого поколения. Сколько бурятских мальчиков рассыпаны по всем низшим и средним учебным заведениям Забайкалья! Сколько молодых юношей из бурят находится в Европейской России в различных университетах! – всем ведь известно. Тунгусов же и в Забайкальских учебных заведениях очень редко встретишь, не говоря уже про высшие училища, где их совсем нет и никогда не бывало. Сравнивая тунгусов и бурят, нельзя не видеть между ними громадной разницы...» [9, л. 72об.].

В заключение автор отмечает: «...осмеливаюсь в заключение выразить искреннейшее моё желание, чтобы при разрешении такого важного и неотложного вопроса, как реформа инородческого самоуправления вообще, приняты были во внимание главным образом все существующие законоположения об инородцах. Чтоб эти законы были всесторонне рассмотрены при непременно участии избранных из среды самих инородцев лиц, служивших ранее по общественным выборам людей, понимающих дело, вполне опытных и развитых, и наконец, чтобы сами инородцы были так или иначе подготовлены к ожидаемой реформе, дабы последняя не явилась для них печальною неожиданностью. Ведь никто не станет отрицать, насколько тяжело и грустно расставаться со своими старыми привычками, традиционными обычаями и нравами, вообще с тем, с чем сложился и сроднился человек, что вошло, так сказать, в плоть и кровь» [Там же, л. 80–81об.].

В целом, характеризуя документы Государственного архива Забайкальского края по

истории Урульгинской степной думы, можно отметить полноценность и комплексность документов, которые раскрывают практически все сферы жизни тунгусских родов Урульгинской степной думы. В связи с тем, что опубликованных материалов по истории тунгу-

сов Забайкалья недостаточно, в дальнейшем планируется подготовить каталог по фондам госархива, продолжить выявление особо ценных документов, а также провести демографическое исследование по статистическим данным этого периода.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1. – Оп. 1(общ.). – Д. 11800.
2. ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1(общ.). – Д. 13188.
3. ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1(общ.). – Д. 13554.
4. ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1(общ.). – Д. 13559.
5. ГАЗК. – Ф. 13. – Оп. 2. – Д. 73.
6. ГАЗК. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 249.
7. ГАЗК. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 337.
8. ГАЗК. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 374.
9. ГАЗК. – Ф. 13. – Оп. 2. – Д. 73.
10. Государственный архив Забайкальского края: путеводитель по фондам Государственного архива Забайкальского края: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. О. Баринов. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – 224 с.
11. Сафьянников М. А. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края. Инородцы Читинского округа // Труды ТСКО Приамурского ОИРШ. – 1899. – Т. 1, вып. 1. – С. 13–34.

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК ТЗ(2)(2РОС-4ЧИТ)-283.31

Александр Валерьевич Ануфриев,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Формирование командных кадров в Забайкальском казачьем войске в конце XIX – начале XX века

В статье говорится о факторах продвижения по службе высшего командного состава ЗКВ: наказных атаманов и военных губернаторов, начальников штаба войск Забайкальской области, приводятся их имена. Анализируется биография М. П. Хорошхина как единственного среди наказных атаманов ЗКВ представителя родового казачества. Подчеркивается высокий уровень военной подготовки, хорошее образование и знание монгольского языка станичными и поселковыми атаманами и судьями.

Ключевые слова: атаманы ЗКВ, военные губернаторы Забайкальской области, М. П. Хорошхин, высшее военное образование, статус станичных и поселковых атаманов и судей

Alexander V. Anufriev,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

The formation of the command personnel in the Zabaikal Cossack Army in the late XIX – early XX centuries

The article deals with the factors of promotion in the service of the higher command structure of the ZKV: punished atamans and military governors, chiefs of staff of the Zabaikal region troops, their names are given. Examines the biography of M. P. Horoshhin acting as the only one among the chieftains of the tribal ZKV representative of the Cossacks. Highlights the high level of military training, a good education and knowledge of the Mongolian language, the village and the village chieftains and judges.

Keywords: *chieftains ZKV, the military Governor of Zabaikalian area, M. P. Horoshhin, higher military education, the status of the village and the village chieftains and judges*

Особый интерес вызывает высший командный состав ЗКВ, особенно наказные атаманы войска. Прерогативой назначения на эти должности обладал генерал-губернатор Восточной Сибири, а после создания в 1884 году на Дальнем Востоке нового генерал-губернаторства – генерал-губернатор Приамурья. В Забайкалье (как и других казачьих регионах – Амурской и Приморской областях) военный губернатор сосредоточивал в своих руках гражданскую власть (губернатор) и военную (командующий войсками области и наказной атаман казачьего войска). В этих условиях на данный пост назначались только военнослужащие, что отличало эти территории от соседних регионов, имевших губернский статус. Так, в Иркутской губернии последним военным на посту губернатора являлся генерал-майор Генерального штаба В. К. Светлицкий (1889–1897). В. К. Светлицкий был последним военным на должности и якутского губернатора (1885–1889) и губернатора Енисейской губернии (1897–1898).

Забайкальские губернаторы на протяжении всего периода (1851–1917) были кадровыми офицерами. Из 17 человек, занимавших этот пост с 1851 по 1917 год, 3 имели звание генерал-лейтенанта, остальные – звание генерал-майора, один во время службы в Забайкалье получил звание генерал-лейтенанта (В. И. Косов). Интересна их дальнейшая судьба и карьера. Для многих служба в Забайкалье стала своеобразным трамплином для дальнейшей карьеры. Так, Я. Ф. Барабаш стал оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, а М. С. Корсаков, получив эполеты генерал-лейтенанта, сменил своего родственника и благодетеля Н. Н. Муравьёва-Амурского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири; генерал от инфантерии М. И. Эбелов возглавил Одесский военный округ. Во многом дальнейшая карьера зависела от благоволения со стороны генерал-губернатора к своему подчинённому. Достаточно показательна в этом отношении блестящая карьера Корсакова. Есть и обратные примеры – В. К. Светлицкий, с подачи генерал-губернатора Игнатъева, блестяще начав свою административную карьеру в должности губернатора Якутской области, а затем и иркутского губернатора, не сладил с очередным главой Восточной Сибири, и конфликт был разрешён на уровне министра внутренних дел, который переместил Владимира Константино-

вича с поста иркутского губернатора на такую же должность в Енисейскую губернию.

В тени своих командиров находились их прямые заместители – начальники штаба Забайкальской области. В силу своего служебного положения губернатор был сосредоточен в основном на общегражданских делах вверенной ему области, а военные вопросы решались начальником штаба. Хотя так было не всегда. Можно привести в пример разнообразную и насыщенную деятельность военных губернаторов Забайкальской области Мациевского и Кияшко. Так, генерал-майор Е. О. Мациевский только за одну неделю октября 1896 года осмотрел 3 и 4 сотни 2-го Забайкальского казачьего полка под Читой, затем произвёл смотр частей 2-го пешего казачьего батальона на Нерчинских заводах, 25 ноября лично осмотрел манёвры, в которых участвовали три сотни 1-го конного полка и четыре сотни 2-го конного полка ЗКВ, а артиллерийское обеспечение осуществляла 2-я казачья артиллерийская батарея ЗКВ [3, л. 81–82].

Следует отметить, что на посту наказного атамана до конца XIX века не было ни одного родового казака. Первым атаманом-казак ЗКВ стал М. П. Хорошхин, выходец из старинного рода яйцких казаков. Он родился в 1844 году (отец – полковник Павел Хорошхин, участник Крымской войны). Службу начал в Городовом полку Уральского казачьего войска, где и получил в 1861 году первый офицерский чин хорунжего. После окончания Николаевской академии Генерального штаба был откомандирован в штаб Оренбургского военного округа. В 1870 году есаул Михаил Павлович Хорошхин был переведён в Главное управление казачьих войск Генштаба. М. Хорошхин до 1893 года – наказной атаман ЗКВ, губернатор Забайкальской области, командующий войсками Забайкальской области, а после – начальник штаба Туркестанского военного округа. Наибольший след в Забайкалье оставил назначенный сюда 28 марта 1912 года военным губернатором родовой кубанский казак А. И. Кияшко.

Как правило, губернаторы имели достаточно поверхностные знания о внутренней жизни войска, касаясь в основной парадной стороны взаимоотношений с забайкальскими казаками: парад или в лучшем случае – манёвры и стрельбы в военной жизни, инспекция казачьих поселений – в мирной. Как признавался первый военный губернатор За-

байкальской области П. И. Запольский: «Я человек простой, солдат, знаю хорошо военную часть, но во всём остальном сознаю себя невеждою» [4, с. 403]. Иногда незнание начальства простых вещей вызывало усмешку у простых казаков. Так, в своём дневнике забайкальский казак урядник Белокопытов, расселённый на Амур, в описании посещения первым губернатором Амурской области Н. В. Буссе вновь заселённой станицы отметил: «Военный губернатор много расспрашивал о хозяйстве и хотя остался доволен, но всё-таки в казачьей жизни мало понимал... Расхваливал огороды, а не за что, так как семян овощей было мало, на грядках много травы, которую принял за овощи» [7, с. 179].

Если о губернаторах информации достаточно, то данные о начальниках штаба войск Забайкальской области скудны, за исключением, пожалуй, только сведений о В. К. Светлицком, В. К. Андриевиче и П. К. Ренненкампе. Следует отметить, что в отделе Восточно-Сибирского военного округа, курировавшем казачьи войска, из 5 офицеров был только иркутский казак хорунжий Иван Андреянович Полуэктов [8, л. 140].

Большинство из высшего командного состава получили не только классическое военное образование (кадетские корпуса и военные училища), но и имели академическое военное образование (прежде всего Академию Генерального штаба). Кадры в основном готовились в привилегированных Пажеском корпусе (окончил Н. П. Дитмар); Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (окончил М. С. Корсаков); Дворянском полку, где обучался П. И. Запольский. В обычных кадетских корпусах обучались Е. М. Жуковский, Е. О. Мациевский, И. К. Педашенко. С начала XX века в формулярных списках губернаторов появляются 1-е Павловское военное училище (А. И. Кияшко), Михайловское артиллерийское училище (В. И. Косов); 2-е Константиновское училище (И. П. Надаров). Значительная часть военных губернаторов прошла обучение в Николаевской академии Генерального штаба (А. И. Кияшко, В. И. Косов, В. И. Марков, М. И. Эбелов, И. П. Надаров, Е. О. Мациевский). В Александровской Военно-юридической академии обучался А. В. Сычевский.

В отличие от Донского и Кубанского казачьих войск ЗКВ почти не знало отправления казаков-офицеров «на льготу», так как офицеров катастрофически не хватало, и в войсковые подразделения переводились на казачьи должности офицеры неказачьего происхождения, не знавшие быт и обычаи забайкальских казаков, что частенько приводи-

ло к трагикомическим ситуациям. В середине XIX века крайне редко и только благодаря своим выдающимся заслугам казаки могли заслужить офицерский или классный чин. Так, родовой караульский казак П. Я. Шишмарёв стал русским консулом в Монголии и занимал этот пост 50 лет, но получил дворянство только со второй попытки [7, с. 53–54]. За участие в присоединении и освоении Приамурья ряд казаков удостоились офицерских званий, став зауряд-офицерами (обладали офицерскими правами только на службе). Ряд из них получили штабс-офицерские чины, как, например, участник амурских сплавов зауряд-войсковой старшина Г. Д. Скобелицын [Там же, с. 169].

Местная администрация и лично военные губернаторы осознавали ущербность ЗКВ в кадровой подготовке и требовали открытие в Забайкальской области средних учебных заведений. Так, Н. П. Дитмар в отчёте о состоянии области за 1874 год писал: «Открытие в Чите гимназии вызывается не только нуждами населения, но и потребностями правительственными: без среднего учебного заведения казачье войско, имеющее в настоящее время только 37 офицеров, не может подготовить 328 офицеров, положенных по штатам войска в военное время» [5, с. 31]. Однако гимназия была открыта в Чите только в 1884 году, после неоднократных ходатайств последующих забайкальских военных губернаторов – И. К. Педашенко и Л. И. Ильяшевича. Проблема эта несколько разрешилась на рубеже веков, когда до штабс-офицерских чинов дослужились первые выпускники Иркутского военного училища, к началу Русско-японской войны первые из них стали полковыми командирами, но по-прежнему ЗКВ испытывало нехватку собственных командных кадров.

Проблема усугублялась во время военных конфликтов, когда из-за некомплекта офицерских кадров, особенно в льготных частях, приходилось привлекать для заполнения вакансий кадровых армейских офицеров. Об этом писал В. И. Вагин: «Приезжавшие в Забайкальское войско армейские офицеры не имели понятия ни о быте, ни о потребностях местного населения, они требовали от бывших крестьян воинской дисциплины... Многие из них приезжали в Сибирь с прямой целью нажить... , были и такие, которые приехали в Сибирь только потому, что служба в других местах для них была закрыта» [1, л. 62об.]. Многие офицеры «не горели» желанием служить на окраине, вот как описывает П. Краснов свою реакцию на предложение принять на выбор 1-й Читинский или 1-й Аргунский полк: «Я был много против...

Во время Японской войны я видел Забайкальские полки 1-й очереди в отряде генерала Мищенко и 2-й очереди в отряде генерала фон Ренненкампа. Маленькие монгольские лошади... Ездящая пехота... Много буют среди казаков. Хронический недостаток офицеров. Очень самобытный народ, трудно управляемый. Своего рода ссылка!.. Чита, Джаркент, забайкальцы, сибиряки, не все ли равно – всё одно, чужие люди, незнакомые места». Как строить взаимоотношения с казаками, П. Краснову дал совет его знакомый А. А. Павлов, который командовал накануне 1-м Нерчинским полком ЗКВ: «Ведь кто ты такой в глазах тех, кого Государь Император даёт тебе под команду. Ты – петербуржец, гвардеец, ты – фазан! Отношение к тебе будет настороженно внимательное... Вот и покажи им, что ты подлинный командир, а не гастролёр, делающий на их шкуре свою карьеру». При этом Павлов по-доброму отозвался о забайкальских офицерах: «И каких прекрасных офицеров найдёшь ты на окраине» [6, с. 199–200, 206].

Следует отметить, что мнение военного губернатора при назначении или перемещении старших офицеров учитывалось не всегда, и последнее слово оставалось за Военным министерством. Например, был смещён с должности командира 1-го Аргунского полка полковник Сибирского войска Путилов. Хотя губернатор Е. О. Мациевский достойно отозвался о его сменщике полковнике Донского войска Дудкине («Первое впечатление произвёл на меня очень хорошее: не старый, довольно видный, здоровый и по виду молодеватый»), он просил оставить Путилова в Забайкалье в должности «хотя бы временно командира льготной батареи». Но просьба не была удовлетворена, и Путилов был отчислен в запас по Сибирскому казачьему войску [3, л. 24].

В станицах и посёлках, где действовало самоуправление, выборы станичных и поселковых атаманов и судей в итоге зависели от наказного атамана ЗКВ. Во многом на это влияли уездные начальники и их отношения с конкретными станичными атаманами. Так, в 1891 году развернулась настоящая война нерчинского окружного начальника Абазы с атаманами станиц Митрофановская (старший урядник Тюменцев), Кулаковская (фельдфебель Баранов) и Копунская (урядник Муратов). И если атаманы Кулаковской и Копунской станиц безоговорочно подчинились решению начальника об их отстранении, то атаман Митрофановской станицы обратился к военному губернатору Забайкальской области Хорощину с рапортом о несогласии

с мнением начальника, считая, что обвинение его «в пьянстве и упущениях... совершенно несправедливо». Тюменцев заявлял, что в должности атамана он находится второе трёхлетие, «к службе относился вообще ревностно» и считал своё увольнение крайне несправедливым. Отписка Абазы от 22 июня 1891 года не удовлетворила атамана, который потребовал назвать конкретные факты нарушения ст. 83 «Положения об общественном управлении казачьими войсками» смещёнными станичными атаманами.

Тогда Нерчинский уездный начальник отправил военному губернатору области 14 августа донесение, в котором обвинял Баранова и Тюменцева в неисправлении почтового тракта, а также в пьянстве: «В г. Нерчинске во время съезда атаманов Баранов явился пьяным и вообще держал себя неприлично своей должности и званию. Тюменцев на съезде не был по болезни ...от пьянства...», Баранов был арестован за пьянство при полиции 2 раза». Абаза просил утвердить его решение и заменить их «людьми, более ответственными и исполнительными». Ранее уездный начальник удалил с должности Жидкинское станичного атамана Окатова. Так, менее чем за полгода лишлись должностей четыре станичных атамана в этом округе. Это было следствием конфликта между станичными обществами и уездным начальником.

Несмотря на отрешение от должности указанных лиц, конфликт не был разрешён, избранный станичным сходом на должность Митрофановского станичного атамана вместо Тюменцева казак Семён Чирков не был утверждён, так как он, по мнению уездного начальника, «обвинялся по делу о ложном доносе в 1886 году и 4 раза по делам об оскорблении действием». Окружной начальник не утвердил общественный приговор о выборе Чиркова и предложил избрать на атаманскую должность «другое лицо, вполне соответствующее должности». Сам окружной начальник жаловался наказному атаману на то, что бывший станичный атаман фельдфебель Иван Пичуев пишет на него доносы [2, л. 1–23]. Окружной начальник настоял на своём и Чирков не был утверждён в должности, а на должность станичного атамана выбрали в его отсутствие казака Евгения Полутина, который категорически отказался от этой должности, несмотря на предложенный оклад в 300 р. [Там же, л. 60–63].

Всего в 1891 – начале 1892 года в ЗКВ сменилось 10 станичных атаманов. Только один из них, атаман станицы Мурочинской, бомбардир Н. Ладыженский был переизбран

на второй срок. В одном случае замена произошла из-за смерти атамана, в остальных случаях был избран новый атаман станицы. Все атаманы были людьми семейными и грамотными, их средний возраст составлял 31 год, самому молодому атаману станицы Цаган-Олуевской было 26 лет, а самому возрастному, атаману станицы Шарагольской, старшему уряднику П. Телешову – 35. Большая часть атаманов (70 %) имела статус унтер-офицеров (3 фельдфебеля, 2 вахмистра, 2 старших урядника), остальные имели звание бомбардира (2 чел.) и рядового казака (1 человек). Жалование станичного атамана варьировалось от 150 до 300 р. в год. Из всех назначенных атаманами станиц и почётными судьями только один имел государственные награды – атаман Шарагольской станицы старший урядник Пантелей Телешев, который за участие в экспедициях Пржевальского был удостоен георгиевских крестов 3-й и 4-й степени и стал кавалером ордена Св. Анны (?) [2, л. 84–88].

За тот же период прошли выборы старших и младших сотенных судей в 1-й сотне 5-го конного полка и 5-й сотне 6-го конного полка ЗКВ. В старшие судьи были выбраны младшие урядники Б. Мункуев и Б. Радаев. В младшие судьи попали отставной казак (А. Бардуев), неслужилый казак (Б. Бадмаев), младший ветеринарный фельдшер (Н. Очиров). Средний возраст судей – почти 41 год. Все они были грамотными, и у большинства

в послужном списке была запись: «грамотен по-русски и по-монгольски». Все выбранные судьи были ламаистами, так как данные сотни полностью состояли из казаков-бурят [Там же, л. 23–37, 74–84]. Как видно, при выборе судей большую роль играли грамотность и жизненный опыт, а при выборе атамана была обязательна не только грамотность, но и успешная служебная карьера.

Таким образом, на рубеже веков командование ЗКВ старалось решить проблему командных кадров ЗКВ. Это было особенно актуально, так как войско развивалось динамично, число нижних чинов резко увеличилось, и ЗКВ вышло на 4-е место по их численности, уступая только Донскому, Кубанскому и Оренбургскому войскам. Испытывая острый недостаток командных кадров, атаманы ЗКВ и командование Приамурским военным округом различными методами (прикомандирование, зачисление в сословие, организация военного училища, «верстание» в зауряд-офицеры) пытались решить проблему. Как отрицательный факт отмечается минимальное продвижение офицеров-казаков на высший командный уровень (полк-отдел). Достаточно вспомнить, что первым наказным атаманом ЗКВ из родовых забайкальских казаков стал избранный на этот пост 2 войсковым съездом ЗКВ в 1917 году полковник Василий Васильевич Зимин, а самым известным, сменившим его на этом посту – генерал-лейтенант Г. Семёнов.

Источники и литература

1. **Вагин В. И.** Мои воспоминания // ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 15.
2. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** – Ф. 1(об.). – Оп. 1. – Д. 3081.
3. **ГАЗК.** – Ф. 13. – Оп. 3. – Д. 1.
4. **Завалишин Д. И.** Записки декабриста. – СПб.: Сириус, 1906. – 464 с.
5. **Константинова Т. А.** Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. – Чита: Богданов Г. Г., 2001. – 89 с.
6. **Краснов П. Н.** Воспоминания о русской императорской армии. – М.: Айрис-Пресс, 2006. – 608 с.
7. **Матханова Н. П.** Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2002. – 428 с.
8. **РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив).** – Ф. 1447. – Оп. 1. – Д. 12.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(РОС-4ЧИТ)531

*Ольга Анатольевна Яремчук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

К вопросу о войсковых стипендиях Забайкальского казачьего войска (конец XIX – начало XX века)

В статье на основе нормативно-правовых документов и материалов Государственного архива Забайкальского края представлена информация об учреждении войсковых стипендий Забайкальского казачьего войска в образовательных учреждениях Забайкальской области и других регионах Российской империи в конце XIX – начале XX века. Выплаты стипендий осуществлялись за счёт общевоинского капитала и предназначались для наименее обеспеченной части забайкальского казачества.

Ключевые слова: *Российская империя, Забайкальская область, Забайкальское казачье войско, учебные заведения, войсковая стипендия, Войсковое хозяйственное правление*

*Olga A. Yaremchuk,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

To the question of the military scholarships of the Zabaykal Cossack Army (late XIX – early XX centuries)

In article on the basis of legal documents and materials of the State archive of Zabaykalsky Krai presented the information about the establishment of the military scholarships of the Zabaykalsky Cossack army in educational institutions in Zabaykalsky oblast and other regions of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. Scholarship was provided through a combined capital and was intended for the poorest of the Zabaykalsky Cossacks.

Keywords: *The Russian Empire, Zabaykal oblast, Zabaykalsky Cossack Army, educational institutions, military scholarship, Military Economic Board*

Во второй половине XIX века в свете проводимых Александром II реформ был утверждён ряд нормативных документов, касающихся Забайкальского казачьего войска, которые, с одной стороны, отвечали общему духу преобразований этого времени, а с другой – свидетельствовали об объективной необходимости принятия социальных мер по отношению к отдельным категориям казачества. К числу этих важнейших документов относилось Высочайше утверждённое 7 июля 1857 года положение Военного Совета «Об улучшении средств к обучению в Забайкальском казачьем войске бедных детей казачьего сословия», реализация которого фактически началась с января 1858 года [1, с. 44]. В этом правительственном документе говорилось о создании условий для получения бесплатного образования неимущими сиротами или сыновьями совершенно бедных родителей в полковых и батальонных школах. Для этой цели выделялись соответствующие пособия: в каждую школу на 10 чел. приходилось по 80 р. в год (т. е. на каждого воспитанника по

8 р. в год). Всего на 6 полковых школ от казны поступало 480 р. в год, а на содержание 10 батальонных школ – 960 р. в год из войсковых сумм. Пособия из этих сумм производились детям не иначе как по засвидетельствованию их бедности приговорами станичных обществ, утверждённых войсковым начальством [15, с. 55].

Введённая мера в определённой степени способствовала расширению круга лиц из числа казаков, приобретших возможность получить не только начальное, но и среднее образование. Об этом свидетельствуют данные, приведённые в работе С. Е. Белоглазовой: на 1891 год в Забайкалье больше половины учащихся начальных школ составляли казаки, т. е. 1958 чел. из 3823 учащихся во всех начальных школах (51 %). В уездных училищах обучались 8,9 % казаков, в городских – 2 %, в пяти женских прогимназиях ученицы-казачки составляли 6 %, в Читинской мужской гимназии учились 12 % казаков, в Троицкосавском Алексеевском реальном училище также 12 %. Из 24 стипендий, которые платила муж-

ская гимназия, 4 предназначались для детей из семей бедных казаков. Исходя из этого, автор пришла к выводу, что для представителей войскового сословия наиболее доступными оставались начальные школы, где получал образование каждый второй казак. В средних учебных заведениях соотношение учащихся казаков к представителям других сословий (дворян, купцов, мещан) составляло 1:8 [1, с. 49].

Помимо Положения «Об улучшении средств к обучению в Забайкальском казачьем войске бедных детей казачьего сословия» в конце XIX – начале XX века были разработаны и утверждены иные нормативные документы, касающиеся введения стипендий Забайкальского казачьего войска в различных учебных заведениях Российской империи. Основная их часть была принята в год трёхсотлетия Дома Романовых и была опубликована в Полном собрании законов Российской империи. Показателен сам перечень Высочайше утверждённых положений Военного Совета за несколько месяцев 1913 года: «Об учреждении двух войсковых стипендий Забайкальского казачьего войска при Императорской Военно-медицинской академии» (5 мая); «Об учреждении на средства Сибирского и Забайкальского казачьих войск стипендий с их войск в высших учебных заведениях в ознаменование трёхсотлетия царствования Дома Романовых» (31 мая); «Об учреждении при Харьковском ветеринарном институте двух стипендий Забайкальского казачьего войска в память трёхсотлетия царствования Дома Романовых» (1 июля) и др. [16, ст. 39366, с. 486; ст. 39447, с. 540; ст. 39635, с. 692]. В это же время был Высочайше утверждён и одобрен Государственным Советом и Государственной Думой закон «Об отпуске из средств государственного казначейства пособия общему войсковому капиталу Забайкальского казачьего войска» (10 июля) [Там же, ст. 39807, с. 770].

Упомянутые в документах учебные заведения, в которых вводились войсковые стипендии Забайкальского казачьего войска, можно дополнить, опираясь на материалы, сохранившиеся в фонде 30-го Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Например, в документах ГАЗК имеется информация об учреждении одной такой войсковой стипендии в Вятском среднем сельскохозяйственно-техническом училище имени императора Александра II [12]. В них оговаривались условия введения стипендии для лиц войскового сословия: «1) стипендия учреждается “в память 300-летия царствования Дома Романовых”; 2) стипендия учреждает-

ся на средства общего войскового капитала Забайкальского казачьего войска; 3) размер стипендии 360 рублей в год; 4) стипендия замещается молодыми людьми войскового сословия, преимущественно бедными и сиротами, приобретшими право на поступление в означенное училище; 5) стипендия замещается наказным атаманом Забайкальского казачьего войска по постановлениям Войскового хозяйственного правления сего войска; 6) на первоначальное обзаведение стипендиатов при поступлении в училище отпускается единовременно из общего войскового капитала по 60 рублей; 7) лицам, отправленным для замещения означенной стипендии, а также возвращающимся по окончании курса наук выдаётся на проезд по 53 рублей 25 копеек в передний и обратный путь; 8) на стипендиатов во всём распространяются правила, Высочайше утверждённые 20 января 1873 года» [12, л. 5об.–6]. Аналогичные условия прописывались при учреждении войсковых стипендий и в других учебных заведениях.

Войсковые стипендии устанавливались как в средних, так и в высших учебных заведениях Российской империи. Н. Н. Смирнов в своей работе отмечает, что в вузах России в начале XX века обучались 36 чел. войскового сословия, из них 11 чел. получали стипендию Забайкальского казачьего войска. Помимо упомянутых выше Харьковского ветеринарного института и Императорской Военно-медицинской академии высшее образование за счёт войсковой стипендии дети казаков получали в Петроградском лесном и Московском сельскохозяйственном институтах, Томском университете [2; 6; 17, с. 375]. За свой счёт учились в других институтах 25 чел. Что касается обучения детей забайкальских казаков в средних учебных заведениях за счёт войсковой казны, то таковых насчитывалось 27 чел. из лиц мужского пола и 12 – женского [17, с. 375]. К числу образовательных учреждений, где имели возможность получить среднее образование представители войскового сословия, относились: Читинская мужская гимназия, Читинская женская гимназия, Читинское землемерное училище, Уфимское землемерное училище, Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище, Иркутское техническое училище, Петербургская военно-фельдшерская школа, Тобольская акушерско-фельдшерская школа и др. [3–5; 7; 8; 10–13; 14, с. 41; 17, с. 375].

Назначению на войсковую стипендию, безусловно, предшествовало написание соответствующего прошения в адрес Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска. Такого рода документы

в материалах ГАЗК представлены в большом количестве. Прошения позволяют определить мотивы поступления детей казаков в учебные заведения и причины закрепления за ними войсковой стипендии. Анализ этих документов позволил установить, что в казачьей среде в начале XX века широкое распространение получило мнение о том, что образование – это ценность. Это же отмечал и Н. Н. Смирнов, ссылаясь в своей работе на один из приказов наказного атамана: «На народное образование не следует жалеть денег. Каждому обществу следует стремиться к открытию у себя школ, а с открытием всеми силами помогать и деньгами, и материалами» [17, с. 374]. Не менее важным мотивом для обращения с такого рода прошениями стали реальные жизненные условия казаков, усугублённые Русско-японской войной, отсутствие у них финансовых возможностей, что не позволяло за собственный счёт осуществлять обучение их детям в учебных заведениях Забайкальской области, а тем более – за её пределами.

Несмотря на указанные обстоятельства, казаками (детьми или их родителями) в прошениях неоднократно выражалось желание обучаться в средних и высших учебных заведениях. Например, в прошении казака Онон-Борзинской станицы, учителя Лукинско-начального училища Вениамина Спиридоновича Макарова председателю Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска от 10 июля 1914 года высказывалась просьба о зачислении его дочери Музы в 1-ю Читинскую женскую гимназию для получения ею образования на стипендию от Забайкальского казачьего войска. Он подчёркивал, что не имеет ни физической, ни моральной возможности при 45-рублёвом месячном жаловании сделать это за свой счёт. Далее проситель указывал, что дать дочери образование он считает своим нравственным долгом и не теряет надежды, что войско, из которого он происходит, и которому имеет счастье служить учителем в течение 14 лет, не оставит его просьбу без внимания [11, л. 20]. Казак В. С. Макаров отмечал также, что его дочь временно зачислена кандидаткой в 1-ю Читинскую женскую гимназию, и, ссылаясь на начальницу учебного заведения, считал, что вакансии в скором времени должны освободиться [Там же, л. 20об.].

В другом прошении председателю Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, составленном 11 сентября 1914 года вдовой – казачкой Титовской станицы Маврой Потаповной Иконниковой, говорилось, что её дочь Алексан-

дра обучается во 2-м классе 1-й Читинской женской гимназии. Не имея средств платить за её обучение по 50 р. за учебный период, покорнейше просит отнести вышеуказанную сумму за счёт войсковых средств и зачислить дочь на стипендию. Далее в документе указывалось, что в прошлом году она также состояла на стипендии. Однако на прошении была сделана резолюция представителями Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска о том, что ученица Александра Иконникова на стипендии не состояла. Ей выдавалось только пособие на внесение платы за обучение [Там же, л. 33].

В прошении Дмитрия Седякина, ученика 4-го класса частной мужской гимназии Кашперовой и Молчановой, отмечалось, что в силу изменившихся жизненных обстоятельств ему для продолжения образования необходима войсковая стипендия. Его отец был убит в сражении в ходе Русско-японской войны, дяди находились в действующей армии, а дедушка ввиду его престарелого возраста не мог справиться с возложенной на него задачей по содержанию семей всех его детей [13, л. 13]. Как известно, это прошение было отклонено в силу отсутствия учреждённой в учебном заведении войсковой стипендии с предложением о зачислении его на обучение в Читинскую мужскую гимназию [Там же, л. 17].

Обоснованием экономической несостоятельности казачьих семей и соответственно основанием для назначения войсковой стипендии зачастую служили приговоры станичных обществ, сопровождающие прошения и содержавшие информацию о составе семьи, наличии доходов, движимого и недвижимого имущества и т. п. В качестве примера можно привести фрагмент одного из приговоров Титовского поселкового сбора, состоявшегося 18 февраля 1914 года: «...Находя желание Иконниковой заслуживающим уважения и принимая во внимание: 1-е, что Иконникова в 1912 году, после смерти мужа осталась с пятью малолетними детьми без средств к необходимому существованию, но благодаря своей энергии и работоспособности она личным своим трудом, хотя и с лишениями воспитывает своих детей. 2-е. Средства на обучение детей она никаких не имеет, и 3-е – семейное положение ея семьи: сама просительница, сыновья Иван 12, Иннокентий 10, Пётр 2 лет, дочери Мария 14 и Антониды 9 лет, а хотя в семействе ея числится брат мужа Василий Иконников, но он со своей семьёй живёт отдельным хозяйством и никакой материальной поддержки просительницы

це не оказывает, а потому поселковый сбор единогласно постановил ходатайствовать и ходатайствует пред Войсковым хозяйственным правлением о помещении на казённый счёт, на войсковые стипендии детей вдовы казачки Евдокии Канидиевой Иконниковой: Иннокентия 10 лет и Антонида 9 лет, обучающихся в настоящее время в Титовской церковно-приходской школе» [9, л. 6–6об.].

Количество и размер войсковых стипендий Забайкальского казачьего войска был не одинаков в различных образовательных учреждениях. Например, в Вятском среднем сельскохозяйственно-техническом училище такая стипендия была учреждена одна (её размер в год составлял 360 р.) [12, л. 5об.]; в Тобольской акушерско-фельдшерской школе – 6 стипендий (общая сумма на всех обучающихся в год – 600 р.) [10, л. 1–1об.]; в Читинской мужской гимназии – 3 стипендии (по 135 р. за одно полугодие на каждого учаще-

гося) [13, л. 49]; в 1-й Читинской женской гимназии – 3 стипендии (630 р. за одно полугодие на всех стипендиатов) [11, л. 1–1об.] и др. Средства на выплату указанных стипендий выделялись из общего войскового капитала Забайкальского казачьего войска.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века в Забайкальском казачьем войске регулярно предпринимались меры, способствующие расширению возможностей получения образования молодым поколением казаков. Одной из таких действенных мер стала выплата войсковых стипендий, учреждённых в ряде учебных заведений Забайкальской области и других регионов Российской империи, которые предназначались для детей малообеспеченной части забайкальского казачества. Оплату стипендии и взнос за обучение в этом случае брало на себя Войсковое хозяйственное правление Забайкальского казачьего войска.

Источники и литература

1. **Белоглазова С. Е.** Казачьи школы Тихоокеанской России в контексте реформ XIX века // Ойкумена. – 2015. – № 2. – С. 42–51.
2. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 351.
3. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 352.
4. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 353.
5. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 354.
6. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 497.
7. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 501.
8. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 524.
9. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 702.
10. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 719.
11. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 721.
12. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 747.
13. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 802.
14. **Забайкальское казачье войско** / сост. Н. И. Эпов. – Нерчинск: Тип. М. Д. Бутина, 1889. – 76 с.
15. **Мантурова С. Ч.** Российское законодательство о проблемах социального признания в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2007. – С. 53–60.
16. **Полное Собрание законов Российской Империи.** Собр. 3. С 1 марта 1881 года по 1913 год. – СПб.; Петроград: Гос. тип., 1885–1916. – Т. 33. 1913, отд-ние 1, № 38604–40846. – Петроград: Гос. тип., 1916.
17. **Смирнов Н. Н.** Слово о забайкальских казаках: ист. очерк-хроника. – Волгоград: Комитет по печати, 1994. – 608 с.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(ПРОС-4ЧИТ)531

*Ирина Григорьевна Куренная,
Администрация городского округа «Город Чита»,
г. Чита, Россия*

Источники изучения архитектурного наследия Забайкальского военного ведомства (конец XIX – начало XX века)

В статье рассматриваются источники по изучению архитектуры и истории резиденции наказного атамана и военного губернатора Забайкальского края в г. Чите – административном центре Забайкальского казачьего войска. Архитектурное наследие

военного ведомства, утраченное в начале и второй половине XX века, и источники его изучения вписаны в контекст исторической и общественно-политической среды дореволюционного Забайкалья.

Ключевые слова: Дом наказного атамана, Дом военного губернатора, Офицерское собрание, Войсковое хозяйственное правление, история, историко-культурное наследие, архитектура, стиль

*Irina G. Kurennaya,
Administration of the urban district "City of Chita",
Chita, Russia*

Sources for the study architectural heritage of the Zabaikalsky military department (late XIX – early XX – century)

The article discusses the sources for the study of architecture and history of the residence of the ataman and the military Governor of the Zabaikalsky region in Chita, the administrative center of the Zabaykal Cossack Army. The architectural heritage of the military establishment, lost in the beginning and second half of the twentieth century and the sources of knowledge written in the context of historical and socio-political environment of pre-revolutionary Zabaikaly.

Keywords: House of the Nazarite ataman, House of the military governor, Officers' meeting, House of the military economic administration, history, historical and cultural heritage, architecture, style

После утверждения «Положения о Забайкальском казачьем войске» 17 марта 1851 года в Читу на жительство прибыл первый военный губернатор П. И. Запольский, кадровые офицеры и нижние чины ЗКВ, специалисты органов управления. Продолжали прибывать переведённые в сословие казаков крестьяне и горнозаводские рабочие. Сюда было доставлено оружие, военная атрибутика, в т. ч. знамёна. Для всего хозяйственного обеспечения войска требовались основные ведомственные здания и помещения, которые стали проектироваться и строиться уже с начала 1850-х годов. Казармы, арсенальная, гауптвахта, «Благородное собрание», первые интендантские и другие службы располагались близ песчаного пустыря, получившего название Городской, а с конца XIX века – Атаманской (Атамановской) площади, которая по плану 1862 г. была включена в систему площадей города. Более интенсивно военная инфраструктура стала формироваться в 1860-х годах по известному «Проекту на обустройство областного г. Читы Забайкальской области» 1862 года [1, л. 1]. С учётом его данных застраивались первые кварталы, создавались проекты и сметы на строительство оружейных, тиров, артиллерийского полупарка, пороховых погребов, баней, цейхаузов, конюшен, бригадного лазарета, помещений для стрелковой роты, расквартирования казачьих батарей и других частей [2; 3]. Все здания с постройками явились образующими объектами площади и формировали её окружение, но в конце XIX – начале XX века их

заменили на другие капитальные строения. Наша задача рассмотреть архитектурное наследие ЗКВ, относящееся к резиденции военного губернатора (наказного атамана) Забайкальской области.

Первой постройкой считается **Дом наказного атамана ЗКВ**, располагавшийся с западной стороны площади, в самом начале улицы Софийской (Бутина), которая была названа в честь первого русского казачьего форпоста на Амуре. Время постройки в фондах ГАЗК (Ф. 1, 94) точно установить не удалось, но на плане 1862 года дом обозначен. О его архитектуре можно судить по уникальным источникам – фотографиям, сделанным в конце XIX – начале XX века. Одним из них является панорама Читы, сделанная ссыльнопоселенцем А. К. Кузнецовым не позднее 1890 года с колокольни Михайло-Архангельского кафедрального собора в Чите. Весной 1886 года Алексей Кириллович на время переехал из Нерчинска в Читу, проживал в городе до сентября и открыл в построенном им на центральной улице – Большой (ныне им. Ленина), – напротив Старособорной площади, доме свою фотомастерскую. На снимке на фоне одноэтажного города возвышается двухэтажный дом. При близком рассмотрении на другом снимке не ранее 1902 года он без особого архитектурного декора с большим шпилем в центре крыши. В народе этот большой деревянный дом назывался «Дворец атамана», что по тем понятиям в маленькой Чите с населением около 10 тыс. чел. соответствовало истине (см. рис. 1).

Рис. 1. Дом наказного атамана, ул. Софийская

Следующий источник: рисунок Дома атамана с ретуши из книги князя Э. Э. Ухтомского «На Восток», посвящённой кругосветному путешествию цесаревича Николая Романова, который посетил Читу 17–18 июня 1891 года. Именно в этом доме наказной атаман, военный губернатор Забайкальской области Е. О. Мациевский принимал августейшего гостя. Вечером около дома была устроена иллюминация и народные гуляния, что и запечатлено в книге Ухтомского [10, с. 26]. На крыше мы можем видеть светящуюся шестиконечную звезду. «Вечерами на Атамановской площади происходили два дня подряд парадные гуляния, и будто бы наследник несколько раз раскланивался с балкона губернаторского дома перед народом», – писал врач и исследователь В. М. Танский [11, с. 8]. Формат рисунка не позволил художнику полностью запечатлеть боковую стену здания, на которой изображено всего три окна (см. рис. 2).

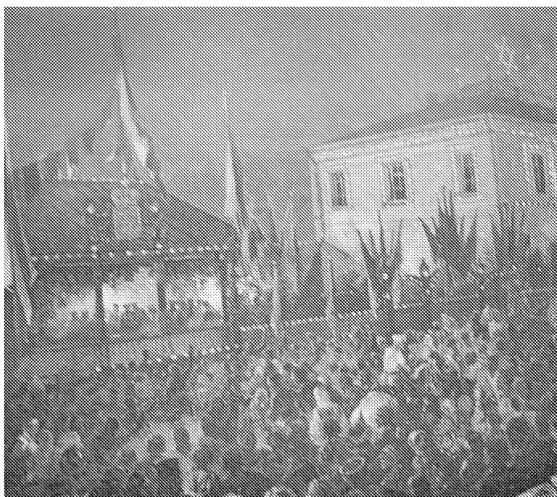

Рис. 2. Праздничные гуляния 17 июня 1891 г. у дома наказного атамана (из книги Э. Ухтомского «На Восток»)

На фотографии мы видим семь окон, т. е. дом достаточно удалён вглубь от красной линии, благодаря своим внушительным размерам. Фасад поделён на три части. В центральной из них пять окон, два больших окна

слева и справа встроены в торжественные залы здания. Слева к дому примыкала крытая галерея, справа беседка. Из окон и балкона с восточной стороны открывался вид на Атамановскую площадь и ул. Амурскую, а с запада – великолепный вид на р. Читу, сопки Яблонового хребта и закат. Вокруг был разбит сад, получивший название «Атамановский». Дом был полностью утрачен, когда в нём 10 декабря 1903 года [4, л. 79] во время правления военного губернатора генерала И. П. Надарова произошёл пожар неизвестного характера. Дом со всей утварью сгорел дотла, что нанесло городу огромный материальный ущерб.

Действующий губернатор переехал в здание Войскового хозяйственного правления. Но этот дом «устроенный исключительно для учреждения, был лишён самых примитивных удобств для жилой квартиры» [4, л. 125], а потому по приказу Надарова в Войсковом хозяйственном правлении стали готовить бумаги на строительство нового дома для губернатора, который должен был быть построен на углу улиц Благовещенской (Журавлёва) и Уссурийской (Чкалова), на планируемой так называемой «Театральной площади». Его проект в венецианском стиле подготовил архитектор Пегаз. Но дело застопорилось. Эстафету покорнейших прошений в Департамент общих дел МВД России принял И. В. Холщевников, который в 1904 году возбудил новое ходатайство о необходимости этого строения. В Петербурге была заказана мебель, посуда, чайное серебро и другая утварь. С годами менялась смета, одна из последних была подготовлена в 1912 году и составляла 120 тыс. р. Из Читы в Петербург, в Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства постоянно шли настоятельные просьбы и доклады о постройке в Чите каменного Атамановского дома и оформлялись кредиты на ремонт здания.

Однако особого сочувствия эта ситуация в правительстве не вызвала, оно отказывало дальнему сибирскому городу в ассигновании жилья для военных губернаторов, ссылаясь на недостаток средств. Особого сочувствия утрата дома наказного атамана не вызвала и у простого люда Читы. Не будем забывать, что с 1898 года здесь действовал Читинский комитет РСДРП(б); маёвки, Русско-японская война и революция 1905–1906 годов не способствовали стабилизации обстановки. В результате ничем не увенчавшаяся переписка, которая началась 17 декабря 1903 года, была закончена при последнем губернаторе Забайкальской области А. И. Кияшко 24 января 1914 года [Там же, л. 136]. В стороне

не оставалась только Читинская городская управа, но она не располагала даже малыми средствами на другие нужды города, а потому долговременная проблема «бездомных губернаторов» в Чите была одной из острых. В крае сменилось семь губернаторов, все эти годы первые лица и их семьи с детьми жили в холодных и не приспособленных для жилья помещениях обветшавшего здания Военского хозяйственного правления или в Офицерском собрании, которое в Чите в это время называли губернаторским домом.

Офицерское (военное) собрание (Дом губернатора). Время постройки здания на углу ул. Софийской и Амурской улиц точно не установлено. Возьмём за основу «План проектированного расположения областного города Читы Забайкальской области» (1885) на котором представлена система строений кварталов Амурской, Софийской, Корейской улиц и Атамановской площади. Офицерское собрание в стройной сети города отсутствует. Но среди уникальных и малоизвестных источников – рисунок русского художника Павла Пясецкого из его альбома, созданного им при визуальном контакте с данными объектами во время его путешествия по строящемуся Великому Сибирскому пути по заданию Министерства путей сообщения [9, с. 76]. Резиденция военного губернатора в Чите изображена на рисунке, сделанном в 1895 году. В результате время постройки здания можно отнести к десятилетию 1885–1895 годов.

Среди других источников – фотографии, в т. ч. редчайший снимок 1897 года. На нём доминантой является Атамановская площадь-пустырь, а вдали – постройки военного ведомства (см. рис. 3). Автор фотографии – француз Жюль Легра¹.

Ряд источников запечатлел здание в крупном плане, что позволяет узнать его давнюю историю. Двухэтажный особняк построен в виде терема с массой изящного ажурного декора в псевдорусском стиле, который был зарожден в России ещё в 1830-х годах. Окна узкие, вытянутые с мелкой расстекловкой, декоративными наличниками, в т. ч. балконными. Балкон окружён круглыми точёными балясинами. По крыше фронтона как кровельное украшение проложена фигурная ковкая решётка.

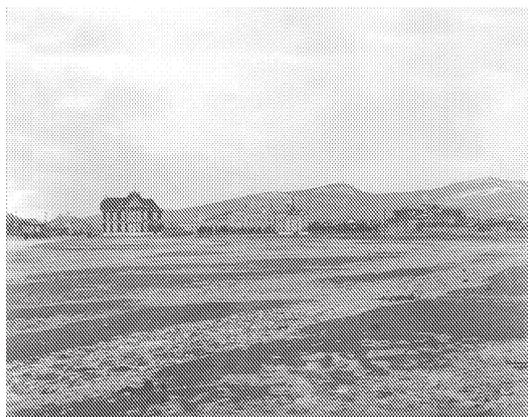

Рис. 3. Атамановская площадь. Конец XIX в. Фото Ж. Легра

На крутой скатной металлической крыше шатра – массивный элементковки. Кронштейн декорирован в месте стыка опорных элементов крыши. На самой высокой точке здания – коньке фронтона – традиционная резная деревянная скульптура (растительный орнамент) со шпилем. Красный вход справа под шатром на псевдоколоннах с простой резьбой. Фасад рустован деревянными досками. Всё это свидетельствует о знании мастерами не только истинно русского, но и заимствованного из европейской архитектуры и культуры, в частности византийского стиля. Вот такая уникальная переработка истоков народного творчества была применена в дальнем сибирском городе при строительстве здания военного ведомства.

На фотографиях здание не огорожено, что говорит о пионерском характере источников. Однако к приезду цесаревича Николая Романова Офицерское собрание и Восковое хозяйственное правление были обнесены изящным фигурным забором, украшенным российскими триколорами. Загадку представляют установленные по всему периметру забора деревянные гексаграммы. Откуда эти астральные знаки, изображающие древнейший артефакт человечества – звезду Давида? Объяснение в данном случае другое: шестиконечные звёзды были использованы как символ официального православия – символ Божией Матери. Шестиконечная или восьмиконечная звезда всегда изображается на её ризе – плечах и голове. Известно, что русский народ всегда считал Россию Домом Пресвятой Богородицы и выходил на защиту Отечества с оружием в руках со словами: «Постоим за дом Владычицы нашей Богородицы». То есть, шестиконечная звезда – символ России, Богородица является заступницей и покровительницей русской земли, в т. ч. земель, расположенных на Азиатском континенте [7, с. 131].

¹ Жюль Легра – один из первых французских профессоров-русистов и переводчиков А. Чехова на французский язык, автор книги «В Сибири». Именно ему принадлежит ставшая крылатой фраза: «Не знаю другого народа, который бы так же сильно очаровывал – и так же сильно разочаровывал», а также «Я был глубоко поражён её [России] человечностью». Фотография была сделана Легра в конце 1890-х годов, когда он посетил Читю во время его путешествия по Сибири.

Таким образом, источники дают нам право заявить, что архитектура здания Офицерского собрания ЗКВ имеет ярко выраженную этническую специфику и национальную идею, фиксирующую истоки русского светского и религиозного мировоззрения, что говорит об утверждённой российской государственности на дальних рубежах империи.

В годы Русско-японской войны, которая легла на Читу тяжёлым бременем, губернатор И. В. Холщевников на время передал это здание под военный госпиталь. К сожалению, 14 ноября 1906 года и в этом здании произошёл пожар. Официальная версия – задымлённость дымохода [8, с. 10]. Но мы не будем забывать социальную напряжённость и революционную ситуацию Чите этого времени, расстрел 2 марта генералом П. К. Ренненкампом бунтовщиков у подножия Троицкой (Титовской) сопки, арест на ст. Мысовой и последующий расстрел большевика И. В. Бабушкина, Надаровские погромы. Доказать поджог теперь невозможно, но удивительно то, что в это же время в Чите горело одно из зданий на Дальнем вокзале, и пожарная команда была задействована там. Вместе с домом дотла сгорело имущество, атрибуты и редчайшие архивные документы забайкальского казачества, начиная с XVII века, которые на время сюда были перенесены из Войскового хозяйственного правления.

А теперь вернёмся в первоизданный облик здания **Войскового хозяйственного правления**, которое было построено, по данным кандидата архитектуры Н. П. Крадина, в 1860 году. Проект ГАЗК датирован 1871 годом [5, л. 2]. С 1906 года здание осталось единственным в резиденции военного губернатора. Кроме хозяйственно-административных служб ЗКВ здесь ютились Офицерское собрание и квартира губернатора. В народе до окончательного установления советской власти здание называли Домом губернатора. Уже на заре своего существования оно представляло собой великолепный образец деревянной архитектуры (см. рис. 4).

Двухэтажное здание имело симметричную композицию, вытянутую вдоль ул. Амурской. В начале его истории оно имело два боковых входа, при ремонте фасад был перестроен, и здание стало иметь один главный вход, расчленённый тремя ризалитами, выступающими из плоскости. Наличники, подзоры и фронтоны среднего ризалита декорированы пропиленной резьбой. Наиболее всего декор сосредоточен над входом в верхней фронтоной части. Деревянный сруб был обшит досками, имитирующими каменную кладку (рустовка). Крыша двухскатная, кровля металлическая (см. рис. 5) [6].

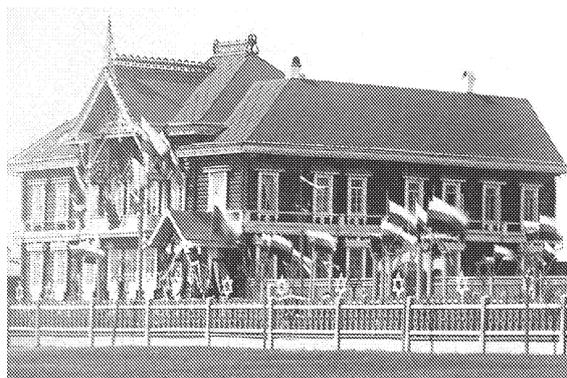

Рис. 4. Офицерское собрание во время визита в Читу наследника-цесаревича. Июнь 1891 г.

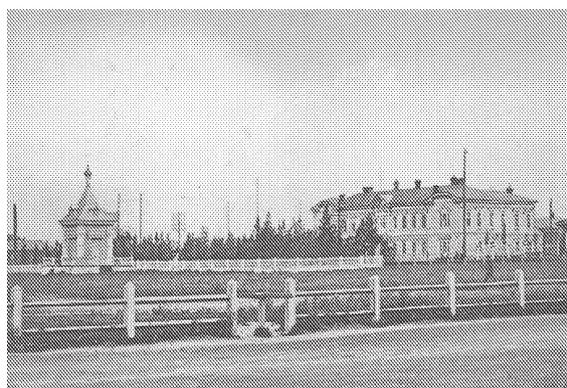

Рис. 5. Вид на здание Войскового хозяйственного правления с Атамановской площади

Снос здания летом 1981 г. по неизвестным причинам был не только странен, но и не допустим, поскольку оно изначально представляло не только архитектурную, но и историческую ценность. Впоследствии, в конце 1980-х годов, Н. П. Крадиным, который работал по заданию управления культуры Читинской области по систематизации историко-культурного наследия, было признано утраченным памятником истории и культуры СССР¹ [Там же]. В советское время реставрационные работы по зданию не были проведены, за исключением покраски и побелки.

Хронологически события, произошедшие в здании, выглядят следующим образом: 16 сентября 1882 года в нём было совершено покушение на военного губернатора Забайкальской области Л. И. Ильёвского, который ужесточил распорядок в тюрьмах Нерчинской каторги из-за побега группы каторжан. Тяжело ранила Ильёвского в живот ссыльнокаторжная, вышедшая на поселение, народница Мария Кутитонская. Во время революционных событий 1905–1906 годов здание неоднократно осаждали организованные большевиками революционные демонстрации рабочих

¹ Исторический памятник, отражающий события, связанные с установлением советской власти в Забайкалье.

с требованием освобождения политических заключённых. После Февральской революции 1917 года в нём обосновался штаб Красной гвардии, занимающийся формированием отрядов и организацией охраны города, а с апреля 1918 года здесь расположился первый Забайкальский облисполком, избранный съездом Совета рабочих, казачьих, крестьянских и бурятских депутатов, который проходил с 24 марта по 5 апреля. Облисполком стал высшим органом власти в городе. В здании находился исполнительный орган – Совет народных комиссаров, в состав которого вошли известные в истории края персоны: председатель Н. Матвеев, Д. Шилов, Ц. Жамцаранов и др. Председателем облисполкома был избран И. А. Бутин, жестоко казнённый семёновцами летом 1919 года в Маккавеевском застенке. В 1970-е годы на фасаде была установлена мемориальная доска со следующим текстом «В этом доме в 1918 году помещался первый Забайкальский облисполком, председателем которого был И. А. Бутин». Здесь же располагался военно-революционный штаб и неоднократно выступал Сергей Лазо. Здание служило городу почти 130 лет, перед его сносом – более чем в 15 помеще-

ниях ютились различные ведомства и конторы, в т. ч. Читинский сельский райисполком, бухгалтерия Управления культуры Читинской области и др.

Таким образом, основными и вспомогательными источниками изучения архитектурного наследия военного ведомства областного города Читы являются архивные фонды ГАЗК, городские планы 1862 и 1885 годов, паспорт и учётная документация Центра охраны и сохранения историко-культурного наследия Забайкальского края, редчайшие фотоснимки конца XIX – начала XX века, рисунки П. Пясецкого, ретуши книги Э. Ухтомского, позволяющие уточнить реальную материальную составляющую утраченных памятников. Все эти источники вписаны в контекст исторической и общественно-политической среды одного из главных административных центров Восточной Сибири и России в целом г. Читы. Однако влияние времени и конкретных исторических событий не пощадило рассматриваемое архитектурное наследие ЗКВ. Оно было утрачено в разные эпохи общественно-исторической формации, но возвращение к его истории является одним из условий ощущения Родины и сохранения нашей памяти.

Источники и литература

1. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края)**. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 35. Проект на обустройство областного г. Читы Забайкальской области на 1862 г.
2. **ГАЗК**. Ф. 1стр. Оп. 2. Д. 20. 1852 г. Забайкальское областное правление. Строительный отдел.
3. **ГАЗК**. Ф. 1стр. Оп. 2. Д. 18. 1851 г.
4. **ГАЗК**. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 215. – Л. 1–208. 1903–1914 гг. Протокол заседаний Читинской Городской Думы, переписка военных губернаторов Забайкальской области с МВД, с войсковым хозяйственным правлением ЗКВ, с Читинской городской управой о строительстве дома губернатора в Чите. Смета на строительство.
5. **ГАЗК**. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 60. 1871 г. Проект (чертёж) войскового хозяйственного правления ЗКВ.
6. **Дом**, в котором размещался в 1918 г. Забайкальский облисполком. Ул. Калинина, 96: паспорт. Учётная карточка / М-во культуры СССР. Управление по охране памятников истории и культуры. Управление культуры Чит. обл.; сост. Н. П. Крадин. – Чита, 1987. – 7 л.
7. **Куренная И. Г.** Территориальная символика Восточной Сибири (вторая половина XVII – начало XX в.) / М-во образования и науки РФ; ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, Забайкал. отд-ние РГО. – Новосибирск: Наука, 2010. – 292 с.
8. **Лобанов В.** Старая Чита. – Чита: Степанов М. А., 2001. – 270 с.
9. **Принцева Г. А.** Сибирский путь Павла Пясецкого. Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. – 274 с.
10. **Путешествие** государя Императора Николая II на Восток в 1900–1901 году. – СПб., 1897. – 100 с.
11. **Танский М. В.** Чита в конце 80-х гг. девятнадцатого века (1887–1891) (по гимназическим воспоминаниям) // Байкал. – 2017. – № 2–3.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2РОС-4ЧИТ)521.2

*Юлия Николаевна Ланцова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Казачьи школы в дореволюционном Забайкалье: историографический обзор

В статье даётся историографический обзор истории изучения казачьих школ в Забайкалье в дореволюционный период. Рассматриваются как работы, посвящённые истории казачества и системе образования в целом, так и немногочисленные исследования, посвящённые казачьим школам в частности. При этом автор отмечает, что значительная масса работ относится к современному периоду.

Ключевые слова: *Забайкальское казачье войско, историография, система образования, казачьи школы, Забайкалье*

*Yuliya N. Lantsova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Cossack schools in the pre-revolutionary Zabaikalya: historiographical review

The article gives a historiographical overview of the history of the study of Cossack schools in Zabaikalya in the pre-revolutionary period. Covers works on the history of the Cossacks and the education system as a whole and not by numerous studies, dedicated to the Cossack schools in particular. The author notes that a significant bulk of work relates to the modern period.

Keywords: *Zabaikal Cossack Army, historiography, education system, Cossack schools, Zabaikalya*

На современном этапе исторического развития проблема изучения казачества крайне актуальна. Исследования посвящены различным аспектам истории казачества, в том числе и очень важному аспекту – системе образования казачат. Есть уже и историографические работы таких авторов, как Г. О. Мацневский, Л. И. Футорянский и др. [12; 17]. Однако историографических работ по истории забайкальского казачества в целом и по системе образования, в частности, сейчас нет.

В целом системе образования дореволюционного Забайкалья посвящено достаточно большое количество исследований И. Н. Мамкиной, Е. В. Дроботушенко, Г. В. Мясниковой, Н. Н. Волниной и др. [5–7; 9–11; 13]. Особый интерес представляет история образования казаков в Забайкалье, что обусловлено созданием в 1851 году Забайкальского казачьего войска.

Войско было образовано по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва 17 марта 1851 года Высочайшим Указом Императора Николая I. Согласно утверждённому «Положению о За-

байкальском казачьем войске», в его состав вошли казачьи полки, дислоцировавшиеся по границе России с Монголией и Китаем, Забайкальский городской полк, станичные казаки, проживающие в Верхнеудинском округе, и «инородцы» (тунгусы и буряты) в составе 3 конных (по 2 полка) и 3 пеших (по 4 батальона) бригад [15]. История формирования Забайкальского казачьего войска отражена в ряде работ В. Н. Абеленцева, Н. Н. Смирнова, В. В. Перминова и др. [1; 15; 16].

Истории казачьих школ Дальнего Востока и Забайкалья посвящён ряд статей Светланы Борисовны Белоглазовой [2–4]. В её статье «Начальный этап истории казачьих школ в Забайкалье» говорится о том, что в 1833 году первым казачьим учебным заведением была войсковая русско-монгольская школа. Обучались в ней дети казаков бурятских полков 10–12 лет в течение трёх лет [3, с. 172]. Также она указывает, что нахождение школы по разным источникам было либо в Кяхте, либо в Троицкосавске [4, с. 152].

Затем в 1851 году с образованием Забайкальского казачьего войска школа была пе-

реведена в Селенгинск и передана в ведение воинского правления. Однако из-за финансовых сложностей не работала до 1858 года. В статье «Казачьи школы Тихоокеанской России в контексте реформ XIX века» С. Б. Белоглазова отмечает, что работа войсковых школ и открытие первых школ в станицах Забайкальского казачьего войска датируется 1855 годом [2, с. 44].

Приводится в статье и программа обучения казаков. В войсковых школах она включала Закон Божий, русскую грамоту и главные основания грамматики, чистописание, арифметику и военную подготовку. Также в полковых школах для учеников среднего и старшего возраста предусматривалось обучение необходимым казакам ремёслам, для чего предписывалось создавать специальные мастерские [Там же].

Штат войсковых школ состоял из двух учителей: законоучителями являлись приходские или войсковые священники, преподаванием дисциплин общеобразовательного цик-

ла и военной подготовкой казачат занимался учитель «из урядников, хорошей нравственности и знающий своё дело», который одновременно исполнял и обязанности смотрителя школы.

Для повышения мобильности казачьего образования с января 1858 года началась реализация «Положения об улучшении средств к обучению в Забайкальском казачьем войске бедных детей казачьего сословия». Согласно этому правительственному документу, каждой полковой и батальонной школе войсковая казна выделяла ежегодно пособие в размере 80 р. серебром для поддержки 10 беднейших учеников. Следовательно, ежегодная субсидия на одного ученика составляла 8 р.; на 6 полковых школ – 480 р., для 12 батальонных – 960 р. серебром.

В 1858 году на территории войска было уже 46 казачьих школ [4, с. 153]. Автор также приводит сравнительную динамику численности казачьих школ и учащихся (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности казачьих школ и учащихся

Место дислокации школ	Количество школ/учащихся (по годам)						
	1855	1857	1858	1859	1860	1864	1871
Якутская область	4/-	4/84	4/65	3/74	3/66	3/-	2/49
Забайкальская область	16/-	-	46/1159	19/230	235/4866	-	259/7954
Амурская область	-	-	-	8/-	25/515	28/449	25/585
Приморская область	-	-	-	-	-	-	6/114

Сокращение численности казачьих школ в Забайкалье в 1859 году автор объясняет массовым переселением забайкальских казаков на Амур и характеризует как временное явление.

Численный состав приводится и в объёмной работе «Освоение юго-восточных окраин России (собрание архивных документов)» (см. табл. 2) [14, с. 381].

Таблица 2

Численный состав казачьих школ Забайкалья и Дальнего Востока

Территория	В средних учебных заведениях	В низших учебных заведениях	В начальных народных училищах – сельских станичных и пр.
Забайкальская область	844	1789	8023
Амурская область	682	556	1745
Приморская область	259	548	1427
Остров Сахалин	-	-	330
Итого	1785	2893	11525
Всего		16203	

По данным сотника Н. И. Эпова в 1887 году численный состав был следующим (см. табл. 3) [8, с. 40].

Также Н. И. Эпов отмечает, что к этому времени увеличилось стремление казаков обучать своих детей, так как число обучающихся за свой счёт значительно возросло.

Особое внимание С. Б. Белоглазова уделяет истории казачьих школ в период реформ в области просвещения в Российской империи. Говорит о том, что именно в этот период на территории Забайкальского казачьего войска сформировалась система учебных заведений для казачьего сословия, в раз-

витие которой большую роль сыграли сами казаки. Период с 1872 года, когда полковые и батальонные школы казачьего войска пере-

давались в ведение Министерства народного просвещения, выделяет в отдельный этап в истории казачьих школ.

Таблица 3

Численный состав казачьих школ (по данным Н. И. Эпова)

Школы	Число училищ	В них		
		учащих	учащихся	
			мальч.	девоч.
Русско-монгольская школа	1	2	15	-
Фельдшерская школа	1	4	15	-
Повивальная школа	1	2	-	1
2-классные начальные училища	2	4	1622	104
Приходские школы	43	45		
Поселковые школы	7	7		
Итого	55	64	1652	105

Так, после реформы 1872 года было открыто 68 одноклассных начальных училищ «с пособием от войска». За последующие 10 лет число учебных заведений в Забайкальском казачьем войске утроилось, а число учащихся выросло в 2,3 раза, однако показателей 1871 года достигнуть так и не удалось.

В официальной статистике по Забайкальской области на 1891 год сельские при-

ходские училища, подведомственные Министерству народного просвещения, были уже разделены по отдельным группам: казачьи, крестьянские, инородческие. Всего в ведении Дирекции народных училищ Забайкальской области находилось 45 сельских приходских казачьих училищ [2, с. 49].

На 1880-е – 1891 годы дана следующая статистика (см. табл. 4) [Там же, с. 45].

Таблица 4

Общая статистика казачьих учебных заведений на 1880-е – 1891 годы

Место дислокации школ	Количество школ/учащихся (по годам)		
	1881	1883	1891
Якутский городской казачий полк	-	-	1/19
Забайкальское казачье войско	40/1335	48/1395	121/3082
Амурское казачье войско	26/671	28/905	29/932
Уссурийское казачье войско	-	-	5/127

В работах исследователей даётся не только история формирования системы образования в казачьем сословии, но и выделяются проблемные аспекты. Такие как недостаточное финансирование, разбросанность населения, недостаточная квалификация педагогического коллектива, невыверенная система управления [2–4; 14].

Так, С. Б. Белоглазова отмечает, что в годы Великих реформ в России так и не был введён всеобщий для простого народа, а смена ведомственной принадлежности части каза-

чьих школ 1872 года снизила образовательный потенциал забайкальского казачества до уровня 1850-х годов, затормозила строительство казачьих школ на Дальнем Востоке [2, с. 50].

Таким образом, как видно из историографического обзора, работ по истории именно казачьих школ в Забайкалье крайне мало. И представлены они в основном интересными и содержательными статьями С. Б. Белоглазовой. Хотя данная тема весьма актуальна и требует грамотных, подробных научных исследований.

Источники и литература

1. **Абеленцев В. Н.** Амурские казаки. Т. 1. Приамурье. Из века в век: материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Сер. Приамурье. Из века в век [Электронный ресурс]. – Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2008. – 288 с. – Режим доступа: <https://www.scibook.net/rossii-istoriya/amurskie-kazaki-tom-priamure-veka-vek.html> (дата обращения: 17.01.2018).
2. **Белоглазова С. Б.** Казачьи школы Тихоокеанской России в контексте реформ XIX века // Ойкумена. – 2015. – № 2. – С. 42–51.
3. **Белоглазова С. Б.** Начальный этап истории казачьих школ в Забайкалье // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска: сб. науч. ст. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2009. – Вып. 2. – С. 172–183.

4. **Белоглазова С. Б.** Школьное дело среди казачьего населения Забайкалья в период великих реформ // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – С. 152–157.
5. **Волнина Н. Н.** Организация учебного и воспитательного процесса в церковных школах Забайкалья в конце XIX – начале XX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 1. – С. 100–111.
6. **Дроботушенко Е. В.** Реализация государственной политики в отношении школ ведомства православного вероисповедания в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв.: нормативный аспект // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2011. – № 8. – С. 33–37.
7. **Дроботушенко Е. В.** Роль православных монастырей в развитии системы образования Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX вв. // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2009. – № 3. – С. 87–93.
8. **Забайкальское казачье войско** / сост. Н. И. Эпов. – Нерчинск: Тип. М. Д. Бутина, 1889. – 75 с.
9. **Кузина И. Л., Адрианов И. К.** Развитие системы школьного образования в казачьей среде Приамурья и приморья в конце XIX – начале XX в. // Вестник ДВО РАН. – 2013. – № 4. – С. 24–30.
10. **Мамкина И. Н.** Забайкальская учительская семинария (1900–1921 годы). – Чита: Поиск, 2008. – 162 с.
11. **Мамкина И. Н.** Развитие системы начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX века. По архивным материалам и опубликованным источникам // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 3. – С. 74–82.
12. **Мацневский Г. О.** Историография современного казачества в конце XX – начале XXI вв.: основные этапы и направления // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журн. – 2014. – № 11. – С. 233–254.
13. **Мясникова Г. В.** Проблемы возвращения Закона Божия в школы Забайкалья: 1918–1919 гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: материалы XIII Междунар. науч. конф. – 2014. – С. 488–495.
14. **Освоение юго-восточных окраин России (собрание архивных документов):** в 4 т. Т. 2. Освоение Дальнего Востока (архивные документы, статьи, публикации) / ред.-сост. В. В. Крючков. – Хабаровск: Юпитер, 2015. – 560 с.
15. **Перминов В. В.** Забайкальское казачье войско [Электронный ресурс] // Малая энциклопедия Забайкалья: Власть и общество: в 2 ч. Ч. 1. А–Л / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 319. – Режим доступа: <http://www.encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=9341> (дата обращения: 20.01.2018).
16. **Смирнов Н. Н.** Слова о забайкальских казаках: исторический очерк-хроника. – Волгоград: Комитет по печати, 1994. – 608 с.
17. **Футорянский Л. И.** История казачества в XX – начале XXI в. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 80–85.

**УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2РОС-4ЧИТ)533**

*Екатерина Сергеевна Рюмкина,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Состояние сельского хозяйства в Забайкальском казачьем войске перед Первой мировой войной

В статье затрагиваются проблемы, связанные с развитием сельского хозяйства в Забайкальском казачьем войске перед Первой мировой войной. Представлена информация о территории, которую населяло войско, количестве населённых пунктов. Выделяются четыре группы хозяйств, в каждой из которых указаны сведения о количестве станиц, дворов, лошадей, крупнорогатого скота. Рассматриваются разнообразные занятия населения, начиная от овощеводства, заканчивая кустарными промыслами, которые помогали прокормить семью.

Ключевые слова: Забайкалье, сельское хозяйство, земледелие, скотоводство, войско, казачество, земля

The state of agriculture in the Zabaykal Cossack Army before the First World War

The article touches upon the problems associated with the development of agriculture in the Zabaykal Cossack Army before the First World War. The information on the territory inhabited by the army, the number of settlements. There are four groups of farms, each of which contains information on the number of stanitsas, yards, horses, cattle. We consider a variety of occupations of the population from vegetable growing to handicrafts, which helped to feed the family.

Keywords: Zabaykaly, agriculture, agriculture, cattle breeding, army, Cossacks, land

Забайкальское казачье войско занимало земли в юго-западной, южной и восточной, частях Забайкальской области, на разрозненных территориях вдоль границы с Монголией и Маньчжурией (63 станицы, 516 посёлков). Забайкальское казачье войско делилось на 4 военных отдела. Центр – Чита [6].

Для Забайкальского казачьего войска основным источником существования являлось сельское хозяйство, от него зависели жизнь казаков, их богатство и благосостояние. Это касается в первую очередь двух основных видов хозяйственной деятельности – земледелия и скотоводства. Главными занятиями забайкальцев были выращивание хлеба и разведение скота, от успехов этих двух отраслей зависел достаток казачьих семей.

Для представления полной картины расчленения казачества необходимо рассмотреть 4 группы хозяйств:

1. Земледельческие, к которым относились 14 станиц со средней запашкой на один двор более 8 десятин. В этих станицах было 8572 двора, на каждый из них приходилось: 9,3 десятин запашки; рабочих лошадей – 3,9; крупнорогатого скота – 4,9 голов.

2. Скотоводческие, которые находились, главным образом, в восточной и юго-восточной части Забайкалья. К этой группе относились 12 станиц с большим количеством скота, но имевших запашку до 4 десятин на двор. В них было 4745 дворов, имевших в среднем 8,4 голов крупнорогатого скота, по 30 голов коз и овец, по 23 головы лошадей и всего 2,3 десятин запашки.

3. Земледельческо-скотоводческие. К этой группе относились 18 станиц с 8905 казачьими дворами. Что касается этой категории станиц, то здесь на двор приходилось 6,8 десятин запашки, 4,2 рабочих лошадей и 6,3 голов крупнорогатого скота. Тот факт, что посевы были относительно большими при значительном количестве скота, говорит о том, что в этой группе наряду с земледелием большую роль играло скотоводство.

4. Скотоводческо-земледельческие станицы. Их насчитывается 18 с 7152 дворами со средней запашкой, где на двор приходилось 5,1 десятин земли, 3,3 рабочих лошадей и 7,1 голов крупнорогатого скота; в этой группе на один двор приходилось также 13 голов коз и овец [5].

Первый и второй военные отделы, расположенные в степной зоне Забайкалья, часто страдали из-за недостатка влаги, выращивание хлебных культур в этих условиях было сопряжено многими трудностями, поэтому считались скотоводческими. Эти территории были заселены казаками-бурятами, которые традиционно занимались скотоводством. Казаки третьего и четвертого отделов занимались преимущественно выращиванием пшеницы, большая часть казаков в этих отделах были выходцами из крестьян. Резко выявленной специализации в той или иной отрасли не было, занимались в разной мере и хлебопашеством, и земледелием.

Хлеба в Забайкальском войске никогда не хватало, исходя из установленной нормы – три четверти на душу войскового населения. Недостача по отделам выражалась в следующих цифрах: в первом военном отделе при наличии 2,15 четверти на душу общего пола войскового сословия до нормы недоставало 0,85 четверти; во втором военном отделе имелось 1,61 четверти, т. е. на 1,39 четверти меньше нормы; в третьем военном отделе хлеба было на 0,77 четверти больше нормы, а в четвертом превышение нормы составляло 0,81 четверти. В результате в первом и втором отделах ощущался большой недостаток продовольственного зерна, а в третьем и четвертом его было больше установленной нормы [3].

Несмотря на это, цена на пшеницу росла во втором отделе. Цена на пшеницу была на 8 к. меньше, чем в четвертом, в первом отделе – на 18 к. Средняя цена на хлеб в первом отделе была равна 1 р., во втором – 1 р. 8 к., а в 4 – 1 р. 13 к., что на 7 к. больше, чем сред-

ная цена хлеба в войске. К 1915 году количество хлеба на полках магазинов уменьшилось по сравнению с 1895 годом в три раза, а задолженность казаков возросла в 3,45 раза. Местные магазины служили для восполнения положенной нормы для продовольствия и посева, а количество запасов в них зависело от урожая и своевременного погашения задолженности по ссудам [2].

Неплохо в Забайкальском военном войске обстояло дело со скотоводством. Как и земледелие, скотоводство являлось главным источником существованием казаков. В рационе забайкальцев мясо считалось основным продуктом, не было такой семьи, которая не держала бы скот для собственных нужд и на продажу.

О богатстве хозяина судили по количеству скота на казачьем подворье, поэтому казаки стремились иметь как можно больше лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Разводили домашних животных, выносили, малопродуктивной породы, которые могли бы перенести бескормицу и не требовали больших усилий и затрат.

Занимались казаки помимо хлебопашества и скотоводства также табаководством, пчеловодством, рыболовством, охотой, добычей соли. Полученные деньги за продажу продукции пополняли семейный бюджет. Табак в промышленных целях не выращивали, но для собственных нужд он рос на грядке практически у каждой казачьей семьи. Выгода от разведения пчёл была очевидна и приносила небольшой доход. Рыболовством занимались как в промышленных целях, только несколько артелей на приграничных терри-

ториях, в водах Аргуни, Онона, Шилки, Амурса, так и в личных, оно являлось всего лишь подспорьем в хозяйстве. Охотой занимались преимущественно казаки в тех районах, где леса были богаты дичью и слабо развито земледелие. Многие казаки занимались другими ремёслами: изготовлением валенок, кожи, шитьём полушубок, унтов и т. д. Промышляли добыванием соли казаки, жившие в районах Борзинского и Киранского соляных озёр [4].

Занятия земледелием в хозяйствах Забайкалья играло второстепенную роль и в большей степени удовлетворяло только личные потребности. В большей мере им занимались казаки пригородных станиц и по нижнему течению Аргуни. С Приаргунья казаки часть выращенного лука отправляли на продажу в Благовещенск. Там, где люди занимались огородничеством, посёлки и станицы имели более ухоженный вид. Так как занятие земледелием требовало трудолюбия, внимательности, времени, не во всех казачьих хозяйствах оно приживалось. Выращивали картофель, морковь, огурцы, всевозможную зелень. За 1915 год с огородов было собрано 136 671 четверти картофеля и других овощей. С одной десятины собирали по 6,57 четверти урожая. На душу населения войскового сословия как картофеля, так и других овощей приходилось 0,52 четверти [1]. Занятие овощеводством помогло не только вырастить основные продукты питания, что улучшало здоровье населения области, но и пополнить семейный бюджет казаков. Овощеводство, кустарный промысел рассматривались как средство занятости населения.

Источники и литература

1. **Абеленцев В. Н.** Амурское казачество XIX–XX вв.: сб. ст. и публикаций. – Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2004. – 258 с.
2. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 625.
3. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 623.
4. **ГАЗК.** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 689.
5. **Голято В. Н.** Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2007. – 251 с.
6. **Забайкальское казачье войско** // Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. – М.: Политиздат, 1987. – 167 с.

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК ТЗ(2)534-68(ПРОС-4ЧИТ)-283.31

*Геннадий Александрович Жеребцов,
Музей забайкальской милиции;
Забайкальская региональная организация
Российского общества историков-архивистов,
г. Чита, Россия*

Забайкальское казачье войско в Первой мировой войне (статистика призыва и потерь в 1914–1917 годах)

В статье дана статистика на начало XX века по наиболее крупным казачьим войскам России: Донскому, Оренбургскому, Астраханскому и Забайкальскому, а также по малочисленным – Амурскому и Уссурийскому. Говорится, что на действительной службе в ЗКВ накануне Первой мировой войны находилось 5104 человека (всего в ЗКВ числилось 17 940 чел.). В работе приводятся данные о количестве выставленных забайкальских казаков в период войны и их боевых потерях.

***Ключевые слова:** Первая мировая война, статистика, казачьи войска, ЗКВ, стрелевые казаки, боевые потери*

***Gennady A. Zherebtsov,
Museum of Zabaikal militia;
Zabaikalskaya regional organization
Of the Russian society of historians-archivists,
Chita, Russia***

The Zabaikal Cossack Army in the First world war (statistics of recruitment and losses in the years 1914–1917)

The article gives statistics for the beginning of XX century on the largest Cossack troops of Russia: Don, Orenburg, Astrakhan and Zabaikalsky, and also on small – Amur and Ussuriysky. Says active in ZKV before the First world war were 5104 people (just ZKV were 17940). The paper presents data on the amount of Zabaikal Cossacks during the war and their combat losses.

***Keywords:** First world war, statistics, the Cossack troops, ZKV, drill Cossacks, combat losses*

С началом военных действий Первой мировой войны (в дореволюционной России она называлась Второй Отечественной войной) русское командование должно было принять меры для прикрытия границ и обеспечить сосредоточение и развёртывание армии, на что отводилось 40 дней с начала объявления мобилизации. Задача эта возлагалась на кавалерийские части. К началу войны Россия обладала самой многочисленной в мире кавалерией. В военное время она могла выставить до 1500 эскадронов и сотен. Казачья конница составляла более $\frac{2}{3}$ численности всей русской кавалерии. В 1914 году общая численность казачьего сословия в стране составляла 4,4 млн чел., сведённых в одиннадцать казачьих войск.

Самым крупным было Донское казачье войско. В начале XX века в нём насчитывалось около 1,5 млн лиц обоего пола. Оно выставило 60 конных полков, 136 отдельных сотен и полусотен, 6 пеших батальонов,

33 батареи и 5 запасных полков, всего свыше 110 тыс. казаков, которые получили за боевые заслуги в войне более 40 тыс. орденов и медалей. Кубанское казачье войско было вторым по численности населения, имело 1,3 млн чел. В войне участвовало 37 конных полков, 2 гвардейские сотни, 1 отдельная казачья дивизия, 24 пластунских батальона, 51 конная сотня, 6 батарей, 12 команд, всего 89 тыс. чел.

В Оренбургском казачьем войске насчитывалось 536 тыс. чел. В войну призвано 16 полков, гвардейская сотня, 2 отдельные сотни, 33 особые конные сотни, 7 артиллерийских батарей, три пеших местных команды, всего 27 тыс. казаков. На территории Уральского казачьего войска проживало 166 тыс. чел. обоего пола. Оно выставило 9 конных полков, 3 запасных и 1 гвардейскую конные сотни, всего около 12 тыс. казаков. В Терском казачьем войске числилось 255 тыс. чел. обоего пола. В войну участвовало 12 конных пол-

ков, 2 пластунских, 2 батареи, 2 гвардейские сотни, 5 запасных сотен, 15 команд, а всего 18 тыс. казаков, половина стали Георгиевскими кавалерами, а офицеры – все.

Небольшое по численности Астраханское казачье войско, в котором числилось 37 тыс. чел. обоего пола, выставило 3 конных полка и конную сотню. Семиреченское казачье войско, также небольшое по численности (49 тыс. чел.), дало на войну 4,5 тыс. казаков: 3 конных полка, 11 отдельных сотен. Из Сибирского казачьего войска (имело 172 тыс. чел.) в боях участвовало 11,5 тыс. казаков войска, составивших 9 конных полков, гвардейскую полусотню, четыре конные сотни в пешем дивизионе и три батареи.

На землях Забайкальского казачьего войска проживало 265 тыс. чел. обоего пола. В войне участвовало более 13 тыс. чел.: гвардейская конная полусотня, 9 конных полков, 5 конноартиллерийских батарей, 3 запасные сотни. В небольших Амурском и Уссурийском войсках числилось около 50 тыс. и 34 тыс. чел. обоего пола соответственно. Амурцы выставили 1 конный полк и 3 сотни, уссурийцы – трёхсотенный конный дивизион. Кроме того, формировались Енисейское и Иркутское войска, которые выставили по 1 конному полку. Также существовал отдельный Якутский казачий полк. Уже в ходе войны, в начале 1917 года, стало формироваться Евфратское казачье войско, по преимуществу, из армян, но образование этого войска было прервано Февральской революцией.

Более подробные данные следует представить в отношении Забайкальского казачьего войска (ЗКВ). Ко дню мобилизацию на Первую мировую войну, то есть к 18 июля 1914 года, в ЗКВ состояло урядников и казаков строевого разряда 17 940 чел. Из этого числа на действительной службе находилось 5104 чел., в том числе: в гвардии – 135 чел.; в четырёх полках первой очереди, то есть 1-м Аргунском, 1-м Верхнеудинском, 1-м Нерчинском и 1-м Читинском казачьих полках, – 4187 чел.; в артиллерийских дивизионах – 578 чел., а также

в управлении ЗКВ и его учреждениях – 204 чел. На льготе состояло 12 836 чел.

Из числа состоявших на льготе при мобилизации в связи с началом войны было призвано в строй 7172 казака, в том числе: на пополнение четырёх первоочередных полков и на формирование пяти льготных полков второй и третьей очереди (2-го Аргунского, 2-го Верхнеудинского, 2-го Нерчинского, 2-го Читинского, а также 3-го Верхнеудинского казачьих полков) 5571 чел.; в артиллерийские батареи – 731 чел. и в запасные сотни и отделения – 870 чел. Таким образом, Забайкальское казачье войско в начале войны выставило 12 276 строевых казаков.

В связи с тем, что война продолжалась не один год, мобилизация казаков Забайкальского казачьего войска осуществлялась и в последующие годы. Так, из оставшихся на льготе казаков строевого разряда призвано на пополнение запасных сотен и для отправления на укомплектование полков армии 2090 чел. Кроме того, в 1915 году призван 1381 чел. этого года службы, в 1916 году – 1522 чел. и в 1917 году – 1450 чел., то есть 4353 казака. Всего в войну ЗКВ выставило на службу Родине 18 719 чел.

Благодаря своевременному пополнению действующих в боевой обстановке казачьих частей, они всю войну оставались боеспособными, несмотря на боевые потери. Каковы потери строевых подразделений ЗКВ на театрах боевых действий с германцами (здесь сражались полки и батареи 1-й очереди) и турками (полки и батареи 2-й очереди)? В 1914 году из строя выбыло 223 казака – 166 ранеными и 57 убитыми. В 1915 г. – 1170 казаков: 844 ранеными и 326 убитыми. В 1916 году – 894 казака: 325 ранеными, 260 убитыми и 458 отравлено удушливыми газами (6 октября 1916 году от газовой атаки пострадала 1-я Забайкальская казачья дивизия). В 1917 году – 104 казака: 88 ранеными и 16 убитыми (приведены данные только по Кавказскому фронту).

Эти потери по воинским формированиям отражены в таблице.

Таблица

Потери казаков по воинским формированиям

<i>Подразделения Забайкальского казачьего войска</i>	<i>Ранено</i>	<i>Убито</i>	<i>В лазареты от газа попало</i>
1-й Верхнеудинский полк	152	33	-
2-й Верхнеудинский полк	25	5	-
3-й Верхнеудинский полк	9	78	-
1-й Аргунский полк	88	12	-
2-й Аргунский полк	68	227	-
1-й Нерчинский полк	320	83	-

Подразделения Забайкальского казачьего войска	Ранено	Убито	В лазареты от газа попало
2-й Нерчинский полк	134	44	-
1-й Читинский полк	435	105	249
2-й Читинский полк	89	26	-
Забайкальский артиллерийский дивизион	73	25	60
4-я Забайкальская казачья батарея	11	12	-
Лейб-гвардии сводный казачий полк	-	2	-

Таким образом, ЗКВ в войну получило боевых потерь: ранеными – 1423 чел., убитыми – 659 чел. и отравленными газами – 458 чел. Итого: 2540 человек, что составило 13,5 % из всех командированных войском на фронт казачков.

Потери в офицерском составе с начала войны по 1 июня 1917 года составили 53 чел., из них ранеными 41 чел. и убитыми 12 чел. К слову сказать, к началу мобилизации в войске состояло 210 офицеров, а во время войны дополнительно выпущен из

военных училищ пехотных школ 271 прапорщик.

Кроме боевых потерь были выбывшие из личного состава и по иным причинам, например по комиссованию в связи с болезнью, особенно на Кавказском фронте, или по льготе – 3500 чел., а также по другим причинам ещё 2540 чел. Всего же – 6040 чел. Именно возникающие по этим причинам некомплекты действующих на театре боевых действий казачьих частей и возмещались мобилизациями из числа льготных казаков в годы войны.

Источники и литература

1. **Волгин С.** Казаки и Первая Мировая война//topwar.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.topwar.ru/66022-kazaki-i-pervaya-mirovaya-voyna-chast-v-kavkazskiy-front.html> (дата обращения: 15.01.2018).
2. **Краткий обзор повинности** Забайкальского казачьего войска в текущую войну // РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). – Ф. 1553. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 1, 2.
3. **Список потерь казаков** – полков Забайкальского казачьего войска: раненых, убитых и отравленных газами в войну 1914, 1915, 1916 и 1917 годов // РГВИА. – Ф. 1553. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 4.

УДК 94:27-772(571.55)

ББК ТЗ(2)534:Э372.24-605(2РОС-4ЧИТ)

Владимир Иванович Косых,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Казачья благотворительность в приходах Забайкальской епархии (1914–1917)

Статья касается одной из сторон благотворительности забайкальских казаков в пользу Забайкальской епархии (духовенства, православных культовых зданий – приходских и приписных церквей, соборов, часовен, молитвенных домов). Важно то, что автор, затрагивая различные стороны казачьей благотворительности, показывает процесс на фоне трудных лет Первой мировой войны. Благотворительность в пользу епархии у забайкальских казаков не прекратилась и в эти годы, хотя и не в прежнем объёме.

Ключевые слова: казаки, культовые здания, благотворительность, дар, вклад, благодарность, епархия, причт, прихожане

Cossack charity in the parishes of Transbaikal diocese (1914–1917)

The article deals with one of the parties to the charity of Zabaykal Cossacks in favor of Zabaykalsky diocese (clergy and Orthodox religious buildings – the parish and the registration of churches, cathedrals, chapels, prayer houses). The important thing is that the author, affecting the various parties Cossack charity, shows the process on the background of the difficult years of the First world war. Charity in favor of the diocese of the Zabaykal Cossacks did not cease in these years, although not in the same volume.

Keywords: Cossacks, religious buildings, charity, gift, contribution, appreciation, diocese, clergy, parish

Жизнь забайкальских казаков все годы сопровождала православная церковь буквально от первого крика младенца до последнего вздоха старика, воспитывая, оберегая и защищая. Потому казачество в основной своей массе отличалось крепкой привязанностью к православной вере, церквям, молитвенным домам и часовням и в трудные годы Первой мировой войны.

Поддержка епархиальных культовых зданий казаками выражалась по-разному: они, например, собирали деньги на покупку наиболее популярных среди прихожан икон святых, священных сосудов и крестов для совершения богослужений, служебных церковных свечей, наборов колокольных звонов, облачений для духовенства заготовкой леса и материалов для строительства или ремонта православных культовых зданий. Средствами на вышеуказанное делились добровольно – кто сколько мог, без помыканий со стороны, несмотря на возросшую в три раза дороговизну на всё и вся: шла война.

Уместно отметить наиболее крупные пожертвования в пользу храмов. В октябре 1914 года казаки пос. Чупровский поддержали свою церковь: И. М. Лопатин пожертвовал 30 р. на покупку иконы; Л. Л. Козулин – ту же сумму на икону Божией Матери; Д. М. Чумаков – столько же на икону архангела Михаила; урядник А. Т. Королёв – 25 р. на икону Воскресенья Христова; казак И. А. Воросов – 25 р. на покупку напестольного креста; казак Л. Х. Жигалин – 15 р. на икону «Тайная вечеря»; казак Т. Косых – 3 р. 50 к. на выносной подсвечник; казачка Е. Косых – 2 р.; казак В. Приезжих – 3 р. на покупку диаконской свечи; казачка Е. Масюкова (вдова) пожертвовала в церковь бронзовую позолоченную лампаду стоимостью 10 р.

Не оставили чупровцы без внимания и соседние культовые здания. Так, урядник Д. Е. Чижов для Чингильтуевского молитвен-

ного дома на 125 р. приобрёл звон колоколов (набор); казак А. Е. Чагин на постройку молитвенного здания закупил стройматериалы и передал деньги (общая сумма составила 200 р.) [2].

Этот пример вдохновил казака Ломовской станицы К. П. Литвинцева, который на свои средства на кладбище местной Иоанно-Предтеченской церкви построил часовню. За это епископ Забайкальский и Нерчинский Иоанн выразил казаку своё благословение с вручением благодарственной грамоты [6]. Вахмистр из пос. Боссийский М. К. Трутнев весной 1916 года передал в местную приходскую церковь серебряный сосуд стоимостью в 120 р.

Причт и староста Бянкинской Троицкой церкви в июле 1916 года благодарили местных казаков М. У. Фишер за пожертвование парчового облачения на престол стоимостью 25 р. и передачу ещё 20 р.; казака И. М. Чикичева за пожертвование пары выносных подсвечников стоимостью 16 р.

Причт, староста и прихожане Кударинской Троицкой церкви выразили благодарность двум своим казакам-землякам (они в это время воевали в составе 1-го Верхнеудинского казачьего полка) за преподнесение иконы святителя митрополита Московского Алексия стоимостью 50 р. [3]. Казачка (вдова) А. А. Лоншакова из станицы Куларской летом 1916 года приобрела для местной церкви воздуха (покрывала из тончайшей ткани) на сумму 25 р. [4].

В 1916 году в Забайкалье произошёл довольно интересный случай, связанный с местным казачеством. В июне 1915 года Николай II утвердил приговор казачьего сбора станицы Ильдиканской о переименовании её в честь военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенанта А. И. Кияшко, успешно проявившего

себя здесь. Последний принял это и, как потомок запорожских казаков, предложил украсить станичный Кияшковский храм киотом (в православии это или остеклённый ящик для икон, или божница, деревянный украшенный шкаф для икон).

Судя по всему, в сборе средств участвовала семья А. И. Кияшко и забайкальцы, почётный заказ направили в московское товарищество П. И. Оловянишникова, специализировавшегося в церковной фурнитуре.

Киот оказался выполненным из целого дуба без признаков малейшей позолоты. В него московские мастера искусно вписали четыре иконы: в центре – образ апостола Иоанна Богослова (как покровитель храма в Кияшковской станице), слева и справа – апостол Андрей Первозванный и царица Елена

(ангелы-хранители супругов А. И. и Е. И. Кияшко). Верх киота украшал образ Иисуса Христа. Все иконы мастера выполнили в стиле художников Васнецова и Ижакевича. Киот в станице Кияшковской получили и торжественно установили 29 мая 1916 года [1].

Осенью 1916 года престарелый урядник В. М. Коренев из с. Батакан сделал вечный вклад на 100 р. в пользу местной церкви. Эти деньги причт и староста положили на книжку сберегательной государственной кассы при Актагучинском почтовом отделении [5].

В 1917 году эта традиция казачьей благотворительности будет сходить на «нет», епархия сделает попытку заменить её организацией «Комитета взаимопомощи церквям в несчастных случаях», чего не получится: Гражданская война таких вещей не позволяла.

Источники и литература

1. **Богоявленский В.** Торжество в ст. Кияшковской. 29 мая 1916 года // Забайкальские епархиальные ведомости. – 1916. – № 14–15. – Отдел официальный. – С. 524–525.
2. **В пользу церкви в пос. Чупровском** // Забайкальские епархиальные ведомости (Чита). – 1914. – № 18. – Отдел неофициальный. – С. 703.
3. **Выражение благодарности** // Забайкальские епархиальные ведомости. – 1916. – № 12. – Отдел официальный. – С. 418.
4. **Объявление благодарности** // Забайкальские епархиальные ведомости. – 1916. – № 14–15. – Отдел официальный. – С. 516.
5. **Объявление благодарности** // Забайкальские епархиальные ведомости. – 1916. – № 22. – Отдел официальный. – С. 776.
6. **Официальная хроника** // Забайкальские епархиальные ведомости. – 1914. – № 20. – Отдел официальный. – С. 810.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2РОС-4ЧИТ)534

*Марина Владимировна Пряженникова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Организация обучения плетению корзин в Забайкальском казачьем войске (1915–1917)

В статье на основе материала Государственного архива Забайкальского края даётся характеристика организации одного из кустарных производств – плетения корзин – среди детей казаков, пострадавших в результате войн. Приводятся примеры того, как осуществлялся набор обучавшихся, какие изделия изготавливали в мастерской, с какими трудностями приходилось сталкиваться, и какие доходы имел данный вид ремесла за период с 1915 по 1917 год.

Ключевые слова: Забайкальское казачье войско, Войсковое хозяйственное правление, плетение корзин, кустарное производство, ученики

The organization of learning basket weaving in the Zabaykal Cossack Army (1915–1917)

In the article, based on the material of the State Archive of the State Archive of Zabaykalsky Krai, a description is given of the organization of one of the handicraft industries – the weaving of baskets – among the children of the Cossacks affected by the wars. Examples are given of how the set of trainees was carried out, what products were made in the workshop, what difficulties had to be encountered, and what income this type of craft had during the period from 1915 to 1917.

Keywords: Zabaykal Cossack Army, Military Economic Board, basket weaving, handicraft industries, the disciples

История Забайкальского казачьего войска весьма интересна и привлекает значительное внимание исследователей этого вопроса на протяжении ряда лет. Жизнь забайкальских казаков с XVII века до ликвидации казачества, участие Забайкальского казачьего войска в различных военных кампаниях проанализировал в своей работе Н. Н. Смирнов [4]. Н. Н. Константинова в книге «Рубеж полуденного края. Формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII – начале XX веков» также обращается к теме казачества, повествуя о походах казаков, строительстве зимовей и острогов, показывая их роль в укреплении границы [3]. В. Ю. Апрельков в книге «Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японской войне 1904–1905 гг.» привёл полные списки забайкальских казаков – Георгиевских кавалеров – участников Русско-японской войны [1]. А. В. Филимонов охарактеризовал традиции старообрядчества у казаков Забайкалья [5], положение казаков в эмиграции после революции и Гражданской войны проанализировал И. В. Чапыгин [6].

Как видно, тематика исследований весьма разнообразна. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать процесс организации курсов по плетению корзин в среде забайкальского казачества в 1915–1917 годы.

Весной 1915 года всем атаманам военных отделов, станичным и поселковым правлениям Забайкальского казачьего войска был направлен циркуляр наказного атамана Забайкальского казачьего войска от 22 апреля 1915 года за № 8806, в котором предлагалось Войсковым хозяйственным правлением оказать помощь семьям казаков, пострадавшим в период войн. Эта помощь должна была заключаться в передаче знаний населению некоторых кустарных производств, в частности, плетения корзин.

Организация именно этого вида ремесла была связана с тем, что в Забайкалье на тот период данный промысел отсутствовал в среде казачества. Ни один забайкальский казак не умел изготавливать даже самые необходимые в сельском хозяйстве предметы корзиноплетения. Жители села обходились без них, а горожанин приобретал их по слишком высокой цене. Кузова экипажей, корзины и прочие бытовые вещи для Забайкалья привозились из других регионов, и поступали в продажу по завышенной в несколько раз цене. Поэтому организация данного промысла в Забайкалье могла не только обеспечить местных жителей необходимыми предметами быта, но и дать хороший заработок лицам, занимавшимся им.

В вышеупомянутом циркуляре предлагалось немедленно собрать и представить в Войсковое хозяйственное правление сведения о том, какие семьи пострадавших на войне казаков могли бы направить на обучение плетению корзин детей не старше 14 лет. Кроме детей обучаться этому ремеслу могли и взрослые из числа пострадавших на войне казаков. Курсы предполагалось организовать в Чите, в связи с чем всем желающим предоставлялся проезд до Читы и обратно, а также полное содержание за весь период обучения за счёт Войскового хозяйственного правления. Кроме того, по окончании обучения они должны были быть снабжены бесплатно всеми необходимыми инструментами. Войсковое хозяйственное правление брало также на себя посредничество по сбыту тех предметов, которые ими будут изготавливаться [2, л. 7об.].

В связи с положениями циркуляра, по всем станицам Забайкальского казачьего войска было выслано предписание о выяснении желающих записаться на данные курсы. Однако далеко не все с энтузиазмом откликнулись на такое предложение. Атаман

станции Харьянской рапортовал в Правление о том, что в его станице «желающих казачат поехать в Читу для изучения ремесла по плетению корзин не оказалось» [2, л. 8]. Не оказалось таковых и в ряде других станиц.

Только 31 мая 1915 года Макаровский поселковый сбор Усть-Теленгуевской станицы решил отправить в Читу для обучения плетению корзин четырнадцатилетнего сироту Порфирия Верхотурова, отец которого умер от ран, полученных в годы Русско-японской войны. Войсковое хозяйственное правление взяло на себя обязательство не только доставить его на место обучения, но и приобрести обувь и одежду, а также вносить по 10 р. ежемесячно для его содержания в период обучения [Там же, л. 14–14об.].

Желание обучаться плетению корзин проявил казак Размахнинской станицы Проконий Иванович Номоконов. Будучи не способным к тяжёлому физическому труду из-за больной ноги, он просил Войсковое хозяйственное правление отправить его на учёбу [Там же, л. 23]. Судя по имеющимся данным о количественном составе мастерской корзиноплетения, казак Номоконов не был включён в число обучавшихся.

Казачка Жидкинкой станицы Торгинского посёлка Мария Фёдоровна Глушкова в докладной записке от 5 июня 1915 г. изъявила желание отправить в Читу для обучения плетению корзин своего сына от первого брака Сергея Михайловича Кокташева, отец которого был убит на войне с Японией в 1904 году. На данное прошение Войсковое хозяйственное правление сообщило, что могло взять на себя лишь обязательство предоставить обувь и одежду, в связи с чем просило Читинский отдел, состоящий под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством, а также Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам, казакам и их семьям об оказании содействия как по перевозке Кокташева в Читу, так и по оплате его питания [Там же, л. 41–41об.]. Общество удовлетворило прошение, и мальчик был перевезён к месту проведения курсов и поставлен на казённое довольствие.

В декабре 1915 года обучавшийся в Чите плетению корзин Сергей Кокташев представил письмо своей матери, в котором она сообщила о своей болезни и звала его для свидания домой. К этому времени он уже делал успехи в изучении корзиноплетения, однако проявлял желание учиться дальше и стать типографским чиновником.

Плетёные изделия: коробки, дорожные корзины, мебель – имели хороший спрос в Забайкалье по достаточно высокой цене.

Поэтому Войсковое хозяйственное правление принимало все меры, чтобы из немногочисленных учеников сделать хороших мастеров. Взяв на себя их обучение, Правление не ограничивалось таковым, и в будущем планировало во всех их начинаниях, связанных с этим ремеслом, оказывать всяческую помощь и покровительство [2, л. 56–58]. Поэтому оно рекомендовало Жидкинскому станичному атаману убедить мать С. Кокташева не бросать начатого дела.

Таким образом, Войсковое хозяйственное правление совместно с местным Отделом Общества повсеместной помощи лицам, пострадавшим на войне, и их семьям, обучало плетению корзин двух детей казаков, погибших на войне, – П. Верхотурова и С. Кокташева.

Обучение началось с ноября 1915 года, а уже к декабрю стали делать базарные корзины и бонбоньерки. Изделия продавались, и доход от них выдавался как поощрение ученикам. Однако выручки было мало. Обучение шло медленно из-за недостаточного надзора. Кроме того, оно стоило дорого и производилось целиком за счёт Войскового хозяйственного правления и Отдела.

Возникали и непредвиденные трудности при получении сырья для изготовления изделий. При обучении начальник Лесного отделения Войскового хозяйственного правления обращался к Титовскому поселковому обществу за разрешением брать на землях этого общества прутья тальника, необходимые для обучения плетению корзин казачьих детей. Однако общество на эту просьбу ответило отказом.

О значении данного ремесла для Забайкалья, где отсутствовали местные мастера этого дела, Правление неоднократно говорило, однако в условиях военного времени содержание и обучение учеников обходилось дорого. Войско и Общество повсеместной помощи несли крупные расходы, а казаки не находили возможности дать такой необходимый материал, как тальниковые прутья, которые не представляли никакой ценности, даже несмотря на то, что они требовались для обучения ремеслу.

Такое отношение со стороны Титовского поселкового общества было тем более недопустимым, что обучение проходило в месте, расположенном непосредственно у посёлка, и каждый из его жителей мог познакомить своих детей с этим промыслом. Учитывая данные обстоятельства, наказной атаман приказал Титовскому поселковому обществу не препятствовать заготовке мелких прутьев и срубке старых кустов тальника для обучения плетению корзин [Там же, л. 72–73].

С июня 1916 года обучение было переведено за р. Ингоду в войсковой стражнический дом. Надзор за учениками был усилен. Мастер получал за обучение 40 к. в рабочий день, а изделия, изготовленные им и учениками в рабочие дни и часы, продавались, и деньги назначались в пользу учеников, а за изготовленные мастером – на расходы по обучению. Однако этот порядок оказался неудобным, т. к. много изделий изготовлялось в нерабочее время. В связи с этим в июне 1916 года порядок был изменён.

С июня всё дело было сосредоточено в руках заведующего мастерской, в связи с чем появилась возможность всему вести точный учёт. До этого расходы производились несколькими лицами, и учитывать их было трудно. Заказы также стали приниматься только заведующим. Изготавливались базарные и дорожные корзины, дачная мебель гарнитурами и отдельными предметами, а также детская мебель, гарнитуры кукольной мебели, подставки для цветов, корзины для детских колясок, ширмы, табуреты. Вырученные деньги делились пополам: одна половина шла в пользу мастера, делались отчисления в пользу учеников, а остаток должен был идти на покрытие расходов. Однако мастер много времени уделял на указания ученикам и исправления их работ, кроме того, для некоторых изделий силы учеников оказывались недостаточными, в связи с чем продуктивность общей работы была незначительной, а доход был мал. С июля 1916 года было взято на работу два военнопленных, которые знали данный вид ремесла, из них один считался подмастерьем, а другой – чернорабочим. Затем к работе был привлечён ещё один военнопленный.

Обучение проводилось в дачной местности (станичный кордон № 1 Титовского лесничества), поэтому в период дачного сезона изделия продавались непосредственным потребителям – дачникам – и по более высокой цене. Позднее они стали поставляться в магазин Алексея Духай, который обязался принимать их при условии немедленного расчёта на сумму до 2000 р. в период до 20 мая 1917 года и по более низким ценам [2, л. 127–127об.].

В течение июля 1916 года было изготовлено и продано 55 штук изделий разного рода, изготовлено, но ещё не реализовано – 13 штук. Их стоимость определялась около 35 р. За готовые предметы было выручено 204 р. 50 к., получен задаток за новые – 3 р. 55 к. Из этих средств было израсходовано: 98 р. 45 к. – военнопленным; 31 р. 81 к. – отчислено ученикам (выдано на руки – 5 р.

и зачислено на сберегательные книжки – 26 р. 81 к.); 10 р. 80 к. – истрчено на починку старых сапог, покупку кальсон для учеников, покупку гвоздей и керосина; 10 р. 80 к. – уплачено мастеру за обучение с 7 июня по 9 июля; 36 р. – уплачено за питание учеников с 8 июля по 8 августа; 20 р. 19 к. – получено в возврат израсходованных в июне 24 р. 88 к. из личных средств. Таким образом, была израсходована вся сумма из полученных – 208 р. 5 к. [Там же, л. 89].

В течение месяца шло интенсивное изготовление самых разнообразных предметов и обучение их изготовлению. С августа 1916 года было приступили к изготовлению дорожных корзин, что в значительной степени повысило производительность и доходность, т. к. данный вид изделий изготавливался достаточно быстро и имел неограниченный сбыт.

За обучение мастер получал по 40 к. в рабочий день. За учеников платили 30 р., а в июле 1916 года в результате большой дороговизны пришлось увеличить месячную плату до 36 р. Распределение вырученных денег производилось таким образом: половина их выдавалась военнопленным, за счёт неё они питались и производили все свои расходы. Из второй половины производились все расходы по обучению и содержанию учеников, из неё же отчислялись деньги ученикам по следующему расчёту. Трое военнопленных считались по работоспособности и продуктивности труда за двух мастеров, ученик же считался за $\frac{1}{3}$ такового. Таким образом, для отчисления денег, следуемых ученику, сумма, причитавшаяся военнопленным, делилась на 2, и от полученного результата бралась $\frac{1}{2}$ [2, л. 89об.].

Деньги, причитавшиеся ученикам, почти целиком перечислялись в сберегательную кассу, и лишь их незначительная часть выдавалась на руки. Из этих же средств производились штрафы за лень и плохое поведение, например, в июле 1916 года был оштрафован Сергей Кокташев на 2 р. 81 к. Назначение вносимых на сберегательные книжки денег заключалось в том, чтобы дать «возможность обучающимся по окончании обучения встать на ноги и начать промысел, надлежаще обставить его всем необходимым» [Там же].

В сентябре 1916 года было изготовлено 57 изделий, за которые было получено 158 р. Мастеру было выдано за эти изделия 80 р. 50 к., ему же за обучение за 30 рабочих дней – 12 р.; за учеников было уплачено с 8 сентября по 8 октября 36 р.; выдано на руки ученикам и зачислено на их счета – 17 р. 90 к.; за две пары брук, инструменты,

керосин, баню, стирку и гвозди – 20 р. 99 к.; за тѣс и гвозди по счетам за предыдущие месяцы уплачено 8 р. 18 к.; выдано на заготовку продуктов для питания учеников – 46 р. [2, л. 124].

Обучение и содержание каждого ученика обходилось в 89 р. 30 к. в месяц. Такой расход объяснялся общей дороговизной, быстрым изнашиванием одежды и обуви, большим расходом гвоздей, прочих инструментов и принадлежностей и системой полной оплаты труда учеников при готовом их содержании, а также содержании трёх военнопленных (Франца Польца, Сабо Юзефа, Симона Януша).

Для удешевления обучения и возможности содержания мастерской был необходим продолжительный курс обучения, значительное число обучавшихся, постепенный их приход и такая же постепенная убыль. Однако на самом деле такого не было. Правление и Общество не располагали достаточным количеством средств, чтобы организовать полноценные курсы на большое количество человек. В связи с чем в мае 1917 года Забайкальский областной кустарный комитет обратился в Войсковое хозяйственное прав-

ление с запросом о передаче ему мастерской корзиноплетения. На такую передачу Забайкальский отдел общества повсеместной помощи уже дал своё согласие.

Имея в виду то, что войско не располагало необходимыми для расширения мастерской средствами, а расширение было крайне необходимо по причине наличия многих желающих обучаться из числа детей казаков, ликвидационная коллегия Войскового хозяйственного правления признала необходимым передать мастерскую. Передачу проводил начальник лесного отделения Кузнецов.

Таким образом, организованные в 1915 году курсы плетения корзин самостоятельно просуществовали до мая 1917 года. За этот период число учеников возрастом до 14 лет было всего два, также к работе мастерской были привлечены трое военнопленных, знавших данный вид ремесла. За период своей работы мастерская приносила незначительный доход, тогда как расходов требовалось немало. Возможностей для расширения своего производства и числа учеников мастерская не имела, поэтому было принято решение о передаче её в ведение Забайкальского областного кустарного комитета.

Источники и литература

1. **Апрелков В. Ю.** Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: в 3 т. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – Т. 1. – 388 с.; т. 2. – 392 с.
2. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 757.
3. **Константинова Н. Н.** Рубеж полуденного края. Формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII – начале XX веков / Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова; Забайкальское региональное отд-ние; Русское географическое о-во. – Чита: Экспресс-изд-во, 2014. – 207 с.
4. **Смирнов Н. Н.** Слово о забайкальских казаках: исторический очерк-хроника. – Волгоград: Комитет по печати, 1994. – 608 с.
5. **Филимонов А. В.** Традиции старообрядчества у забайкальских казаков // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 12–15.
6. **Чапыгин И. В.** Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Научная школа. – 2013. – № 4. – С. 173–176.

УДК 94(47+57)(571.55)

ББК ТЗ(2)612(2РОС-4ЧИТ)-283.31

Альберт Наилевич Валиахметов,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

Забайкальское казачество и Чехословацкий легион в годы Гражданской войны в России

Проблема взаимоотношений Забайкальского казачества и Чехословацкого легиона в годы Гражданской войны в России не являлась объектом самостоятельного исследования в историографии. В статье дана характеристика состояния современной историографии данной проблемы. Особое внимание уделено проблеме взаимного восприятия в воспоминаниях лидеров двух сил – атамана Г. М. Семёнова и генерала Р. Гайды.

Ключевые слова: Забайкальское казачество, Чехословацкий легион (корпус), чехословацкие легионеры, Гражданская война в России, Г. М. Семёнов, Р. Гайда, историография

Albert N. Valiakhmetov,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Zabaikal Cossacks and the Czechoslovak legion during the civil war in Russia

The problem of the relationship between the Zabaykal Cossacks and the Czechoslovak Legion during the Civil War in Russia was not the object of special research in historiography. The article describes the state of the modern historiography of this problem. Particular attention is paid to the problem of mutual perception in the memoirs of the leaders of the two forces – Ataman G. M. Semenov and General R. Gaida.

Keywords: Zabaykal Cossacks, Czechoslovak Legion (corps), Czechoslovak legionaries, civil war in Russia, G. M. Semenov, R. Gaida, historiography

Проблема «Забайкальское казачество и Чехословацкий легион в годы Гражданской войны в России» не являлась объектом самостоятельного исследования. Специальных работ, посвящённых этой теме, нет ни в российской, ни в чешской историографии. Отдельные аспекты этой проблемы начали разрабатываться лишь в новейшей отечественной историографии: «к настоящему времени отсутствует специальное исследование, посвящённое участию енисейского казачества в революционных событиях 1917 года и его военно-политической деятельности в период Гражданской войны» [15, с. 15].

Отдельные сюжеты проблемы «чехословацкие легионеры и казачество» получили отражение в работах по истории Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в работах по истории Чехословацкого корпуса (легиона) в России. В статьях современных российских историков содержатся упоминания о совместных боевых действиях казаков и чехословацких легионеров в 1918 году. С. И. Константинов и Д. Г. Симонов пишут о совместных действиях на Екатеринбургском направлении [7, с. 45; 12, с. 59]. М. Г. Тарасов, со ссылкой на монографию П. А. Новикова, приводит сведения о совместных боевых действиях 1-го Енисейского казачьего полка и частей 2-й Чехословацкой дивизии против красных в районе Байкала в августе 1918 года [15, с. 72]. Аналогичные сведения можно встретить в статье Н. С. Ларькова [8, с. 111]. М. Г. Тарасов, ссылаясь на И. Киборта и А. П. Шекшеева, пишет о действиях 1-го Енисейского казачьего полка, который «участвовал в занятии Иркутска и совместно с чехословацкими войсками в разгроме красных в районе Байкала и Забайкалье» [14, с. 85]. Аналогичное упоминание о совместных дей-

ствиях по «очищению Забайкалья от войск Центросибири» содержится и в статье А. П. Шекшеева [19, с. 86]. В. Ж. Цветков отмечает, что «семёновцы» «1 сентября 1918 г., с помощью частей Чехословацкого корпуса, заняли Читу» [16, с. 150]. О совместных боевых действиях в направлении Екатеринбург – Челябинск пишет и В. С. Скробов [13, с. 65]. И. П. Климов, ссылаясь на И. С. Ратьковского, приводит факты совместного участия чехословацких легионеров и оренбургских казаков в терроре в Троицке [5, с. 56–57].

В представлении современных отечественных историков казаки и чехословацкие легионеры были частью белых войск, сосредоточенных на Востоке России [13, с. 39]. Более того, некоторые историки, описывая совместные боевые действия казаков и легионеров, употребляют формулировку «чехо-белые» [8, с. 111; 12, с. 59].

Судя по всему, общность этих двух сил сложилась в сознании обывателей ещё в годы Гражданской войны. В Тюмени летом 1918 года «на улицах и рекламных тумбах развешивались телеграммы о боях с казаками и чехами» [6, с. 205]. Там же в Тюмени, во время так называемых «общественных балов», на которых зачитывались воспоминания, особое место было отведено сюжету, «связанному с похоронами большевиков – красноармейцев, погибших в боях с казаками и чехами» [6, с. 206]. При этом жители Тюмени так описывали участников боевых действий: «Ещё больше офицеров, казаков и чехов появилось на следующий день» [Там же, с. 207]. Позднее, уже в 1930-е годы, этот образ поддерживался и в средствах массовой информации: «Партизаны разгромили отряд белочехов и казаков» («Омская правда», 1939) [2, с. 230–231].

Что же заставило эти две силы действовать вместе? Один из вариантов ответа на это вопрос можно обнаружить в статье И. В. Шведова. Он описывает возмущение уральских казаков расстрелами, которые производили большевики: «Поэтому, как только произошло выступление Чехословацкого корпуса, офицеры в своём подавляющем большинстве поддержали чехословаков» [17, с. 286]. Очевидно, что в данном случае действовала логика: «мы за тех, кто против тех, кто против нас». По словам П. П. Вибера, «после занятия Омска частями Чехословацкого корпуса и Сибирской армии 7 июня 1918 г. было восстановлено управление Сибирского казачьего войска» [1, с. 702]. Впрочем, некоторые историки утверждают, что: «[Чехословацкий] Мятаж совпал по времени с выступлением дружин эсеров, офицерских и казачьих отрядов» [3, с. 23]. В историографии есть мнение, что роль солдат Чехословацкого корпуса в свержении советской власти «не была решающей», т. к. «решение о ликвидации Челябинского совета и аресте его членов было принято на казачьем сходе Андреевского посёлка эсерами и их сторонниками» [18, с. 19].

В историографии приводятся факты не только сотрудничества, но и конфронтации чехословацких легионеров и казачества: «При встрече в конце августа [1918] сибирских и чехословацких частей с отрядами атамана Семёнова возникла угроза конфликта. Чешские солдаты распространяли приказ командующего Восточным фронтом полковника Р. Гайды с угрозами в адрес атамана и Л. Д. Хорвата» [10, с. 118]. В январе 1920 года «чехословацкие части вынуждены пробиваться на восток через заслоны семёновцев, которые стремились во что бы то ни стало удержать их между собой и наступающей Красной армией» [4, с. 358]. Дело дошло и до вооружённого конфликта: «9–12 января [1920 г.] чехословацкие части разбили семёновцев под Верхнеудинском. Лишь после этого японские представители, стоявшие за спиной Семёнова, согласились “посредничать” в заключении соглашения о пропуске чехословацких эшелонов через Забайкалье» [Там же].

Уже после завершения Гражданской войны крайне правое крыло эмигрантов зарубежного Дальнего Востока обратилось к Р. Гайде с письменным заверением «относительно доверия и признания его вождём антисоветского движения. Поддержка генерала реакционными силами дальневосточной казачьей эмиграции была обусловлена прошлой ролью Гайды в “Сибирской эпопее” чехословацких легионеров и карательных экспедициях против мирного населения Сибири» [9, с. 58].

Этот факт особо примечателен в связи с тем, что отношение к чехословацким легионерам в эмигрантских кругах (особенно крайне правых) было весьма неоднозначным и даже негативным.

Интересным источником о взаимоотношениях чехословацких легионеров с забайкальскими казаками являются воспоминания атамана Г. М. Семёнова [11]. Первая встреча с чехословаками произошла на станции Оловянная: «Придя туда, чехи потребовали от генерала Мацеевского очистить станцию, о чём было немедленно донесено мне. Я приказал своим частям оставаться на месте и ожидать дальнейших моих указаний» [Там же, с. 198]. Г. М. Семёнов пишет о том, что чешские солдаты распространяли прокламации, «в которых был отпечатан приказ генерала Гайды о том, что генерал Хорват и я должны немедленно явиться в штаб Гайды. Неисполнение этого должно было повлечь за собою предание военно-полевому суду» [Там же]. Г. М. Семёнов «телеграфировал в Омск вновь образовавшемуся Сибирскому правительству, настаивая на отзывании генерала Гайды и назначении на его место русского генерала» [Там же]. Любопытно, что Р. Гайда, описывая факт встречи чехословацких и русских войск на станции Оловянная 31 августа 1918 года, не приводит сведений о конфликте [20, с. 104–105]. По его сведениям, «ближайшие военно-политические вопросы» на станции Оловянная решались совместно, при участии Г. М. Семёнова [Там же, с. 105].

В дальнейшем Г. М. Семёнов вступил в конфликт с чехословацкими легионерами: «Я решительно восстал против своеволия чехов на русских железных дорогах, запретив им бесконтрольно пользоваться телеграфными проводами и имуществом, на которое они привыкли смотреть как на свою собственность» [11, с. 220], также он решительно протестовал «против повального грабежа, который учинили чехи в Сибири» [Там же, с. 236]. Р. Гайда писал о том, что уже в сентябре 1918 года он предполагал, что «будут на манджурской линии и потом в Чите недоразумения с атаманом Семёновым по поводу перевозки военных материалов из Владивостока» [20, с. 139].

В начале января 1920 года в районе Иркутска произошло прямое вооружённое столкновение с чехословацкими легионерами, при этом их действия Г. М. Семёнов называл «предательскими» [11, с. 231, 232]. Свои слова он подытожил следующим утверждением: «Изменивши своему императору в период Великой войны, сотнями тысяч сдаваясь в плен, чехи вторично показали себя предате-

лями, на этот раз, изменив общеславянскому делу, предав красным национальную Россию и её вождя – покойного адмирала Колчака» [11, с. 235–236].

Р. Гайда отдельный раздел своих воспоминаний озаглавил «Атаманщина» [20, с. 246–249]. В начале своего повествования он даёт общую характеристику казачеству: история возникновения, занятия, расселение; выделяет он (в числе прочих) и забайкальских казаков [Там же, с. 247]. Р. Гайда называл «атаманщину» одной из крайностей, которая «использовала для удержания власти те же средства, что и большевики» [20, с. 246]. По словам автора, «у большинства из нас была возможность познакомиться с сибирскими казаками, которые с нами воевали против общего неприятеля – большевиков» [Там же, с. 247]. Р. Гайда отмечал, что «восточносибирские казаки были под влиянием разнообразных элементов с тёмным прошлым. Среди них была политическая и экономическая конкуренция, закулисные интриги, взяточничество и спекуляция; находясь под воздействи-

ем подобного влияния, казаки имели вражду как между собой, так и с Временным сибирским правительством. Их войска в большей части выродились в банду грабителей и угнетателей народа, которые заботились только о своей выгоде и обогащении. Наибольшую вину, конечно, имели их «атаманы»» [Там же]. Одним из них был «атаман забайкальских казаков Семёнов» [Там же]. В оценке Р. Гайды находим: «Это был человек умный, льстивый, беспринципный» [Там же].

Р. Гайда отмечает, что «чехословацкое командование многократно протестовало против тех злодеяний и очень часто, там где могло, вмешивалось» [Там же]. Из всех казачьих атаманов выше всего он оценивал генерала А. И. Дутова: «Был единственным, кто поднял оружие против угнетателей земли – большевиков – из лучших побуждений и воевал ещё до нашего выступления в Сибири на своих казачьих территориях» [Там же]. А. И. Дутов «провозгласил своей целью установить порядок и благополучие в землях и от своего лозунга не отступал» [Там же].

Источники и литература

1. **Вибе П. П.** К вопросу о похищении Анненковым знамени дружины Ермака // Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. – Омск: Омскбланкиздат, 2015. – С. 697–704.
2. **Вибе П. П.** Омское Прииртышье в период гражданской войны (хроника событий) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: сб. ст. – 1994. – С. 222–256.
3. **Вторушин М. И.** Чехословацкий корпус в гражданской войне на Востоке России // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 21–26.
4. **Клеванский А. Х.** Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. – М.: Наука, 1965. – 394 с.
5. **Климов И. П.** Деятельность правительств «демократической контрреволюции» Сибири и Урала на железнодорожном и водном транспорте весной-осенью 1918 года // Новейшая история России. – 2017. – № 2. – С. 53–67.
6. **Конonenko А. А.** Новый источник по истории повседневности Сибирского города во время гражданской войны // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1, № 4. – С. 202–209.
7. **Константинов С. И.** Специфика гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России // Интеллигенция и мир. – 2013. – № 2. – С. 37–59.
8. **Ларьков Н. С.** Из капитанов в генералы за 100 дней («Восточный поход» А. Н. Пепеляева) // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 105–114.
9. **Мальшенко Г. И.** Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920–1930-е гг.) // Инновационное образование и экономика. – 2010. – Т. 1, № 7. – С. 51–59.
10. **Новиков П. А.** Изменчивые мотивы людей: Восточная Сибирь в Гражданской войне // Вестник Евразии. – 2002. – № 4. – С. 104–127.
11. **Семёнов Г. М.** О себе: Воспоминания, мысли, выводы. – М.: АСТ, 2002. – 378 с.
12. **Симонов Д. Г.** К вопросу о создании вооруженных формирований Временного сибирского правительства на Урале (в конце мая – начале июля 1918 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 58–61.
13. **Скробов В. С.** Уральский театр военных действий в 1918–1919 гг. // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3. – С. 29–65.
14. **Тарасов М. Г.** Антисоветские воинские формирования енисейских казаков // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 335. – С. 85–87.
15. **Тарасов М. Г.** Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917–1922. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.
16. **Цветков В. Ж.** Р. Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) // Новый исторический вестник. – 2015. – № 45. – С. 145–171.

17. **Шведов И. В.** С первой мировой войны на войну гражданскую // Гороховские чтения: материалы V Регион. музейной конф. – Челябинск: Челяб. гос. краеведческий музей. – 2014. – С. 285–289.
18. **Шведов И. В.** Челябинское и Троицкое большевистское подполье: проблемы изучения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2014. – Т. 14, № 3. – С. 18–22.
19. **Шекшеев А. П.** Гражданская война на юге Приенисейской Сибири (1918–1922 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. – 2014. – № 2. – С. 81–108.
20. **Gajda R.** Moje paměti. Střet českých legií s rodící se bolševickou mocí. – Brno: Jota, 2008. – 334 s.

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК ТЗ(2)612(2РОС-4ЧИТ)

Сергей Николаевич Савченко,

*Отдел по взаимодействию с казачеством главного управления
специальных программ Губернатора Хабаровского края,
г. Хабаровск, Россия*

О противостоянии войскового правления Забайкальского казачьего войска и атамана Г. М. Семёнова осенью 1918 – весной 1919 года

Статья раскрывает, с одной стороны, меры атамана ЗКВ Зимина по преодолению кризиса правления Забайкальского казачьего войска, достигшего наивысшей точки в сентябре 1918 г.: попытки сформировать правление с временным составом, разработать положение о ЗКВ и его правлении, созвать войсковой круг, возродить самоуправление в ЗКВ. С другой – действия Г. М. Семёнова для установления личной власти в ЗКВ: саботаж созыва войскового круга, введение в правление своих людей, организация агитации за его кандидатуру походным атаманом.

Ключевые слова: атаман ЗКВ, Зимин, правление ЗКВ, войсковой круг, Г. М. Семёнов, походный атаман, Колчак, Омская чрезвычайная следственная комиссия

Sergey N. Savchenko,

*Department of cooperation with the Cossacks of the main Department
special Programs of the Governor of Khabarovsk Krai,
Khabarovsk, Russia*

About the confrontation with the military board Zabaikal Cossack Army of ataman G. M. Semenov in the fall of 1918 – spring 1919

The article reveals, on the one hand, the measures of the ataman ZKV Zimin to overcome the crisis of the Board of the Zabaikal Cossack Army, which reached its highest point in September 1918: attempts to form a Board with a temporary composition, to develop a provision on ZKV and its Board, to convene a military circle, to revive self-government in ZKV. With other actions of G. M. Semenov to establish personal power in ZKV sabotage the convening of the military range, the introduction of governance of their people, the organization campaigning for his candidacy marching ataman.

Keywords: ataman of ZKV, Zimin, Board of ZKV, army circle, G. M. Semenov, marching ataman, Kolchak, Omsk emergency investigative Commission

Состоявшийся в августе 1917 года в Чите 2-й войсковой съезд Забайкальского казачьего войска (далее – ЗКВ) избрал полковника В. В. Зимина войсковым атаманом, сотника А. К. Токмакова, Д. П. Журавлева, Я. В. Гантимуrowa – членами войскового правления, войскового старшину А. С. Иконникова – начальником войскового штаба [17, л. 132].

После Октябрьской революции 1917 года советская власть в Забайкалье установлена не была. Прошедший в Чите в марте-апреле 1918 года 3-й областной съезд представителей крестьян, рабочих, казаков и бурят признал власть Советов и приступил к созданию новых органов власти [7, с. 10, 13]. Делегаты – казаки этого съезда объявили себя

3-м съездом ЗКВ, постановившим забайкальское казачество упразднить, войсковое правление ликвидировать.

В начале сентября 1918 года советская власть в Забайкалье пала, 25 августа В. В. Зимин приступил к восстановлению войскового правления [17, л. 5–5об.]. Однако эта попытка не удалась: А. С. Иконников умер, А. К. Токмаков был убит большевиками, Д. П. Журавлев бежал с «комиссарами», Я. В. Гантимуров и кандидат на должность начальника войскового штаба есаул Шемелин работать в составе правления отказались, считая, что решения 3-го съезда ЗКВ являются «полномочными» [Там же, л. 132]. Таким образом, правления фактически не существовало.

В этих условиях Зимину было предложено организовать временное войсковое правление, в состав которого вошли З. И. Гордеев, избранный 2-м войсковым съездом кандидатом по членам правления, И. С. Скорняков и делопроизводитель правления П. И. Перфильев, начальник штаба войсковой старшина А. М. Токмаков. Позже была введена должность заместителя войскового атамана, на которую был назначен действительный статский советник И. С. Иконников. Управления всех четырёх военных отделов и войсковой штаб были сформированы по штатам, действовавшим в ЗКВ до октября 1917 года; 30 августа Зимин издал приказы о своём вступлении в должность войскового атамана и председателя войскового правления, а также о составе войскового правления, что свидетельствовало о восстановлении самоуправления в ЗКВ. Правление стало налаживать связь со станциями, оказывать содействие в решении тех или иных вопросов, прежде всего в снабжении населения войска необходимыми продуктами и товарами, в целом решало задачи восстановления ЗКВ и его структуры [1, л. 183–185; 4, л. 38–42; 17, л. 5–7, 132об.–133]. Правление понимало временный характер своей власти, его задачей было восстановление войска, составление положения о ЗКВ и его управлении и как завершение деятельности – созыв войскового круга.

В начале сентября 1918 года Временное Сибирское правительство назначило атамана Г. М. Семёнова командиром вновь формируемого 5-го Приамурского армейского корпуса и главным начальником Приамурского военного округа, в состав которого включались формируемые казачьи части ЗКВ, а также Амурского и Уссурийского казачьих войск (далее – АКВ и УКВ) [1, л. 51; 5]. Так атаман становился главнокомандующим всеми войсками белых на Дальнем Востоке с подчинением ему строевых частей Даль-

невосточных казачьих войск (далее – ДКВ) [18, л. 39]. В сентябре Семёнов до проведения войскового круга ЗКВ присвоил себе право назначать председателя и членов войскового правления, атаманов отделов [17, л. 64–64об.]. Теперь все приказы и назначения по ЗКВ проходили только после утверждения их непосредственно Семёновым. Тем самым атаман намеревался установить полный контроль над войском – ЗКВ в то время могло представлять собой единственную, кроме Особого Маньчжурского отряда Семёнова, организованную военную силу в Забайкалье. В Хабаровске 31 октября 1918 года соглашением Г. М. Семёнова с атаманами АКВ и УКВ И. М. Гамовым и И. П. Калмыковым создан Союз Дальневосточных казачьих войск, а сам Семёнов признан их походным атаманом, о чём объявлено 19 ноября [16, л. 18–18об.]. В ЗКВ Семёнов столкнулся с нежеланием войскового правления находиться в его, как походного атамана, подчинении, «ссылаясь на предоставленном военным министром правительстве с казачьим отделом при министерстве» [1, л. 55].

Отношения между Семёновым и войсковым правлением ЗКВ осложнились, а само правление оказалось в оппозиции к атаману [Там же, л. 185]. Немаловажную роль в этом играла зависимость Семёнова от Японии. Поэтому Семёнов стал проводить политику замены некоторых членов правления своими людьми. В декабре 1918 года атаман направил письмо об изменениях в его составе, предлагая переместить Иконникова на должность члена правления, а членов правления Перфильева и Скорнякова – на должности делопроизводителей. При этом на место Иконникова заместителем войскового атамана предлагалось назначить подьесаула Кузнецова, а членом правления – Чебыкина. Это предписание, как незаконное, выполнено не было [2, л. 123–124].

Семёнов начал вмешиваться в дела по созыву войскового круга ЗКВ: согласно постановлению 2-го съезда ЗКВ очередной войсковой съезд намечалось созвать 18 ноября 1918 года, однако в начале ноября Семёнов наложил на это запрет: «Никаких съездов не менее, как через четыре месяца, не разрешаю» [15, с. 161]. По свидетельству Зимина, затем Семёнов потребовал собрать съезд по двум вопросам: об избрании самого Семёнова походным атаманом и о присоединении забайкальского казачества к Союзу Дальневосточных казачьих войск. Но съезд, в силу различных причин, созван не был, войско и его руководящие структуры оказались не готовы к его проведению.

Чтобы ЗКВ признало его походным атаманом и вошло в Союз Дальневосточных казачьих войск, Семёнов уже в ноябре–декабре 1918 года направил в станицы своих представителей с агитацией за свою кандидатуру [2, л. 123–124; 3, л. 106]. Такая политика принесла определённый успех [8].

Противоречия Семёнова с войсковым правлением ЗКВ усилил приход к власти в Омске адмирала А. В. Колчака (18 ноября 1918 г.), который стал в результате переворота Верховным правителем России. Семёнов (вслед за ним Гамов и Калмыков) отказался его признавать и при поддержке Японии был втянут в широкомасштабный конфликт, продолжавшийся до мая 1919 года. 1 декабря 1918 года Колчак отстранил Семёнова от всех должностей за неповиновение, однако тот сохранил свой контроль над Забайкальем.

Войсковое правление ЗКВ фактически приняло сторону Колчака, но, в связи с отсутствием какой-либо военной силы, а также равнозначного с Семёновым авторитета, предпринять что-нибудь для перелома ситуации в области не смогло. Зимой–весной 1919 года правление, в силу разных причин, не смогло в полной мере решить целый ряд насущных для войска вопросов, прежде всего, экономических и хозяйственных, а также обсуждали земский, бурятский вопросы, созыва съезда и др.

Вопрос о проведении войскового круга приобретал для ЗКВ первостепенное значение. Войсковое правление ЗКВ, приняв 7 февраля 1919 года решение созвать его 20 мая 1919 года, отметило отсутствие твёрдой власти на местах, где появилось много «тёмных личностей, которые самочинно, собрав шайки, разъезжают по станицам, учиняют расправы, арестовывают, бьют, порют, налагают контрибуции, вымогают, грабят и т. д.» [9]. Противостоять такому беззаконию войсковое правление не могло, т. к. констатировалось, что к середине февраля 1919 года из избранных на 2-м войсковом съезде руководителей войска остались только войсковой атаман и один член правления – кандидат, а трое других были назначены после переворота.

Правление в глазах населения во многом было нелегитимным и фактически не имело полномочий решать многие вопросы. При этом отмечалось, что войсковое правление ЗКВ находилось в оппозиции Семёнову, хотя эта политика правления «не находит сочувствия в казачьих кругах» [1, л. 116]. Для усиления позиций войскового атамана ЗКВ Зими́на военный министр Омского правительства адмирала Колчака 18 февраля издал приказ о выделении Забайкальской казачьей дивизии из состава 5-го Приамурского корпу-

са в особый корпус под командованием Зими́на [3, л. 106об.]. Однако тот под нажимом семёновцев реализовать этот приказ не смог.

В конце февраля 1919 года в Чите начала работу прибывшая из Омска чрезвычайная следственная комиссия, «образованная для расследования поступивших к Правительству сообщений, донесений и жалоб на противозаконные и неправильные по службе действия бывшего командира...» Семёнова. Атаману инкриминировалось «совершение бунтовщических деяний в управлении и частях войск», находившихся в его подчинении [2, л. 4]. Однако сам Семёнов уехал во Владивосток, а его подчинённые создавали всевозможные препятствия для деятельности комиссии [3, л. 77, 82]. В показаниях, данных ей членами войскового правления во главе с атаманом Зими́ным, содержалась критика Семёнова, отмечалось, что ЗКВ его своим походным атаманом не признало, тем не менее, по станицам разъезжали эмиссары, которые, «под угрозой населению карательными отрядами заставляют выносить приговор об избрании Семёнова походным атаманом». Такие приговоры к началу марта 1919 года удалось получить от половины станиц. Члены правления заявляли, что часть своих войск Семёнов мог бы отправить на Уральский фронт, но не отправил [2, л. 26, 123–124, 134–136; 3, л. 105об.–106]. 23 апреля приказом по ДКВ № 1 Семёнов оповестил, что забайкальское казачество в числе 71 станицы избрало его своим походным атаманом [6].

Продолжая политику конфронтации с атаманом Семёновым, войсковое правление ЗКВ в представленном 7 мая адмиралу Колчаку «Докладе о положении дел в Забайкальском казачьем войске» подчеркнуло, что Семёнов взял бурят под своё покровительство и «оказал властное содействие затягиванию бурятскими заправилами казаков-бурят в аймаки». Это, по утверждению докладчиков, способствовало разрушению станичного общественного устройства и уклонению бурятской казачьей молодёжи от призыва в строевые казачьи части. Войсковое правление в этом вопросе разошлось с Семёновым. Докладчики утверждали, что в казачьи станицы были направлены делегаты-офицеры для агитации об избрании Семёнова походным атаманом, которым удалось добиться «таких добровольно-принудительных приговоров», что послужило Семёнову основанием для объявления себя походным атаманом ДКВ. Войсковое правление, обращаясь к Колчаку, заявляло о неуверенности в своей безопасности со стороны Семёнова и просило адмирала принять соответствующие действия [1, л. 184, 186об.–187].

20 мая 1919 года в Чите открылся третий круг ЗКВ, на котором разногласия между войсковым правлением и Семёновым продолжались [10; 14]. Конфликт между адмиралом Колчаком и атаманом Семёновым был урегулирован 27 мая 1919 г. признанием Семёно-

вым власти Верховного правителя. 10 июня 3-й войсковой круг избрал Г. М. Семёнова войсковым атаманом ЗКВ. Было избрано новое войсковое правление [11; 12]. Этим деятельность старого состава во главе с атаманом В. В. Зиминим была завершена.

Источники и литература

1. **АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи)**. – Ф. 188. – Оп. 761. – Д. 1552.
2. **ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)**. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 1.
3. **ГАРФ**. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 21.
4. **ГАРФ**. – Ф. 4711. – Оп. 1. – Д. 13.
5. **Далёкая окраина**. – 1918. – 1 окт.
6. **Дальний Восток**. – 1919. – 8 мая.
7. **Жизнь Бурятии**. – № 10–12. – 1926.
8. **Жизнь Бурятии**. – 1919. – 12 янв.
9. **Жизнь Бурятии**. – 1919. – 22 февр.
10. **Жизнь Бурятии**. – 1919. – 22 мая.
11. **Жизнь Бурятии**. – 1919. – 3 июня.
12. **Жизнь Бурятии**. – 1919. – 11 июня.
13. **Известия Комитета Советских организаций Забайкальской области**. – 1918. – 28 марта.
14. **Наш путь**. – 1919. – 27 мая.
15. **Партизаны**: сборник статей партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвящ. трёхлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. – Чита, 1929.
16. **РГВА (Российский государственный военный архив)**. – Ф. 40138. – Оп. 1. – Д. 2.
17. **РГВА**. – Ф. 40417. – Оп. 1. – Д. 2.
18. **РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока)**. – Ф. 1258. – Оп. 5. – Д. 140.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(ПРОС-4ЧИТ)612

*Владимир Александрович Косенков,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Принудительная мобилизация как одна из причин
эмиграции забайкальских казаков в начале 20-х годов XX века**

В статье анализируются причины ухода казачьего населения Забайкалья в эмиграцию в начале 1920-х годов. Рассматривается вопрос дезертирства как социального протеста населения против принудительных мероприятий советской власти. Названы цифры ушедших в эмиграцию казаков по некоторым районам Забайкалья. Перечисляются места появления первых беженских посёлков на территории Китая. Отражаются методы борьбы властей с массовым дезертирством и уходом населения за границу.

Ключевые слова: *Дальневосточная республика, Гражданская война, казаки, эмиграция, мобилизация, дезертирство*

*Vladimir A. Kosenkov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

**Forced mobilization as one of the reasons for the emigration
of Zabaykal Cossacks in the early 20-s years of XX century**

The article analyzes the reasons for the departure of the Cossack population of Zabaikalia into emigration in the early 1920s. The issue of desertion is considered as a social protest of the population against the forced measures of the Soviet power. Numbers of Cossacks who left the

emigration for some areas of the Zabaikal are named. The places of appearances of the first refugee settlements on the territory of China are listed. The methods of the struggle of the authorities with mass desertion and the withdrawal of the population abroad are reflected.

Keywords: Far Eastern Republic, Civil War, Cossacks, emigration, mobilization, desertion

Результатом окончания Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке России стал массовый исход населения за рубеж. В эмиграцию уходили остатки частей Белой армии, гражданские лица, для которых советская власть по разным причинам была неприемлема. Многие из ушедших в эмиграцию являлись представителями казачества, среди которых своей многочисленностью выделялись забайкальские казаки.

Период ухода забайкальских казаков в эмиграцию продлился достаточно долго, с начала Гражданской войны и до 1930-х годов. Основными причинами эмиграции казачьего населения современные исследователи выделяют следующие: участие казаков в вооружённой борьбе против советской власти, политика большевиков, направленная на ликвидацию казачества, коллективизация и массовые репрессии.

К указанным причинам эмиграции стоит также добавить принудительную мобилизацию в армию, проводимую советской властью в начале 1920-х годов. В созданной по инициативе большевиков в 1920 году буферной Дальневосточной республике (ДВР) с самого начала предпринимались энергичные меры по укреплению армии. Для этого в республике за три года было проведено несколько мобилизаций населения, начиная с 1920 года. В 1922 году была проведена мобилизация шести возвратов и введено всеобщее военное обучение трудящихся [12, с. 86]. С самой первой мобилизации в ряды Народно-революционной армии призыву были подвергнуты и бывшие военнослужащие Белой армии. Мобилизации подлежали: перебежчики, дружинники, обозники, самоохранные и служащие разных полков и частей, бывших в рядах противника [6, л. 161]. Также призывались бывшие красные партизаны и лица, ранее не проходившие службу.

Население, уставшее от войны и мобилизаций разных властей, к данной повинности отнеслось отрицательно. Формой протеста против призыва стало массовое дезертирство, которое уже в конце 1920 года приобрело широкий размах. На 1-й партийной конференции Народно-революционной армии ДВР в августе 1920 года вышла резолюция о «неделе дезертира». В резолюции объявлялось о прощении тех, кто явится с повинной в «неделю дезертира». Назывались карательные

меры для тех, кто отказывался явиться. «В эту неделю все ваши старые грехи мы, ваши братья, забываем, с радостью примем обратно в нашу единую трудовую семью, временно оторванную от родных сёл и деревень. Трудящийся ДВР каждому честно раскаявшемуся труженику не мстит. Тех же, кто и в эту неделю не вернётся в Нарревармию, кто заведомо преднамеренно пойдёт против нас, объявляем шкурниками и предателями дела защиты прав мозолистых рук. К предателям и шкурникам, не явившимся добровольно в эту неделю, будем принимать решительные меры, ибо все, кто не с нами, тот против нас» [13, с. 370]. Для противодействия бегства из армии были созданы комиссии по борьбе с дезертирством. В январе 1921 года вышел приказ по войсковым частям и учреждениям Забайкальского областного воинского управления следующего содержания: «В целях энергичной и успешной борьбы с позорным явлением дезертирства в штабах, учреждениях, управлениях и войсковых частях военного ведомства приказываю во всех случаях дезертирства доносить по команде и непосредственно уведомлять уездные комиссии по борьбе с дезертирством по месту пребывания или жительства дезертира» [3, л. 11].

Такие меры заставили лиц, дезертировавших из армии или подлежащих призыву, укрываться от властей за границей в Китае и Монголии. Особенно это было характерно для казачьего населения Онона и Аргуни. Этому способствовали близость территорий проживания казаков к границе и наличие за границей казачьих поселений, в которых у беглецов могли проживать родственники, земляки, знакомые. По данным Государственной политической охраны ДВР, в 1922 году на правом берегу реки Аргунь, являющейся китайской территорией, находилось несколько тысяч беженцев [9, л. 103]. Дезертиры из казаков значительно пополнили число эмигрантов. Это заметно по численности бежавших от мобилизации в бывших казачьих станицах, переименованных в волости. Так, в Цасучеевской волости по учётным спискам на 1922 год, ушёл за границу 251 чел. Из них отступило с частями Семёнова и Унгера 115 чел., дезертировало и уклонилось от мобилизации 106 чел. [11, л. 41–46]. В Калгинской волости на март 1921 года бежали за границу от мобилизации 239 чел. [7, л. 64].

В Савво-Борзинской волости на 1922 год ушли за границу 55 чел. призывного возраста [10, л. 10об.]. В Дурулгуевской волости отступили с Белой армией 46 чел., дезертировали 38 чел. [4, л. 32, 33]. В Быркинской волости ушли за границу 97 чел., из них с частями атамана Семёнова – 31 чел., остальные бежали от мобилизации в 1921 году [1, л. 15–17]. В Мангутской волости в списках ушедших значились 38 чел., в Ульхунской – 15 чел. [4, л. 36–39]. В приграничном селе Средняя Борзя в бегах числились 62 чел. [7, л. 3об., 5]. Бежавшие первоначально старались селиться недалеко от границы, надеясь, что вскоре всё изменится и появится возможность вернуться на Родину. На китайской стороне реки Аргунь они селились в беженских посёлках напротив российских сёл: Покровка, Горбуновский, Олочи, Дамасова, Комаринское, Чалбуча, Кунгаринское, Ишага, Онохой, Нижне-Борзинское, Аргунск.

В числе дезертиров и беглецов оказывались как бывшие красные партизаны, военнослужащие, уже призванные в Народно-революционную армию, так и бывшие военнослужащие Белой армии и лица, ранее нигде не проходившие службу, только достигшие призывного возраста. Из протокола допроса Георгия Ефимовича Чащина, 1896 года рождения, проживавшего в с. Чашино-Ильди-канская: «Я, Чащин, в рядах НРА не служил. Бежал за границу от мобилизации в январе 1921 года. За границей проживал напротив селения Нижне-Борзинского. Виновным в побеге себя признаю и жертвую добровольно для армии два пуда ярицы. Больше показать ничего не могу» [8, л. 157, 158]. Характерен случай бегства за границу от мобилизации двух братьев Муратовых, проживавших в Актагучинской волости. Так, Николай Агеевич Муратов во время Гражданской войны служил в 5-м Забайкальском казачьем полку, а его брат Фёдор Агеевич Муратов служил в команде разведчиков при штабе красного партизана Каратаева. Оба брата в 1921 году бежали в Китай. В протоколах допроса указано, что Николай Агеевич бежал от мобилизации, а его брат Фёдор Агеевич дезертировал, проходя службу в НРА и находясь в отпуске. В вопросе о причине бегства им было указано – «по глупости» [Там же, л. 114–117].

В апреле 1921 года бежал от мобилизации председатель Больше-Зерентуйского сельского Нарревкома Роман Петрович Самушин, о чем докладывалось в Нерчинско-Заводское уездное воинское управление [7, л. 51].

Власти различными способами препятствовали уходу населения за границу. Одной из предпринятых мер стала конфискация имущества, которое осуществляли комиссии по борьбе с дезертирством. Конфискации подлежало две трети движимого и недвижимого имущества дезертиров, обладающих отдельным хозяйством, одна треть имущества оставлялась семье [2, л. 24]. Вводились запреты на пересечение границы. Одновременно с этим укреплялась пограничная охрана. Активно проводилась агитация в среде беженцев и дезертиров о возвращении. 11 марта 1921 года по случаю первой годовщины Народно-революционной армии была объявлена амнистия, согласно которой освобождались от наказания осуждённые за побег, дезертирство, самовольную отлучку, уклоняющиеся от призыва и находящиеся под судом и следствием за дезертирство [5, л. 30]. Некоторая часть из бежавших от мобилизации после обещания амнистии возвращалась и сдавалась властям. Несмотря на то, что большинство возвратившихся после фильтрации и проверки отпускались домой, многие остававшиеся за границей опасались своего возвращения. Например, в Калгинской волости из 239 чел. бежавших вернулись обратно и сдались властям всего 21 чел. [7, л. 64]. Оставшиеся постепенно стали обживаться на чужбине и оставались навсегда, став частью русской эмиграции. Стоит отметить, что те, кто вернулся и дожил до 1930-х годов, в большинстве своём были подвергнуты репрессиям.

После окончательной победы советской власти на Дальнем Востоке и вхождения ДВР в состав Российской Советской Республики противоречия населения с политикой новой власти только усиливались. Это способствовало появлению новых потоков беженцев за границу. Но первым фактором, давшим толчок этому процессу после окончания Гражданской войны, стала принудительная мобилизация.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-336. – Оп. 1. – Д. 15.
2. ГАЗК. – Ф. Р-336. – Оп. 1. Д. 20.
3. ГАЗК. – Ф. Р-564. – Оп. 1. – Д. 64.
4. ГАЗК. – Ф. Р-564. – Оп. 1. – Д. 75.
5. ГАЗК. – Ф. Р-564. – Оп. 1. – Д. 79.
6. ГАЗК. – Ф. Р-568. – Оп. 1. – Д. 9.
7. ГАЗК. – Ф. Р-568. – Оп. 1. – Д. 30.

8. ГАЗК. – Ф. Р-568. – Оп. 1. – Д. 88.
9. ГАЗК. – Ф. Р-568. – Оп. 1. – Д. 161.
10. ГАЗК. – Ф. Р-865. – Оп. 1. – Д. 31.
11. ГАЗК. – Ф. Р-865. – Оп. 1. – Д. 75.
12. **Мы службу несём в Забайкалье** / ред. В. Т. Углицких. – Чита: ЗабВО, 1995. – 434 с.
13. **Шли дивизии вперед. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья (1920–1921)**: сб. док. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – 484 с.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2РОС-4ЧИТ)534

*Мария Сигизмундовна Клестова,
Музей-архив русской культуры при Русском центре,
г. Сан-Франциско, США*

Жизненный путь генерал-майора Ивана Фёдоровича Шильникова, автора книги «1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914–1918 гг.»

Книга Шильникова является уникальной хроникой очевидца Первой мировой войны. Шильников детально описывает участие забайкальских казаков в битвах на Западном фронте. В статье даются материалы для знакомства с автором, ответы на вопросы: кем был И. Ф. Шильников, каковы его корни и семья, какой у него был характер, как сложилась его карьера. Рассматривается роль И. Ф. Шильникова в Первой мировой войне, в Гражданской войне. Выделяются особенности мемуаров И. Ф. Шильникова, а также результаты достижения цели, которую он себе поставил, записывая свои воспоминания.

Ключевые слова: Великая европейская война, 1-я Забайкальская казачья дивизия, забайкальские казаки, Чита, город Бобруйск, Гражданская война, Харбин

*Mara Klestoff,
Museum of Russian Culture at the Russian Center,
San Francisco, USA*

The life journey of major-general Ivan Fyodorovich Shilnikov, author of “1st Zabaikal Cossack division in the Great European War 1914–1918”

Shilnikov's book is a unique chronicle by an eye witness of the First World War. Shilnikov describes in detail the participation of the Zabaikal Cossacks in the battles on the Eastern front. The article introduces the author and answers the questions: who was I. F. Shilnikov, what were his roots and what was his family like. It describes his character and the development of his career. It discusses Shilnikov's role in World War I and the Civil War. It places emphasis on the unique characteristics of Shilnikov's memoirs, as well as the achievement of the goal he set for himself in writing down his chronicle.

Keywords: Great European War, 1st Zabaikal Cossack Division, Zabaikal Cossacks, Chita, town of Bobruisk, Civil War, Harbin

Уважаемые участники конференции «Забайкальское казачество: история и современность»! Для меня большая честь и радость познакомить вас с историей создания книги моего деда, генерал-майора И. Ф. Шильникова «1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914–1918 гг.» и её переизданием в Чите в 2015 году.

Свои воспоминания мой дед писал в Харбине, будучи уже тяжело больным, издал их на собственные средства в 1933 году, незадолго до своей смерти. Средств его хва-

тило всего на 500 экземпляров довольно плохого качества. Оригиналов книги осталось всего лишь пара десятков, если не меньше. Но с помощью преданных, незаменимых людей во Франции и в Забайкалье в 2015 году в Чите вышло второе, расширенное издание, с дополнительными материалами. Максим Маркаров, автор двух приложений к расширенному изданию, в своей книге «Времена и судьбы» пишет:

«Книга Шильникова в какой-то мере, уникальна. Мало того, что это единствен-

ное дошедшее до нас описание участия забайкальских казаков в Первой мировой войне. Мало того, что автор – единственный из рядовых забайкальских казаков, дослуживший до генеральского звания. Сам стиль книги ни на что не похож. Ведь классические генеральские мемуары описывают военно-историческое действие, а Иван Фёдорович рассказывает, прежде всего, об участниках действия: не о расположении фронтов и армий, не о выдвижениях пронумерованных корпусов и дивизий, а о тяготах и подвигах рядовых и офицеров, когда на первом плане не схема боёв, а люди — их жизнь, поступки и смерть».

Чтоб лучше понять эти мемуары Первой мировой войны, разрешите мне представить вам моего деда, генерал-майора Ивана Фёдоровича Шильникова, которого я знала только по рассказам матери и по портрету, который всегда висел у нас на почётном месте. Но мне удалось с ним лучше познакомиться благодаря интересу нынешних забайкальских казаков к его книге.

По сведениям «Государственного архива Забайкальского края», род Шильниковых впервые появился в Забайкалье в начале XVIII века. Семьи казаков были большими, и по сей день, как я узнала, в Забайкальском крае Шильниковых найти можно много. Шильниковы происходили из посёлка Застепь, Титовской станицы, который находился около 18 километров от города Читы. Мой троюродный брат, который ещё помнил Застепь своего раннего детства, вспоминал, что «в Застеппи по обеим сторонам нашей улицы жили одни Шильниковы».

Мой прадед, Фёдор Яковлевич Шильников, был из зажиточных казаков. У Фёдора Яковлевича и его жены Натальи Петровны было в доме полное изобилие. Даже здоровыми детьми Бог их на славу одарил – семь сыновей и одна дочь. Мой дед, Иван Фёдорович, самый старший из детей Фёдора Яковлевича и Натальи Петровны, родился 6 января 1877 года. По казачьей, семейной традиции старший сын обязательно шёл делать себе военную карьеру. Второй сын, Пётр, был на полтора года младше, и отец оставил его дома заниматься большим земледельным хозяйством. Братья Николай Фёдорович, Фёдор Фёдорович и Иван Фёдорович – все пошли на военную службу. Иннокентий Фёдорович, у которого было слабое здоровье для военной службы, стал помощником Петра, а Григорий Фёдорович проживал в Чите. Единственная дочь Антонина вышла замуж за фельдшера при Забайкальском войске.

Прадед знал, что для военной карьеры нужно было хорошее образование. Иван Фёдорович окончил Читинское городское училище, затем курс полковой команды и в 18 лет он поступил в Иркутское юнкерское училище. В Иркутске он познакомился со своей будущей супругой Марией Васильевной Малковой. По обычаю времени интересный молодой юнкер и изящная, женственная институтка обменялись фотографиями, на обратной стороне которых трогательные надписи: «Дорогой Марусе от Вани. 30 ноября 1897 г., Чита» и «На добрую память дорогому Ване от Маруси» (см. рис. 1, 2). Юнкерское училище Иван Фёдорович окончил «по первому разряду», т. е. с высочайшим отличием, что делали весьма не многие, и окончившие по первому разряду сразу производились в офицеры. И так, Иван Фёдорович был произведён в чин подхорунжия и зачислен в 1-й Читинский казачий полк. (Казачий чин подхорунжия в царской армии равнялся прапорщику, а в современных армиях – это младший лейтенант).

Рис. 1. Фото выпускника Иркутского юнкерского училища подхорунжия Ивана Шильникова. 1897 г.

Участник так называемого Китайского похода 1900–1901 годов, а также Русско-японской войны, Иван Фёдорович быстро был возведён в рангах казачьего войска и высочайше пожалован несколькими орденами.

Рис. 2. Фото институтки Марии Васильевны Малковой, будущей супруга И. Ф. Шильникова. 1897 г.

После Китайского похода в 1902 году состоялась свадьба Ивана Фёдоровича и Марии Васильевны, а в 1903 году у них родился первенец – сын Борис. Всего лишь девять лет спокойной семейной жизни, во всём довольствии, даровала судьба моему деду и бабушке. Между Русско-японской войной и Великой европейской у них родились три дочери – Тамара, Маргарита и Ангелина. На Смоленской улице в Чите у них был большой участок с вместительным, главным домом и двумя флигелями. Шильниковы были общительны и гостеприимны. Они любили принимать у себя гостей и всегда готовы были приютить того, кто нуждался в тёплом уголке. Всегда были вкусное угощение, музыка и весёлый смех бабушки. А иногда у неё собирались офицерские жёны играть в преферанс. В доме всегда было много книг, ценилось образование. Девочки учились в школе в Чите, а Борис был принят в Иркутский кадетский корпус.

По рассказам моей мамы, Иван Фёдорович был тихий, серьёзный и строгий, но всегда справедливый и мудрый не только со своими детьми, но и с подчинёнными. Он был предан своему 1-му Читинскому полку и идее защиты Бога, Царя и Отечества. В августе 1914 года опять настала пора воевать за за-

ветные идеи. Старшая сестра мамы хорошо помнила тот день, когда отец пришёл домой из полка и за столом объявил, что началась война.

Третью войну своей карьеры Иван Фёдорович начал в чине войскового старшины (или подполковника) и кончил её генерал-майором. В своей книге он детально описывает деятельность 1-й Забайкальской казачьей дивизии, которая была послана на Восточный фронт воевать в Польше и в Западной Украине. Но он не только описывает боевые сражения, но и уделяет время участникам этих сражений. Например, с большой горестью описывает смерть есаула Сараева, который погиб в 1914 году, чуть ни в первые дни войны: «Смертельно ранен был доблестный есаул Сараев пулей в сердце. Он слишком рисковал собой, чтобы показать своим казакам пример бесстрашия. Невозмутимое его спокойствие невольно передавалось казакам», – и дальше – «...мне доложили о ранении его, и через несколько минут он скончался у меня на руках... Это был идеальный офицер, и потеря его была тяжка...» Есаул Сараев был посмертно награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

Когда в 1915 году полковник Шильников был представлен к ордену Св. Георгия, то не получил его из-за конфликта с командующим бригадой генералом Томашевским, тогда Иван Фёдорович отказался выполнить приказ публично и позорно выпороть розгами двух своих казаков, будто бы «за нарушение дисциплины». Шильников заступился за своих казаков, считая такое наказание излишним для их проступка. Генерал, наконец, согласился на другое, менее позорное, наказание, но представление И. Ф. Шильникова к Георгиевскому кресту было как-то затеряно на столе Томашевского.

В октябре 1915 года 1-я Забайкальская казачья дивизия была отведена на зимние квартиры в город Бобруйск, в Белоруссии. Моя бабушка, как и жёны других офицеров, ездила из далёкой Читы навестить мужа. Тогда Иван Фёдорович начал работать над хроникой Забайкальской казачьей дивизии. Здесь навестил своих казаков Император Николай II. В своей книге Иван Фёдорович подробно описал высочайший смотр, который прошёл в этот знаменательный для казаков день.

И здесь на перроне Бобруйского вокзала была сделана уникальная фотография, которая хранится как сокровище в моей семье более ста лет. В центре фотографии стоит сам Император Николай II. Он окружён начальниками частей 1-й Забайкальской казачь-

ей дивизии, среди которых стоит полковник И. Ф. Шильников. Обстоятельства, при которых была сделана фотография, И. Ф. описывает следующими словами:

«После смотра начальники частей дивизии удостоились высокой милости – приглашения к Высочайшему завтраку в вагоне на ст. Бобруйск. До завтрака и во время его Государь милостиво разговаривал с каждым, и т. к. по окончании завтрака до отхода поезда оставалось около 40 минут, то Его Величество вышел на перрон и здесь продолжил беседу с нами. Здесь же был сделан фотографический снимок, копия которого была впоследствии выслана каждому из снявшихся, согласно обещанию Его Императорского Величества. Насколько прост и обаятелен был покойный Государь показывает то, что мы, провинциалы, не искушённые в придворных этикетах, через несколько минут забывали, что перед нами Повелитель Великой России и беседовали как бы с хорошим и близким нам другом.

Неизгладимо приятное впечатление оставило на всех чинов дивизии посещение Государя. Кто бы мог подумать тогда, что через два с половиной года он станет мучеником, а мы рассеянными по всему миру?»

На обратной стороне фотографии мой дед своим аккуратным почерком увековечил имена стоящих по обеим сторонам Его Императорского Величества Государя Императора Николая II Александровича:

«Справа от Е. И. В.: Командир 1-го Верхнеудинского полка полков. Дмитрий Фролович Семёнов, командир 2-го Верхнеудинского полка полков. Беляев, Главнокомандующий Западным фронтом генерал-адъютант, генерал от инфантерии Эверт, командир 1-го Аргунского полка полков. Иван Фёдорович Шильников, командующий 4-й армией, генерал от инфантерии Рагоза, начальник гарнизона г. Бобруйска генерал-лейтенант Флейшер, командующий 1-й Забайкальской казачьей дивизии Свиты генерал-майор Орлов, командующий 1-м Читинским полком войсковой старшина Лапшиков. Слева от Е. И. В.: начальник штаба дивизии подполковник Эверт, командующий бригадой полковник князь Николай Александрович Кекуатов, командир Забайкальского артиллерийского дивизиона полковник Никонов, командир Кубанского казачьего дивизиона войсковой старшина Косинов, командир 1-й Забайкальской казачьей батареи полковник Станкевич, командир 3-й Забайкальской казачьей батареи есаул Бабушкин» (см. рис. 3).

В мае 1916 года дивизия вновь выступила на фронт. Вновь бои, вновь окопы, вновь

бессмысленная потеря жизни, и вновь Шильников получает награды за самоотверженную службу Родине и своей дивизии. Представляя его к ордену Св. Георгия, генерал-майор Орлов дал ему следующую аттестацию: «...полковник Шильников службу любит и знает отлично. В боях спокойный, мужественный и стойкий. О подчинённых очень заботится». И прибавил: «В карты не играет, совершенно не пьющий».

Рис. 3. Фото начальников частей 1-й Забайкальской казачьей дивизии с Его Императорским Величеством Императором Всероссийским Николаем II на станции Бобруйск. 15 января 1916 г.

Но очень скоро наступил 1917 год, и мы все знаем, что он за собой принёс. После получения телеграммы из Петрограда об отречении Государя Императора от престола Шильников пишет: «Я сообщил всему полку о печальном событии и отдал... распоряжение, что отрёкшийся Государь призвал всех подчиниться Временному правительству. На сообщение мною известия – гробовое молчание. Всех это так ошеломило, что не нашлось никаких слов выразить свои чувства. Сотни расходились молча, понуря головы... никто не высказывал радости, а все были опечалены в ожидании больших несчастий, которые считались неизбежными без головы в государстве».

А на фронте война по-прежнему продолжалась, и продолжали умирать молодые воины. В боях под Тернополем был убит родной брат моего деда, сотник Фёдор Фёдорович Шильников, мамин любимый дядя Федя. За выдающуюся храбрость он был посмертно награждён орденом Святого Георгия. Мама, которой было всего лишь 7 лет, на всю жизнь запомнила его торжественные, военные похороны.

«Большие несчастия» действительно наступили в форме Гражданской войны. Гражд-

данская война с 1918–1922 год, была четвёртой и самой тяжёлой для генерал-майора Шильникова. В Забайкалье власть менялась постоянно. «Белые» и «красные» по очереди уничтожали друг друга. Так погиб самый младший брат Ивана Фёдоровича. Его отряд вошёл в деревню, из которой только вышли красные войска. Но когда он зашёл в одну избу, оказалось, что, на печи прятался красноармеец, может, такой же молодой и испуганный, который его сразу же застрелил. Ему было всего лишь девятнадцать лет.

Забайкальские казаки вскоре объединились вокруг харизматичной, но противоречивой личности атамана Семёнова. Семёновцы объявили о создании Временного Забайкальского правительства. Генерал-майор Шильников был назначен управляющим военно-административной частью нового правительства. Но у Ивана Фёдоровича вскоре произошли разногласия с Семёновым. Он отказался от должности при Временном правительстве и отправился в Иркутск, где продолжал воевать в составе Белой армии адмирала Колчака, исполняя разные должности, где он только был нужен.

В начале 1920-х годов генерал Шильников стал одним из самых активных организаторов военных отрядов белоэмигрантов. Он возглавлял Забайкальскую военную организацию на советской территории и установил связь с антибольшевистскими повстанцами. В пограничной зоне Забайкалья он основал казачьи посты, из которых позже образовались небольшие партизанские отряды для рейдов по территории Советского Дальнего Востока. Не мудрено, что в 1922 году генерал Шильников и его жена Мария Васильевна были заочно объявлены «врагами народа» и приговорены к расстрелу. Но в Забайкальской казачьей среде имя справедливого генерала тайно почиталось, и по сей день оно не чуждо даже молодому поколению. Ниже помещён портрет генерал-майора И. Ф. Шильникова. Предположительно написан после смерти в 1934 году. Ряд неточностей позволяет предполагать, что за основу были взяты две различные фотографии: мундир и награды относятся, скорее всего, к 1913–1914 годам, тогда как лицо скопировано с семейной фотографии, сделанной в Харбине в начале 1930-х годов (см. рис. 4).

Одно время Шильникову пришлось скрываться в Монголии. Однажды он сидел в юрте с бурятами, которые дали ему убежище, как в их лагерь неожиданно ворвались красные, которые искали именно генерала Шильникова. Буряты, недолго думая, закутали его в одеяло и дали ему миску, которую он держал перед самым лицом и жадно хле-

бал из неё бурятский суп. Невысокого роста, смуглый лицом и с тёмными глазами – его приняли за местного, и в тот раз он избежал ареста. Но летом 1922 года при переходе границы в Маньчжурию, где его уже ждала жена с детьми, он был арестован китайскими властями за то, что организовывал на территории Китая отряды белых партизан. Арестован он был по проискам читинских властей. Но китайцы, продержав Шильникова в тюрьме в Хайларе 2,5 года, всё же не выдали его красным (см. рис. 5).

Рис. 4. Портрет генерал-майора И. Ф. Шильникова

Рис. 5. И. Ф. Шильников с другими заключёнными в тюрьме г. Хайлар. 1922–1925 гг.

После освобождения Ивана Фёдоровича в 1925 году, семья Шильниковых жила в Харбине. Несмотря на тяжёлый конец Гражданской войны, И. Ф., как и многие другие русские эмигранты в Китае, продолжал жить идеей освобождения родины от большевиков

и посвятил себя этой цели. Он возглавлял ряд антисоветских организаций и был активным и уважаемым членом эмигрантской общности Харбина.

К концу 20-х годов, Иван Фёдорович заболел, у него диагностировали рак горла, как у его брата Николая Фёдоровича. Это было последствие отравления немецкими удушливыми газами на фронте в 1916 году. Несмотря на тяжёлую болезнь, Иван Фёдорович продолжал работать над своими мемуарами о Великой европейской войне. Его задачей было забыть об участниках боевых действий 1-й Забайкальской казачьей дивизии. За год до своей кончины ему удалось опубликовать свою книгу воспоминаний. В предисловии к ней Иван Фёдорович написал:

«Пусть моя настоящая работа послужит материалом для будущего историка. Близок час, когда вновь возродится Великая Россия и Славное казачество и, если тогда уцелеют документы о Великой войне в Московском военном хранилище, то он дополнит их подробностями личных воспоминаний, записанных мною, и составит более подробное и правильное описание участия забайкальцев в Мировой Великой войне».

Источники и литература

Макаров М. Времена и судьбы – мои сибиряки. – Париж, 2016. – 426 с.

УДК 94(47+57)(571.55)-054.72
ББК ТЗ(2)61(2РОС-4ЧИТ)-283.31-27

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Посемейные списки казачьих станиц на Севере Китая как источник по истории забайкальского казачества в эмиграции во второй половине 30-х годов XX века

В статье рассматривается один из видов источников по истории забайкальского казачества в эмиграции – посемейные списки казачьих станиц. Автор говорит о том, что, несмотря на наличие имеющегося относительного анализа истории забайкальских казаков в Китае, на сегодняшний день не все её аспекты рассмотрены всесторонне. Один из них – это количественный состав казаков и членов их семей в разные годы. Отмечается, что посемейные списки дают представление как о количественном, так и о половозрастном составе населения. Также говорится о необходимости дальнейшего изучения архивных источников с выявлением новых посемейных списков, поскольку очевидно, что сегодня они известны не по всем населённым пунктам и не за все годы.

Ключевые слова: забайкальское казачество, посемейные списки, исторический источник, эмиграция, Северный и Северо-Восточный Китай

The family lists of cossack villages in the north of China as a source for the history of Zabaikal Cossacks in emigration during the second half of the 30-s of XX century

The article discusses one of the types of sources for the history of Zabaikal Cossacks in exile, namely the family lists of Cossack villages. The author suggests that, despite the presence of existing the relative analysis of the history of Zabaikal Cossacks in China, to date, not all aspects are considered comprehensively. One of them is the quantitative composition of the Cossacks and their families in different years. It is noted that the family lists give an idea of both the quantitative and the age and sex composition of the population. Also referred to the need for further study of archival sources with the identification of a new family of lists because, obviously, today, they are known not for all settlements and not for all years.

Keywords: *Zabaikal Cossacks, family lists, historical source, emigration, Northern and North-Eastern China*

Интересных научных публикаций по истории забайкальского казачества из печати в разные годы вышло достаточно много. Первые относятся ещё к досоветскому периоду. Здесь можно назвать известнейшую работу А. П. Васильева [5]. Особый интерес история казачества вызвала уже в постсоветское время. Это труды таких признанных специалистов, как В. И. Василевский, В. Н. Голято, Л. В. Самбуева, Н. Н. Смирнов и др. [6–9; 17–20 и др.]. В то же время на сегодняшний день не все аспекты исторического развития забайкальского казачества получили всестороннее научное освещение. Забайкальское казачество изучено очень неравномерно как хронологически, так и территориально. Так, основная масса всех публикаций анализирует особенности истории казачьего региона в период включительно до начала XX века. В последнее время наблюдается меньшее освещение темы забайкальского казачества. Недостаточно исследована история забайкальского казачества в эмиграции – в Китае, Австралии, Северной Америке. Справедливости ради отметим, что отчасти изучалась и она, подтверждение тому находим у И. В. Чапыгина [27–29]. В рамках изучения истории российской эмиграции на Севере Китая частичное отражение история забайкальского казачества нашла в трудах Ю. В. Аргудяевой, Е. Е. Аурилене, Г. П. Белоглазова, А. П. Забияко, В. Л. Кляуса, В. В. Перминова, И. Теве, А. П. Тарасова, К. В. Фомина и др. [1–4; 9–14; 16; 21–26 и др.].

Однако несмотря на наличие определённого количества публикаций, остались не до конца заполненные страницы. Так, на сегодняшний день нет полных количественных данных о казаках и членах их семей за все

годы существования на территории Китая казачьих станиц. Здесь могут помочь посемейные списки.

В 2015 году в серии «Библиотека Дальневосточного казачества» из печати вышло объёмное многотомное издание «Освоение Юго-восточных окраин России». Издание по-своему примечательное, но, на наш взгляд, не получившее широкой известности. То, что данные книги известны специалистам, предопределено незначительным тиражом издания, заявлено всего 100 экземпляров. Примечательно же оно количеством самого разнообразного материала по истории казачества. Это и статьи, и архивные документы. Мы считаем данное издание замечательным и однозначно требующим переиздания.

Среди прочего, в книге опубликованы отдельные документы Государственного архива Хабаровского края по истории казачества в эмиграции. Это хранилище является признанным в отношении рассматриваемой проблематики, однако далеко не всегда можно встретить целые документы опубликованными.

Отметим, что не обошлось в данном издании без некоторых неточностей. Как минимум остаются под вопросом территориальные границы книги. В названии заявлены юго-восточные окраины, а речь идёт о Дальнем Востоке.

Имеются и другие неточности. В библиографическом списке совершенно правильно указывается фонд 892 ГАХК, по тексту же речь идёт об описи 829 [15, с. 631].

В названной книге приводится ряд посемейных списков казачьих станиц на Севере и Северо-Востоке Китая во второй половине 1930-х годов. Данные списки интересны тем,

что в них приводится возраст казаков и изначальная войсковая принадлежность. Данные списки позволяют воссоздать количественный состав казачества на рассматриваемой территории. Представляется, что перечень станиц не полный, но и имеющийся даёт представление о ситуации того времени.

Посемейные списки представлены за 1936–1937 годы. Отметим, что помимо казаков в списках указаны и иные категории, такие как статский советник, юнкер и др. Однако независимо от этого, они видятся достаточно интересным историческим источником. Для иллюстрации того, какой материал они дают исследователю, остановимся на некоторых из них.

Списки представляют собой перечни фамилий, имён и отчеств главы семейства, после чего идёт перечень членов семей с указанием возраста. Отметим, что в отдельных списках забайкальских казаков больше, в отдельных – меньше.

Были станицы, где забайкальцев проживали единицы. Так, согласно списку № 42 казаков общеказачьей станицы станции Мулин забайкалец из 27 чел. был всего один. Основную же массу составляли уссурийцы. Забайкальский казак в списке – это Филипп Иванович Ушаков с женой Анной Ефимовной. С учётом возраста, 26 и 20 лет соответственно, можно утверждать, что, скорее всего, это потомки казаков, бежавших в Китай в начале 1920-х годов [Там же, с. 639–640].

Незначительное количество забайкальцев было, к примеру, в Алексеевской казачьей станице на Копях МУТ. Всего семь человек из 68, из которых только четверо семейные [15, с. 642].

Схожую картину можно наблюдать согласно посемейному списку по казакам, про-

живавшим в районе станции Шитоухэцзы. Там находим всего трёх забайкальцев, только один из которых имел семью [Там же, с. 631].

В станицах отдельных населённых пунктов забайкальских казаков было больше. Здесь примером может быть посемейный список общеказачьей станицы станции Ханьдаохэцзы (Одоокаси). Проживало 20 казаков-забайкальцев из 50. При этом «без семейных» было всего 9, а семьи отдельных достигали 5 чел., т. е. общее количество забайкальцев было приличным [Там же, с. 633–635].

Отметим, что посемейные списки казачьих станиц за разное время (с учётом краткости периода между списками) значительно разнятся. Так, следующий посемейный список той же станицы Ханьдаохэцзы даёт нам совершенно иную картину. Забайкальцев уже 28 из 77, из них только 10 были несемейными. При этом не все забайкальцы относились к казачеству. В станице проживали статский советник с женой и юнкер с семьёй [Там же, с. 635–638].

Посемейные списки казачьих станиц относительно рассматриваемого времени, исходя из сказанного, являются, пожалуй, основным источником для воссоздания количественного состава казачества и иных категорий российских эмигрантов. Очевидно, что требуется дальнейшая работа с архивными источниками по выявлению неизвестных посемейных списков по разным населённым пунктам за разные годы. Важным является и то, что те посемейные списки, о которых мы говорили, дают картину общей численности населения казачьих станиц, выделяя забайкальцев без учёта их принадлежности к казачеству.

Источники и литература

1. **Аргудяева Ю. В.** Русское население Трёхречья [Электронный ресурс] // ABIRus. – Режим доступа: <http://www.abirus.ru/content/564/623/624/639/11456.html> (дата обращения: 03.01.2018).
2. **Аурилене Е. Е.** Российская эмиграция в Китае: 1920–1950: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Хабаровск: Хабар. пограничный ин-т Федер. службы безопасности РФ, 2004. – 376 с.
3. **Аурилене Е. Е.** Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–1950-е гг.). – Хабаровск: Хабар. пограничный ин-т Федер. службы безопасности РФ, 2003. – 191 с.
4. **Белоглазов Г. П.** Русская земледельческая культура в Маньчжурии в конце XIX – 20-х годах XX в. // Вестник ДВО РАН. – 2007. – № 5. – С. 108–115.
5. **Васильев А. П.** Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3 т. – Чита: Тип. Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916–1918. – Т. 1. – 295 с.; т. 2. – 356 с.; т. 3. – 351 с.; Благовещенск: Амурская ярмарка, 2007. – Т. 1. – 339 с.; т. 2. – 368 с.; т. 3. – 354 с.
6. **Василевский В. И.** Забайкальская белая государственность. – Чита: Поиск, 2000. – 140 с.
7. **Василевский В. И.** Забайкальское казачье войско: краткий ист. очерк. – М.: Русское слово: Казачья энциклопедия, 2000. – 63 с.
8. **Голято В. Н.** Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск: ИГУ, 2008. – 232 с.
9. **Забияко А. П.** Русские в Трёхречье: исторический очерк // Emigrantologia Słowian. – 2016. – Vol. 2. – P. 5–17.

10. **Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945** // Донские казаки в борьбе с большевиками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elan-kazak.org/forum/viewtopic.php?t=926> (дата обращения: 03.01.2018).
11. **Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945**. Союз казаков на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // РУСТРАНА. – Режим доступа: <http://www.рустрана.рф/article.php?nid=18478> (дата обращения: 03.01.2018).
12. **Кляус В. Л.** «Русское Трёхречье»: очерки фольклориста и традиционной культуры. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 384 с.
13. **Кляус В. Л.** Церкви Трёхречья // Традиционная культура. – 2014. – № 4. – С. 25–34.
14. **Кляус В. Л.** Административная реконструкция русской деревни в Китае // В кн. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск: Омскбланкиздат, 2010. – Т. 3. – С. 466–475.
15. **Освоение Юго-Восточных окраин России**. – Хабаровск: Юпитер, 2015. – Т. 4. Белоэмиграция (архивные документы, статьи, публикации). – 658 с.
16. **Перминов В. В.** Начало и конец Русского Трёхречья [Электронный ресурс] // Магнитные бури нашего Отечества. Белое дело. – Режим доступа: <http://www.xxl3.ru/pages/perminov.htm> (дата обращения: 02.01.2018).
17. **Самбуева Л. В.** Бурятское и эвенкийское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск: ИГУ, 1999. – 268 с.
18. **Самбуева Л. В.** Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четверть XVIII – первая половина XIX в.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2003. – 204 с.
19. **Смирнов Н. Н.** Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Волгоград: ВГПУ, 1996. – 325 с.
20. **Смирнов Н. Н.** Забайкальское казачество. – М.: Вече, 2008. – 544 с.
21. **Тарасов А. П.** Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сент. 1929 г.) [Электронный ресурс] // LIVEJOURNAL. – Режим доступа: <https://www.voencomuezd.livejournal.com/735524.html> (дата обращения: 02.01.2018).
22. **Тарасов А. П.** Исторические судьбы Барги и Забайкалья // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 4. – С. 50–55.
23. **Тарасов А. П.** Русские в Барге: история и поиск национальной идентичности в приграничном Китае // Традиционная культура. – 2014. – № 4. – С. 3–14.
24. **Тарасов А. П.** Русская национальная волюсть Эньхэ в Барге поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 1. – С. 102–121.
25. **Теве И.** К проблеме белой эмиграции в Китае // Гражданская война как феномен мировой истории: материалы науч. конф. (Екатеринбург, 26 апр. 2008 г.). – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2008. – С. 306–311.
26. **Фомин К. В.** Казачьи поселения в Маньчжурии // Научные труды международной научно-практической конференции учёных (24–25 янв. 2001 г.). – М.: Моск. автомобильно-дорожный гос. техн. ун-т; Луганск, 2001. – С. 56–58.
27. **Чапыгин И. В.** Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2006. – 187 с.
28. **Чапыгин И. В.** Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // История Белой Сибири. – Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 275–281.
29. **Чапыгин И. В.** Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 171 с.
30. **Ян Сумэй.** Казаки в истории российско-китайских отношений (XVII в. 1920 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 354–364.

УДК 94(47+57)(571.55)

ББК ТЗ(2)45-453(2РОС-4ЧИТ)-283.31

Елисей III (Елисей Елисеевич Елисеев),
Древлеправославный Иркутско-Амурский архив
Русской Православной Старообрядческой Церкви,
г. Большой Камень, Россия

К вопросу о степени изученности староверия в среде забайкальских казаков

Статья посвящена проблеме слабой изученности приверженности забайкальских казаков к старообрядчеству. Отмечается отсутствие исследований о пребывании протопопа Аввакума в Нерчинском остроге, об особенностях конфессиональной принадлежно-

сти старожильского населения Даурии, главным образом метисного населения. Указано также на неизученность судьбы казаков-новообрядцев.

Ключевые слова: степень изученности, староверие, забайкальские казаки, протопоп Аввакум, забайкальские старожилы, казаки-новообрядцы

Elisey III (Elisey E. Eliseev),
The ancient Orthodox Irkutsk-Amur archive
of the Russian Orthodox old Believer Church,
Bolshoy Kamen, Russia

To the question of the degree of exploration of the old believers in the environment Zabaikal Cossacks

The article is devoted to the problem of weak study of commitment of Zabaikal Cossacks to old believers. There is a lack of research on the stay of protopop Avvakum in Nerchinsky Ostrog, the peculiarities of confessional belonging of the old-resident population of Dauria, mainly the mestizo population. Also studies on the fate of the Cossacks-novoobryadtsev.

Keywords: degree of study, old believers, Zabaikal Cossacks, protopop Avvakum, Zabaikal old residents, new believers Cossacks

Среди вопросов истории есть различные аспекты, которые иногда общеизвестный факт корректируют до неузнаваемости. Это, в том числе, так называемые «политкорректные» вопросы и факты, о которых по разным этическим, политическим, стратегическим причинам не принято говорить в тех или иных кругах, в частности, в исследовательской среде. Например, все серьёзные исследования последних 100 лет (в том числе и в советский период) говорят о том, что царь Иоанн IV Грозный не убивал своего сына Алексея, но в учебниках и пособиях образовательных учреждений всех уровней от школ до вузов, в литературе и искусстве продолжает стойко муссироваться детоубийство.

За 20 лет исследовательской деятельности приходилось сталкиваться с целым рядом подобных явлений. Одним из них, с нашей точки зрения, является вопрос о роли древлеправославия в казачьей среде Забайкалья.

Практически каждое явление, тем более имеющее своё продолжение в веках, имеет свою статистику и динамику: появление, расцвет и затухание. Если история, этнография, социология и другие смежные дисциплины исследовали казачество и Забайкальское казачье войско (ЗКВ) довольно тщательно, то с точки зрения религиоведения, как науки сравнительно молодой в нашей стране, в изученности этих проблем имеется достаточно белых пятен.

Общеизвестно, что Забайкалье (ранее – Даурия) и Восточная Сибирь в основном стали частью Руси в первой половине XVII века, тогда же была открыта Камчатка, исследован Амур. Всё это произошло до церковного рас-

кола греко-российской Церкви, произошедшего в середине 1660-х годов, разделившего российское общество на новообрядцев и старообрядцев. Подчеркнём, что основные открытия и освоения востока Руси осуществлялись носителями старой веры – «двоеперстниками».

История пребывания протоиерея Аввакума Кондратьева [3] (по ошибке его фамилию пишут как Петров, в том числе и на стеле площади г. Читы) в Даурии, известная исследователям в основном из книги «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», хорошо изучена. Однако и здесь не все точки над «і» поставлены. Практически не встречается описание периода пребывания этого апологета древлеправославия в Нерчинском остроге, где он служил 2 года настоятелем первой деревянной церкви во имя Воскресения Господня.

Совершенно удивительной является история почитания представителями новообрядчества четырёх казаков – иргенских мучеников, убитых воеводой Пашковым [2]. Из книги «Житие...» известно, что они были казнены за сочувствие опальному протопопу, т. е. фактически за раскол, неподчинение воли патриарха Никона, сославшего Аввакума в Даурию. Представители РПЦ МП поныне почитают в лике святых старообрядческих казаков-мучеников, совершают на о. Иргень крестные ходы и т. д., как бы не зная или не замечая причин их мученической кончины.

Белым пятном в истории и этнографии Забайкалья остаётся вероисповедальный вопрос старожильского населения Даурии. В источниках можно найти всё, что угодно,

о карымах (в других источниках – гуранах), но только не базисные вопросы их конфессиональной принадлежности. Общеизвестно, что данная этническая группа в основном сформировалась к середине XVII века благодаря смешению казаков и туземных женщин. Как и насколько могли потомки российских первопроходцев считать себя казаками (в данном случае можно считать тождественным слову «русскими») и православными, нося старообрядческие нательные кресты и молясь двумя перстами?

История затухания, трансформации древней православной традиции в данной общности малоизучена. А вопросы по данной теме остаются. Например, в конце XX века после ослабления советской атеистической идеологии и образовавшегося всплеска религиозности проявились, в том числе, активисты старообрядческих согласий, среди которых имеется род Новокрещенных, проживающих в месте компактного расселения семейских в с. Бичура Республики Бурятия. Потомки данного рода являются ярко выраженными «метисами» (вероятно, карымами), сохраняющими историческую память о том, что их предки являются родовыми казаками-старообрядцами.

Истории Забайкалья не известны случаи религиозных волнений. Не понятно, когда и как «двоеперстники», поселившиеся здесь до церковного раскола, перешли на «три перста». Явно это происходило постепенно и значительно позже, чем в западных регионах империи.

Не изучена судьба казаков-новообрядцев, участвовавших в выгонках староверов с западных границ Российской империи в XVIII веке и сопровождавших их в Восточную Сибирь и Забайкалье. Общеизвестно, что насильственно переселяемых «раскольников», чьих «выгонок» по разным источникам насчитывается более 20, сопровождали в качестве охранения казачьи люди. Они же и поселялись, в том числе в Забайкалье, в местах компактного расселения старообрядцев (семейских), выполняя функцию охраны, в том числе и от местного инородного населения. Но что происходило с религиозной жизнью казаков, остаётся за рамками исследования специалистов. В то же время, среди прихожан-старообрядцев, ныне проживающих в Бурятии, имеется род Утенковых, которые однозначно идентифицируют себя и своих предков с казаками-старообрядцами, исстари проживавшими в с. Бичура.

В XVIII–XIX веках Забайкалье продолжает заселяться. Есть сведения о переселении

сюда яицких (уральских) казаков, преимущественно состоявших из староверов [4]. Имеются этнографические данные о расселении среди семейских казаков-старообрядцев, влиявших, в том числе, на песенную культуру первых.

Считается, что единственной крупной станицей в Забайкалье по количеству казаков-старообрядцев была станица Донинская (ныне с. Доно Калганского района Забайкальского края). Однако немало казаков данного вероисповедания проживало ещё в середине – конце XX века в таких населённых пунктах, как Зоргол, Чингильтуй, Аргунск (китайский), Верхний, Средний и Нижний Калгукан, Бырка, в ряде селений Сретенского района Читинской области.

Точной статистики состояния данного явления нет по сей день. Мы можем предположить, что в XVIII–XIX веках данные отделов по делам раскола Иркутско-Нерчинской епархии Греко-Российской (новообрядческой – *авт.*) церкви не в полной мере отражали действительную картину количественного состава рекомых «раскольников» в здешней казачьей среде.

Известный факт, что во второй половине XIX века Амурское и Уссурийское казачьи войска (АКВ, УКВ) преимущественно формировались из казаков ЗКВ, чему свидетельствуют все исторические документы и даже форма справки и цвет околыша на ней [1]. В начале XX века проведена перепись казачьих станиц и хуторов АКВ и УКВ с указанием вероисповедальной принадлежности казаков. В 1902 году издан отчёт данной переписи, собранный в Книгу поземельного устройства Амурского и Уссурийского казачьих войск. Перепись показала, что более 70 % казаков АКВ – представители старообрядческих толков. Опять-таки, вопрос «неожиданного» появления такого количества сторонников древнего православия в соседнем с ЗКВ войске не изучен и требует отдельного исследования.

Столь же малоизученным является вопрос конфессиональной принадлежности современного казачества Забайкалья, начавшего своё возрождение в 1990 году. Мало изучена жизнь и деятельность таких известных представителей древлеправославного казачества, как Вил (по крещению – Илья) Васильевич Кудревич, иерей Вячеслав Измайлов, иерей Александр Шестаков и др.

Обозначенные выше и иные вопросы – большое поле для исследовательской деятельности ученых и хорошая перспектива для развития в Забайкалье религиоведения и других смежных наук.

Источники и литература

1. **Амурские казаки** [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 05.01.2018).
2. **Биография: Иргенские мученики** [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://www.ru.wikipedia.org/wiki/Иргенские_мученики (дата обращения: 05.01.2018).
3. **Какая фамилия у протопопа Аввакума?** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.otvet.mail.ru/question/50675234> (дата обращения: 05.01.2018).
4. **Яицкие (уральские) казаки в Забайкалье** [Электронный ресурс] // LIVEJOURNAL. – Режим доступа: <http://www.albert-motsar.livejournal.com/538467.html> (дата обращения: 05.01.2018).

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК ТЗ(2)(2РОС-4ЧИТ)-283.31

Татьяна Владимировна Ланцева,
Психологический реабилитационный центр «От А к Я»,
г. Чита, Россия
Владимир Афанасьевич Погодаев,
г. Пермь, Россия

Судьбы представителей казачьего рода Погодаевых

В статье отмечается, что сведения о казачьем роде Погодаевых из с. Тайна (ныне Газимуро-Заводский район Забайкальского края) известны с первой половины XIX века. Прослежено родословие Погодаевых, начиная с середины XIX века. После 1851 года Погодаевы – в казачьем сословии. Рассказано о занятиях первых Погодаевых (кузнечное дело, добыча золота в старательских артелях, охота), об их семейном и бытовом укладе. Даны сведения о сыновьях Аввакума Погодаева – Назаре, Петре, Федоте и Андрее, участниках Гражданской войны. Приводятся данные и о других представителях рода Погодаевых.

Ключевые слова: казачий род, Погодаевы, с. Тайна, казачье сословие, занятия, семейный уклад, быт

Tatiana V. Lantseva,
Psychological rehabilitation centre "From A to Ya",
Chita, Russia
Vladimir A. Pogodaev,
Perm, Russia

The fate of the representatives of the Cossack genus Pogodaeva

The article notes that information about the Cossack family Pogodaeva of The Village Taina (now Gazimura-Zavodsky district of the Zabaikalsky Krai) is known from the first half of the nineteenth century. Traced genealogy Pogodaeva since the mid XIX century. After 1851 Pogodaeva – in the Cossack bar. Learn about the classroom the first Pogodaeva: blacksmithing, gold mining in artisanal cooperatives, hunting, their family and everyday life. This information about sons of Avvakum Pogodaev – Nazar, Peter, Fedot and Andrew, the participants in the Civil war. The data on other members of the genus Pogodaeva.

Keywords: Cossack family, Pogodaev, the Village Taina, the Cossack bar, family life, classes, everyday life

Сведения о казачьем роде Погодаевых, представители которого были участниками Гражданской войны, воевали за народное дело, ведут свой отсчёт с первой половины XIX века. Носителем сведений об этом семействе был Назар Аввакумович Погодаев (1886–1965), его сестра Анна (1905–1984) из с. Тайна Газимуро-Заводского района Читин-

ской области, а также сын Назара – Афанасий (1920–2004).

Как следует из рассказов Назара, которые он почерпнул от своих родителей, в 1840-х годах в с. Тайна пришёл цыганский табор. Влюблённый цыган Степан ушёл из табора к местной девушке, стал кузнецом (сведения об его фамилии отсутствуют). Сво-

его сына Аввакума он обучил кузнечному ремеслу, привил навыки коваля, т. е. научил ковать лошадей. Цыгане не простили измены табору и спалили Степана с женой вместе с домом. Сын не пострадал, так как был в это время у Фимки (Офимья), дочери соседей Рысаковых. Аввакум и Офимья стали мужем и женой под фамилией Погодаевы. Родители Офимьи – Рысаковы – имели в селе винополку (магазин), а кузнечные знания Аввакума особенногодились казакам, когда жители с. Тайна после 1851 года перешли в казачье сословие (в конце XIX в. посёлок Тайнинский относился к Дог-Инской станице 4-го военного отдела Забайкальского казачьего войска). Тем не менее, для заработка супруги Погодаевы работали в старательских артелях по добыче золота.

В браке Аввакума Степановича Погодаева и Офимьи Васильевны Рысаковой родились дети: Назар (1886), Пётр (1890), Федот (1893), Андрей (1898), Кузьма (1900) и Анна (1905).

Анна с Кузьмой в 1909–1915 годах зимой ходили в школу, а летом вместе с родителями и старшими детьми, как говорили, всем «табором» уезжали на прииски на р. Газимур или Онон. Назар рассказывал: «Удачный сезон был примерно такой: золотого песка намывалось до трёх бутылок из-под шампанского, да самородков с фалангу обнаруживалось до десяти штук. Это за сезон, до морозов. На зиму ехали в город или большой посёлок, где есть школа для детей, на золото покупался дом с участком, скотиной и т. д. Золото обменивалось на деньги в банке. Детям справляли покупки, определяли в школу (в любой класс, они в этом особенно не разбирались, классы были по заполнению, лишь бы учились)».

Большая семья жила безбедно до следующего лета. Зимой занимались охотой на белку, соболя, зайца, шкурки которых обменивали на продукты и необходимые в хозяйстве вещи. Афанасий, сын Назара, рассказывал, что уже в 13 лет ему подарили собаку лайку по имени Тунгир, обученную белковать (облаивать белку), дали винтовку, научили попадать в голову зверьку, и он охотился. Освежевав белку, тушку отдавал Тунгиру, а шкурку пересыпал селитрой. Так в 13 лет сам зарабатывал на конфеты.

Подготовка к длинной забайкальской зиме была основательной. Заготовкой пельменей занималась вся семья. Фарш из двух оленей и кабана рубили сечкой в корыте, пельмени морозили и в мешках хранили на чердаке. Афанасий вспоминал, что в тайге, на охоте, пельмени, сваренные на костре в бульоне из снега, согревали, давали бодрость и энергию. Так шли годы, семья жила без по-

трясений, росли дети. Аввакум со старшим сыном Назаром уходили на заработки на прииски, Кузьма оставался за старшего мужчину в семье. Так продолжалось до потрясений 1917 года.

В годы Гражданской войны на территории нынешнего Газимуро-Заводского района произошло немало боёв, различных по своим масштабам и значению, в которых участвовали сыновья Аввакума Погодаева – Назар, Пётр, Федот и Андрей. Живым в кровавой Гражданской войне остался старший из братьев – Назар, названные другие погибли молодыми.

Пётр Аввакумович Погодаев с февраля 1917 года состоял в вооружённом отряде по охране артелей золотоискателей, охранял транспортировку золота от грабителей и банд китайских хунхузов (бандитов). В августе 1918 года был отправлен на Даурский фронт, после разгрома отряда Семёнова вернулся домой, участвовал в бою в районе между Газимурскими и Ундинскими Кавыкучами с остатками семёновцев. В этом же бою участвовал и сын Андрей, который здесь получил ранение в живот. Брат Пётр привёз его на телеге в с. Тайна, где Андрей скончался, ему было всего 19 лет. Похоронили его на кладбище на сопке «9-я пятница».

Когда был организован Забайкальский фронт, Пётр служил в 9-м полку в должности помощника командира сотни. Затем создавал отряды самообороны для защиты золотоносных приисков, которые в то время подвергались разграблениям. С целью восстановления советской власти и правопорядка Пётр Аввакумович в 1921 году был назначен начальником (зам. начальника – данные разнятся) в Могочинское отделение милиции.

О его последнем боевом деле в 1922 году рассказали брат и сестра – Назар и Анна: «Пётр, видимо, не успел отойти от сумасшедшей партизанской войны. Милиции ещё надо было разобраться: кто – свой, а кто – враг. По железной дороге передали “летучку”: задержать бандитов, главарь Селезнёв. Прочитав телеграмму, Пётр вспомнил приятеля Павла Селезнёва, с которым сталкивался во время школьной учёбы на станции Борзя. Дружили, пока семьи не разъезжались по разным сторонам на заработки, в основном в старательские артели. Поиск золота тогда был смыслом жизни, надеждой на безбедное существование. Пашка участвовал в ограблении поезда, вышедшего из Читы с банковским золотом. От читинского состава с золотом до Могочи дошли крохи. Селезнёв взял под контроль один вагон. Пётр узнал приятеля детства Пашку и не опасался его. Когда Пётр поднял-

ся по ступенькам в тамбур вагона, то тут же получил пулю в лоб». Так погиб ещё один сын А. С. и О. В. Погодаевых.

Самый знаменитый из братьев Погодаевых – Федот. О нём есть краткие сведения в Энциклопедии Забайкалья. Федот Аввакумович Погодаев родился в с. Тайнинское Газимуро-Заводского уезда Забайкальской области в 1893 году. Участвовал в Первой мировой войне. Вернувшись с фронта, принял активное участие в борьбе за установление советской власти в Забайкалье и сражался с семёновцами на Забайкальском фронте. С временным падением советской власти перешёл на нелегальное положение и осуществлял связь между подпольными большевистскими организациями. В конце июня 1919 года возглавил Шилкинскую группу партизан, затем 7-й кавалерийский полк. Погиб в бою за Сретенск в 1920 году. Его именем названо село, улица в Балее. До 1991 года совхоз в Приаргунском районе и колхоз в Шелопугинском районе Читинской области носили его имя.

Земляки, которых судьба сводила с Федотом Погодаевым, вспоминали: «Он был коренастый шустряк, заводил своей энергией хоть за столом, хоть в бою. За ним шли, ему верили. Его смелость в бою воодушевляла даже тех, кто был старше его. Авторитет командира он зарабатывал в боях. В 25 лет стал командиром полка, в который входило 8 тыс. сабель кавалерии и две роты пехоты. Был под началом П. Н. Журавлёва, командующего Восточно-Забайкальским фронтом».

В Сретенском музее авторам удалось узнать о последнем бое Федота Погодаева. Части Восточно-Забайкальского фронта под командованием Журавлёва 19 февраля 1920 г. начали наступление под Сретенском. Федот Погодаев со своим полком был в наступлении и занял Сретенск. Противник, выброшенный на левый берег Шилки, снова засел на станции, в депо и в переселенческом пункте (ныне школа механизации). Погодаев, решив покончить с белыми, после уличного боя приказал своим бойцам подойти к берегу реки. Огнём противника они были остановлены. Видя замешательство своих частей, Погодаев выхватил шашку из ножен и с криком: «Товарищи, за мной!» – бросился вперёд. Его дикая, необъезженная лошадь, закусив удила, понесла его по льду на левый берег Шилки. Конь вихрем вынес Погодаева к станции, где стояла кучка офицеров и солдат. Погодаев успел крикнуть: «Сдавайтесь!». Офицеры растерялись, но один из семёновских солдат выстрелом из винтовки свалил Погодаева с коня. Так героически погиб один из славных партизанских командиров, ещё один сын

А. С. и О. В. Погодаевых, о котором в Забайкалье сложили песни. Памятник Федоту Погодаеву установлен в с. Погодаево в Приаргунском районе Забайкальского края.

Старший из братьев, Назар Аввакумович Погодаев, по заданию партизан во время правления атамана Семёнова, в 1918–1920 годах, был председателем земской Тайнинской управы. Всю остальную жизнь был вольным охотником и золотоискателем. Как рассказывал сам Назар, в конце 1930-х годов ему было видение: какая-то таёжница подсказывает ему, где есть золотоносные места, что он может разбогатеть. В этих местах он был раньше, но до подсказанной таёжницей пади «Дальней» не дошёл: надо было перевалить несколько сопок. Это видение не покидало его много лет. Жизнь сложилась так, что не удалось действовать по предсказанию свыше. Прошло золотое время, ушло здоровье, осел с семьёй в Тайне на дожитие. И вот, в конце 1950-х годов, молодые советские геологи в пади «Дальней» нашли большие залежи золотой руды, началась разработка месторождения. От горя, что не пошёл на зов «таёжницы», Назар запил. Жена Екатерина Афанасьевна вспоминала, что перед смертью Назар со слезами сказал: «Жизнь прошла стороной».

У Назара Аввакумовича и Екатерины Афанасьевны Погодаевых был сын Афанасий. Он являлся шестым ребёнком после слабоумной сестры. Предыдущие дети не доживали до года. В условиях кочевой жизни приходилось рожать, где придётся: в тайге на саях, в чуме у тунгусов, у которых покупали оленей. Афанасий родился 20 марта 1920 года, сильно и подолгу кричал. Приходили знахарки, таскали парить в баню, давали сосать оленью строганину, мочёные сухари через тряпку, выносили в сени на свежий воздух. Когда ничего не помогло, сказали, что либо умрёт, либо генералом будет. Так он чудом выжил, шестым по счёту.

Афанасий Назарович Погодаев работал секретарём, председателем поселковых и районных советов, колесил по деревням и колхозам на выданном ему служебном велосипеде. В 16 лет был избран секретарём поселкового комитета ВЛКСМ в Газимурском Заводе, а накануне войны, в 1941 году, был председателем исполкома г. Нерчинска, где был призван на фронт в августе 1941 года. После краткосрочных курсов политработников в г. Иркутске А. Н. Погодаев в звании политрука роты принимал участие в формировании 399-й Забайкальской стрелковой дивизии.

А. Н. Погодаев вспоминал: «Ко мне постоянно приходили бойцы, просились в мою роту из-за памяти о Федоте, просились идти в бой

только со мной. Были и старики, которые помнили партизанские походы по Забайкалью, я их рекомендовал в тыл, но, когда получил зуботычину, взял в роту. Наша 399-я стрелковая дивизия была одета во всё новенькое, вооружение – винтовки, у меня пистолет – ТТ на боку... За десять дней пути со многими беседовал (политработнику было положено). Все знали (или слышали) о Погодаевых в Забайкалье, а я ещё себя не показал, уверен, что порву всю фашистскую нечисть (дайте только

срок). И вот долгожданный Приказ 8 сентября 1942 г: “399-й стрелковой дивизии перейти в наступление”. Это был Мамаев курган в Сталинграде. Дивизия вела бой, все наши земляки остались там, на Мамаевом кургане. Утром израненных, контуженных, полуживых – 132 человека, оставшихся от дивизии, под обстрелом, на барже перевезли через Волгу. С тех пор я считал своим днём рождения 9 сентября 1942 года, а местом рождения – город Сталинград».

Источники и литература

Погодаевы. Семейные воспоминания.

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК ТЗ(2)6(2РОС-4ЧИТ)-283.31

Евгения Павловна Легун,
Нерчинский краеведческий музей,
г. Нерчинск, Забайкальский край, Россия

Казачий род Подшиваловых из села Бишигино

В статье говорится о родоначальнике казачьей фамилии Подшиваловых – Якове, его детях – Алексее, Павле и Евлампии. Даны биографические сведения об Алексее и его сыне Феофиле, красном партизане, который после Гражданской войны вместе с братом Корнилием организовал комсомольскую ячейку в с. Бишигино, в 1934 году стал директором автотракторной школы в Нерчинске, был репрессирован. Приводятся сведения о сыне Павла – Александре, участнике Гражданской войны в Забайкалье, создателе в Бишигино ТОЗа, в Нерчинске – сельхозартели «Путь социализма». Дается информация и о других членах этого рода.

Ключевые слова: казачья фамилия Подшиваловых, красные партизаны, Гражданская война, комсомольская ячейка, село Бишигино, репрессии, ТОЗ, сельхозартель

Eugenia P. Legun,
Nerchinsk Museum of local lore,
Nerchinsk, Zabaikalsky Krai, Russia

Cossack rhode Podshivalova from the village of Bishigino

The article refers to the founder of the Cossack surnames Podshivalova – Yakov, his children, Aleksey, Pavel and Eulampia. This biographical information about Aleksey and his son Theophilus, the red guerrillas, who, after the Civil war with his brother Cornelius organized a Komsomol cell in the village of Bishigino, in 1934, became Director of automotive school in Nerchinsk, he was arrested. Provides information about Paul's son – Alexander, a member of the Civil war in Zabaikalia, the Creator of Bishigino TOZ, in the Nerchinsk – selhozarteli “the Path of socialism”. Information is also provided on other members of this family.

Keywords: Cossack surname Podshivalova, red partisans, the Civil war, Komsomolskaya cell, the village of Bishigino, repression, TOZ, selhozartel

В 1841 году в пос. Апрельково Нерчинского горного округа у дочери Кульгаева родился сын Яков. Девушка прижила его от ссыльного каторжного. Когда ребёнка крестили в Успенском приходе с. Монастырское, священник

Знаменский посоветовал отдать его в семью жителя с. Бишигино Василия Подшивалова. Яков вырос с отчеством Васильевич и фамилией Подшивалов [4]. В 1851 году крестьяне старинного с. Бишигино Нерчинского

уезда были переведены в казачье сословие, в пеший батальон Забайкальского казачьего войска (ЗКВ), отнесённого позже к 3-му военному отделу ЗКВ. Подчинялись Кулаковской станице [1, с. 87]. Так, Яков Васильевич Подшивалов стал казаком. Когда обзавёлся своей семьёй, у него родились: Алексей, Павел и Евлампий [4].

Алексей Яковлевич Подшивалов (1871 г. р.) проживал, как и братья, в с. Бишигино, в 1890-х годах проходил действительную службу в казачьем полку в г. Нерчинске в «Красных казармах». После службы состоял в запасе, занимался земледелием, отхожим промыслом, в межсезонье доставлял товары по Шилке. В его семье родилось 15 детей, но до взрослого возраста дожили только пятеро, в том числе два сына – Феофил (1900 г. р.) и Корнилий (1909 г. р.). Семья жила в достатке, и родители смогли дать своим детям начальное образование.

Старший Феофил окончил Нерчинское реальное училище, затем пытался поступить в школу фельдшером казачьего полка, но не прошёл по росту и весу. В 1918 году с приходом отряда Семёнова в г. Нерчинск Феофил скрывался от призыва. Позднее вступил в партизанский отряд Красной гвардии и с боями прошёл до Приморья, штурмовал Волочаевку, освобождал Владивосток. Служил в Народно-революционной армии ДВР. В 1923 году в звании взводного командира уволился в запас и вернулся в своё село. Вместе с младшим братом Корнилием организовал в Бишигино ячейку Революционно-коммунистического союза молодёжи (РКСМ) [4]. Их отец, Алексей Яковлевич, высказывался против Белой армии, за что был арестован и заключен в Нерчинскую тюрьму. По воспоминаниям ныне живых родственников, был приговорён к расстрелу. Однако во время исполнения приговора Алексей бежал и скрывался. Корнилий до переезда в Нерчинск работал продавцом в сельпо Бишигино [Там же].

Сын Павла Яковлевича Подшивалова – Александр – служил в царской армии в Лейб-гвардии казачьем полку в Петрограде. Здесь он впервые встретился с революционерами, познакомился с нелегальной литературой. Участвовал в Первой мировой войне; в конце 1917 года сбежал с фронта и вернулся домой в село [5]. Как революционно настроенный фронтовик организовал отряд красных добровольцев в 120 чел., который прибыл на Даурский фронт. Действия Александра складывались в соответствии с решениями 1-го Нерчинского уездного съезда Советов (27 апреля 1918 г.), на котором обсуждались вопросы об укреплении Советов на местах

и об усилении работы по добровольному вовлечению трудоспособного населения в Красную гвардию [3, с. 71]. Созданный им отряд соединился с 1-м Аргунским полком. В составе этого полка, являясь командиром 5-й сотни, А. П. Подшивалов принимал участие в боях под Мациевской и станцией Даурия [5].

Биография А. П. Подшивалова была опубликована на плакате, посвящённом 50-летию Октябрьской социалистической революции в 1967 году типографией газеты «Нерчинская звезда». Рассматривая хронологию событий, сложно определить, как А. П. Подшивалов снова попал в Нерчинск. Вероятно, прибыл в связи с объявленной II уездным съездом Советов мобилизацией (18 июня 1918 г.) [3]. Сведения о той мобилизации можно почерпнуть из книги краеведа Н. Д. Музгина. После указанного съезда его делегаты выехали в волости и посёлки, и мобилизация прошла успешно. Особенно активно на неё откликнулись казаки бывшей Знаменской станицы, к которым примкнули казаки из сёл нынешнего Чернышевского района. Общее количество мобилизованных составляло более тысячи человек. Не доходя трёх километров до Нерчинска, под влиянием есаула Е. Казаков (уроженец с. Кангил) и нескольких десятков бывших офицеров почти все отказались выполнить приказ о мобилизации, заявили о самороспуске, угрожая применением оружия. Прибывшим из Читы Д. С. Шилову и комиссару Михайлову удалось распропагандировать казаков. Основная их масса согласилась войти в ряды Красной армии, но при этом они разошлись по домам [Там же]. Если предположить что, отряды с Даурского фронта всё же приходили уладить этот инцидент, с ними мог прибыть и Александр Подшивалов.

Из биографии А. Подшивалова можно узнать, что по заданию Сергея Лазо он стоял в охране моста на станции Приисковая во время отступления войск Забайкальского фронта, следовавших в Приамурье. Возникает вопрос: где мог встречаться Александр Подшивалов с Сергеем Лазо? После Урульгинской конференции (28 августа 1918 г.), на которой присутствовал Сергей Лазо, части Красной армии, красногвардейские отряды, революционные полки из казаков и крестьян были распущены. Руководящий состав партийных, советских и военных организаций небольшими группами отступил на восток или перешёл на нелегальное положение [2, с. 16]. При отступлении на восток Сергей Лазо был в Бишигино и выступал на митинге. Возможно, именно здесь состоялась встреча А. Подшивалова с С. Лазо. Документальное подтверждение этому факту отсутствует.

В период власти Г. Семёнова, проживая нелегально под именем Ивана Логантьевича Лупахина, А. П. Подшивалов поддерживал связь с подпольщиками, действовавшими на станциях Зилово и Карымская. В одной из поездок Александр был опознан жителем с. Пешково. В октябре 1918 года его арестовали и этапировали в Нерчинскую тюрьму. В 1919 году он заболел тифом. Благодаря хлопотам революционно настроенных казаков, служивших у Семёнова, Александра Павловича поместили в Нерчинскую больницу, откуда он спустя 4 месяца бежал. После побега в апреле 1920 года А. П. Подшивалов вновь организовал отряд из 60 чел. и присоединился к отряду Сокол-Номоконова [5]. В годы коллективизации в 1928 году Александр Подшивалов создал в с. Бишигино товарищество по совместной обработке земли. В 1929 году, переехав в Нерчинск, организовал сельхозартель «Путь социализма», где проработал до 1930 года. Все годы Великой Отечественной войны трудился председателем артели им. Журавлёва [Там же].

Дядя А. П. Подшивалова – Алексей Яковлевич – в 1929 году продал свой большой дом в с. Бишигино станичному Совету и вместе с женой, двумя дочерьми и сыном Корнилием вступил в городскую сельхозартель «Путь социализма». Второй его сын Феофил Алексеевич к этому времени обзавёлся семьёй и уехал на заработки на рудник в Вершину Дарасуна. Через год в с. Олинск организовал машинно-сенокосную станцию (МСС) и стал её руководителем. Осенью 1934 года после объединения Олинского с Нерчинским районом Ф. А. Подшивалова назначили директором автотракторной школы в Нерчинске.

По партийной линии его переводили в различные сельскохозяйственные организации. Являясь председателем сельхозартели в с. Беломестново, зимой 1941 года без разрешения райкома партии выдал колхозникам заработанное зерно, за что был исключён из партии и осуждён на 6 лет лишения свободы.

Репрессии 1930-х годов не обошли стороной род Подшиваловых. Андрей Павлович как и брат Александр, в своё время служил в царской армии, потом был партизаном, работал в колхозе им. 2-й пятилетки с. Бишигино. В 1938 году был арестован и приговорён к высшей мере наказания. У него осталась жена и 8 детей [6, с. 87]. Корнилей Алексеевич Подшивалов в 1938 году работал корреспондентом газеты «Восточно-Сибирская правда» в Иркутске, был арестован и провёл несколько месяцев в тюрьме. Все годы войны он работал фронтовым корреспондентом военных газет на различных фронтах. С 1946 года редактор газеты 1-й Гвардейской танковой дивизии, которая стояла в г. Калининграде [4].

Фамилия Подшиваловы в настоящее время самая распространённая в с. Бишигино, но, к сожалению, выходцы из одного рода считают себя однофамильцами. Единственное место, где стараются сохранить историю села – школа и сельская библиотека. Чтобы потомки большого рода Подшиваловых знали, что жизнь и судьба людей являются частью истории страны и края, один из пяти сыновей Феофила Алексеевича Подшивалова составил генеалогическое древо своего казачьего рода. Возможно, благодаря его стараниям новое поколение будет знать своих предков.

Источники и литература

1. Бидюк Е. Б., Ташлыкова В. Л. Бишигино // Нерчинск / гл. ред. В. А. Дутов; отв. ред. Н. Н. Константинова, А. Ю. Литвинцев. – Чита: ЗабГУ, 2013. – 342 с.
2. Грунин Г. В. Большевики Забайкалья в борьбе за советы // Борьба за советы в Забайкалье: сб. статей, материалов, документов. – Чита: Чит. обл. изд-во, 1947. – С. 5–36.
3. Музгин Н. Д. Октябрьский вихрь // Родная земля – Забайкалье: страницы истории города Нерчинска. – Чита: Изд-во Богданова Г. Г., 2003. – 73 с.
4. Подшиваловы. Генеалогия рода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.podshivalov.tmik.ru> (дата обращения: 16.01.2018).
5. Плакат «Борцы за власть Советов в Забайкалье». – Нерчинск: НКМ, 1967.
6. Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье: в 5 т. Т. 5 / сост. В. И. Василевский, А. В. Соловьев. – Чита: Поиск, 2007. – 372 с.

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК ТЗ(2)61(2РОС-4ЧИТ)-283.31

Михаил Трофимович Малахов,
Дом детского творчества,
г. Борзя, Забайкальский край, Россия

Судьбы казаков – основателей посёлка Нововоздвиженск (Соловьёвск)

В статье говорится об истории создания в условиях Гражданской войны казачьего поселения Нововоздвиженское (ныне – Соловьёвск). Названы основатели – казаки-однополчане Манкечура, Читдагатая, Васильевского хутора, Пури, Бырки, Савва-Борзи, Онон-Борзи, Ключевского. Отмечается, что мужчины села участвовали в партизанском движении против белых, среди них представители фамилии Соловьёвых. Упомянут основатель села Георгий Яковлевич Соловьёв. Говорится о занятиях, о хозяйственных связях с приграничным населением Монголии.

Ключевые слова: казачье поселение Нововоздвиженское, партизанское движение, Соловьёвы, хозяйственная деятельность, коллективизация, репрессии

Mikhail T. Malakhov,
The House of Children's Creativity,
Borzya, Zabaikalsky Krai, Russia

The fate of the Cossacks – founders of village Novovozdvizhensk (Solov'evsk)

The article talks about the history of the Civil war Cossack in the village Novovozdvizhensk (now Solov'evsk). Named by the founders – the Cossacks-by the soldiers of Mankechur, Chitdagatay, Vasilevsky farm, Puri, Birki, Sawa-Borzi, Onon-Borzi, Klyuchevskaya. It is noted that men of the village participated in guerrilla movement against white, among them representatives of a surname Solovyov. Mentioned founder of the village Georgy Yakovlevich Solovyov. Referred to studies, about the economic relations with the border population of Mongolia.

Keywords: Cossack settlement Novovozdvizhensk, the guerrilla movement, Solovyov, economic activities, collectivization, repressions

В начале XX века на границе с Монголией у реки Ульдза возникло казачье поселение, которое стало называться Нововоздвиженское (село возникло в трёх местах: на Хушуре (Кучуре), в красивом месте за рекой, там до сих пор видны ямы от больших землянок, на Далане, на высоком месте которого лежат мраморные плиты с надгробий да стоит пограничная вышка, и на месте современного посёлка Соловьёвск). Основали его казаки-однополчане Манкечура, Читдагатая, Васильевского хутора, Пури, Бырки, Савва-Борзи, Онон-Борзи, Ключевского, не желавшие участвовать в братоубийственной войне, спасаясь от карательной политики атамана Семёнова. Здесь, рядом с границей, были благоприятные условия для ведения сельского хозяйства. Известно, что из-за самовольного захвата земель духовенства и лесной администрации здесь казаки Манкечурской станицы пытались укрыться от наказания со стороны атамана Семёнова [1, л. 199].

Переселились, предварительно разведав место. Стали копать землянки, городить загоны для скота, ставить избы, словом, готовились основательно обживать степные места, где на Далане уже стояла заимка жителя Кулусутая Георгия Егоровича Кузнецова, по прозвищу Уланов, отец которого на охоте в честь генерал-губернатора М. С. Корсакова и наказного атамана Дитмара в 1860-х годах, сидя верхом на лошади, застрелил из лука летящую дрофу. А на Хушуре с семьёй жил казак Георгий Яковлевич Соловьёв, отец которого был награждён Знаком отличия Военного ордена 4-й степени за Китайский поход.

Переселенцы стали заниматься в основном животноводством и промыслом соли на соляных озёрах Монголии. Появились свои кузнецы. Кузнецом был дед автора – Фёдор Евстронович Федурин. Он работал вместе с сыном Василием. Позже белые схватили Василия и расстреляли, хотя у него с женой Анастасией Михайловной было шестеро де-

тей. А кузня и амбары деда, Ф. Е. Федурин, долго ещё служили односельчанам.

О новом поселении узнавали жители дру- гих сёл, стали приселяться, одни с надеждой на лучшую жизнь, другие – с целью отсидеть- ся, укрыться от невзгод. На территории села в 1920 году был бой красноармейцев с отсту- павшими каппелевцами. По рассказам мате- ри автора, Малаховой (Федуриной) Натальи Фёдоровны, были потери с обеих сторон по десять человек. Где они похоронены, не из- вестно. По документам известно, что в полк Асатиани из дивизии Нестора Каланда- рашвили в 1920 году ушёл воевать сын Геор- гия Яковлевича Соловьёва – Иван. Он погиб в Якутии при установлении советской власти вместе с Каландарашвили – «легендарным дедушкой».

Загадочна судьба основателя села Ге- оргия Яковлевича Соловьёва, служивше- го в контрразведке отряда Сергея Лазо с 1918 года [4]. Было выдано удостоверение красного партизана Гражданской войны и жи- телю села Г. Ф. Лопатину (1897 г. р.), который в 1919 году в составе 1-го Забайкальского казачьего полка перешёл на сторону крас- ных и добровольно вступил в отряд Я. Н. Ко- ротаева [2]. Служил в 1921 году в отдельном кавалерийском дивизионе 1-й Читинской стрелковой дивизии будущий председатель Соловьёвского сельского совета Александр Дмитриевич Макаров (1927 г.). Он участвовал в боях в Маньчжурии в рядах РККА и одним из первых вступил в коммуны «11 октября» [3, л. 62].

В послевоенные годы жители Соловьёв- ска (так стал называться посёлок Нововоз- движенск) отстраивались, продолжали раз- водить скот, овец, занимались извозом. Зем- леделием не занимались после неудачных попыток первых лет, считая здешние земли не пригодными для хлебопашества. Дру- жно жили с соседями – монголами: косили в Монголии сено, в снежные зимы помогали монголам сохранить скот, откармливали его. Ездили на шерстобитную фабрику работать, оттуда привозили потники и войлок, вели с монголами торговлю. Кто-то возвращался в родовые места, кто-то приезжал и обосно- вывался здесь. Таким образом, в казачьем посёлке Соловьёвск на 29 января 1927 года проживало 580 чел., из них: 305 женщин; рус- ских было 574, эстонцев – 6 (семья Либерт). Хозяйств было 108, все индивидуальные, из них бедняцких – 21, середняцких – 68, зажи- точных – 19. Почтой село не обслуживалось, имелась школа двухлетка. Была открыта в 1924 году, учеников было 39 чел., которые занимались по избам; первым учителем стал

Николай Иванович Благовещенский, основа- тель коммунистической ячейки Соловьёвска. Была изба-читальня, кооператив на паях, по- явилась погранзаезда.

В сельском Совете было 11 членов, председатель – А. Д. Макаров, а секретарь – Н. И. Кузнецова. Так, в 1927 году на Совете рассматривали разные вопросы, в том чис- ле «О принятии в земельное общество Гур- бетьева и Елгина», «Об отказе на открытие в селе винной лавки по просьбе Читинского Центр спирта», «О перевозе из села Кулусу- тай дома Золотухина Евграфа для нужд по- гранотряда». На заседаниях исполкомов ста- вились вопросы «О допуске бурят в пределы села Соловьёвск», «Об отводе воды в прото- ку реки Ульдаза», «Об организации дружины по самообороне». На районный съезд сель- ских Советов были посланы А. Д. Макаров, Л. Я. Либерт, Л. С. Кочнёв. После приезда А. Н. Пельменёва, начальника Борзинской районной милиции, стали облагать хозяйства налогом в индивидуальном порядке.

О том, как жили и трудились казаки Со- ловьёвска в 1928 году, рассказывают скупые цифры статотчёта: скота было 9609 голов, овец и коз – 14 865 голов, шерсти сдали 144 344 кг, открылся маслозавод. Появились новые семьи, рождались дети. Церкви в селе не было: ездили венчаться и крестить детей в соседнее село Кулусутай, где у многих были друзья. В этой церкви с сияющими, по расска- зам, куполами крестили своих детей дед авто- ра, Ф. Е. Федурин с женой Вассой Семёновной (в девичестве Репина), здесь также крестил своего первенца его сын – Василий Фёдоро- вич и невестка Анастасия Михайловна.

Появившиеся в 1929 году советские распоряжения нарушили спокойствие села. Тогда были сформулированы признаки ку- лацкого хозяйства, предусматривался рас- стрел задержанного через 24 часа после установления его личности, устанавливались жёсткие сроки создания колхозов, была по- ставлена задача ликвидации кулачества как класса. В селе составлялись списки лиц, лишённых избирательных прав, среди них: А. И. Леонтьев, Н. П. Васильев, С. И. Леон- тьев, Т. Е. Швалов, Я. Г. Пляскин, Х. К. Ел- гин и др. [5]. Все списки граждан, лишённых избирательных прав от 24 марта 1930 года утвердили как обладателей «явно кулацких хозяйств». Кроме них был выслан Лавр Коч- нёв. Затем арестованы и высланы казаки, имевшие большой вес в селе, Георгиевские кавалеры, рачительные хозяева, которые, если брали работника, то он у них был как родственник. А после года работы ему вы- деляли коня, корову с приплодом и сообща

ставили дом. Среди высланных были казаки Кочнёвы: Кирсан, Яков, Кирик, Лаврентий. В их доме устроили начальную школу, в которой выучились многие соловьёвцы; до сих пор старики в селе помнят кочнёвскую породу лошадей. В 1931 году в Красноярский край был выслан дед автора, Фёдор Евстронович Федурин (1884 г. р.). Его жена по пути туда умерла, и он остался с детьми: Натальей, Татьяной (11 лет), Прасковьей (7 лет) и Александрой (2 года).

Из Соловьёвска в 1931 году было выслано 11 семей, в которых едоков было 60 чел., из них трудоспособных – 22, а нетрудоспособных (стариков и детей) – 38. Все высылки были плохо организованы: высылаемых отправляли на сборный пункт, причем многие из них не смогли собрать в дорогу продукты. Эшелон с арестованными из Борзи отправился 3 апреля 1931 года. В 1933 году вновь выселяли. По разнарядке свыше намечалось выслать 56 семей, а борзинское руководство решило выслать 64 семьи с 357 едоками. Кроме того, по имеющимся в документах сведениям, было выслано ещё 47 семей, причём не известна цифра неучтённых. 22 мая 1935 года из пограничной полосы были высланы семьи Каменщиковых, Кожевниковых, Эповых. Высылались даже те, кто был в партизанах. Оставшихся крестьян стали облагать индивидуальными налогами. Так, Роман Леонтьевич Федурин (1872 г. р.), в семье которого было пять человек, должен был сдать со своих 5 лошадей, 9 коров и 41 барана сумму в 25 % дохода.

Не обошли соловьёвцев жестокие репрессии 1938 года. В организованном 19 апреля 1938 года в пос. Букача Букачаллаге работали молодые жители Соловьёвска, которых арестовали вслед за старшими. 29 января 1938 года среди расстрелянных 76 чел. вместе с жителями с. Кулусутай было 11 чел. из Соловьёвска: А. Д. Макаров (1903 г.), А. С. Швалов (1906 г.), И. И. Черных (1876 г.), И. Я. Горбунов (1895 г.), А. И. Шлыков (1909 г.), М. А. Кузнецов (1909 г.), С. Шангаропова, М. Г. Голобоков (1909 г.), Раменские Андрей, Илья и Назар.

Скорбный список жертв политических репрессий из села Соловьёвск с каждым годом увеличивается, выявляются новые имена. Большинство из них были расстреляны, многие умерли в застенках НКВД. Арестованных свозили на заставу в подвалы Даурского погранотряда, где пытали и расстреливали, сидели также в тюрьмах Борзи и Читы. Многие умерли в ИТЛ. Фронтовик Андрей Николаевич Лесников рассказывал: «Когда меня начинали бить, то я сразу терял сознание. Это меня и спасло. Требовали, чтобы я сознался, что был членом контрреволюционной организации».

Хозяйства пришли в запустение, вся тяжесть сельского труда легла на плечи женщин, детей. Село опустело. Все эти люди могли бы трудиться, защищать свою Родину в Великую Отечественную войну, могли бы растить и воспитывать детей, внуков, а их всех переломили жернова сталинских репрессий. По данным из домовых книг, за 1935–1939 годы в Соловьёвске в 1937–1939 годах было репрессировано 119 чел.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 334. – Оп. 2. – Д. 1.
2. ГАЗК. – Ф. Р-1077. – Оп. 3. – Д. 2.
3. ГАЗК. – Ф. Р-1077. – Оп. 3. – Д. 130.
4. ГАЗК. – Ф. Р-1077. – Оп. 3. – Д. 910.
5. ГАЗК. – Ф. Р-1077. – Оп. 4. – Д. 1.

Раздел 3. Казачество в социокультурном измерении

Chapter 3. Cossacks in the sociocultural dimension

УДК 94(47+57):17.035.3
ББК ТЗ(2)-283.31:Т521(=411)

Юлий Владимирович Ставропольский,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Л. Н. Гумилёв и этническая идентичность казачества

В старину не существовало такого этноса, как казаки. Казаками называли особую социальную категорию населения, сложившуюся из представителей разных этнических групп. В дальнейшем группы казаков создавались исключительно по решению и под контролем правительства, а не по природным законам образования этносов. Казаки не стали особой этнической группой. Движение за возрождение казачества прошло путь от мелких клубных организаций до формирования казачьих войск, что свидетельствует не только об успешных руководящих либо политических факторах, но и о том, что движение переживает определённый этап своего естественного развития.

Ключевые слова: казачество, идентичность, этнос, Россия, возрождение, теория

Yuliy V. Stavropolsky,
Saratov National Research State University
named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia

L. N. Gumilev and ethnic identity of Cossacks

In the old days there was no such an ethnic group as Cossacks. Cossacks were a designation of a special social category of the population, composed of representatives of different ethnic groups. Later any groups of Cossacks were created solely by the decision and under the control of the government, and not according to natural laws of the formation of ethnic groups. Cossacks were not a special ethnic group. Their movement for the revival of the Cossacks has grown from small club organizations and resulted in the formation of the Cossack troops, indicating not only successful managerial or political factors, but that the movement is undergoing a phase of its natural development.

Keywords: Cossacks, identity, ethnicity, Russia, the revival of the theory

В духе Л. Н. Гумилёва казаки рассматривают себя в качестве этноса. Чем этнос отличается от нации или этничности? Э. Смит в произведении «Национальные идентичности» пытался выработать определение того, из чего образуется нация. Этничность связана с территорией историческим и символическим образом. Нация связана с территорией физически и фактически, нация владеет территорией. Иными словами, нациям всегда нужны этнические компоненты [2]. С этой точки зрения, казаки, несмотря на территории и статус в Имперский период, не

обладали этническими компонентами, необходимыми для образования нации. Усилия казаков по складыванию общей этнической идентичности оказались прерваны Великой Октябрьской социалистической революцией. Современное возрождённое казачество неспособно образовать собственную нацию, ибо такой нации никогда не существовало. Современное возрождённое казачество нуждается в территориальном статусе и многочисленности. Более адекватно можно вести речь о формировании стабильной этничности казачества на основе символики Имперского

исторического периода, дополняемой воспоминаниями о советском прошлом.

Складывание идентичности казачества заставляет обратить внимание на попытки казачества сформировать собственную нацию, приходящиеся на период Гражданской войны. Но, формируя интегрированный исторический нарратив, казаки включали в него Имперские нарративы. Этим они пытались добиться независимости от власти Царя, легитимизировав собственное историческое присутствие на занимаемых ими землях [5].

Своим возрождением казачество во многом обязано этнологической теории Л. Н. Гумилёва, а также Имперской историографии. Созданная в 1960-х годах теория этноса и этногенеза предоставляла возможность альтернативного понимания этничности и идентичности. Она характеризовала этнические группы с позиций природных и географических условий, а не с точки зрения присущей обществу культуры. Этническая идентичность групп, выделившихся из биосферы, объяснялась экологическими природными условиями. В самом начале постсоветского периода запрещённые труды Л. Н. Гумилёва стали публиковаться, и теория стала очень популярной. В частности, учёные из Кубанского государственного университета напрямую выстроили нарратив возрождения казачества на основе теории Л. Н. Гумилёва, опираясь при этом на историографию Имперского периода.

По мнению Л. Н. Гумилёва, этнос противоположен этнической идентичности. В работе «Этногенез и биосфера Земли» Л. Н. Гумилёв писал о том, что этнос как явление располагается на границе биосферы и социосферы, выполняя совершенно специфическую функцию в структуре земной биосферы [1]. Этничность, по определению Л. Н. Гумилёва, представляет собой долговременный результат взаимодействия человека с географическими и экологическими условиями. Этничность не является ни воображаемой, ни эфемерной. Совокупность этносов образует этносферу, которая подобна сфере природы. Этносфера представляет собой географическое явление, развивающееся особым образом, отличающимся от биологического и от социального развития. Этнические паттерны могут наблюдаться в пространстве (этнография) и во времени (этногенез и палеография в антропогенных ландшафтах). Этничности рождаются и умирают не самопроизвольно, но следуя паттернам роста, стагнации и упадка, аналогичным паттернам развития в мире природы.

Этнос сложно разрушить, ибо разрушенный этнос сохраняется в форме диаспоры, образуя бесчисленные реликтовые разно-

видности. По убеждению Л. Н. Гумилёва, этнос связан с природой и формируется именно экологическими, а не экономическими, не политическими и не культурными влияниями. Идея возрождения казачества напрямую опирается на теорию Л. Н. Гумилёва, который говорил о том, что у наций случаются периоды внезапного роста. Казаки считают, что сейчас они переживают именно такой период [Там же].

Движение за возрождение казачества прошло путь от мелких клубных организаций до формирования казачьих войск, что свидетельствует не только об успешных руководящих либо политических факторах, но и о том, что движение переживает определённый этап своего естественного развития. Само существование движения за возрождение казачества демонстрирует жизнеспособность казачьего этноса, а стремительное распространение этого движения подтверждает то, что этнос отнюдь не испытывает стагнации, но, напротив, переживает новую фазу своего быстрого роста.

Представление о том, что казаки образуют самобытный этнос, связано с мифологическим нарративом о казаке – избавителе России от бед. Казак возник благодаря русской географии и русскому климату и играл привилегированную роль на службе России. Возрождение казачества поддерживает своеобразие и самостоятельность казачества как этноса, возложившего на себя масштабную миссию спасения России, причём, не только опираясь на военную и политическую силу, но и в качестве хранителя исконных моральных устоев, благодаря которым казаки не раз выручали Россию в годину нужды.

Представлением о казачестве как о сформированном этносе не исчерпывается интерпретация идентичности казачества. С конца 1980-х годов берёт своё начало четвёртый этап истории казачества – возрождение казачества подобно птице Феникс из пепла и небытия [3]. В старину не существовало такого этноса – казаки. Казаками называли особую социальную категорию населения, сложившуюся из представителей разных этнических групп. В дальнейшем группы казаков создавались исключительно по решению и под контролем правительства, а не по природным законам образования этносов. Казаки не стали особой этнической группой. Они продолжают оставаться неотъемлемой частью тех этнических групп, из которых их предки поступали в казацкое сословие. Этническая идентичность казаков охватывает этнические идентичности всех групп, именуемых словом «россияне». Сегодня мы являемся свидетелем

лями возрождения идентичности казачества. Однако возрождению идентичности казачества не под силу превратить казаков в то, чем они не являлись до Великой Октябрьской социалистической революции. Представление о казаках как об этносе датируется общенациональным кризисом и Гражданской войной 1918–1922 годов. Большинство мифов возникли именно в то время, в том числе и миф об особом этносе казаков.

Тем не менее, путь к пониманию идентичности казачества через теорию этноса не заказан. К теории Л. Н. Гумилёва обращались не только деятели возрождения казачества, но и самые широкие круги, вплоть до неоевразийцев. Идея Л. Н. Гумилёва о пандетерминирующей значимости геополитических факторов даёт нам в руки теоретический аргумент в пользу утверждения о том, что источник культурной и политической самобытности России заключается в промежуточном положении России между Западом и Востоком.

Неоевразийцам Л. Н. Гумилёв оказался нужен для обоснования самобытного характера русской этничности, в противовес Западу. Казачеству Л. Н. Гумилёв помог самоопределиться в качестве самобытного этноса, который не смогли раздавить репрессии советской власти, а выживание знаменовало собой возрождение этноса казачества. Совместное обращение к теории Л. Н. Гумилёва позволяет обнаружить пересечения между идеологиями неоевразийцев и казачества, которые обладают привлекательностью для российской элиты. Главное – оба движения отрицают роль Запада в складывании российской идентичности, осуждают неолиберальные реформы, проведённые Б. Н. Ельциным в 1990-х годах, и предлагают альтернативные модели национальной идентичности и политического устройства русского народа.

Неоевразийцам теория Л. Н. Гумилёва необходима в качестве альтернативного национального нарратива, противостоящего неолиберальным рыночным реформам по причине непригодности американско-европейского политико-экономического либерализма для России. Сходным образом движению за возрождение казачества теория Л. Н. Гумилёва помогает отвергать Запад и склоняться перед Православной Церковью, укрепляя неразрывную связь между этносом казачества и неприятием Запада. Опора на теорию Л. Н. Гумилёва свидетельствует об академической насыщенности и политической одухотворённости движения за возрождение казачества, не ограничивающегося следованием традиционной казачьей идеологии. Благодаря объяснению природы этноса казачества через труды Л. Н. Гумилёва совершается модернизация идентичности казачества. Идентичность казачества перестаёт быть сословной идентичностью, какой она была в Имперскую эпоху, преобразуясь в этнос, который очевиден нынешним современникам. Вследствие этой трансформации, казаки в современной России имеют меньше общего с этническими группами татар, якутов, чеченцев и т. п., но больше общего с неоевразийцами и с русскими националистами. В этой связи становится ясно, каким образом казаки, гордясь собственной историей, при этом позиционируют себя в качестве защитников русских ценностей [4]. Обоснованная теорией Л. Н. Гумилёва этническая связь между казачеством и неказаческим населением заменила собой связь между всеми русскими подданными с Царём и Православной Церковью, существовавшую в Имперскую эпоху, благодаря которой можно было родиться казаком, но в более широком смысле – русским.

Источники и литература

1. **Гумилёв Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли. – М.: ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.
2. **Гумилёв Л. Н.** Этносфера: история людей и история природы. – М.: Прогресс: Пангея: Экопрос, 1993. – 544 с.
3. **Таболина Т. В.** Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е гг. – М.: ИЭиА РАН, 1999. – 252 с.
4. **Шишов А. В.** Казачьи войска России. – М.: Вече, 2007. – 336 с.
5. **Smith A. D.** National Identity. – Reno: University of Nevada Press, 1991. – P. 40.

Дмитрий Анатольевич Крылов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Формируемое пространство самоидентичности: феномен казачества

В статье предпринята попытка исследования феномена казачества в современной России. В постсоветский период после принятия документов руководством страны, направленных на реабилитацию репрессированного казачества, развернулось движение по его возрождению. Вместе с тем отмечается, в этом движении нет общей исходной идентичности. На сегодняшний день можно говорить лишь о формировании «кристаллических групп», которые претендуют на то, чтобы стать центрами «возрожденной» идентичности.

Ключевые слова: казачество, case-study казаки, идентичность, «кристаллическая группа»

Dmitry A. Krylov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Creating a space of self-identity: the phenomenon of the Cossacks

In article attempt of research of a phenomenon of Cossacks in Russia today. In the post-Soviet period after the adoption of the documents by the country's leadership aimed at the rehabilitation of repressed Cossacks, turned the movement on its revival. However, it is noted that in this movement there is a common source of identity. Today we can speak only about the formation of the "crystal groups" who pretend to become centers of the "restored" identity.

Keywords: the Cossacks, a case-study of the Cossacks, identity, "crystal group"

В разделе «Инсценировки в культуре» профессор И. Г. Ионин обращается к феномену казачества, обращая внимание на то, что перед нами протекает процесс «перевёрнутого» развития, связанного с восстановлением традиционного русского казачества [6, с. 288].

Утрата последней идентичности с советским человеком и разрыв в самовосприятии в течение 70 лет поставили вопрос о нахождении своей общности на этническом уровне. Но при этом остаётся и ныне открытой тема обнаружения единых этнических основ, так как в Царской России казачество воспринималось в качестве особого сословия, а не народа. Отметим, что эта недоопределённость и сегодня влияет на отношение и со стороны власти, и со стороны народа, на понимание казачества.

По высказыванию бывшего атамана Кубанского казачьего войска В. П. Громова, «ещё в начале своего возрождения казачество обозначило, кем оно себя считает, нужно было сказать казакам, кто мы такие и куда мы должны идти. В социальном плане россий-

ское общество до революции разделялось на сословия, отличавшиеся друг от друга системой льгот и привилегий, казаки были втиснуты в эти рамки. Но, тем не менее, казачество представляло сложное явление, в котором социальное, сословное теснейшим образом переплеталось с этническим, культурным самосознанием. Сословность всегда преобладала в отношении государства к казачеству. Здесь очень правильно сказал мой учитель, профессор Ростовского государственного университета Александр Иванович Козлов: государство всегда относилось к казачеству с точки зрения своих сиюминутных интересов и его мало интересовали взгляды, оценки и устремления самого казачества» [4].

Таким образом, речь идёт о парадоксальном явлении: считать ли казаков сословием, призванным служить Отечеству, или считать их единым народом на основании самоидентификации себя с наименованием «казак»? При этом поиски исторических корней ведут, скорее, не к решению проблемы, а к ещё большей неразберихе. Известны, скажем, размышления Л. Н. Гумилёва, кото-

рый возводил происхождение казаков к неким «бродникам», потомкам древних славян и хазар: «Бродники – народ смешанного происхождения, говорившие по-русски. До 1117 г. они жили совместно с “беловежцами” – русским населением Саркела. После того как беловежцы, теснимые половцами, вернулись на Русь, бродники оказались полновластными хозяевами поймы Дона, которую удачно отстаивали от половцев. Видимо, какая-то часть бродников были хазарского происхождения, и к своим соплеменникам и единоверцам, на полноводный, текущий из гумидной зоны Дон, только и могли устремиться терские хазары. <...> Вражда с половцами толкнула бродников на союз с монголами. В 1223 г. они помогли Субутаяу разбить русских князей и с тех пор стали лояльными подданными Золотой Орды. В XVI в. их называли уже по-тюркски – казаки» [5].

По другой версии, принадлежавшей историку казачества Е. П. Савельеву, история казачества уходит в глубь веков не менее чем на 2,5 тыс. лет. Вступая в спор с Н. М. Карамзиным, считавшим, что название «казак» не позднее и относится к XV веку, он категорически возражает считать происхождение казачества от беглых и гулящих людей. Подчеркивается некий факт, что казаки никогда не считали себя русскими, великороссами или москвичами. Исследователь много внимания уделяет языковым изысканиям, которые использует для создания общей этимологической картины [12, с. 14, 17].

Согласно версии историка казачеств А. А. Гордеева, есть определённые сложности в определении этнического происхождения казаков. Предлагаются версии от принадлежности казаков к народам Кавказа, свободным воинам, живущим в палатке, до близости к хакасам и «киргиз-хайсам». Исследователь также считает, что казаки были на службе у монгольских завоевателей, и приводит анекдотический пример, объявляя былинного героя Илью Муромца «матёрым казаком» [3, с. 12–14].

Понятно, что подобные изыскания призваны на идейном уровне легализовать право считаться самостоятельным народом. При этом, естественно, отбираются нужные образы и отбрасываются те, которые не вписываются в идейный конструкт. Необходимо получить ряд ответов, которые должны прояснить ситуацию с возрождением казачества в современной России. Один из вопросов будет связан с тем, что в Царской России казачество выполняло определённые военные функции, считалось особым сословием, находилось на самообеспечении и пользова-

лось дарованными привилегиями. Идёт ли речь в этом случае, скажем, о милитаризации общества, связанного с потребностью иметь дополнительные военные резервы? Не мечтают ли нынешние казачьи лидеры о восстановлении прежних сословных привилегий? Едва ли сегодня в правительстве рассматривают казаков в качестве специализированной пограничной стражи. Если же речь идёт о полицейских функциях, то они, скорее всего, не являются характерными для исторического казачества. Появление же так называемых «ряженных» казаков в городах указывает на некий спектакль или формирование симулякров, способных лишь имитировать внешнюю форму и искажённое содержание. Данный аспект связан также с некой недооформленностью казачества как этноса, который бы предполагал необходимость сохранения этничности.

В Царской России, как уже было сказано, казаки воспринимались в качестве военного сословия. Наряду с уже существовавшими длительное время сообществами в казаки определяли по мере необходимости и усмотрению властей. Так поступили, в частности, с поляками из наполеоновской армии, которые отказались перейти в русском плену в православие. Они были зачислены в сибирские казаки вскоре после окончания кампаний 1812–1814 годов. Так же поступили и с французскими военнопленными, принявшими русское подданство и зачисленными в Оренбургское казачье войско [7]. Следует также вспомнить и о представителях других этнических групп, ставших казаками. Так, в Забайкальском казачьем войске были полки, созданные из бурят и эвенков.

На сегодняшний день, думается, можно говорить о формировании неких «массовых кристаллов», которые, согласно идее Э. Канетти, выполняют функцию возбуждения масс: «*Единство* в них важнее, чем величина. Они должны быть привычны, должно быть хорошо известно, зачем они существуют. Сомнение в их функции отняло бы у них самый смысл существования; самое лучшее для них – оставаться неизменными. Им нельзя выступать в другой функции. Наличие униформы или определённого места для проведения мероприятий как нельзя лучше соответствует их природе» [8, с. 84]. В определённой степени мы получаем объяснение поведения тех, кто стремится к сохранению униформы, ношению наград и погон как способа поддержания идентичности вне военных или полицейских структур. Немаловажным аспектом здесь выступает и поддержание неизменности и желание жить в пределах или границах

собственной группы. Исследователь отмечает и поразительное историческое постоянство массовых кристаллов, которые могут на время уступить новым формам социальной организации, но не исчезают совсем. В итоге: «Окостеневшие “пенсионные” группы такого рода могут быть извлечены из спячки и реактивированы» [8, с. 86].

Даже если принимать во внимание требование признания казаков народом, их выделение из массы русского этноса может рассматриваться не как возрождение, а как некое «новое» и опасное явление. Поэтому нельзя считать возрождение некой универсальной формой по восстановлению прежней идентичности для неоформившегося этноса. Заметим, что речь идет о современном состоянии данной группы и её общностей. Возможно, что иная ситуация сегодня складывается в Южном федеральном округе, где проживают 95,5 % тех, кто именуется казаками [7]. Но, как замечал Ю. В. Бромлей, перед нами социальная общность, обладающая специфическими чертами культуры [1, с. 48].

Здесь речь, возможно, должна была бы идти о конвиксии, которая по Л. Н. Гумилёву, характеризует группы людей с одинаковым бытовым укладом и противопоставляющих себя иной части этноса. Что, разумеется, не исключает процессов по формированию субэтноса, который будет нарастать при сохранении благоприятствующих условий. И в этом случае действующие сегодня «кристаллические группы» вполне могут быть успешными, добиваясь необходимых им политических решений на уровне государства.

Успех «кристаллических групп» до определённой степени обеспечивают и запущенные сегодня процессы по формированию общей гражданской идентичности. Задачи роста патриотизма и героизации исторического наследия вписываются и в некий образ казака – беззаветного защитника Отечества. Эта идеализация имеет все признаки направленного мифотворчества, которое на фоне слабости общей гражданской идентичности может иметь и иные последствия, особенно если учитывать не избранные места из истории, а факты и соответствующую им статистику.

Относится сказанное, скажем, и к проблеме «самостийности», которая присуща казачеству и при определённых условиях проявляется в политических заявлениях его лидеров. Речь здесь идёт об идее создания движения «Казачи» и «Вольно-казачьем движении». По заявлению одного из сторонников этого движения, «казачья нужна казакам, потому что никто, кроме нас, не будет так заботиться о высокой рождаемости коренного

народа казачьей земли и об экологии нашего региона. Казачья нужна казакам, чтобы при рождении каждого ребёнка казачьей национальности от казачьего государства открывался счёт на новорождённого, как это делается в Саудовской Аравии... Казачья нужна казакам для того, чтобы в казачьих школах, в национальных университетах росли и обучались национальные кадры... Казачья нужна для того, чтобы в кадетских корпусах воспитывались будущие курсанты военной машины казачьего государства... Казачья нужна, чтобы в её лабораториях совершались научно-технические прорывы...» [2].

Знающий не по наслышке В. П. Мелихов выделяет пять категорий сторонников «самостийности»:

«1-я категория – антирусская политика властей РФ по разложению народа. Отказавшись от исторической России, а значит, и от славного исторического казачества Российской Империи, сегодняшняя власть, заявив о правопреемстве от СССР, взяла на себя и его функцию по созданию соответствующего денационализованного российского гражданина – “россиянина” (по образцу советского человека). Формирование россиянина (как и советского социума) проводится в очередной раз за счёт русского народа. Другие национальности, населяющие Россию, получают права национальной самобытности и культуры (ни один чечен или ингуш не считает себя россиянином – гражданином России – да, но не россиянином). Стирание национальной самобытности направлено именно на русских, и казаки, стремящиеся сохранить свою самобытность, не желают быть стёрты и превращены в непонятных россиян. И чтобы избавиться от этого, “выводят” себя из русских, желая остаться русскими казаками.

2-я категория – огорчение и разочарование от всего предшествующего, с 1990 года, опыта возрождения казачества, где, казалось бы, все пути испытаны и не дали никакого результата. И вот он – последний путь, который наверняка должен привести к цели: это самостийное движение – то есть дистанцирование от сегодняшней разрушительной власти, олицетворяющей Россию и русских, и создание своей казачьей власти, способной навести порядок и уничтожить тот негатив, который сегодня покрывает всё общество.

3-я категория – это возвращение к мифотворческой идеологии самостийников времён 1920–1930-х годов в эмиграции, которые и сегодня привлекают к себе простотой объяснения причин трагедии, постигшей казачество в прошлом веке, но ничего не сделали для казачества в текущем десятилетии. Сла-

бость осознания в исторической, политической и духовной сфере развития и истории российского государства и казачества. Надежда на всё саморешающее и ни от чего независящее могущество самой идеи: казачество – народ, “Казакция” – государство, и как только это произойдёт, всё сразу изменится в лучшую сторону само по себе.

4-я категория – это политические, общественные или олигархическо-финансовые авантюристы, для которых независимость определённой территории или её частичная самостоятельность явится прикрытием для их нечистоплотных корыстных целей. В данном случае их интересуют сугубо личные интересы, всё остальное и все остальные – это прикрытия и шумящая, и волнующаяся толпа. Опыт тому есть – когда явные бандиты надевали казачью форму в лихие 1990-е и под прикрытием казачьих объединений просто обирали предпринимателей, создавая “казачьи крыши”.

Ну и 5-я категория – не исключаются усилия того же “серого кардинала”, для которого возрождение России недопустимо и необходим старый и испытанный способ – разделяй и властвуй» [10].

Исследователь Г. О. Мациевский считает наоборот, что в «самостийности» проявляется всего лишь «стремление к автономии казачьих регионов, что часто являлось попыткой создания условий для сохранения традиционных норм культуры, не востребованных модернизационными процессами в стране» [11]. Правда, при этом он отмечает и довольно опасную тенденцию, связанную с появлением в казачьем движении «на определенном этапе его становления “маргинально-криминальных” элементов, для которых казачество

было лишь орудием, способным повлиять на передел собственности» [Там же, с. 62].

Думается, что не следует недооценивать «самостийные» настроения, которые при неблагоприятных социально-экономических условиях способны увлечь за собою массы. Но в целом можно принять позицию С. М. Маркедонова: «Казачество не было раз и навсегда данным феноменом. Казаки не являются ни исключительно консерваторами-государственниками, ни разрушителями государства. По словам Боука, “казак был зачастую одновременно другом и врагом России, защитником украинского дела и лояльным подданным султана Османской Порты. Он – поскольку история казачьих сообществ часто исключает женщин – был и искренне православным и поликонфессиональным”. Казачество несводимо к общим формулам типа “субэтнос” или “сословие”. И в том и в другом случае нужны оговорки, какую группу казачества и какой период в его истории мы берёмся анализировать в доказательство своих идей» [9, с. 106].

Возможности «кристаллических групп» зависят от их направленности и способности возбуждать массы. Они, естественно, будут стремиться к увеличению своих сторонников с одной стороны и требовать преференций от власти – с другой. Тем самым, процесс конструирования «нового» казачества может пойти по любому из возможных сценариев. Формируемое «кристаллическими группами» этническое пространство потребует не только самоидентичности, но и установления внешних границ. Граница же, как известно, один из признаков государства. Впрочем, на данном этапе речь могла бы идти о создании не политического, а культурного и социального пространств.

Источники и литература

1. **Бромлей Ю. В.** Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – 390 с.
2. **Болотникова С.** Казакция вместо Отечества? Самоопределение казаков [Электронный ресурс] // On Kavkaz. – Режим доступа: <https://www.onkavkaz.com/articles/456-kazakija-vmesto-otechestva-samoopredelenii-kazakov.html> (дата обращения: 12.01.2018).
3. **Гордеев А. А.** История казачества. – М.: Вече, 2006. – 640 с.
4. **Громов В. П.** Казачество сегодня переживает разочарование [Электронный ресурс] // Казачество Москвы. – Режим доступа: http://www.казачествомосквы.рф/publ/kazachestvo_sovremennoj_rossii/kazachestvo_segodnja/2-1-0-14 (дата обращения: 07.01.2018).
5. **Гумилёв Л. Н.** Открытие Хазарии. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
6. **Ионин И. Г.** Социология культуры. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
7. **Казаки** [Электронный ресурс] // Материалы из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki/Казаки> (дата обращения: 10.01.2018).
8. **Канетти Э.** Масса и власть: пер. с нем. – М.: Ad Marginem, 1997. – 527 с.
9. **Маркедонов С. М.** Казачество: единство или многообразие? (Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 95–108.
10. **Мелихов В. П.** Казакская самостийность: история и современность [Электронный ресурс] // Русская Идея. – Режим доступа: <https://www.rusidea.org/35002> (дата обращения: 12.01.2018).

11. **Мацевский Г. О.** Традиции самостийности в политической жизни современного российского казачества // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 3. – С. 57–63.

12. **Савельев Е. П.** Древняя история казачества. – М.: Вече, 2010. – 480 с.

УДК 94
ББК Т3(0)5

Юлий Владимирович Ставропольский,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия
Сергей Иванович Замогильный,
Саратовский государственный технический
университет имени Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия

Новая идентичность казачества

В Российской империи казаки представляли собой социальную страту. Попытки образовать этническую идентичность, предпринимаемые во времена Гражданской войны, были обречены на поражение. При советской власти госаппарат бдительно надзирал за тем, чтобы ни одно проявление идентичности казачества не выходило из разрешённых рамок, и строго контролировал те немногие формы самовыражения казачества, которые оставались дозволены. История казачества была предана забвению, поэтому казакам пришлось моделировать собственную идентичность и реконструировать последовательный исторический нарратив.

Ключевые слова: казачество, идентичность, версия, империя, Россия, традиция

Yuliy V. Stavropolsky,
Saratov national research state University
named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia
Sergey I. Zamogilny,
Saratov state technical University
named after Yu. A. Gagarin,
Saratov, Russia

New identity of Cossacks

In the Russian Empire, Cossacks represented a social stratum. Attempts to create their ethnic identity, undertaken during the Civil war, were doomed to failure. During the Soviet era the state apparatus vigilantly supervised, so that no manifestation of the identity of the Cossacks would bulge of the allowed limits, and strictly controlled the few forms of expression of the Cossackhood, which remained permissible. History of the Cossacks was forgotten, so the Cossacks had to simulate their own identity and to reconstruct a consistent historical narrative.

Keywords: Cossacks, identity, version, Empire, Russia, tradition

В условиях идеологического вакуума постсоветского периода казачеству пришлось возрождать, а подчас и создавать заново политико-социальные институты. В советский период история казачества была предана забвению, поэтому казакам пришлось моделировать собственную идентичность и реконструировать последовательный исторический нарратив. В советское время на долю казаков выпало немало бед по причине их близости к свержнутому самодержавию. Казаки превра-

тились в мишень насилия, сперва в годину красного террора 1919 года, впоследствии на всём протяжении Гражданской войны [2]. Далее последовало расказачивание, в ходе которого казаков бросали в тюрьмы, ссылали и убивали. Разрушив общественно-политические устои казачества, государство взялось за культурное насилие, принуждая казаков ассимилировать советскую идентичность. В официальной версии истории казаков не изображали никем иным, кроме Белой гвар-

дии Царского самодержавия, что совершенно расходится с реальностью. Госаппарат бдительно надзирал за тем, чтобы ни одно проявление идентичности казачества не выпирало из разрешённых рамок, и строго контролировало те немногие формы самовыражения казачества, которые оставались дозволены, будь то казачьи народные хоры, либо возможность сражаться в Великой Отечественной войне в составе казачьих военных формирований.

В некотором отношении казаки аналогичны другим группам, репрессированным при советской власти – например, крымским татарами и чеченцам – посчитав, что их социумы уничтожены, народ разбежался без оглядки, а национальная идентичность раздавлена советским идеологическим диктатом. Однако в отличие от этнических групп после распада Советского Союза казаки не имели возможности опираться на этнический компонент, ибо они представляли собой в Российской империи социальную страту, а попытки образовать этническую идентичность, предпринимаемые во времена Гражданской войны, были обречены на поражение вследствие дефицита исторического времени [1]. Чеченцев и крымских татар в единые сообщества сплачивает этническая идентичность, настолько прочная, если говорить о чеченцах, что за неё были готовы воевать против русских. У казаков нет единой этнической идентичности, а есть единая история. На основе истории казачества эпохи Империи казаки принялись формировать новую идентичность казачества после распада Советского Союза. У них появилась потребность считать себя чем-то большим, нежели бывшим сословием Российской империи. Чтобы утолить эту потребность, казаки приняли на вооружение современный теоретический багаж, прежде всего теорию этносов Л. Н. Гумилёва, отвергнутую советским академическим мнением.

Новая идентичность казачества формировалась на основе трудов по истории и этнографии, написанных в конце XIX века. В XIX веке в России было многочисленное черноморское казачество, состоявшее большей частью из высланных с Украины запорожских казаков. С другой стороны, терское и донское казачества по рекам Терек и Дон обладали собственной самобытностью. С целью выработки интегрированного нарратива историки и этнографы из Санкт-Петербурга создали научные труды, предопределившие я-концепцию казачества на историческую перспективу. В попытках увязать воедино разнородные группы казачества была написана история о том, что первые казаки рассе-

лились по реке Кубань задолго до XVIII века. Постсоветское конструирование идентичности казачества исходит как раз из этой версии. В начале 1990-х годов были переизданы исторические сочинения Ф. А. Щербины (1849–1936), кубанского уроженца с казацкими корнями, получившего столичное образование. Имперский исторический нарратив открыл перед казаками широкие возможности для критики советской исторической версии, ибо в советской исторической версии казаки либо прямо игнорировались, либо неприкрыто осуждались. На смену советской исторической версии пришла богатая этнография эпохи Российской империи, вычурно украшенная романтическими образами царёвых слуг казаков. Предисловия к подобным публикациям нередко писались не только современными учёными, откуда ни возьмись возникавшими на постсоветском академическом ландшафте, но также маститыми в советское время специалистами, продолжавшими придерживаться советской научной методологии даже тогда, когда они выступали с опровержениями советской версии истории казачества.

Учёные сыграли несоразмерно большую роль в возрождении казачества. Руководили возрождением казачества отнюдь не представители станиц либо военных кругов, но профессора университетов. В 1988–1989 годах центром активности кубанского казачества стал Краснодарский госуниверситет. Активность кубанского казачества сосредоточивалась вокруг университетского кубанского казачьего клуба, в котором состояли и студенты, и преподаватели университета. В уставе клуба было записано, что цель клуба заключается в сохранении исторических и культурных памятников, в возрождении забытых традиций, а вовсе не в выражении политической воли казачества. Декларируя собственную аполитичность, казаки заявляли, что не представляют угрозы ни сложившемуся социальному порядку, ни населению. Считалось, что участие в политической жизни пятнает образ казачества, которое в идеале стоит на страже России, православного христианства и традиционных ценностей [3].

Далее в уставе клуба заявлялось, что цель казачьего клуба – в более полном осуществлении интересов и духовных потребностей народа, в патриотическом воспитании граждан, в содействии возрождению культуры и искусства казачества, в изучении и возвращении народу традиций, истории и этнографии казачества. Эта туманная цель интегрирует образование, культуру и духовность, при этом никакие политические цели открыто

не упоминаются. Однако, для реализации официально заявленных аполитичных целей казаки должны были получить существенное политическое влияние на региональном уровне. Возрождение культуры и традиций казачества неотделимо от духовно-патриотической миссии казачества в широком смысле слова, т. е. распространяющейся на всех граждан Российской Федерации. В то же время духовно-патриотическая миссия казачества не имеет никакого отношения к политике и не претендует на членство в политической партии либо в политическом движении. На-

учная деятельность по возрождению казачества состоит в исправлении ревизионизма советской историографии, не учитывавшей самобытности казачества на постимперском пространстве и осуждавшей реакционность и антисоветизм казачества. Возрождение казачества повлекло за собой конструирование более масштабного нарратива виктимизации репрессивного Советского государства. Всероссийский союз казаков принял заявление от имени казаков России, в котором насильственная политика расказачивания признана геноцидом.

Источники и литература

1. Гальперович О. И корабль плывет...: казаки в XXI веке – путь к свободе // Отечество. – 2009. – № 7. – С. 68–73.
2. Глущенко В. В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. – М.: Вузовская книга, 2000. – 293 с.
3. Козлов А. И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XVIII – начале XX в. // Казачество: прошлое и настоящее. – Волгоград, 2000. – С. 95–125.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)-283.31
ББК Т3(2)-283.31

Вера Александровна Парамонова,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия
Екатерина Олеговна Беликова,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия

Отражение казачьей культуры в социокультурной палитре Волгограда

В статье рассматривается этимология слова «казак». Представлена первая документальная информация о «казачьих городках» в низовьях Волги. Показана неоднозначная позиция казачества в истории Юга России. Акцентировано внимание на казачестве как военном сословии в Российской империи. Представлено современное состояние казачества в Волгоградской области. Показаны основные знаковые элементы казачества в социокультурном пространстве Волгограда.

Ключевые слова: козак, казак, город, регион, военное сословие, знак

Vera A. Paramonova,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia
Ekaterina O. Belikova,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

Reflection of Cossack culture in socio-cultural palette of Volgograd

In the present article, the etymology of the word “Cossack”. Presents the first documentary information about the “Cossack towns” in the lower reaches of the Volga. Shows the ambiguous position of the Cossacks in the history of the South of Russia. Focuses on the Cossacks as a military class in the Russian Empire. The current status of the Cossacks in the Volgograd region. Shows the major iconic elements of the Cossacks in the socio-cultural environment of Volgograd.

Keywords: Kozak, Kazak, city, region, military class, sign

Возврат к «историческому прошлому», произошедший в РФ в 90-е годы XX века, запустил процесс символизации/ресимволизации социального пространства огромной территории, очередной раз изменив социально-политическую «карту» страны. Социально-политический ландшафт России как «потерял» ряд населённых пунктов (Куйбышев, Ленинград, Свердловск и т. д.), так и «приобрёл» (Екатеринбург, Нижний Новгород, Санкт-Петербург и т. д.). В процессе «возврата» произошло не только «перекраивание» географической карты страны, но и «возрождение» некоторых, не актуальных для советской системы слоёв этнических, социальных и исторических общностей: например, дворянства, казачества и т. п. В результате в отдельных регионах России стали функционировать казачьи сообщества, возрождаться традиции воинского сословия, ушедшие, как казалось ранее, «в небытие». Одним из таких регионов является Южный Федеральный округ, в частности – Волгоградская область.

В Волгоградском регионе и в XX веке полностью не отказывались от своего исторического прошлого, связанного с казаками: на карте области сельские поселения и при советской власти продолжали «именоваться» станицами, хуторами; сохранялись «правила» ударения (Нехаевский, Быковский¹ районы и т. п.), хотя и здесь не обошлось без потерь. Во второй половине XX века государство продолжало борьбу с казачеством: так, с 1949 по 1970 год в Сталинградской/Волгоградской области 33 хутора стали «именоваться» сёлами; с карты региона исчезали исконные казачьи названия поселений (Бага-Буруль, Воронье Рыло, Невенчаный и др.), взамен появились идеологически «правильные» топонимы (Бригадное, Маёвка, Новая Жизнь, Октябрьское и т. п.).

«Вымарывался» огромный пласт исторического прошлого не только области, но и всего юга России: первые упоминания о казаках, по мнению М. Фасмара [10, с. 158], в русских средневековых источниках появляются уже в конце XIV века. В одной из русских грамот этого периода (1395 г.) употребляется словоформа «козакъ» в значении «работник, батрак». При этом в лексических системах тюркоязычных народов зафиксирована словоформа «kazak», которой обозначался «человѣкъ вольный, независимый, искатель приключений, бродяга», а также «смѣлый... человекъ, ловкій наѣздникъ» [6, с. 364]. Уже к середине XVI века в письменных источниках используется именно тюркоязычная форма написания слова: «Два были казачьи

городки на Волге...» [8, с. 20]; «На Дону все городки казачьи, в тех городках живут казаки с жёнами и детьми» [11, с. 52] и т. п. К этому времени в русской лексической системе закрепляются и «смысловые» значения тюркской словоформы: так, авторы середины XVI–XVII веков сообщают о непотребностях, творимых казаками (тем самым подтверждая значения данной словоформы «искатель приключений, бродяга»). Так, П. А. Золотарев отмечает, что «Стенька Разин с донскими казаками... пограбил все насады, лодьи, пауски и другие суда...» [Там же, с. 54], а в Патриаршей летописи указывается причина отправки «атамана Ляпуна Филимонова с товарищи» [8, с. 18] в Нижневолжский регион – «Волгу беречь, чтоб казаки не воровали и к нагайским улусам не приходили» [Там же,] и т. п.

Источники сообщают и о присущей казакам вольности и независимости по отношению к государевой власти: А. Бутлер отмечает, что казаки имеют «в их краях такую свободу (как в Голландии, Кейленбург и Вианен), что там терпят и не стесняют плутов и воров, бежавших из России» [11, с. 59]. Вольность и независимость проявлялась и в диверсионных вылазках казаков на «южных соседей» (крымцев [8, с. 17]), досаждавших своими набегами приграничным территориям Московского государства: так, на просьбу правителя Османской империи Сулейман I «урезонить» казаков русский царь смог ответить следующим образом: «Казаки на Дону живут не по моей воле, бывают в войне и мире без моего ведома» [2].

На протяжении веков (XVI–XVIII вв.) «служивые казаки» выполняли функцию по обеспечению контроля над приграничными территориями: «для бережения от прихода воинских людей»; «Мещерским станицам ездити по вестем, как почаяти Крымских и Ногайских больших воинских людей приходу на государевы Украины, ...где ходят Ногайские люди в Крым и из Крыму в Ногай и перелазят Дон на Крымскую сторону и из Крыма на Ногайскую» [8, с. 21] и т. п. К XIX веку казачество сформировалась как воинское сословие, «пользующееся особыми правами и преимуществами на условиях обязательной воинской повинности» [11, с. 289]. При этом «в тени» оказалась древнерусская словоформа «козакъ» со значением «работник, батрак», а ведь значительная часть казачьих зимовий и городков так и не «выросли» в классические городские образования, став аграрными поселениями (станицами и хуторами), в которых основная деятельность – сельскохозяйственная. Именно «сельскими» предстают

¹ Курсивом выделены ударные гласные.

казаки в произведениях М. А. Шолохова [12–14]. В результате сформировался стереотип о казаках-станичниках, при этом на второй план «уходит» казак-горожанин.

В поселении Царицын, сформированном первоначально как «летний караул» [11, с. 56], впоследствии ставшем острогом, первоначально государеву службу несли стрельцы, присланные из Казани. «Заказной» городок разрастался, и уже в конце XVI века казаки были повёрстаны в стрелецкую городскую службу [3]. В 1703 году в городе числилось уже 200 казаков [1]. В шведской компании Петра I (1703 г.) вернулась только одна сотня, из двух, призванных в поход [Там же]. С 1721 года был определён штатный состав городской казачьей команды – 100 чел. во главе с сотником. В первой трети XVIII века за стенами крепостицы были образованы форштадты Зацарицынский и Преображенский: казаки обустроились в первом (теперь это Ворошиловский и частично Советский районы Волгограда). Казаки, как отмечают Н. П. Горбунов и А. И. Полежаев [1], проживали первоначально в форпосте, но постепенно перебрались в центр Царицына. В августе 1801 года Царицынская городовая казачья команда была преобразована в станицу Царицынскую (с собственными органами казачьего самоуправления), вошедшую в Астраханский казачий полк. Введённые во второй половине XIX века (1873 г.) земское и городское самоуправление стали функционировать совместно с системой управления, принятой в станице Царицынской [3]. На начало XX века в г. Царицыне насчитывалось 64 казачьих подворья, в которых проживало 345 чел. обоёго пола [1]. Казаки проживали вперемешку с другими горожанами, не имея «своих» улиц или частей в городе. В основном казаки-горожане, помимо военной повинности, занимались торговлей, ремёслами, отходными промыслами, хотя некоторые продолжали возделывать землю. Ситуация изменилась в 1919 году, когда вслед за упразднением военно-казачьего отдела Царицынского исполкома была ликвидирована и станица Царицынская, а казаки и их семьи были репрессированы [3].

Новые реалии на рубеже XX–XXI веков в России обусловили возрождение казачества [5]. Одно из условий этого процесса – «восстановление в качестве административно-территориальной единицы казачьих областей в их исторических рамках до 1917 года» [7, с. 26–32]. Перспективой развития казачьего движения и в Волгоградской области является реализация совместного с ростовскими казаками проекта создания автономного или

как-то иначе обособленного в рамках России национально-государственного образования [9, с. 119]. На данный момент в идеологии казачества возобладала идея «казачьей нации», не являющейся субэтносом нации русской. В Суровикинском, Котельниковском районах казаки потребовали на районных сессиях введения традиционных форм казачьего самоуправления, раздела земли согласно указу. В хуторах и станицах Урюпинского района был проведён опрос населения об отношении к атаманскому правлению. Совет атаманов высказал свои предложения Областному совету и администрации совместно с общественными объединениями казаков разработать предложения по комплексной государственной программе возрождения казачества и внести их в Верховный Совет, Правительство Российской Федерации.

В Волгоградской области действуют более десятка зарегистрированных казачьих организаций и объединений, в которых состоят, по некоторым оценкам, до 30 тыс. чел. [4]. Собственно казачьими считаются 15 из 33 сельских районов области, ещё 5–6 – частично казачьими. Здесь проживают до 100 тыс. казаков (однако, это приблизительные данные). Взаимодействие между округами осуществляется через Совет атаманов. Долгое время в облсовете группа казаков была самой многочисленной (52 из 244 депутатов).

При этом административный центр не производит впечатление центра казачьего края, хотя в Волгограде представлены ряд казачьих организаций: Станичные казачьи общества: «Георгиевская» (атаман В. Д. Поляков), «Станица Пластунская» (атаман А. М. Афромеев); Станичные казачьи общества «Станица Крещенская» (атаман М. Н. Колесов), «Зацарицынская станица» (станичный атаман П. Ф. Ерошенко), «Станица Никольская» (станичный атаман О. А. Пимонов), «Благовещенская станица» (атаман С. М. Цодиков), «Станица Воскресенская» (станичный атаман Н. П. Здоровцов), «Станица Августовская» (станичный атаман А. В. Зигалин), «Имени Полного Георгиевского кавалера Героя Советского Союза К. И. Недорубова» (станичный атаман Э. Ф. Давыдовский), «Станица Волго-Донская» (станичный атаман Д. В. Кочеваткин); хуторские казачьи общества: «Хутор Никитинский» (хуторской атаман Д. Н. Воротнев), «Мамаев курган» (хуторской атаман Р. В. Куров) окружного казачьего общества «Волгоградский казачий округ» войскового казачьего общества «Все-великое Войско Донское»; Окружное казачье общество «Волгоградский казачий округ» во-

йского казачьего общества «Всевеликое войско Донское» (окружной атаман А. А. Кривенцев) [4].

В Волгограде наблюдаются тенденции к возрождению городской казачьей символики – вновь возведён храм Иоанна Предтечи, поставленный волжскими казаками 2 июля 1589 года и являющийся для казачества Волго-Донского края главным. Первоначально здание было деревянным. По преданию в Предтеченском храме был крещён казак Степан Разин. Неподалеку от храма Иоанна Предтечи установлен монумент (автор – волгоградский скульптор В. Серяков): сидящий на коне казак и провожающая его казачка с иконой в руках. В Волгограде действует единственный в России музыкально-драматический казачий театр, отметивший в 2017 году своё 25-летие. Он стремится поддерживать связь поколений, сохранять, развивать и приумножать духовные и культурные ценности казачества, основанные на православной культуре. У здания Мемориально-исторического музея в мае 2015 году открыли памятник

полному Георгиевскому кавалеру, Герою Советского Союза казаку станицы Березовской Усть-Медведицкого казачьего округа Всевеликого войска Донского Константину Иосифовичу Недорубову. Ранее возле учреждения культуры стоял его бюст, но в 2014 году его демонтировали и установили на родине легендарного казака в станице Березовской Даниловского района Волгоградской области.

Однако, если говорить о Волгограде как об административном центре казачьего региона, то этого несомненно недостаточно. Волгоградская область более разнообразна и богата памятниками и казачьего быта, и культуры. Такая ситуация обусловлена, на наш взгляд, тем, что Волгоград скорее преемник Сталинграда, чем Царицына. Историческая память о Сталинградской битве в многонациональном и поликонфессиональном регионе намного сильнее царицынского прошлого. Кроме того, казачество подверглось гонениям со стороны властей в период СССР, что не могло не отразиться на социокультурной палитре и города, и региона.

Источники и литература

1. **Горбунов Н. П., Полежаев А. И.** История страниц Астраханского казачьего войска [Электронный ресурс] // Вестник Астраханского казачьего войска. – Режим доступа: http://www.agkg.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=6769&site_id=46 (дата обращения: 25.12.2017).
2. **История** [Электронный ресурс] // Казачество Волгоградской области. – Режим доступа: <http://www.kazak34.ru/istoriya2.html> (дата обращения: 22.12.2017).
3. **Краткая историческая справка о станице Царицынской** [Электронный ресурс] // Движение восстановленных страниц. – Режим доступа: <http://www.xn--80adf2bsg.xn> (дата обращения: 22.12.2017).
4. **Комитет по делам национальностей и казачества Волгоградской области** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kdnk.volgograd.ru> (дата обращения: 19.01.2018).
5. **Обращение Большого схода казаков Волгоградской области к Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину.** В Совет Федерации Федерального Собрания России. В Государственную Думу Федерального собрания России // Казачий Кругъ. – 1994. – № 14. – 31 марта. – С. 1.
6. **Радлов В.** Опыт словаря тюркских наречий. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наукъ, 1899. – Т. 2, ч. 1. – 1052 с.
7. **Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю.** Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). – М.: Акад. Проект, 2006. – 464 с.
8. **Самойлов Г. П., Супрун В. И.** Царицынские картинки: воеводы и коменданты. – Волгоград: Издатель, 2002. – 256 с.
9. **Сергеев В. Н.** Донская Республика (1917–1918). – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2015. – 414 с.
10. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
11. **Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах современников** (конец XVI в. – 1917 г.) / под общ. ред. М. М. Загоруйко. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. – Т. 4. – 394 с.
12. **Шолохов М.** Поднятая целина [Электронный ресурс] // 100BESTBOOKS. – Режим доступа: http://www.100bestbooks.ru/files/Sholohov_Podnyataya_tselina.pdf (дата обращения: 25.12.2017).
13. **Шолохов М. А.** Донские рассказы [Электронный ресурс] // Librebook. – Режим доступа: http://www.librebook.me/donskie_rasskazy (дата обращения: 25.12.2017).
14. **Шолохов М. А.** Тихий Дон [Электронный ресурс] // Librebook. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt> (дата обращения: 25.12.2017).

УДК 398(571.55)
ББК 85.92(2РОС-4ЧИТ)

Владимир Леонидович Кляус,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
г. Москва, Россия

Песни забайкальских казаков в Австралии: память о большой и малой Родине¹

Статья посвящена песенному фольклору забайкальских казаков, сохранившемуся среди потомков забайкальцев, которые в 1920-е годы ушли в Маньчжурию, а в 1960-е годы уехали из Китая в Австралию. Автором предпринята попытка воссоздания истории песни «По диким пустыням Китая». Статья основана на результатах полевых исследований автора, которые были проведены в 2009, 2015 и 2016 годах среди потомков забайкальских казаков, проживавших в данное время в Австралии.

Ключевые слова: фольклор, забайкальское казачество, Трёхречье, Синьцзян, Китай, Австралия

Vladimir L. Klyaus,
A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Songs of Zabaikal Cossacks in Australia: the memory of a Great and Small Homeland

The article is devoted to the song folklore of the Zabaykal Cossacks, preserved among the descendants of the Zabaikalian people, who in the 1920s went to Manchuria, and in the 1960s moved from China to Australia. The author attempts to recreate the history of the song “Through the Wild Deserts of China Through the Wild Deserts of China”. The article is based on the results of the author’s field studies, which were conducted in 2009, 2015 and 2016 among the descendants of the Zabaykalsky Cossacks, who lived in Australia.

Keyword: folklore, Zabaykal Cossacks, Three Rivers region, Xinjiang, China, Australia

Жизнь забайкальских казаков на китайской приаргунской территории, в первую очередь в Трёхречье, довольно полно отражена в научной литературе [1; 6]. Их эмиграция отсюда в Австралию произошла в начале 1960-х годов. Уехали те, кто в новом Китае и в Советском Союзе для себя не видели места, имели личные счёты с большевиками, опасались гонений за веру, не принимали колхозную и совхозную организацию труда.

Мои полевые исследования 2009, 2015 и 2016 годов показали, что среди потомков забайкальцев в Австралии не фиксируется того многообразия жанров, которое можно встретить у русских Восточного Забайкалья и у китайских русских Трёхречья, а именно сказок, мифологических рассказов, легендарной прозы, заговорно-заклинательной поэзии [2; 3]. При переезде в далёкую от России Австралию эти жанры потеряли свою акту-

альность. На другом континенте, в больших городах, порой без копейки в кармане приехавшим из Китая забайкальским казакам, их детям, привыкшим работать на земле, пришлось заново, с нуля начинать свою жизнь. Многолетняя работа на стройках и фабриках с утра до ночи, почти без выходных и отпусков позволила им не только выжить, но и обеспечить благополучие своим родным и близким, а затем и помогать родственникам, волею судеб оказавшимся в России.

В австралийских условиях фольклорный багаж забайкальских предков оказался во многом невостребованным за двумя исключениями – казачья песня и народная хореография. Значимость этого факта трудно переоценить, так как в самом Забайкалье сегодня они фактически уже забыты. Первый раз оказавшись на Аргуни в 1992 году, автор записал единичные образцы казачьей песни.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-512-93001.

Сейчас же в бывших станицах Забайкальского казачьего войска только вспоминают о том, что их когда-то пели. Не до этих песен было в советские годы в Забайкалье, когда из людей калёным железом вытраивалась память об их казачьих корнях. Также лишь припоминают здесь и о бытовавших когда-то танцах. Народный танец на танцплощадках и дискотеках в сельских клубах давно, ещё во времена СССР, сменился моднейшим, пришедшим с массовой культурой «дрыганьем».

Жизнь в Китае, фактически законсервировавшая до 1960-х годов казачий уклад в станицах Драгоценка и Наджи-Булак, традиционный образ жизни на станциях КВЖД, позволила поколению 1930–1940-х годов рождения естественным образом перенять от старших песенную и танцевальную культуру, обрядовые традиции.

Для оказавшейся в Австралии в 1960-е годы русской молодёжи из глубинки Северной Маньчжурии самым любимым совместным досугом были танцы и пляски под гармошку. Собираясь в арендованных для этой цели клубах, как и когда-то в Китае, парни лихо отплясывали «Русского», «Подгорную», «Сербиянку» (= «Цыганочку»), танцевали вместе с девушками «Коробочку», «Лысого», «Ребятё», «Бубриху»... Именно поэтому они не забыты и по сей день. В Джелонге урок забайкальских танцев мне преподали Надежда Ивановна Мурзина и Фаина Ивановна Чумакова, на гармошке аккомпанировал Михаил Дмитриевич Чумаков (см. рис. 1).

Рис. 1. Танцуют, слева направо:

Ф. И. Чумакова, Н. И. Мурзина; с гармошкой
М. Д. Чумаков. Джелонг, 2016

Песни и танцы – это то, что в живой форме усваивается в определённой мере и русской австралийской молодёжью. Традиционные танцы, как я видел, исполняются только людьми старшего возраста. Но молодёжь учит русскую хореографию в танцевальных ансамблях. Эти жанры фольклора и народного искусства, ещё бытующие и культивиру-

емые сообществом австралийских русских, имеющих свои корни в Трёхречье и в Забайкалье, замедляют процесс размывания их русской идентичности.

Народная песня для русских австралийцев, звучавшая прежде всего в семейных застольях, оказалась важным фактором их единения на чужбине, благодаря этому они помнят о своих корнях. Глубоко эмоциональная, раскрывающая самые сложные чувства любви к Родине предков и гордости за её воинскую славу, казачья песня является вершиной творческого мастерства забайкальцев. Их потомки в Австралии сохранили песню в традиционном исполнении, в котором мужское многоголосие занимает центральное место.

Особенно известна своим пением семья Родионовых. Впервые братьев Романа Ефимовича (1936 г. р.), Кузьму Ильича (1943 г. р.) и Николая Фёдоровича (1945 г. р.) я услышал осенью 2015 года. Мы встретились в небольшом китайском ресторанчике, где они не раз до этого уже собирались, так как владельцы, выходцы из Синьцзяна, не против их пения. Действительно, ни хозяева, ни гости не стали возражать или высказывать недовольство, когда в небольшом, но уютном зале зазвучали казачьи песни, более того, они с огромным интересом слушали не понимая слов, но чувствуя их силу. В тот же приезд я был приглашён на день рождения Кузьмы Ильича, которое он отмечал в одном из русских клубов Сиднея, и уже почти в семейной обстановке снова слушал их исполнение.

В ноябре 2016 года мне не только вновь удалось повстречаться с Романом Ефимовичем, Кузьмой Ильичом и Николаем Фёдоровичем, но и услышать в исполнении почти всего¹ «Родионовского хора» на юбилее Романа Ефимовича все шедевры их репертуара – «По диким пустыням Китая», «Ты прощай, наш Забайкал», «Вот скрылось солнце за горою». В тот приезд были записаны забайкальские казачьи песни и от других австралийских русских – Алексея Михайловича Матафонова, Софьи Михайловны Тонких. Всё это показывает, что в Австралии песни забайкальских казаков сегодня – всё ещё широко распространённое явление. А благодаря тому, что уже несколько лет в Австралии существует «австралийское посольство» Забайкальского казачьего войска, эта песенная традиция получила новый импульс для своего бытования.

¹ «Почти всего» – потому что другая часть рода живёт в России и в Казахстане. В 2016 году в пос. Песчаное Павлодарской области я повстречался с ещё одним братом – Кузьмой Исаевичем (1943 г. р.), также замечательным песельником. По его словам, когда он приезжает к родным в Омск, откуда имеет возможность по интернету пообщаться с сиднейскими братьями и сёстрами, они «поют по скайпу».

Здесь я хотел бы обратиться к истории только одной песни – «По диким пустыням Китая». Приведу её текст, записанный в 2015 году от Кузьмы Ильича (он запевал), Романа Ефимовича, Николая Фёдоровича Родионовых и Семёна Михайловича Бойкова (см. рис. 2).

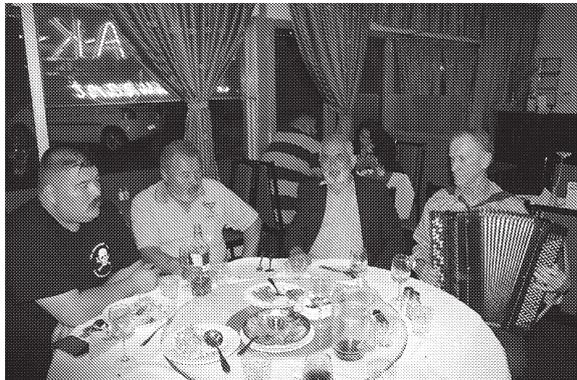

Рис. 2. Сидят, слева направо:
С. М. Бойков, К. И. Родионов, Р. Е. Родионов,
Н. Ф. Родионов. Сидней, 2015

По диким пустыням Китая
С тоской в наболевшей груди,
По милым семьям изнывая,
Взводами идут казаки¹.

День жаркий, воды не росинки,
Песок да булыжник кругом.
Казаки роняют слезинки,
Смущая друг друга тайком.

А там на коне чуть мелькает
Полковник седой впереди.
Он горе людей понимает,
С досадою треплет усы.

Он прожил на свете немало,
Пора бы ему отдыхать,
Но злая судьба предсказала
Остатки отряда принять.

Ему вспоминаются годы
И звуки лихих трубачей
Не раз он водил их в походы
Своих казаков-усачей.

И было то время недавно,
Картина иная была.
Служили все честно, исправно,
И слава про войско росла.

Но вот закатилось солнце,
И землю окутала тьма.
Повылезли гады из пекла,
«Свобода» в Россию пришла.

¹ Здесь и далее последние две строки куплета повторяются, поэтому не приводятся.

И вышел тут опыт печальный,
Купила их шайка жидов
И тут же с насмешкой злорадной
Рубить начала казаков.

Повыгнали всех из станицы,
С дубинкой пришлось воевать.
Пришлось нам стремиться к границе,
Пришлось нам в Китай отступить.

«Да что ж приуныли, ребята!
Дай Бог, мы вернёмся домой!
Затягивай песню лихую!» —
Сказал он, махнувши рукой².

[Фольклорная коллекция Института
мировой литературы им. А. М. Горького
РАН, 2015]

Песня «По диким пустыням Китая» была очень популярна в Трёхречье и в других посёлках Маньчжурии, где жили забайкальские казаки. Об этом свидетельствуют записи уехавших из Китая в 1950-е годы в СССР. Как минимум два варианта песни были зафиксированы И. Г. Чумаковым в с. Соляное Черлакского р-на Омской области в середине 1990-х годов от исполнителей, родившихся в Трёхречье, в «посёлках Трёхреченского района» [7, с. 75–76]. В жанровом отношении собиратель отнёс песню к «историческим и военно-бытовым». В 2015 году ещё один вариант песни записан в г. Калачинск Омской области от Г. И. Раменского, родившегося на ст. Якеши КВЖД [Архив полевых исследований Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, 2015]. Они достаточно близки варианту Родионовых.

Перед нами произведение, которое можно отнести к кругу так называемых песен-хроник. Для австралийских исполнителей она является рассказом о том, как их предки, забайкальские казаки, после поражения в войне с большевиками ушли в начале 1920-х годов в Китай. Само начало текста напоминает широко известную «По диким степям Забайкалья». При желании можно найти и прообраз полковника. Например, С. М. Бойков рассказывает, что из России в Маньчжурию последним казаков вывел полковник Гантимуров [Архив ИМЛИ, 2016]. Вывел именно отряд, боевую единицу, как об этом и повествуется в песне. Относительно её истории я услышал только одно суждение К. И. Родионова, который считает, что появилась она в Трёхречье в 1930-х годах.

² Последний куплет запевал С.М. Бойков, остальные только подтягивали. В варианте, который изначально был знаком Родионовым, его, судя по всему, не было [5].

Но действительно ли перед нами песня, которая была сочинена каким-то безызвестным и по-настоящему талантливым забайкальским казаком? В тексте есть несколько странностей. О каких «пустынях Китая» может идти речь? В местности, где находятся герои, «песок и булыжник кругом» и в жаркий день совершенно нет возможности добыть воды. Как-то это не очень похоже на Баргу, на Трёхречье, которое даже в засушливые годы было хорошо обеспечено водой. Да и казаки, перейдя границу, фактически вплавь преодолели полноводную Аргунь, не могли не запастись ею. Кроме того, из песни следует, что казаки идут пешком, идут взводами. Только командир на коне «мелькает» впереди. При желании можно, конечно, представить, что так забайкальские казаки уходили в Маньчжурию, но по имеющимся рассказам всё было несколько иначе.

Регионом массовой эмиграции казаков, участников белого движения, из России в Китай кроме Маньчжурии был Синьцзян. Природные условия этой территории Северо-Запада Китая – полупустыня и засушливые степи, именно те, которые описаны в начальных строках песни. И если в Маньчжурию забайкальские казаки как правило уходили по одиночке, семьями, нередко перегоняя свой скот на правый берег Аргуни, то в Синьцзян они действительно шли полками – аненковцы, дутовцы, бакичевцы и др., и иногда только с одним оружием и пешком. Переходя границу, по условиям, выдвинутым китайскими властями, казакам приходилось разоружаться. В этой связи совсем не поэтической метафорой выглядят слова песни – *С дубинкой пришлось воевать*.

Самое интересное, что песня «По диким пустыням Китая» фиксируется исследователями на территориях, близких к Синьцзяну. В частности, она была записана в конце 1970-х годов В. М. Щуровым в с. Урыль Катон-Карагайского р-на Восточно-Казахстанской области. Но в ней почему-то слезинки роняют «чекисты», а «товарищу» «седому командиру» злая судьба приказала «остатки бандитов предать» [8, с. 202–203]. Фамилии исполнителей – Кубышкин, Ерёмин, Сгибнев – для Забайкалья не характерные. Собиратель ничего не указал относительно биографии исполнителей, видимо, просто не спрашивал, но достоверно известно, что в этом селе жили русские, приехавшие из Китая, что в общем не удивительно, так как район находится на самой границе с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР.

В 2004 году в с. Сибирячиха Солонешенского р-на Алтайского края вместе с Л. П. Ма-

ховой, А. С. Обуховым и М. Левиттом я записал песню «Красивые горы Алтая». Приведу лишь её начало:

Красивые горы Алтая
С тоской, наболевшей в груди¹.

День жаркий, где нет ни росинки, –
Ковыль да булыжник кругом.

Кубанцы роняют слезинки,
Друг друга смущают тайком...

[Архив ИМЛИ, 2004]

Командир у этих «кубанцев» – тоже «товарищ седой», и ему «остатки бандитов» приказала «собрать» «советская власть», причём собирает он их «в Аргуте, в щелях» (Аргут – правый приток Катуни). Ни о каких «китайцах» в Сибирячихе мы не слышали. Более того, исполнители «Красивых гор Алтая» – потомки старообрядцев-«поляков», которые, как и семейские, были переселены на Алтай в середине XVIII столетия Екатериной II с Ветки. Но это так, к слову. Сибирячиха, конечно, подальше от границы с Китаем, чем Урыль, но тоже по сибирским меркам почти рядом – всего лишь 500 км по прямой.

В обоих этих текстах есть странности и смысловые противоречия. В сибирячихинском тексте советский отряд «кубанцев» идёт **собирать** бандитов, хотя ожидаемо было бы сказать – уничтожать. Как следует из последних строк, вроде бы они это и делают: *Остатки бандитов собрали, / Остались в Аргуте, в щелях*. Но кто остался (погиб)? То ли «бандиты», то ли «кубанцы» – не понятно. В урыльском тексте странностей не меньше: плачущие чекисты, казаки = чекисты, чекисты-казаки должны **предать** бандитов. Последнее – вообще – бессмыслица.

Скорее всего, перед нами – переделанные тексты под влиянием самоцензуры в условиях советской идеологии и переделанные именно из пришедшей из Китая песни, которую сложили казаки, оказавшиеся в 1920-е годы в Синьцзяне. Историки свидетельствуют, что из Синьцзяна некоторые из них потом разъезжались в другие уголки Китая, в том числе отправлялись и в Маньчжурию [4, с. 34, 91]. Они-то и могли туда принести с собой эту песню.

Комплексный анализ всех известных на данный момент вариантов «По диким пустыням Китая», в первую очередь, мелодической составляющей песни (в сборниках В. М. Щурова и И. Г. Чумакова она дана

¹ Здесь и далее две строки каждого куплета повторяются, поэтому не приводятся.

с нотировкой), еще предстоит сделать. Но понятно, что в Маньчжурию, в Трёхречье, она попала как на благодатную почву забайкальской песенной казачьей традиции. Текст из обычной песни-хроники поднялся до высоты исторического осмысления событий октября

1917 года, Гражданской войны, так как их понимали забайкальские казаки. А для тех молодых трёхреченцев, уехавших в 1960-е годы в Австралию, именно она напоминает о малой родине – Китае, потому была и остаётся знаковой и наиболее любимой.

Источники и литература

1. **Аргудяева Ю. В.** Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2016. – 477 с.
2. **Забияко А. П., Забияко А. А.** Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. – Новосибирск: Наука, 2017. – 437 с.
3. **Кляус В. Л.** Русское Трёхречье Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 382 с.
4. **Наземцева Е. Н.** Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930 гг.). – Барнаул: Алт. гос. пед. акад., 2010. – 259 с.
5. **По диким пустыням Китая.** Запись А. Полуполтинных [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=tcIT1_zbJ0U (дата обращения: 15.01.2018).
6. **Тарасов А. П.** Забайкалье и Китай. Опыт анализа международных связей. – Чита: ЗабГПУ, 2003. – 431 с.
7. **Чумаков И. Г.** Слава вам, братцы! Песни казаков Забайкалья, записанные в Омской области. – Омск, 2006.
8. **Щуров В. М.** Русские песни Алтайского Беловодья. – М.: Луч, 2009. – 233 с.

УДК 008:94(47+57)(571.55)
ББК Ч108.3:ТЗ(2)(ПРОС-4ЧИТ)-283.31

*Юлия Александровна Григорьева,
ГРК «Быстринское»,
г. Чита, Россия*

Механизмы постижения ценностей культуры на примере казачьих династий Юго-Западного Забайкалья

Статья посвящена генерации и сохранению культуры казачества Юго-Западного Забайкалья с использованием сравнительно-исторического метода, позволяющего рассмотреть личности казаков в единстве культурных и социальных связей поколений (на примере родословных росписей казачьих династий, основавших три крупных приграничных поселения – Усть-Урлук, Жиндо, Менза, расположенные по линии ранее существовавшей Кударинской дистанции). Рассматривается культурно-генеалогический подход, основанный на механизме анализа базовых ценностей культуры казачества посредством формирования, развития и трансляции родовой традиции, включённой в историко-культурный контекст.

Ключевые слова: генеалогия, культурно-генеалогический подход, пограничные казаки, родословие, Юго-Западное Забайкалье, казачьи династии

*Yulia A. Grigoryeva,
GRK “Bystrinskoye”,
Chita, Russia*

Mechanisms of cultural values comprehension by the example of Cossack dynasties of Southwestern Zabaykalye

The paper is concerned with generation and preservation of the Cossack culture in southwestern part of Zabaykalsky region using the comparative and historical method which allows to examine personalities of the Cossacks in the unity of cultural and social generational bridges (by the example of family descriptions of the Cossack dynasties that founded three large frontier settlements: Ust-Uruluk, Zhindo and Menza located along the line of previously existed Kudarinsky division). The

paper deals with the cultural and genealogical approach based on the Cossack fundamental cultural values analysis through the formation, development and translation of lineage tradition included in the historical and cultural context.

Keywords: *genealogy, cultural and genealogical approach, frontier Cossacks, lineage, southwestern Zabaikalye, Cossack dynasties*

Потенциал результатов генеалогических исследований в их взаимосвязи с культурологией до настоящего времени остаётся недостаточно изученным. В конце XX – начале XXI века генеалогия, с точки зрения её социальной обусловленности, вышла за рамки вспомогательной исторической науки.

Актуальность работы основана на методологическом подходе, предполагающем исследование базовых ценностей региональной культуры казачества Забайкалья сквозь призму генерации и трансляции родовой памяти, включённой в историко-культурный контекст. В качестве исследовательской методологической стратегии применён культурно-генеалогический подход к анализу историко-культурного процесса. Впервые сделана попытка проанализировать формирование культурных ценностей казачества Юго-Западного Забайкалья на примере генеалогических росписей социальных групп старожилов трёх населённых пунктов, составленных на основе архивных документов за период более 150 лет.

Забайкальская область – полиэтничное административно-территориальное образование Российской империи, которое развивалось в условиях трансграничья [9, с. 87].

Буринский и Кяхтинский трактаты 1727 и 1728 годов впервые чётко обозначили линию границы государства; были выставлены стационарные посты пограничной стражи под управлением Селенгинской пограничной канцелярии (с 1797 г. – Троицко-Савской пограничной канцелярии, в ведении которой находился участок государственной границы от Кяхты до Мензы, получившей название Кударинской дистанции). В 1728 году по линии дистанции основаны Мензенский и Жиндинский караулы. В 1768 году основан Усть-Урлукский караул [7].

Из документов ГАЗК известны фамилии казаков, служивших на Кударинской дистанции, отразившиеся в метрических книгах церквей Троицко-Савского духовного правления: Ануфриев, Белобородов, Брянской, Бузин, Бурдуковский, Воробьев, Воронин, Дубинин, Жаркой, Забелин, Игумнов, Кожевников, Москвитин, Нагачеев, Назимов, Перевалов, Скуратов, Таракановский, Тутолмин, Фильшин, Хлебников, Хлуденев, Черных, Чупров, Шангин, Шайдуров, Шильников. Это неполный

перечень фамилий, поскольку метрические книги, соответствующие периоду последней трети XVIII века, сохранились фрагментарно. Проведённым сравнением фамилий казаков, обосновавшихся в караулах Жиндинском, Усть-Урлукском и Мензинском, установлено, что практически все казачьи династии указанных караулов ведут своё начало от пограничных казаков Кударинской дистанции. Так, в Жиндинском карауле сложились казачьи династии: Бузиных, Дубининых, Жарких, Калгиных, Митрошиных, Переваловых, Хлебниковых, Хлуденевых, Черных. В Усть-Урлукском карауле: династии Бузиных, Бурдуковских, Вункарт, Воробьевых, Ворониных, Дубининых, Калгиных, Нагачеевых, Назимовых, Скуратовых, Тутолминых, Шангиных, Шайдуровых, Шильниковых. В Мензинском карауле: династии Бузиных, Воробьевых, Забелиных, Игумновых, Калгиных, Кожевниковых, Логиновых, Митрошиных, Назимовых, Переваловых, Пётровых, Скуратовых, Таракановских, Тархановых, Фильшиных, Хлебниковых, Чупровых, Шильниковых [1–3].

Отправной точкой любой династии является семья в её традиционном смысле, а создание семьи и продолжение рода возможно только при наличии разнополых супругов. «Женский» вопрос в колонизации Забайкалья неоднократно становился предметом изучения историков и этнографов. Недостаток русских женщин был причиной заключения браков с туземками, что неизбежно влекло за собой смешение русского населения с инородческим. Правительство принимало меры к устранению недостатка, набирая преступниц и женщин лёгкого поведения [10, с. 41]. Начальный этап колонизации Юго-Западного Забайкалья осуществлялся людьми авантюрного склада характера, дерзкими, бесстрашными, готовыми к риску, к боевым действиям, к насилию. При этом каждый казак был носителем той этнокультуры, где сформировался как личность. Получая хлебное и денежное жалованье, они не испытывали особой потребности в обзаведении землёй, семьёй и хозяйством.

В течение XVIII века население Юго-Запада Забайкальской области постепенно росло. Вслед за служилыми казаками потянулись в Забайкалье легальные и нелегальные (беглые) крестьяне-переселенцы, осно-

вавшие деревни Жиндо, Голдановка, Читкан. Вдоль границы на участке Кударинской дистанции кочевали 18 родов селенгинских бурят, впоследствии ставших проживать оседло в улусах Жиндокон, Баин-Булык. С 1767 года в регион стали прибывать большие партии старообрядцев, обособленно поселившихся в Урлукской слободе, Хилкотое, Гутае, Доложинской и Грехневской деревнях.

Из анализа метрических книг православных церквей, окормлявших как крестьян, так и казаков с конца XVIII до начала XX века, можно проследить, как складывались казачьи династии в тот период, когда охрана границы перестала носить «вахтовый» характер. С 1773 года пограничные русские казаки начали строить дома и обзаводиться хозяйством на новых местах жительства. Во второй четверти XIX века большинство караулов представляли из себя небольшие поселения в 10–30 дворов [13]. Казаки, жившие вдоль границы, получили земельные наделы от 6 до 15 десятин на душу [10, с. 65].

Примерно с этого же времени записи о браках казаков появились в документах ближайших церквей – Урлукской Троицкой (с 1774 г.), Жиндинской Трёхсвятительской (с 1817 г.) и Мензинской Знаменской церквях (с 1864 г.). За период с 1774 по 1812 год записей о браках казаков указанных караулов найдено крайне мало, сохранившиеся же документы свидетельствуют о том, что на начальном этапе «оседлой» жизни казаки брали в жёны вдовых солдаток и дочерей крестьян-сибиряков из окрестных деревень – Тамира, Малой Кудары, Жиндо, о чём свидетельствуют фамилии невест – Протасова, Бакланова, Сметанина, Серебренникова, Тайшихина, Елизова, Тороева, Вильская и др. [1–3]. Казаки, крестьяне и члены их семей поддерживали тесные межличностные контакты через духовное родство – выступая восприимчивыми родителями при крещении младенцев и поезжанами при венчаниях. При этом казаки Усть-Урлукского и Жиндинского караулов, жившие в сравнительно густонаселённых местностях, оказались в более выигрышном положении, чем казаки Мензинского караула, проживавшие в безлюдной тайге на расстоянии 2-дневного конного перехода от с. Жиндо. Уже к середине XIX века браки казаков стали носить большей частью сословный характер. Если рассматривать караул Жиндо (самоназвание – Караул), то казаки Барабанщиковы состояли в брачном родстве с Тархановыми, Таракановскими, Жарких, Бурдуковскими. Дубинины породнились с Хлуденевыми, Митрошиными, Переваловыми, Тутолмиными. Калгины – с Переваловыми, Барабанщико-

выми, Митрошиными. В Усть-Урлукском карауле Бузины породнились с Хлебниковыми, Лоскутниковыми, Хлуденевыми. Бурдуковские – с Дубиниными, Шангиными, Жарких, Скуратовыми. Воробьевы состояли в родстве со Скуратовыми, Ворониными, Шангиными. Казачьи династии Мензинского караула, в силу особого изолированного положения этого поселения, представляли собой сложное и неоднократное переплетение вышеперечисленных казачьих родов старожилов, в том числе наблюдались браки дальних родственников, носящих одинаковые фамилии.

Стоит отметить, что количество внебрачных детей, рождённых у незамужних казачек всех трёх караулов (а с образованием ЗКВ – станиц и посёлков) в период с конца XVIII до начала XX века значительно больше, чем в семьях крестьян. Запись о крещении внебрачного ребёнка незамужней крестьянки содержала особую отметку – «незаконнорождённый», а при записи о рождении внебрачного ребёнка у незамужней казачки такой отметки не ставилось. Большее количество внебрачных детей в казачьих семьях, ведущих своё начало от «охочих» людей и ссыльнопоселенцев, возможно, основано на том, что морально-этические нормы казаков, касающиеся добрых отношений, несколько отличались от общепринятых в крестьянской среде, в особенности – принятых в среде старообрядцев. На это, в частности, может указывать практически полное отсутствие браков между казаками и старообрядцами вплоть до конца XIX века. Оказавшись в окружении совершенно различных культурных и этноконфессиональных сообществ, казачья культура явилась неким феноменом, культурным гибридом, в повседневном существовании которого отразились традиции, культуры многих различных народов.

Не идеализируя казачество в его бытовых и социальных традициях, нельзя не отметить безусловный героизм, бесстрашие и верность присяге, неоднократно проявлявшиеся не только в военных конфликтах, но и в чрезвычайных ситуациях природного характера. Героизму казаков посвящён труд забайкальского исследователя Ю. В. Апрелькова о Георгиевских кавалерах ЗКВ [6]. В ГАЗК автором данной статьи найдены сведения о том, что казак Мензинской станицы Иван Желтовский участвовал в обороне Севастополя и был награждён серебряной медалью [4], а отставной казак 1-го военного отдела Усть-Урлукской станицы Иван Митрошин и приказный Василий Митрошин, спасшие 8 чел., Высочайше пожалованы серебряными медалями с надписью «За спасение погибав-

ших», для ношения на груди на Владимирской ленте «за оказанные ими человеколюбивые подвиги, совершённые с опасностью для собственной жизни, при спасении тонувших в реках Забайкальской области: Чикой, Онон и др., при бывшем 27, 28 и 29-го июля 1897 г. в сей области наводнении [12].

Все сословные группы забайкальского русского населения и кочевые инородцы проживали в сходных природно-географических условиях, поэтому зарабатывали во многом однотипные способы и приёмы адаптации к условиям внешней среды. В этом смысле русские казаки Забайкалья мало чем отличались от русских крестьян региона. Собственно казачье содержание культуры детерминировалось их сословной принадлежностью [8, с. 183].

Таким образом, методологические возможности генеалогии в проведении историко-культурных исследований позволяют сделать вывод о том, что культурные традиции казаков Юго-Западного Забайкалья в большей степени сложились как родовая память

о собственных традициях с привнесением традиций православных крестьян-сибиряков и аборигенного населения Забайкальского края, а культурно-генеалогический подход способствует не только познанию личностью имён своих предков, но и самоидентификации, осознанию собственного места в истории семьи, рода, страны, в том числе – сохранению и передаче культурных ценностей в рамках родовой традиции последующим поколениям. Введение в научный оборот новых фактов и архивных документов может способствовать развитию культурного самосознания современных потомков пограничных казаков и их культурной идентичности.

Прикладное значение исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы при проведении различных историко-культурологических изысканий в качестве теоретического научного материала, в просветительской работе, в туристической, музейной практике, как материал для подготовки разного рода справочных изданий, в сфере образования и воспитания.

Источники и литература

1. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края)**. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 46. МК-УЦ-1774.
2. **ГАЗК**. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 50. МК-УЦ-1785.
3. **ГАЗК**. – Ф. 282. – Оп. 1. – Д. 61. МК-УЦ-1791.
4. **ГАЗК**. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 4213.
5. **РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив)**. – Ф. 405. – Оп. 6. – Д. 3089. – Л. 12-14 об., 45-47 об.
6. **Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.** / авт.-сост. Ю. В. Апрельков: в 2 т. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – Т. 1. – 392 с.; т. 2. – 392 с.
7. **Зуев А. С.** Русское казачество Забайкалья в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. [Электронный ресурс] // Предыстория. – Режим доступа: <http://www.predistoria.org> (дата обращения: 29.01.2018).
8. **Коваленко А. И.** Русские казаки в Забайкалье // Россия и АТР. – 2009. – № 2. – С. 182–184.
9. **Паликова Т. В.** Юго-западное Забайкалье XIX – начала XX в. в условиях трансграничья // Вестник БГУ. – 2015. – № 7. – С. 86–90.
10. **Свод материалов** высочайше утверждённой комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под председательством статс-секретаря Куломзина / сост. Н. И. Разумов. – СПб., 1899. – С. 41.
11. **Тарасова Е. А.** Генеалогия как сфера и метод исследования культурно-исторического процесса: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com> (дата обращения: 25.01.2018).
12. **Разведчик** [Электронный ресурс]. – 1899. – № 470. – 19 окт. – Режим доступа: <http://www.ria1914.info> (дата обращения: 30.01.2018).
13. **Харьков Н.** На страже Руси стояти // Эффект. – 2015. – № 2. – 7 янв.

*Роксана Сергеевна Савченко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Забайкальские казаки в исследованиях фольклористов Забайкалья

В статье затрагиваются проблемы, связанные с развитием устного народного творчества казаков Забайкалья. Рассматриваются этапы становления забайкальской фольклористики. Приводятся небольшие биографические справки забайкальских фольклористов, занимавшихся сборанием и изучением народного творчества казаков в разное время. Даются сравнительная характеристика научных взглядов этих исследователей. Приводятся примеры описания казачьих песен, танцев, обрядов. Особое внимание уделено свадебному фольклору казаков Забайкалья.

Ключевые слова: Забайкалье, фольклор, казачество, фольклористы, праздник, обряд, песни, свадьба

*Roxana S. Savchenko,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Zabaikal Cossacks in the investigations of folklorists of Transbaikalia

The article touches upon the problems connected with the development of the oral folk art of the Cossacks of Transbaikalia. The stages of formation of Transbaikalia folklore studies are considered. Small biographical references of Transbaikal folklorists, engaged in collecting and studying the folk art of the Cossacks at different times, are given. Comparative characteristics of scientific views of these researchers are given. Examples are given of the description of Cossack songs, dances, rituals. Particular attention is paid to the wedding folklore of the Cossacks of Transbaikalia.

Keywords: Transbaikalia, folklore, Cossacks, folklorists, a holiday, a rite, songs, a wedding

К середине 60-х годов XVIII века процесс присоединения Забайкалья к России приобретает государственный характер. В Восточную Сибирь направляются первые крестьяне-переселенцы, торговый люд и, конечно, представители служилого населения – казаки. Именно казачество сыграло большую роль в освоении огромной территории, простиравшейся за Байкалом. А освоение и закрепление приамурских земель повлекло официальное учреждение в середине XIX века Забайкальского казачьего войска.

Будучи переселенцами западных областей, казаки принесли на новые земли свой жизненный уклад, свою культуру и свой фольклор. Но в процессе освоения сибирских территорий происходило смешение различных народов и переплетение их культур, исторические реалии формировали, в том числе, новый фольклорный репертуар. Это был долгий и сложный процесс. Его итогом стало складывание самостоятельного комплекса фольклора забайкальских казаков.

Начало собиранию фольклорно-этнографических материалов забайкальских казаков

было положено Николаем Ивановичем Кашиним, служившим в станице Олочи лекарем 1-й пешей бригады Забайкальского казачьего войска. В середине XIX века в районе станицы Олочи им было записано несколько десятков свадебных песен и приговоров, дано первое подробное описание свадебных обрядов [1]. В своих заметках Н. И. Кашин обращал внимание читателя на наиболее яркие, выдающиеся особенности местных празднеств. Например, один из них, так называемый «бабий праздник», праздновался женщинами обыкновенно после Пасхи, в родительскую субботу: «С раннего утра забираются бабы на кладбище и поднимают вой по умершим родственникам, отцам, мужьям и т. д., описывая в своих причитаниях, какое горе их постигло после их смерти, как им теперь тяжела жизнь и т. д. Исполнив этот долг, бабы гурьбою возвращаются в село, расходятся потихоньку по домам, поминают за яствами и питьями покойников, упиваются, выходят из домов и целыми гурьбами ходят по селу, распевая песни и т. д. К вечеру они обыкновенно напиваются до положения низ и т. д.» [2].

Наиболее полно и обстоятельно в начале XX века описывал фольклор забайкальских казаков Карп Дмитриевич Логиновский. Им был проведён сбор материала среди казаков, проживающих по рекам Унда, Нерча, Шилка, Ингода, Онон и т. д., записаны игры, гадания и приметы, бытовавшие среди казачьей молодёжи. Особого внимания заслуживает описание популярных танцев. Исследователь выделял: голубец, парочку, ярослав, цыганочку, закаблан, журоньку, молодчик, дудку. Помимо названий, учёный подробно описывал ход танца. Например, танец журонька:

«Журоньку пляшут в 2 или в 4 пары. Визави располагается крестообразно. Каждая пара, взявшись за руки, идут на встречу своим визави; затем все пары разом начинают крутиться, вывёртывая руки над головами, после чего каждое визави, чередуясь, исполняют проходной шень; затем пары одна за другой идут кругом и вальсируют. После вальса пары снова крутятся. После этой фигуры парнями делается «перебор, т. е. каждый парень сначала со своей, а потом с остальными девушками, по очереди, пляшет «русскую». К музыке существует следующий припев:

Журонька, попляши,
Долгоноганный, поскачи!» [6].

Карп Дмитриевич проводил не только фольклорные, но и этнографические исследования. Являясь сотрудником Приамурского отделения Русского географического общества, он подробно фиксировал быт забайкальских казаков. Им были описаны казачьи дома (по формулировке автора – усадьбы), костюм, как женский, так и мужской, и пища. Исследователь отмечал, что рацион у забайкальцев небогатый, но сытный. Особенно выделил отношение к чаю. Подробно описал процесс приготовления различных видов чаёв и само чаепитие.

В 1900 году штабс-капитан Нерчинской конвойной команды Фёдор Дмитриевич Соседко опубликовал цикл свадебных песен, записанных в казачьих посёлках Мироново, Тонтой, Богданово, расположенных по р. Куренга – притоку Шилки [8]. В 1916 году вышел «Сборник песен Забайкальского казачьего войска», в который вошли: песни военные, бытовые казачьи, плясовые, хороводные, святочные, свадебные, а также стихотворения и былины [5].

Также материалы по фольклору забайкальского казачества встречаются, иногда единично, в исследованиях Г. Новикова-Даурского, А. Эпова, Л. Е. Элиасова, Р. П. Потаниной. Информация, собиравшаяся на протяжении второй половины XIX–XX веков, является

основным источником сведений о народном творчестве забайкальского казачества.

В советское время фольклор забайкальского казачества был одним из направлений научных исследований Виктора Степановича Левашова [5]. Им был проработан огромный пласт народного творчества забайкальских казаков. Одной из сфер интересов учёного было изучение песенного фольклора. В частности, В. С. Левашовым было доказано казачье происхождение песни «Седина ль моя, сединушка»:

Седина ль моя, сединушка,
Седина ль моя молодецкая!
Ты к чему рано появилась,
Во черны кудри вселилася,
Ах ты, молодость, моя молодость,
Ах ты, молодость молодецкая!
Я не чаял те измыкати!
Ах, измыкал я свою молодость...
А нашёл-то я, добрый молодец,
Полоняночку-красну девушку [3].

Долгое время происхождение этой песни приписывалось тюремным застенкам, и содержание обычно связывали с сибирской каторгой, так как в главном герое видели «беглого бродягу». Но никаких материалов, подтверждающих бытование этой песни у каторжников, не было. Чаще всего упоминали распространение этой песни среди старожилото населения. Именно В. С. Левашов, проведя исследование и сравнив мнения собирателей, сумел доказать, что это произведение брало основу в песенном творчестве казаков. И «бродяга» – это не беглый каторжник, а казак, оторванный от своей родины и по долгу службы находившийся в Сибири. И «полоняночка», о которой упоминается в песне, – это не девушка в плену, а аборигенка, а сама песня характеризует конкретный жизненный сюжет. Во времена присоединения Забайкалья к России в край отправлялись казачьи отряды, но женщин среди них не было. Поэтому молодые казаки стали жениться на представительницах коренного населения – «полонянках». Данный исторический факт отмечал и К. Д. Логиновский в работе «О быте казаков Восточного Забайкалья»: «Отсутствие здесь русских женщин заставляло казаков похищать себе жён из инородок...» [6].

В. С. Левашов, один из немногих исследователей, изучавших фольклор периода Гражданской войны, указывал на то, что революция разделила забайкальское казачество на два лагеря: «офицерско-кулацкую верхушку и трудовых казаков». Часть казаков, среди которых были многие фронтовики, поддержала установление советской власти, другая – осу-

дила переворот и сплотилась вокруг атамана Г. М. Семёнова. Подобные моменты нашли отражение в песенном народном творчестве. В. С. Левашов приводил доказывающие правильность его выводов примеры из казачьих песен: «Горы дальние в тумане» (песня о С. Лазо); «Колчак, подлюга, «царь Сибирский» (песня о А. В. Колчаке) и др. [4].

Особое место в работах исследователей занимал свадебный фольклор и семейные традиции казаков Забайкалья. В частности, все исследователи считали, что в казачьих семьях существовали строгие патриархальные порядки. Так, Н. И. Кашин подчёркивал, что в середине XIX века все браки заключались по воле родителей, которые абсолютно не считались с мнением детей. «Случается довольно часто, что жених или невеста совершенно не знают о том, что родители их давно уже согласились между собой о всех условиях свадьбы и потом только, так сказать для проформы, соблюдают обыкновен-

ные здесь обряды сватанья» [1]. На тот факт, что на невесту смотрели как на «рабочую силу, указывал и Ф. Д. Соседко. Родители жениха, да и он сам, руководствовался в выборе не красотой невесты, а исключительно крепким здоровьем» [8]. Этот же факт отмечал В. С. Левашов: «Молодёжь, воспитывающаяся в атмосфере послушания старшим, обычно возражала. Любые попытки протеста сразу же пресекались. Свой выбор родители считали непогрешимым» [3].

Формирование фольклора забайкальских казаков происходило на протяжении XVII–XX веков. Исследование же народного творчества началось в конце XIX века. Первые исследователи Забайкалья отмечали факты проявления фольклора, записывали материал. Позднее, с середины XX века, собранный материал систематизировали и подвергли анализу. Но до настоящего времени огромный пласт фольклора забайкальских казаков остаётся неизученным.

Источники и литература

1. **Кашин Н. И.** Свадебные обычаи приаргунцев // Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. – 1860. – С. 147–182.
2. **Кашин Н. И.** Празднества и забавы приаргунцев // Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. – 1858. – С. 7–24.
3. **Левашов В. С.** Забайкальская казачья свадьба. – Новосибирск: Наука, 2010. – 279 с.
4. **Левашов В. С.** Роль забайкальского трудового казачества в развитии поэзии Гражданской войны // Литература и фольклор Забайкалья (республиканский сборник) / отв. ред. А. А. Татуйко. – Иркутск: ИрГПИ, 1976. – С. 151–167.
5. **Левашов В. С.** Первый сборник песен забайкальских казаков // Забайкальский краеведческий ежегодник / отв. ред. А. И. Сизиков, Л. Ф. Беренев. – Чита: Забайкал. филиал геогр. о-ва СССР, 1971. – Вып. 5. – С. 61–72.
6. **Логиновский К. Д.** О быте казаков Восточного Забайкалья // Живая старина. – 1902. – Вып. 2. – С. 182–200.
7. **Савченко Р. С.** Забайкальское казачество в исследованиях В. С. Левашова // Молодёжная научная весна: материалы XLIV Науч.-практ. конф. молодых исследователей ЗабГУ: в 4 ч. Ч. 1. / отв. ред. А. В. Шапиева, И. Ю. Мальчикова. – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 197–200.
8. **Соседко Ф. Д.** Свадебные песни и обряды по р. Куренга в Забайкальской области в горнозаводское время // Забайкалье. – 1902. – 31 марта. – С. 5.

УДК 82-43
ББК Ш44-46

*Людмила Васильевна Камедина,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Документальная эпопея Юрия Курца «На арчаке казачьего седла»

В данной статье предлагается обратить внимание на бытие казачьего народа, репрезентируемого в культурный мир Забайкалья знаком христоцентризма через творчество забайкальского писателя и журналиста Юрия Францевича Курца. Обилие жанрового материала и охват событий в пространстве и времени делает книгу Курца документальной эпопеей. Возрождение казачества и Русской православной церкви в книге Курца предлагается рассмотреть через структурно-функциональный и семиотический подходы. Знаки и смыслы наполняют словесное поле книги и актуализируют необходимость обращения к истокам. Автор статьи соглашается и полемизирует с писателем.

Ключевые слова: забайкальское казачество, христоцентризм, традиционные ценности, жанровое многообразие, полемика

Documentary epic by Yuri Kurtz “On the archaïque of the Cossack saddle”

This article draws attention to the existence of the Cossack people, which is represented in the cultural world of Transbaikalia by the sign of Christocentrism through the works of the Transbaikal writer and journalist Yuri Franzevich Kurtz. The abundance of genre material and coverage of events in space and time makes Kurtz's book a documentary epic. The revival of the Cossacks and the Russian Orthodox Church in Kurtz's book is proposed to be considered through a structural-functional and semiotic approach. Signs and meanings fill the verbal field of the book and actualize the need to address the origins. The author of the article agrees and argues with the writer.

Keywords: Zabaikal Cossacks, Christocentrism, traditional values, genre diversity, polemic

Выпустив свою книгу «На арчаке казачьего седла» (2011) и определив её жанр – «очерки истории казачества Забайкальского края», журналист, публицист, писатель, поэт и казак Юрий Францевич Курц тем самым актуализировал и интерес к возрождающемуся казачеству в стране, и напомнил молодому поколению многовековую боевую и трудовую историю российского казачества [8]. Казаки становятся частью социума, возрождающего свои культурные традиции, они могли бы стать патриотическими репрезентами казачьих идей, ценностей, смыслов жизни. Молодёжь не только интересуется, но и пытается воспроизвести казачьи игры, обряды, песни, одежду, воинскую атрибутику.

Библиография книг о забайкальских казаках с годами расширяется. Очерки Юрия Курца написаны с опорой на предшествующие издания и источники, это труды А. П. Васильева «Забайкальские казаки (исторический очерк)», А. С. Зуева «Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв.», Н. Н. Смирнова «Слово о забайкальских казаках» и др. [2]. В книгу «На арчаке казачьего седла» Юрий Курц включает множество жанров, которые дополняют, обосновывают, усиливают повествование: архивные сноски, документы, протоколы, уставы, письма, записки, телеграммы. Часто исторические события аргументируются цитатным слоем из газет, военных мемуаров, энциклопедий и словарей, краеведческих книг, художественной литературы. Текст перемежается воспоминаниями очевидцев, интервью, личными впечатлениями. Истории Юрия Курца о забайкальских казаках сами становятся историческим источником, прославляющим землепроходцев, казаков-героев, трудовые и воинские события страны. Кроме того, очерки – прекрасный литературный текст с занимательным сюжетом,

который держит внимание читателей, с множеством диалогов, оживляющих картины событий, с психологическими остроумными характеристиками персонажей.

Очерки Юрия Курца можно назвать документальной эпопеей, так как в этом произведении отображены важные, исторически значимые события национального масштаба. Он рассказывает о жизни народа, который шёл с запада на восток тысячи километров, осваивая территорию, помогая обрабатывать и засеивать землю, строя остроги, станицы и города, вовлекая в общий русский труд на благо империи огромное количество племён, народностей. Документальная эпопея Курца – это сложная продолжительная история освоения огромной Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока, Русской Америки, это обширное повествование в прозе и стихах о феноменальном национально-историческом событии в жизни России. Возникновению эпопеи обычно предшествует обращение к народным истокам: былинам, песням, сказаниям, вокруг которых группируются последующие героические события.

Писатель находит истоки казачьего народа в былинных богатырях Древней Руси. Действительно, знаменитый русский богатырь Илья Муромец назван в былинах «казак». Заметна эволюция названия главного героя: в ранних былинах он – «крестьянский сын», далее – «дородный добрый молодец» и «славный богатырь святорусский» и, наконец, «старый казак Илья Муромец» [1, с. 37, 102, 104, 113, 117, 118]. Подобную структурную эволюцию понятия «казак» проводит Юрий Курц. Он погружается во времена Древней Руси, выявляя происхождение казаков: в понятийную структуру входят и крестьяне, и добрые «вольные» молодцы, и славные казаки-богатыри. К последним автор относит Ермака с его героической и чудесной биогра-

фией. Главные герои эпических событий, как правило, вписываются у Курца в масштабность исторического освоения «земли за камнем». Ермак Тимофеевич, Пётр Бекетов, Афанасий Пашков, Н. Н. Муравьев-Амурский – личности национального масштаба, становление которых произошло в Сибири. В эпопею Курца включены сотни имён: великих и малых, но все они причастны к глобальной истории. Герои эпопеи – исключительные личности. Согласно жанру, Курц даёт большое количество персонажей, детально прорисовывает реалии заданного временного периода, художественно представляет напряжённость и важность ситуаций. Документальная эпопея Курца изображает личность, попавшую в жерло национальной истории, которая перемалывает слабых, но не справляется с сильными духом. Историю казачьего народа писатель облачает в эпический жанр и придаёт ему этикетные формы.

Юрий Курц как повествователь включается в полемику с другими авторами произведений о казаках. Книга содержит большой полемический материал о происхождении казаков, о причинах хождения их в восточные земли, аксиологию трудовой и военной деятельности на просторах Сибири, об участии казаков в Первой и Второй мировых войнах, о забайкальском Исходе казачьего народа в чужие земли, о трудностях возрождения забайкальского казачества в 1990-х годах. Вместе с тем Курц как автор отличается от предыдущих авторов-издателей, авторов-составителей, авторов-историков тем, что подходит к описанию уже известных, менее известных и совсем не известных событий как русский писатель. Он выбирает оригинальный жанр для своего повествования: с одной стороны, им представлена огромная документалистика, а с другой – выбранный жанр сочетается с писательским стилем, в котором есть замечательные сказочные интонации, летописные повествования, воинские истории, художественные очерки с эстетикой метафор, эпитетов, сравнений, ирония и сатира. В целом же все эти неоднородные жанры объединены общей темой героического подвига русских людей, которые перед лицом климатических, природных, военных опасностей за короткое время освоили тысячи километров необжитых земель, выполнили глобальную государственную программу и показали непобедимость народного духа, готовность положить жизнь свою за Царя и Отечество.

Если подойти к тексту Курца с позиций структурно-функционального подхода, семиотического и сравнительно-исторического методов, то можно выстроить смысловую

иерархию ценностей казачьего народа, представленного автором; выявить не только историческую, но и социальную, культурную функцию казачества; назвать главные знаки, символы казачьей культуры; сравнить прошлое и настоящее Забайкальского казачьего войска, не скрывая социокультурных потерь. В рамках структурно-функционального подхода видно, как автор собирает в тексте христоцентричную ось повествования. Текст пронизывается именами и подвигами святых Русской православной церкви, имеющих отношение к казакам. Так, например, он начинает историю русского казачества со святого Ильи Муромца. Сообщает о боевом знамени казаков, на котором вышит образ святого апостола Якова, брата Господня – покровителя рыболовов и тех, кто на водах. По мнению Курца, «психолог» Ермак Тимофеевич не случайно выбирает для главной битвы с ханом Кучумом на Иртыше 23 октября, день Святого Якова, и побеждает.

Рассказывает Курц житие святого Алексея, Человека Божия, который покровительствует Забайкальскому казачьему войску и чья часовня была в Чите до революции. В связи с Георгиевскими кавалерами Забайкальского казачьего войска Курц пишет о Святом Георгии Победоносце, чей образ издавна в гербе столицы России, он – покровитель воинства. Много страниц уделяет автор возрождению забайкальского казачества в 1990-х годах, с удовлетворением констатируя, что трудные годы распрей, предательства, войн 90-х годов, потасовок на идеологической и партийной почве в Забайкалье всё-таки не спровоцировали межнационального конфликта. В качестве объяснения писатель, тогда журналист, освещавший весь ход борьбы возрождающегося казачьего народа, приводит евангельские слова Христа, сказанные во время ареста в Гефсиманском саду: «Если я плохо сказал, свидетельствуй о том, что плохо. Если хорошо, почему ты меня бьёшь?» [12, Ев. Иоанна, 18:23]. На этих примерах видно, что Юрий Курц использует христоцентричную структуру в тексте. Возрождение казачества он связывает с возрождением Русской православной церкви. Казаки были верующим народом.

Писатель называет богородичные образы, особо почитаемые казаками: Албазинской Божией Матери, которая «участвовала» в событиях начала освоения Сибири и защите Албазинского острога от китайцев; Донской Богородицы, которая «победила» на Куликовом поле и стала главной иконой современного казачества; Казанской Божией Матери, которая «открыла» путь в Сибирь и стала

покровительницей всех восточных земель. До революции Казанский собор в Чите был главным кафедральным собором, писатель сообщает о восстановлении его в 2004 году. Рассказывает писатель о поездке забайкальских казаков в Нижегородскую область к мощам Святого Серафима Саровского с целью соборных встреч с другими казачьи войсками страны. Много страниц в книге Курц уделяет внутренним распрям среди современных казаков. Он сопровождает своё журналистское расследование документами той поры, множеством интервью, в том числе, и со священниками, которые напоминают о традиционных ценностях казаков России. Воспитание молодых казачат, по мнению писателя, должно строиться, прежде всего, на молитве, Законе Божиим и военно-патриотических традициях Руси/России. В конце книги Курц помещает хронологические таблицы «Праздников и памятных дат Забайкальского казачьего войска», где называет православные праздники, Дни особых казачьих поминовений, почитаемые казаками иконы, основные вехи 1990–2010 годов. Заканчивает документальную эпопею Курц своими стихами. Первыми помещены стихи, посвящённые великому русскому святому Сергию Радонежскому, который дал на поле Куликово князю Димитрию двух своих монахов-схимников, богатырей Александра Пересвета и Андрея Ослябя. Затем следуют стихи о веротерпимости русского народа, об усвоении традиций молодыми казачатами, и заканчивается текст православного казака Юрия Курца стихотворным переложением Господней молитвы «Главная молитва христианина».

Христоцентричная структура книги Курца выявляется иерархической духовной Лествицей, состоящей из семи знаков-ступеней: наверху – Господь на хоругви с лозунгом русского воинства «С нами Бог!»; далее – Богородица – покровительница и Царица Святой Руси; ниже – святые, с которыми шли казаки; четвёртая ступень – казачьи иконы, праздники, дни поминовений; пятая – казаки-герои, которые прославили Россию; шестая – казачество как особое самобытное сословие, отличающееся от всего остального русского народа; седьмая – сакральная земля Руси/России, которая полита кровью богатырей-казаков, сознательно принёсших себя в жертву за Веру, Царя и Отечество.

В качестве полемики можно возразить писателю в некоторых положениях. Например, отсутствует в книге история иргенских казаков-мучеников, которые за веру жизнь свою положили в забайкальской земле, нет описания их подвига, не названы имена свя-

тых – Симеона, Киприана, Иосифа и Василия, нет икон святых иргенских мучеников, не сообщается дата их почитания – Девятая Пятница по Пасхе, не пишется о больших Крестных ходах на Иргень к этому Дню, нет информации об установлении забайкальскими казаками иргенского Креста в 1990 году и возведении часовни в честь этих святых казаков-первопроходцев в 2005 году. В этом неполнота рассказа о забайкальской казачьей истории.

Второй полемический аспект связан с личностью выдающегося забайкальского миссионера Святого Ефрема Селенгинского, по происхождению казака, родившегося в казачьей станице Красноярская Нерчинско-Заводского округа в 1875 году, служившего священником в Кокуйской Покровской церкви Шилкинского уезда (ныне Кокуй-2 соединён с поселением Бохта и относится к Александрово-Заводскому району Забайкальского края). Автор книги о забайкальских казаках и их подвигах забыл упомянуть имя казака Епифания Кузнецова, который после смерти жены в 1909 году принял монашеский постриг в Казанской Духовной академии. Наречённый в монашестве Ефремом, Кузнецов возвращается в Читу, разворачивает большую миссионерскую работу по катехизации корейцев, строит для них миссионерское училище (ныне здание Забайкальской православной гимназии им. Святителя Иннокентия Иркутского с домовою Преображенской церковью), возглавляет большой Миссионерский стан на Иргени, создаёт здесь школы для подготовки к крещению бурят и эвенков, собирает сведения об иргенских казаках, публикует очерк «Иргень – место святое» и готовится к открытию мужского монастыря на мощах святых мучеников Иргени. Именно Ефрему (Кузнецову) принадлежит освидетельствование и описание мощей святых казаков для последующей канонизации. Не всем планам архимандрита Ефрема суждено было сбыться, помешала революция. В 1918 году в сане епископа Селенгинского он был расстрелян на московском Ходынском поле в числе других жертв начавшихся репрессий. Описание Курцем революционных событий начала XX века в Забайкалье могло бы быть структурировано образом этого выдающегося церковного и общественного деятеля, приобрело бы христоцентричный характер и многое бы объяснило в той ситуации.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на третий полемический аспект, который связан с китайским восстанием ихэтуаней в 1898–1901 годах. Юрий Курц пишет о том, что царская Россия вела несправедливые

войны и в составе альянса восьми держав участвовала в разгроме ихэтуаней [8, с. 149–150]. Такая точка зрения характерна для советской идеологической науки. На самом деле, русские войска, в том числе и забайкальские казаки, вошли в Китай, участвовали в разгроме ихэтуаней и взятии Пекина по причине массовых репрессий и поголовного уничтожения китайскими националистами христиан и иностранцев, которые работали и жили в Китае. Так была почти уничтожена Русская православная церковь, которая состояла из потомков нерчинских казаков-албазинцев, взятых в плен в 1685 году и размножившихся в Китае. Ихэтуани зверски убивали православных албазинцев как взрослых, так и детей. Пострадало 222 китайских мученика, которые канонизированы Русской православной церковью и почитаются по сей день 11 июня. После восстания из православной общины албазинцев в 1000 чел. осталось около 300 прихожан. Это были уже невосполнимые потери для Русского православия в Китае. Последующая коммунистическая «культурная революция» уничтожила все православные храмы Китая (на 1949 г. их было 106) [6]. Несправедливо обвинять Забайкальское казачье войско, которое в Китае защищало интересы христиан и русских людей перед разбушевавшейся националистической стихией. Книга Курца только бы выиграла, если бы христоцентрическая структура, выбранная автором, соблюдалась целостно.

Семиотический метод, применимый к тексту Курца, помогает раскрыть знаковую составляющую жизни казачьего народа, назвать ценности и смыслы его бытия. Духовными знаками в жизни казаков были иконы, хоругви с изображением святых, церкви «Знамения» по всей Восточной Сибири. По мере продвижения потомки новгородских казаков оставляли «следы» в виде построенных в Томске, Красноярске, Братске, Иркутске, Иргени Знаменских церквей, прославляя тем самым свою икону Божией Матери «Знамение» XII века.

Обязательными атрибутами казака были оружие и лодка. Освоение восточных земель шло по рекам, первые казаки приплыли в Забайкалье по реке Хилок и остановились на месте впадения реки в озеро Иргень. Место было богато рыбой, об этом пишет протопоп Аввакум [3, с. 75–76]. Аввакуму Курц посвящает поэму с описанием «хождений по мукам» церковного раскольника. Реки как пути жизни играют огромную роль в продвижении казаков «встречь солнцу». Писатель сообщает, что уже первые селения казаков были на реках: Дону, Днепре, Тереке. По сибирским

рекам Курц продвигает казаков к Тихому океану. Он описывает события на Иртыше, продвижение казаков по Лене, Селенге, Хилку, Ингоде, Нерче. Захватывает военные события на Амуре, защиту нерчинскими казаками крепости Албазин, поражение и подписание Айгунского договора с Китаем.

Реки – это границы «своего» и «чужого». Казачий народ пограничный, призванный охранять границы империи. На берегах рек забайкальские казаки строили станицы. Курц называет некоторые из них: Архангельская, Кударинская, Туринская, Борзинская, Урулюн-гуйская, Сретенская, Иннокентиевская, Пашково, Благовещенская и др. Бурятские казаки сотни охраняли имперские границы также по рекам: Тунгуй, Ингода, Онон, Борзя, Турга, Менза и др. Курц называет фамилии бурятских родов, численность поселений, особо отличившихся казаков и награждённых русским царём медалями за службу [8, с. 94–97]. Река, озеро были кормильцами для казаков и их семей. Промыслами казаков, по сообщению Курца, были: табак, пчёлы, соль, рыба, звери, а «аргунский карась... поставлялся к царскому столу и весьма... ценился» [Там же, с. 174]. Опираясь на обширный документальный материал, Юрий Курц важной ценностью казачьего народа называет веротерпимость, он приводит конфессиональную статистику на начало XX в.: 89 % – православных, 10 % – буддистов, 1,5 тысячи старообрядцев, несколько мусульман, католиков и лютеран [Там же, с. 177]. Все трудились на благо России. Никаких конфликтов и гонений не было.

Особым знаком казачьей культуры отмечена жертвенность. За победу платили кровью. Пали в бою богатырь Евпатий Коловрат, монахи-богатыри Пересвет и Ослябя, сибирский богатырь Ермак Тимофеевич, погибают на границах Империи рядовые казаки. У Курца они – святые воины. На первом месте у русского богатыря всегда была Святорусская земля, поэтому читатель почти ничего не знает о личной жизни богатырей, казаков-воинов. В документальный эпос Юрия Курца встроены духовные смыслы русских воинских повестей, они пронизывают сюжетную, образную, знаковую ткань повествования. Они учат так же, как раньше: «сам погибай, а товарища выручай», «нет большей любви, чем голову положить за други своя», «кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет», «не в силе Бог, а в правде». Специфика описанных казачьих войн касается непосредственного участия казаков в Русско-японской, Первой мировой войнах, бесконечных боёв с сибирскими князьями, ханами при освоении восточных

земель. Атрибутика воинского канона представлена автором хождением в Сибирь, Давурию, Приморье; тяжестью и трудным одолением «чужой» земли – татарской, тунгусской, мунгальской; противопоставлением «своих» казаков, храбрых, смелых, умных, и «чужого» народа, коварного, лживого, хитрого; победами и поражениями, многочисленными жертвами при служении царскому делу; окончательной победой воинского похода казаков до Америки, присоединением огромного пространства к Российской империи. С горечью пишет Юрий Курц о принесении русских казаков в жертву идолу революции 1917 года и великом Исходе забайкальских казаков в «чужую» землю. Канон воинской повести предполагает оптимистическое завершение событий. Следуя этому, Юрий Курц пишет о возрождении казачьего народа в России.

Текст писателя обращён к молодёжи и носит поучительный характер [5]. Казак Юрий Курц настаивает на том, что «историческая миссия казачьего народа не завершилась...», сила российской государственности по-прежнему находит опору на древнем арчаке казачьего седла... , потому что казачество заявило о себе, напомнив о своей выдающейся роли в собирании Российского государства, раздвигании его границ и защите от врагов» [8, с. 461]. Возвращение русского «коло» – метафора текста Юрия Курца. Коло Курца – это знак колеса, круга, казачьего круга, вечного движения, это время возвращения наследия предков, это путь солнца и путь казаков «встречь солнцу», это тяготение к христоцентризму, оси мироздания. Возвращается казачье сословие, возвращается вера в Христа.

Вместе с тем возвращение казачьего народа сопряжено с современными либеральными подменами, которые внедряются в строительство казачьей жизни. Юрий Курц пишет о том, что нужна «специальная программа духовного возрождения, без которого трудно надеяться на возрождение казачества в целом» [Там же, с. 445]. Он ссылается на программу атамана А. Каледина, который в 1917 году участвовал в создании нового государства и предлагал республиканскую демократию в России. Курц приводит парадигму калединского управления: «Воля, правда, справедливость, равноправие и самоуправление» – и даёт лозунг современного казачества – «За веру, волю и Отечество» [8, с. 440–441]. Вот здесь и кроются либеральные подмены. Вместо лозунга «За веру, Царя и Отечество» появляется другой – «За веру, волю и Отечество». Царь подменён волей, которую каждый волен трактовать по-своему. В своё

время русский гений А. С. Пушкин вскрыл подобную либеральную подмену у декабристов. В стихотворении «Любви, надежды, тихой славы» поэт «раскрыл глаза» русскому читателю, который знал только византийскую парадигму – Вера, Надежда, Любовь. Тонкая подмена понятия Веры у «первых русских революционеров» (по определению В. И. Ленина) на главную европейскую либеральную ценность – «славу», или, как сейчас модно говорить, «успех», в конце стихотворения вскрывается у Пушкина истинным желанием декабристов: «И на обломках самовластья напишут наши имена» [10, т. 1, с. 207]. Подобная программа была не только у «русских европейцев» 1825 года, но и у «нового казака» Каледина в 1917 году, и неожиданно появляется в лозунгах современных казаков. Забайкальский писатель, прославляя казачий народ, пишет о трудностях возрождения Веры в душах русских людей и не замечает этой подмены.

Хотелось бы вступить в полемику ещё по одному пункту либеральной подмены, которая закралась в возрождающееся казачество. В конце книги Юрий Курц помещает Приложение, где прочитываются некие заповеди современного казака. Здесь много верного, ценного и полезного молодому казачеству, но вот есть одна любопытная заповедь – «Будь трудолюбив и самодостаточен». Если с трудолюбием следует согласиться, то по поводу масонского термина «самодостаточность», стоящего в одном ряду у братьев-розенкрейцеров с «самоусовершенствованием», надо возразить. Ещё А. Н. Радищев и декабристы, вслед за своими западными учителями, делали попытки обрести духовность в масонстве, которое проповедовало внецерковную религиозность. Философ В. В. Зеньковский отмечает, что масонство «уводило от Церкви», оно имело гуманистическую направленность [4, т. 1, с. 117]. Масоны считали Церковь отжившим институтом, они рассматривали человека как «венец творения», стремящегося к самоусовершенствованию как высшей мере совершенства на земле [11]. Духовный смысл Веры трансформировался в масонскую идею. Масон И. В. Лопухин пишет: «...полезно изучаться познанию самого себя в писаниях истинных философов... Поучаясь таким образом в теории истинного самопознания, должно, по правилам её рассматривая, испытывать себя, наблюдать движения своего сердца, побуждения его и коренные причины своих действий» [9, с. 302]. Духовная жизнь сосредоточивалась внутри собственного Я, не имея выхода к Богу. Это была другая система ценностей, отличная от Православия. Исповедуя ценности морали, масонство по-

ставило их в зависимость от социального антропоцентризма. Попытки вернуться к Вере через европейские идеи масонства – это своего рода хитрость фундаментального характера, связанная с изменением объекта. Объект Церкви заменяется религиозной (или нерелигиозной) организацией, ищущей путь спасения. Положение Курца о «самодостаточности» следует рассматривать как положение ограниченности в самом себе; человек, будучи грешным, не может усовершенствоваться в собственных качествах, произойдет потеря абсолютного ориентира – Христа.

Итак, эпический текст предлагает систему воззрений, которая связана с литературной традицией, сохраняющей актуальность

в соответствии с историческими задачами каждой эпохи. Жанровые литературные традиции документального эпоса Юрия Курца актуализируются в темах истории и современности забайкальского казачества, а также реализуются в озвучивании вечных смыслов христианства для России. Исторические факты аргументируются им ссылками на архив, включают знак, ассоциацию, цитату, реминисценцию, аллюзию из знакомого читателю классического наследия русской культуры и текстов Священного Писания. Масштаб событий в Забайкалье соотносится со всей русской жизнью. Автор аргументирует свою позицию в книге, будучи казаком Забайкальского казачьего войска.

Источники и литература

1. **Былины.** – М.: Советская Россия, 1988. – 576 с.
2. **Васильев А. П.** Забайкальские казаки (исторический очерк): в 3 т. – Чита: Тип. Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916.; Зуев А. С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. – Новосибирск: НГУ, 1994. – 191 с.; Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках: исторический очерк-хроника. – Волгоград: Комитет по печати, 1994. – 608 с.
3. **Житие Аввакума и другие его сочинения.** – М.: Советская Россия, 1991. – 368 с.
4. **Зеньковский В. В.** История русской философии: в 2 т. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
5. **Камедина Л. В.** Учительный текст в культурном мире Юрия Курца // Язык в различных сферах коммуникации: II Междунар. науч. конф. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 206–209.
6. **Китайская православная церковь** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.01.2018).
7. **Курц Ю. Ф.** Крест и меч. – Чита: Экспресс-изд-во, 2016. – 276 с.
8. **Курц Ю. Ф.** На арчаке казачьего седла: очерки истории казачества Забайкальского края. – Чита: Поиск, 2011. – 528 с.
9. **Лопухин И. В.** Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели // Русская философия второй половины XVIII века. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 267–302.
10. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Правда, 1981.
11. **Радищев А. Н.** О человеке, его смертности и бессмертии // Русская философия второй половины XVIII века. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 347–388.
12. **Толковая Библия**, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 3 т. – Репр. изд. – Стокгольм: Ин-т перевода Библии, 1987. – СПб., 1904–1913.

УДК 94(47+57):82(571.55)
ББК ТЗ(2)6:ШЗ(2РОС-4ЧИТ)

Валерий Иванович Полоротов,
Газимуро-Заводский краеведческий музей им. Ф. Н. Резанова,
пос. Газимурский Завод, Забайкальский край, Россия

Литературное наследие казачьего поэта и прозаика Платона Коренева

В статье говорится о материалах, связанных с историей забайкальского казачества, которые хранятся в Газимуро-Заводском краеведческом музее (собраны в основном бывшим директором музея Ф. Н. Резановым в 1960–1970-х гг.). Анализируются материалы, содержащие сведения о Платоне Васильевиче Кореневе, казаке пос. Батаканский Актаягучинской станицы, участнике Гражданской и Великой Отечественной войн (биография, фотографии, воспоминания о Гражданской войне, проза и поэтические произведения, как изданные, так и неопубликованные).

Ключевые слова: Газимуро-Заводский краеведческий музей, Ф. Н. Резанов, Платон Васильевич Коренев, казак, пос. Батаканский Актагучинской станицы, воспоминания, литературное наследие

Valery I. Polorotov,
Gazimuro-Zavodsky Museum of local lore F. N. Rezanov,
Gazimurskiy Zavod, Zabaykalsky Krai, Russia

Literary heritage of the Cossack poet and novelist Platon Korenev

The article deals with materials related to the history of the Zabaykal Cossacks, which are stored in the Gazimuro-Zavodskoy Museum of local lore (collected mainly by the former Director of the Museum F. N. Rezanov in 1960–1970s). Analyzes the materials containing data on Platon Vasilievich Koreneva, the Cossack settlement Batakansky of the village Aktaguchinskaya, the participant Civil and the great Patriotic war (biography, photos, memories of the Civil war, the prose and poetical works both published and unpublished).

Keywords: Gazimuro-zavodskiy Museum, F. N. Rezanov, Platon V. Korenev, Kazak, settlement Batakansky of the village Aktaguchinskaya, memoirs, literary heritage

В Газимуро-Заводском муниципальном краеведческом музее имени Ф. Н. Резанова хранятся документы и фотографии, из которых можно почерпнуть интересную информацию о казаках и станицах Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) [1–4]. Это позволило дополнить и обновить музейные экспозиции о ЗКВ, участии казаков в Гражданской войне, выделить в фондах соответствующие разделы. В экспозиции о Гражданской войне – копии снимков казаков – красных и белых, краткие сведения о них.

Большую часть названных материалов собрал Ф. Н. Резанов (1921–1992), бывший директор музея. В 1960–1970-е годы такой поисковой работой занимались в основном краеведы – потомки казаков. Ф. Н. Резанов относится к их числу. Его отец, казак Актагучинской станицы (Актагучи) Никифор Николаевич Резанов, во время Русско-японской войны 1904–1905 годов был ранен под Мукденом, награждён знаком особого воинского отличия – Георгиевским крестом 4-й степени. Судя по документам из личного архива Ф. Н. Резанова, он пытался на могиле отца, похороненного в с. Газимурские Кавыкучи, установить памятник как участнику Русско-японской войны, разработал его эскизы [4].

В своих исследованиях Ф. Н. Резанов большое внимание уделял личности Платона Васильевича Коренева, казака пос. Батаканский Актагучинской станицы. Собрал ценные текстовые и фотоматериалы о нём, исследовал его биографию, написал статьи о его стихах и прозе, безуспешно пытался издать его произведения. Из переписки Резанова можно узнать об отношении к Кореневу других исследователей. Например, в 1977 году

В. П. Зиновьев писал Резанову: «Что же касается личности Коренева, биографии, то работы много впереди, надо побывать в Хабаровске, в Марксе, в Биробиджане. Надо работать в архивах... На основании записок (рукопись Коренева о Гражданской войне – *авт.*) нельзя делать выводы относительно его биографии» [5]. О Кореневе ранее были сведения в различных периодических изданиях Забайкалья. В данной статье его биография изложена кратко на основании тех источников, которые хранятся в музее.

Платон Васильевич Коренев родился в семье казака-середняка Василия Петровича Коренева, участника двух войн: Китайского похода 1900–1901 годов и Русско-японской войны 1904–1905 годов. Учился в церковно-приходской школе. Авторы дату рождения Коренева приводят по-разному: 1895 или 1896 год. Если верна первая дата, то он участвовал в Первой мировой войне, т. к. казаки 1895 года рождения призывались на службу осенью 1916 года, а в начале 1917 года уже были на фронте.

Не вызывает сомнения участие П. Коренева в составе одного из подразделений Копзоргаза в боях на Даурском фронте, сформированном против Особого Маньчжурского отряда атамана Семёнова. В одном из музейных источников о нём говорится: «После ликвидации советской власти арестован семёновцами, затем из тюрьмы насильно взят в армию Семёнова, откуда ушёл (бежал) к партизанам в отряд, затем находился в 7-м полку тов. Погадаева. Ранен под деревней Алия близ Сретенска, был в то время командиром первой сотни» (подпись в документе неразборчива и не идентифицирована).

В этих же документах говорится, что после лечения Коренев участвовал в боях в подразделении красных казаков до окончания войны.

Из данных Ф. Н. Резанова эти же факты биографии Коренева трактуются иначе: «Его посадили в Нерчинскую тюрьму, несколько раз он пытался бежать и всё же вырвался из белогвардейского застенка». Сам Коренев свидетельствует: сначала мобилизация в армию атамана Семёнова, служба там, потом заключение в тюрьму в качестве бывшего красного казака, освобождение после расследования, опять служба, затем побег. Таким образом, из источников следует, что некоторое время он был белогвардейцем, около года находился в тюрьме.

После Гражданской войны П. Коренев в пос. Батаканский возглавлял сельский ревком, был организатором партийной и комсомольской ячейки. Он «вёл борьбу с контрабандистами и всеми недовольными советской властью, а таковые были, особенно из числа зажиточной части населения» [6]. Первая его жена – Анна, дочь казака-офицера Актагучинской станицы, полного Георгиевского кавалера Агапа Петровича Туркина. Потомки Платона Васильевича хранят его личные вещи, в том числе принадлежавшую ему икону.

В 1925 году Коренев был направлен в Хабаровскую партийную школу. После обучения работал учителем в Хабаровске. Читаем о нём в письмах: «Печать пережитого – змейка, вздувшаяся на лбу (в таком-то возрасте!) говорит, что нелегко досталось ему пережитое»; «по характеру Платон Коренев напоминал Нагульнова из “Поднятой целины” Шолохова» [6; 7].

Позже Коренев жил и работал далеко от Забайкалья – в Москве, других городах. В одном из источников говорится об его участии в Великой Отечественной войне. Три его стихотворения, хранящиеся в музее, – «Мать», «Сестра» и «Победа» – посвящены войне с фашизмом [3]. Если они автобиографичны, то Коренев участвовал в боях под Ельней, Смоленском, Сталинградом. Умер казачий поэт и прозаик 5 мая 1969 года в Тольятти. До конца жизни он вёл переписку с родственниками, бывшими земляками из Забайкалья.

Конечно, не все произведения, созданные казачьим поэтом и прозаиком, есть в Газимуро-Заводском музее. Перечислим имеющиеся. Это рукописи в тетрадях, переплетённые, собранные в 3 книги. Книга первая: «Гражданская война в Забайкалье. Красногвардейцы». Есть автограф. Книга вторая: «Гражданская война в Забайкалье. Большевики». Книга третья: «Гражданская война

в Забайкалье. Стихотворения. Рассказы» (21 стихотворение, 19 рассказов) [2]. Все его рукописи в 1975–1979 годах изучались участниками фольклорно-этнографической экспедиции Иркутского университета им. А. А. Жданова под руководством кандидата филологических наук В. П. Зиновьева (1942–1983).

Кроме названных рукописей и их машинописных копий в виде книг, оформленных перечисленными исследователями, в музее есть авторская запись 15 стихотворений в школьной тетради, отпечатанной Дальне-Восточно-Сибирским акционерным обществом «Книжное дело» (Благовещенское отделение, типография «Амурская правда»). Только в этой тетради имеются сведения о том, когда и где были написаны стихотворения: 1914 г., пос. Батаканский; 1920 г., Ксеньевская, Джилинда; 1921 г., Сретенск, пос. Батаканский; 1925 г., Хабаровск, Благовещенск; 1927 г., Чита.

Приведём строки анализа произведений Коренева, данного В. П. Зиновьевым: «Очень жаль, что Платон Коренев не выбрал единого принципа в построении записок. Это не до конца воспоминания, это и не до конца художественный подход к материалу. Писать о Кореневе, мне кажется, надо не как о самородке (это спорно, очень спорно), а как о явлении, характерном для эпохи Гражданской войны. Это был всплеск, порыв к самосознанию простых людей. Эти знаменательные записки были бы ценнее, если бы в них всё было достоверно, а там вымысел» [5].

Действительно, записки не имеют признаков воспоминаний – точных дат, детализаций, полных названий должностей, иногда имён и отчеств, либо отчеств, документальных материалов, указаний на источники. Автор описывает и те события, в которых сам явно не участвовал, например, гибель С. Г. Лазо. Это литературно-художественное произведение, созданное на основе личных воспоминаний, а лучше сказать, жизненного опыта, воспоминаний других лиц – воспоминаний непроверенных, в том числе неверных.

Платон Коренев – именно самородок, талант казачьей среды. Его литературные способности – не всплеск, вызванный Гражданской войной, которая, может, только усилила его дар. Дар был изначально – есть стихи, написанные им в детстве и юности (до 1914 г.), есть стихи, занимающие несколько десятков страниц машинописи, жанры их ещё следует определить, возможно, это поэмы.

Всё или почти всё достоверно в первой книге записей – «Красногвардейцы», в которой автор ведёт повествование от первого

лица, чего нет в других книгах, где есть Платон, «он» и автор смотрит на него со стороны. По нашему мнению, это обстоятельство связано с пребыванием автора в белогвардейской тюрьме и белогвардейском казачьем подразделении. Этот период биографии стал для него мучительным, в последующем отразился на творчестве. Кажется, не будь этого обстоятельства, он написал бы полноценные воспоминания без какого-либо вымысла.

В разделе «Рассказы бойцов» чужеродны два произведения устного народного творчества. Быличка «Невидимый смолокур», действие которой происходит в Аркиинской станице, и сказка о сербском князе. Произведения фольклора есть и в некоторых главах произведения о Гражданской войне. Может, следовало их выделить в приложение. В работе Платона Коренева о Гражданской войне уместна и даже необходима только легенда – предсказание об особом гнедом коне, выращенном казаком Куларской станицы ЗКВ [2, с. 217], поскольку далее прослеживаются гибель на нём нескольких всадников – красных и белых, а также попытки красного казака Коноплева застрелить этого коня и прервать череду трагедий.

Действующие лица сказания не вымышленные. Судьба некоторых из них прослеживается на протяжении длительного периода. Среди таких – казак пос. Батаканского хорунжий, полный Георгиевский кавалер Михаил Фёдорович Ёлгин, ставший в связи с определёнными обстоятельствами командиром сотни, потом полка красных казаков на Дурском фронте в 1918 году. Позже перешёл на сторону белогвардейцев, был младшим офицером, командиром сотни, в 1922 году бежал в Китай через Владивосток. Своё произведение П. Коренев посвящает Гражданской войне в Забайкалье. Однако в нём есть экскурсы в прошлое: в неопределённое автором «старое время», когда «наши попы успели обратить в православную веру четверть японцев...», когда «полк уссурийцев стоял в Нерчинске, а полк забайкальцев – в Приморье» [Там же, с. 217, 256]. О Русско-японской войне 1904–1905 годов и некоторых её участниках есть несколько напоминаний. Среди них описание подвига священника Щербакова, который «поднял крест и повёл солдат на цепи японцев. Православные японцы сняли шапки, стали на молитву и стали креститься, а наши воспользовались этим и вышли из окружения» [Там же, с. 126]. Участниками той войны были князь Оболенский, казаки Батаканского посёлка Иван Ефимович Коренев (прозвище Моколоча) и отец Платона, служившие в одной сотне. В произведении есть

описание их встречи в пос. Батаканском во время Гражданской войны. А последнее событие произведения произошло в 1924 году.

География труда П. Коренева (без учёта стихотворений и рассказов) обширна. Это Чита, большая часть Забайкалья, Иркутск, Прибайкалье, Благовещенск, некоторые населённые пункты Приамурья, приграничная территория Китая. А также станицы ЗКВ: Актагучинская, Аркиинская, Богдатская. Догинская, Знаменская, Сретенская и др. Отметим, что действующих лиц очень много, среди них и так называемые в своё время инородцы, иностранцы – сербы, мадьяры, японцы и др. Россияне – не только забайкальцы, в большинстве казаки, но и жители других губерний, например, ишимцы, ушедшие в Китай.

Особенно много внимания автор уделил японцам – «непрошеным гостям». Неофициальные отношения белогвардейцев и японцев, по его мнению, были неприязненными – сказывалась память об отцах обеих сторон, участниках Русско-японской войны 1904–1905 годов и статус японцев-интервентов и наёмников. Японцы для П. Коренева, как, впрочем, и другие иностранцы, – не безликая масса. В нескольких эпизодах повествования показаны разные по отношению к войне японцы. Кстати сказать, Коренев написал слова песни о японцах, погибших на горе Мотогор во время Богдатского боя (1919 г.).

В каждой забайкальской семье П. Коренев известен как автор слов ставшей народной застольной песни «На смерть Погадаева» [8]. Ещё несколько песен на его стихи были популярны во время Гражданской войны и некоторое время после неё. Текст вышеупомянутой песни под заголовком «Памяти Федота Аввакумовича Погадаева» с указанием автора был помещён в сборнике поэтических произведений [9, с. 137–138] и других сборниках. В конце 1960-х годов в Сретенской районной газете была начата публикация воспоминаний Коренева, написанных им по просьбе редактора. Однако публикация прервалась: два бывших красных партизана, жители Сретенска, прислали в редакцию письмо, в котором утверждали, что Коренев – белогвардеец. Этот кратковременный факт его биографии, а также присутствие в произведениях казаков – Георгиевских кавалеров – сказались на неудачных попытках издания его произведений.

Это подтверждает документ: «Платон Коренев. Гражданская война в Забайкалье. 1. П. Коренев решил повторить опыт К. Седых, но вышло литературно слабовато – требует большой переработки. 2. История написана, нарушая историческую правду. Поэтому

не имеет интереса, нет воспитательного значения молодёжи. З. Для архива извращённая история может запутывать историков, поэтому не годится. И. Н. Козлов. 15 июня 1964 года». Суждение И. Н. Козлова содержит противоречие: с одной стороны, произведение Коренева требует большой переработки, с другой – оно даже для архива не годится. На наш взгляд, не стоит судить о Кореневе так резко. Платон Коренев – казачий поэт и прозаик, потому что абсолютное большинство героев его произведений – казаки: белые и красные. У них менталитет воинов–кавалеристов и земледельцев, они и в условиях междоусобной войны, отягощённой интервенцией, соблюдают традиции своего сословия и войска.

В прозе Коренева – «золотая россыпь» сведений о Гражданской войне. В поисках родословных, данных о предках, чем в настоящее время заняты многие, эти сведения были бы подспорьем. В связях с прошлым, оборванных по известным причинам, духовная поддержка, сила и богатство народа. Произведение Коренева о Гражданской войне нуждается в современном объективном историко-филологическом и краеведческом прочтении, чтобы определить достоверность событий и характеристик личностей, систематизировать фольклорные произведения. И, может быть, решить вопрос об его издании с необходимыми предисловием и примечаниями.

Источники и литература

1. **Автобиографическая** справка. Фрагмент: рукопись. Свободный. – 1962. – 6 сент. (подпись неразборчива).
2. **Коренев П. В.** Гражданская война в Забайкалье: машинопись. – 309 с.
3. **Коренев П. В.** Стихотворения и рассказы: рукопись. – 158 с.
4. **Личный архив Ф. Н. Резанова.** Подборка материалов о Гражданской войне: оформлена в 1981 г.
5. **Письмо В. П. Зиновьева Ф. Н. Резанову:** рукопись. – 1977.
6. **Письмо И. Я. Шишимарина,** жителя г. Сретенска, Ф. Н. Резанову. – 1989. – 7 февр.
7. **Письмо Филиппова,** жителя г. Хабаровска.
8. **Резанов Ф. Н.** Автор песни о Погадаеве // Путь Ильича. – 1978. – 28 февр.
9. **Стихи,** песни, частушки времён гражданской войны в Забайкалье: поэтический сб. / предисл. и примеч. Л. Е. Элиасова. – Чита: Кн. изд-во, 1957. – 399 с.

УДК 94(47+57):070(571.620)

ББК ТЗ(2): Ч61(2РОС-4ХАБ)-283.31

Владимир Васильевич Иванов-Ардашев,
редакция газеты «Приамурский казачий вестник»;
Окружное казачье общество Хабаровского края
Уссурийского войскового казачьего общества,
г. Хабаровск, Россия

Хабаровский «Приамурский казачий вестник» как пример специализированного периодического печатного издания

В статье говорится об «информационном взрыве» в казачьей журналистике в годы перестройки и в постсоветский период, об уровне профессионализма казачьей периодики, о важности её поддержки региональными и федеральными бюджетами, о зависимости периодики от вхождения казачьих обществ в реестр. Рассказывается о региональной газете «Приамурский казачий вестник» – печатном органе Окружного казачьего общества Хабаровского края в составе Уссурийского войскового казачьего общества.

Ключевые слова: «информационный взрыв», казачья журналистика, региональная газета «Приамурский казачий вестник», Окружное казачье общество Хабаровского края, Уссурийское войсковое казачье общество, финансовое содействие, Правительство Хабаровского края, казачьи сайты

Vladimir V. Ivanov-Ardashev,
The newspaper "The Amur Cossack Bulletin";
Regional Cossack society of the Khabarovsk territory
of the Ussuri Cossack army society,
Khabarovsk, Russia

Khabarovsk "Amur Cossack Bulletin" as an example of a specialized periodical publication

The article deals with the "information explosion" in Cossack journalism in the years of perestroika and in the post-Soviet period, the level of professionalism of Cossack periodicals, the importance of its support by regional and Federal budgets, the dependence of the periodicals on the entry of Cossack societies in the register. Describes the regional newspaper "the Amur Cossack Bulletin" – a publication of the Regional Cossack society of the Khabarovsk Krai as part of the Ussuri Cossack army society.

Keywords: "information explosion", Cossack journalism, regional newspaper "the Amur Cossack Bulletin", the District Cossack society of the Khabarovsk territory, the Ussuri Cossack army society, financial assistance, the Government of Khabarovsk Krai, Cossack sites

Накануне Октябрьской революции и позже, в годы Гражданской войны и эмиграции, казачья пресса была весьма активна и зачастую в количественном отношении превышала другие периодические издания, оппозиционные большевикам. В местах компактного проживания эмигрировавших на чужбину казаков, особенно в Сербии и Маньчжурии, казачьи газеты и журналы вообще доминировали, находясь в лучшем финансовом и организационном положении.

Спустя многие десятилетия, в годы перестройки и в постсоветской России, в казачьей журналистике наблюдается «информационный взрыв», создаётся множество периодических изданий. Но говорить о едином информационном поле в сфере казачества, на наш взгляд, не приходится, ибо поле это «разорвано», и наряду с качественными, профессионально оформленными газетами и журналами существует множество информационных творений, которые в пору назвать «самиздатовскими». Не все из них находятся в оппозиции к Войсковым казачьим обществам, как ныне называют казачьи войска, но всё же большинство информационных листков, отпечатанных даже не в типографии, а на обычном ксероксе и малым тиражом, стремятся заявить о себе скандальными публикациями. Это отражает положение дел в казачестве, когда наряду с одиннадцатью Войсковыми казачьими обществами, действующими в разных регионах и объединяющими десятки тысяч казаков, существует немало так называемых вольных казачьих сообществ, не желающих входить в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации.

Вхождение в государственный реестр – вообще краеугольный камень нынешней си-

туации в казачестве. Когда в предыдущие годы экономическая ситуация в стране была благополучной, большинство первичных казачьих обществ стремились войти в реестр и заниматься охраной общественного порядка на платной, профессиональной основе (или, как пишут в официальных документах, на возмездной основе). Сейчас же региональные и федеральный бюджет находятся в стеснённом положении и не все заявленные ранее меры поддержки казачества находят должное финансовое обеспечение. Конечно, казаки по-прежнему участвуют в охране общественного порядка и оказывают содействие пограничникам, другим правоохранительным структурам и делают это на добровольной и безвозмездной основе. Но сама идея вхождения в реестр, или, как говорили в старину, на государеву службу, начинает давать сбой. Усилилось стремление к самостоятельности амбициозных атаманов, решивших отколоться от Войсковых казачьих обществ, в которых им якобы не нашлось места. Существует и нажим из-за рубежа, когда отдельные казачьи общества, отечественные и заграничные, объединяются в некие союзы казаков России и Зарубежья. Конечно, в численном отношении они незначительны, но имеют финансовые возможности, издают газеты и активно действуют в интернете.

По сравнению с «бурными девяностыми», российское казачество нынче укрепилось в организационном и правовом отношении. Государство оказывает казачеству немалую поддержку. И всё же в условиях глобального экономического кризиса и санкций со стороны Запада казачество также испытывает трудности, как и общество в целом. Вхождение казаков в государственный

реестр – нынче не просто кампания, а острая необходимость и проявление безусловной поддержки Президенту РФ В. В. Путину. И это не просто красивые слова, а традиция казачества – теснее спланиваться в трудную минуту и защищать Отечество и его верховного главнокомандующего, каковым является Президент, что вызывает особую неприязнь у недоброжелателей России, усилившуюся в последнее время.

А теперь о региональной газете «Приамурский казачий вестник» – печатном органе Окружного казачьего общества Хабаровского края, входящем в состав Уссурийского войскового казачьего общества и действующем на территории Дальневосточного федерального округа [Приамурский...]. Газету читают не только казаки Хабаровского края, но и Приморья, Сахалина, Колымы, Саха (Якутии), Камчатки, Забайкальской и Амурской областей. Газета выходит раз в месяц и распространяется через атаманов. Тираж – 3500 экземпляров, но с учётом рассылки номеров в формате PDF по интернету тиражируется на десятках казачьих сайтов. Газета издаётся с мая 2012 года. И первый редактор, Виталий Фёдорович Захаров, и ныне действующий – профессиональные журналисты и писатели, члены творческих союзов, отмеченные многими наградами.

«Приамурский казачий вестник» издаётся при финансовом содействии Правительства Хабаровского края. Читают газету не только руководители нашего региона, но и, например, Владимирской области, где губернатор Светлана Юрьевна Орлова – бывшая дальневосточница, филолог по образованию, и вести из Приамурья ей всегда интересны. Она в курсе новостей из Дальневосточного федерального округа, откуда она родом – из посёлка Облучье, где живут потомки амурских казаков. Читают газету и в других регионах, куда она рассылается в печатном виде и электронном формате, в чём заслуга Казачьего информационно-аналитического центра и нашего земляка, есаула Сергея Прудкого, благодаря которому «Приамурский казачий вестник» выложен на десятках сайтов, в том числе зарубежных, русскоязычных. Знакомы с «Приамурским казачьим вестником» в Австралии, в штате Квинсленд, где живут потомки «белых» забайкальских казаков, ушедших в Маньчжурию, а затем переместившихся на южный континент. Существует рассылка по России – в Москву, Владивосток, Благовещенск, Читу, Ростов-на-Дону, даже в Украину, где казаков нынче не жалуют.

В газету идут отклики. Так, на сайте Казачьего информационно-аналитического центра с интересом прореагировали на публикацию о том, что хабаровские казаки вошли в Ассоциацию народов Хабаровского края на правах народа. «Рады за дальневосточников! – пишет Сергей Матвеев. – На Ставрополье тоже давно признали казаков отдельным народом. В краевом Доме дружбы дали отдельный кабинет наряду с кабардинцами, грузинами, русскими и другими. Причём, никто не ждал законов или других юридических закорючек. Этот факт не требует подтверждения. Согласен с автором статьи, сказавшим: “я русский, ещё и казак”. Здесь в ходу выражение: “Казачья – это народ, часть русского народа”. И это не парадокс». Немало откликов на местном сайте «Казачья Хабаровска и Хабаровского края», редактируемом младшим вахмистром Сергеем Пробатовым, который, благодаря интернету, также известен за пределами края.

Авторы газеты «Приамурский казачий вестник» регулярно публикуются в журнале «Казачья», выходящем в Москве и являющемся общероссийским. И даже новую рубрику – о региональных казачьих СМИ – в журнале начали с «Приамурского казачьего вестника». В профессиональном и имиджевом отношении газета котируется, но вряд ли об этом знают, например, чиновники от журналистики, для которых газеты, как говорится, на одно лицо. За четыре года существования «Приамурского казачьего вестника» в Хабаровске его ни разу не отметили, хотя его редакторы, как было сказано выше, – опытные журналисты и писатели. Когда-то выпустить книгу для журналистов считалось высшим классом, и к этому порой шли всю жизнь. Нынешние молодые журналисты об этом и не мечтают.

Современный кризис проявляется во многом – в финансах, смене поколений и технологий, но главное – в умах. Не секрет, что многие газеты с трудом выживают, некоторые приостановили свою деятельность. В этом отношении «Приамурскому казачьему вестнику» повезло, будем надеяться, что эта казачья газета, кстати, выходящая в отличном полиграфическом исполнении, будет издаваться и дальше, являясь связующим звеном для казаков Дальнего Востока.

Роль средств массовой информации в Дальневосточном регионе особенно велика, ведь по сравнению с Центральной Россией здесь газет намного меньше, и даже казачья газета, казалось бы, ориентированная исключительно на людей в лампадах, вызывает интерес у читателей-неказаков.

Приамурский казачий вестник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kazakiya.info/amur-cossack-herald> (дата обращения: 03.02.2018).

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК Т3(2)(2РОС-4ЧИТ):(8АВС)-283.31

Сергей Григорьевич Бобров,
региональная организация «Союз казаков – воинов России и Зарубежья
в Забайкальском крае»,
г. Чита, Россия
Наталья Николаевна Константинова,
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия

**«Не австралийцы, а забайкальцы...»
(о сотрудничестве забайкальского казачества
с потомками казачьих иммигрантов в Австралии)**

В статье говорится о потомках забайкальских казаков, проживающих в Австралии, о том, что после окончания Второй мировой войны казаки и их дети, перебравшиеся в Маньчжурию после Гражданской войны, выехали в Австралию, в основном в Мельбурн и Сидней. Упоминается о выставке Забайкальского краеведческого музея, рассказавшей об этом. говорится о создании в 2011 году в составе ЗВКО Австралийского станичного казачьего общества «Посольская Австралийская станица» во главе с атаманом-сотником Бойковым, в 2012 году в Австралии зарегистрировано как “Zabaikal Cossack society of Australia incorporated”.

Ключевые слова: потомки забайкальских казаков, Австралия, Маньчжурия, Мельбурн, Сидней, выставка ЗККМ, Австралийское станичное казачье общество, «Посольская Австралийская станица», атаман Бойков, “Zabaikal Cossack society of Australia incorporated”

Sergey G. Bobrov,
Regional organization “Union of Cossacks-soldiers of Russia and Abroad
in Zabaikalsky Krai”,
Chita, Russia
Natalia N. Konstantinova,
Zabaikal regional Museum of local lore A. K. Kuznetsova,
Chita, Russia

**“Not Australians, and the Zabaikalians...”
(on cooperation of the Zabaikal Cossacks
with Cossack descendants of immigrants in Australia)**

The article deals with the descendants of Zabaikal Cossacks living in Australia, that after the second world war Cossacks and their children who moved to Manzhouli after the Civil war, went to Australia, mainly to Melbourne and Sydney. Mention is made of the exhibition of the Zabaikal Museum of local lore, which told about it. Refers to the creation in 2011 as part of the Australian ZVCO stanitsa Cossack society “stanitsa Australian Embassy” headed by ataman centurion Boikov, in 2012 Australia was as “Zabaikal Cossack society of Australia incorporated”.

Keywords: the descendants of Zabaikal Cossacks, Australia, Manzhouli, Melbourne, Sydney, exhibition ZKKM, Australian stanitsa Cossack society “the Australian Embassy village” ataman Boikov, “Zabaikal Cossack society of Australia incorporated”

В 2014–2015 годах в Забайкальском краевом краеведческом музее имени А. К. Кузнецова демонстрировалась небольшая выставка «Забайкалье – казаки – Австралия». Она появилась благодаря помощи советника губернатора Забайкальского края по казачеству и патриотической работе казачьего генерала С. Г. Боброва и проживающего в Австралии и неоднократно бывавшего в Чите и Забайкалье потомка забайкальских казаков С. М. Бойкова. Он – атаман Австралийского станичного казачьего общества «Посольская австралийская станица», действующего в составе Забайкальского войскового казачьего общества (ЗВКО). Ими предоставлены фотографии и некоторые печатные материалы, рассказывающие о пребывании русских иммигрантов, в том числе и забайкальских казаков в Австралии.

В настоящее время, по некоторым данным, в Австралии проживает более 10 тыс. потомков забайкальских казаков. Несмотря на довольно длительное пребывание на второй родине, они считают себя не австралийцами, а забайкальцами. Их предки родились и выросли за Байкалом. Большинство из них, а это были главным образом, казаки, проживали на территории Приаргунья: возделывали пашни, разводили скот, занимались охотой и рыбной ловлей. Основной же их задачей была охрана границы.

Противясь революционным преобразованиям, не приняв советские порядки, они переселились на сопредельную забайкальскому Приаргунью территорию – в китайское Трёхречье. Кто-то уехал в Харбин или сразу же перебрался в далёкое зарубежье. В Трёхречье, Харбине, например, казаки продолжали жить по старым правилам своего жизнеустройства, как это было на родине – в Забайкалье. Организовывали станичные казачьи общества, церкви и школы, воспитывали детей в тех русских традициях, благодаря которым сформировались сами. После освобождения в 1945 году Северного Китая советскими войсками от японского засилья те русские, кто не был репатриирован обратно в СССР, в конце 1940–1950-х годов вынуждены были выехать в Австралию, где поселились в основном в Мельбурне и Сиднее.

Благодаря инициативе актива ЗВКО и С. М. Бойкова в 2011 году в составе ЗВКО создано Австралийское станичное казачье общество «Посольская Австралийская станица» во главе с атаманом-сотником Бойковым. В активе казачьего общества 42 казака. По рекомендации МИД РФ Австралийское станичное казачье общество стало называться Историческое культурное станичное казачье

общество «Посольская Австралийская станица Забайкальского казачьего общества». В ноябре 2012 года в Австралии зарегистрировано как «Zabaikal Cossack Society of Australia Incorporated». Австралийская казачья Посольская станица объединяет свыше 150 казаков.

В связи с образованием новых казачьих обществ в других городах Австралии в составе ЗВКО, относящихся к Австралийской Посольской казачьей станице, встал вопрос об организации отдела ЗВКО в Австралии. В мае 2013 года была утверждена структура Австралийского Посольского отдела ЗВКО в составе пяти станиц: «Посольская Австралийская станица» (г. Сидней); в штате Виктория – «Посольская Джелонгская станица» (г. Джелонг), «Посольская Мельбурнская станица» (г. Мельбурн), «Посольская Данденонгская станица» (г. Данденонг), «Посольская Тасманская станица» (штат Тасмания). Атаман-организатор Т. З. Тюкавкин ведёт работу по созданию следующей станицы ЗВКО в Австралии – в г. Брисбене.

Посольский Австралийский отдел ЗВКО – официально признанная, общественная организация казаков в Австралии. Руководству Отдела дано право самостоятельно оформлять приглашения для иностранных граждан с целью посещения Австралии. Кстати сказать, в Австралии такое разрешение получить непросто, оно даётся гражданам иностранных государств за редким исключением. Забайкальские казаки в Австралии поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации и Президента В. В. Путина. Это неоднократно выражалось в проведении запланированных акций в Сиднее и Канберре.

Для решения вопросов сотрудничества австралийских казачьих потомков с представителями казачества в Забайкалье и в целом в России атаман С. М. Бойков неоднократно встречался с послом России в Австралии В. Н. Морозовым и Генеральным консулом РФ в Сиднее С. Б. Шипиловым. Казаки Австралийского отдела не раз оказывали гуманитарную помощь русским на востоке Украины, где при поддержке США и Запада велись боевые действия по уничтожению русского населения, которые спровоцировали там разрушения, квалифицирующиеся как гуманитарная катастрофа. Казаки Мельбурнской станицы провели работу по сбору денежных средств для гуманитарной помощи детям Новороссии.

С. М. Бойковым совместно с председателем Совета российских соотечественников

Австралии в штате Южный Уэльс И. В. Симоньян организован и налажен выпуск газеты Посольского австралийского отдела «Русский рубеж». В настоящее время выпущено семнадцать номеров этой газеты. Она распространяется среди представителей русской диаспоры, в том числе потомков забайкальских казаков. Газета «Русский рубеж» доводит до представителей казачества и всего населения Австралии правдивую информацию в отношении международной политики России, пропагандирует идею поддержки казаками Австралии международной российской политики. Общество казаков открыло свой сайт в интернете.

Примером поддержания патриотических настроений среди потомков казачества в Австралии послужил следующий факт. Представители депутатского корпуса Законодательного Собрания Забайкальского края при активном содействии руководителя Регионального управления строительства А. И. Филонича в 2015 году передали копию знамени Победы в Великой Отечественной войне казачьему атаману Австралии С. М. Бойкову, который отозвался словами: «К сожалению, жители Австралии больше знают о высадке англо-американских союзников в Нормандии, чем о героическом подвиге советских солдат во Второй мировой войне. Мы хотим участвовать в восстановлении справедливости в оценках роли в Победе участников той войны. Я отвезу копию знамени в Австралию. Один из символов Победы во Второй мировой войне впервые окажется на пятом континенте, такая акция позволит дать отпор неонацизму и напомнить австралийцам о роли советских войск во Второй мировой войне».

Посольский австралийский отдел под руководством атамана С. М. Бойкова во взаимодействии с Комитетом русских соотечественников в Австралии провели на австралийской земле празднование 70-летней годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Все вопросы празднования решались по согласованию с руководством посольства России в Австралии. На этих мероприятиях было представлено подаренное депутатами Законодательного Собрания Забайкальского края С. М. Бойкову знамя Победы (копия). Оно вместе с государственным флагом РФ было торжественно вынесено казаками на этих празднествах. Состоялось возложение венков к памятнику советским воинам Великой Отечественной войны. А со Знаменем Победы был проведён автопробег по главным улицам Сиднея.

Активисты Посольского австралийского отдела приступили к сбору документов,

писем, рукописных материалов, книг, периодических изданий, а также вещественных казачьих раритетов, которые в своё время, направляясь на чужбину, увозили с собой штабы казачьих и других воинских формирований, семьи казаков. При этом преследуется благородная цель: вернуть всё это домой в Россию, чтобы представители молодого поколения, их потомки в России могли изучать военную, гражданскую историю казачества дореволюционной России, тяготы жизни на чужбине в эмиграции. Эта акция проводится под лозунгом «Всё, что увезено, то сохранено», причем всё это делается на личные средства казаков Австралии.

С 30 августа по 5 сентября 2015 года в Забайкальском крае по плану Россотрудничества находилась делегация в количестве 8 потомственных забайкальских казаков Посольского австралийского отдела (Австралия) ЗКВ. Её участники выезжали к месту бывшего Иргенского острога на открытие памятника казакам-землепроходцам и сотнику Петру Бекетову, заложившим этот острог осенью 1653 года; посетили Великий водораздел на Яблоновом хребте; приняли участие в мероприятии Фонда «Историческое наследие» (рук. А. И. Филонич), на котором торжественно были переданы собранные австралийскими казаками средства на изготовление и открытие памятника Цесаревичу Николаю; были в числе почётных гостей парада войск Читинского гарнизона, посвящённого 70-летию Победы во Второй мировой войне; выезжали на встречу с жителями сельского поселения Улятуй Оловянинского района, где состоялась передача Казанской иконы Божией Матери, вывезенной казаками во время революции из местного храма, и передали им деньги на выкуп дома у местного хозяина, в котором располагался приход в Улятуде; участвовали в осмотре стрелкового оружия спецподразделений полиции и выполнили упражнения учебных стрельб на полигоне в районе пос. Застепа.

В Москве в декабре 2015 года делегация Посольского Австралийского отдела под руководством атамана отдела С. М. Бойкова по приглашению принимала участие в работе 1-го Большого круга Союза казаков – воинов России и Зарубежья. Делегация поддержала все решения, принятые на этом Круге. Выступая на Круге, С. М. Бойков внёс предложение, которое послужит активизации международного сотрудничества потомков казачества, проживающих в разных странах мира. Вот выдержки из его выступления: «...Организовать работу с зарубежными представительствами СКВРиЗ с учётом из-

менений в политической ситуации в мире, поддерживая, прежде всего, те казачьи организации за рубежом, члены которых считают Россию своей родиной и готовы активно пропагандировать её культурные, научные и прочие достижения, а также православные ценности, развенчивать распространяемую западными средствами информации клевету в отношении Российской Федерации и её Президента В. В. Путина... Целесообразно обратиться в МИД Российской Федерации с предложением дипломатам РФ проводить ежегодные семинары с атаманами казачьих обществ за рубежом... В Австралии мы пы-

таемся защитить имя России настолько, насколько нам это позволяет законодательство... Забайкальский край должен гордиться тем, что Посольский австралийский отдел ЗВКО проводит различные акции в поддержку России, в том числе и жителей Крыма... В вопросе, связанном с Крымом, мы занимаем пророссийскую позицию и даже проводили митинг в поддержку жителей полуострова. Взгляды властей Австралии мы не разделяем. Кроме того, нам непонятно, почему Австралия ввязалась в это, хотя никак не связана ни с Украиной, ни с Крымом. Вероятно, что санкции вводятся в угоду США».

УДК 94(47+57):908(571.55)
ББК ТЗ(2)6(2РОС-4ЧИТ)-283.31

*Наталья Николаевна Константинова,
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*
*Людмила Николаевна Травкина,
Читинский педагогический колледж;
Забайкальское казачье войско,
г. Чита, Россия*

**Забайкальский краеведческий музей
как центр исследования и популяризации
истории забайкальского казачества**

В статье говорится о состоявшейся в 2016 году в ЗККМ межрегиональной научно-практической конференции «Забайкальское казачество в историческом и культурном пространстве», посвящённой 165-летию создания ЗКВ, о сотрудничестве ЗККМ с правлением ЗКВ. Рассказано о комплексе проблем, поднятых на конференции, о выработанных рекомендациях в отношении исследования и популяризации казачьей истории. Дано описание выставки «Казачьи раритеты» из частных, школьных и вузовских коллекций, рассказано о состоявшихся в музее вечерних казачьих посиделках.

Ключевые слова: *межрегиональная научно-практическая конференция «Забайкальское казачество в историческом и культурном пространстве», 165-летняя годовщина создания ЗКВ, ЗККМ, исследования, рекомендации, популяризация казачьей истории, выставка «Казачьи раритеты»*

*Natalia N. Konstantinova,
Zabaikal Regional Museum of Local Lore A. K. Kuznetsova,
Chita, Russia*
*Lyudmila N. Travkina,
Chita pedagogical College;
Zabaikal Cossack army,
Chita, Russia*

**Zabaikal regional Museum of local lore as a center of research
and popularization of the history of the Zabaikal Cossacks**

The article deals with the interregional scientific-practical conference "Zabaikal Cossacks in the historical and cultural space", devoted to the 165 anniversary of the creation of ZKV, on the cooperation of ZKKM with the management of ZKV, held in 2016 in ZKKM. It is told about a complex of the problems raised at conference, about the developed recommendations concerning research and popularization of Cossack history. The description of the exhibition "Cossack rarities" from private, school and University collections, told about the evening Cossack gatherings held in the Museum.

Keywords: *interregional scientific-practical conference "Zabaikal Cossacks in the historical and cultural space", 165-year anniversary of the creation of the ZKV, ZKKM, research, recommendations, popularization of Cossack history, exhibition "Cossack rarities"*

В очередную, 165-летнюю годовщину создания Забайкальского казачьего войска (ЗКВ), продолжено сотрудничество Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова (ЗККМ) и правления ЗВКО: 29–30 марта 2016 года прошла межрегиональная научно-практическая конференция «Забайкальское казачество в историческом и культурном пространстве» [Забайкальский...]. В рамках конференции в музее состоялась презентация выставки «Казачьи раритеты» из частных, школьных и вузовских коллекций, а также вечерние казачьи посиделки.

Эта знаменательная дата и названные научные и воспитательно-образовательные мероприятия ещё раз напомнили, что почти 300-летняя история Забайкалья пронизана казачьим присутствием. Подчёркивалась несомненная историческая значимость казачества как первых носителей в Забайкалье российской государственности, как силы, которая в XVII и XVIII веках оградила от притязаний южных соседей вновь приобретённые восточные территории. В XIX веке забайкальские казаки, организованные в Забайкальское казачье войско, вновь приумножили российские территории, реализовав задуманную восточносибирским генерал-губернатором Н. Н. Муравьёвым амурскую политику, и пресекли попытки других стран укрепиться на Дальнем Востоке. Забайкальские казаки в Русско-китайскую, Русско-японскую, Первую мировую войны (1900–1901, 1904–1905, 1914–1918) ценой своих жизней отстаивали российские государственные интересы. И не важно, чью сторону – красную или белую – занимали те или иные казачьи сыны в Гражданскую войну, все они были государевыми людьми, каждый верил в свою Россию, желая ей лучшего будущего.

На конференции представители возрождённого Забайкальского казачьего войска, историки и философы, музейщики и архивисты, краеведы и преподаватели рассмотрели исторические вопросы забайкальского казачества, современные проблемы его возрождения, обсудили образовательные и культурные задачи, которые решаются на современном этапе в воспитательных учреждениях, в том числе там, где активно изучаются казачьи традиции. Конференция не обошла вниманием боевые и трагические страницы истории забайкальских казаков: их участие в войнах начала XX века, раскол, произошед-

ший в казачьих рядах во время Гражданской войны, последовавшие в советское время репрессии. Особое внимание было уделено результатам изучения казачьих родословных и тому, как сложились в дальнейшем судьбы казаков и их потомков, как пришлось им обжиться на чужбине в Маньчжурии и на других территориях.

Вырабатывая решение конференции, участники выдвинули предложение о проведении «круглого стола» с участием представителей казачества и властных структур Забайкальского края для обсуждения целого ряда вопросов современного состояния ЗКВ, конкретизации предложений, связанных с выполнением Законов РФ по казачеству. Вновь предлагалось переиздать монументальный труд А. П. Васильева «Забайкальские казаки», а также начать выпуск ежегодных календарей знаменательных дат по истории забайкальского казачества. Участники конференции высказали пожелание при выработке школьных образовательных программ по изучению истории и традиций казачества предусматривать посещение ЗККМ и совместные с ним мероприятия. По-прежнему остаётся актуальным увековечение забайкальских казаков – Георгиевских кавалеров мемориальными средствами. Тогда ещё было актуально обращение к губернатору Забайкальского края с просьбой предусмотреть финансирование иллюстрированной книги по истории забайкальского казачества из подарочной серии РИЦ «Энциклопедия Забайкалья».

Одобрив инициативы (конференции, сборники статей, публикации в газетах, выставки, музейные праздники), которые принимает Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова для популяризации истории забайкальского казачества, участники конференции выразили озабоченность тем, что средства массовой информации в этом отношении занимают индифферентную позицию. Исключение составляет корреспондент газеты «Азия-экспресс» Т. П. Ломбаев. Был отмечен вклад в исследование и популяризацию истории забайкальского казачества В. Ю. Апрелькова, подготовившего книги о забайкальских казаках – Георгиевских кавалерах, выражена благодарность оказавшим ему содействие в их издании Г. Г. Богданову и Г. А. Жеребцову, а также учёному секретарю ЗККМ Н. Н. Константиновой за книгу «Рубеж полуденного края (формирование и охрана забайкальской

границы в середине XVII – начале XX века)», в которой автором особо отмечена роль казачества как защитника русских рубежей на востоке России.

Открывшаяся торжественной презентацией выставка «Казачьи раритеты» представила предметы, переданные на время её работы частными владельцами, главным образом, школьными и университетскими преподавателями, а также школьниками. В её экспозицию вписалась коллекция кукол-казачек в традиционных костюмах, собранная преподавателем Л. Н. Травкиной из казачьего рода, увлечённо составляющей историю своих предков. Рядом с её куклами-казачками – кукла-матрёшка «донской казак» из коллекции Научно-образовательного музейного центра ЗабГУ, декоративный колокольчик «русская казачка» ставропольских мастеров.

Вместе с казачьими наградами, историческими и современными, – материалы, рассказывающие о забайкальском казачьем роде Эповых, которые представил преподаватель ЗабГУ, философ и этнограф А. В. Жуков. Коллекционер Н. Д. Савкин предоставил казачьи плётки и нагайку, выполненную по старым образцам. Представительница казачьего рода Погодаевых Т. В. Ланцева сохранила и принесла в музей связанные ещё в 1930-е годы её бабушкой Феоктистой Прокопьевной Погодаевой покрывало и накидку на подушку.

Интересные документы своего прапрадеда, казака Михаила Кудинова из Цаган-Олуевской станицы, сохранила и передала на выставку читинка Анна Ушакова. Это Свидетельство М. Кудинова об окончании Кондуревского одноклассного училища в 1888 году и Приказ-благодарность с объявлением «Царского спасибо» казаку-малолетке Цаган-Олуевской станицы Михаилу Даниловичу Кудинову за участие в войсковом смотре в июле 1889 года с подписью наказного атамана ЗКВ, генерал-майора Хорошхина. Если провести дополнительные разыскания, можно подтвердить факт его участия в Русско-китайской и Русско-японской войнах, за которые он был награждён ЗОВО 4-й и 3-й степени.

Как полагают, на выставке были подлинными фотографии – поистине бесценные

исторические реликвии забайкальских казаков, в том числе две: «Забайкальские казаки Приамурской сотни Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка» (1910-е гг.) и «Участники Первого съезда ЗКВ в Чите» (22–27 мая 1917 г.) – сборы известного педагога, краеведа и создателя Музея народного образования, ныне покойной В. П. Константиновой.

Выставку дополнили предметы из фондов ЗККМ. Походная чернильница конца XVII – первой половины XVIII века – свидетельство казачьих сибирских походов, казачьи переметные сумки, патронташ, медали и Знаки отличия на папаху за участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов, и, конечно, фотографии забайкальских казаков – Георгиевских кавалеров, участвовавших в Русско-китайской (Китайском походе), Русско-японской и Первой мировой войнах: Г. И. Комогорцева, С. М. Топоркова, Е. С. Блохина, С. А. Филиппова, Е. Лобанова, И. Власова.

На открытии выставки выступили и те, кто предоставил материалы, и приглашённый самодеятельный ансамбль Совета ветеранов Ингодинского района г. Читы «Берёзоньки» под управлением П. В. Перминова. Активные участники конференции и выставки были награждены грамотами ЗККМ и книгами по истории забайкальского казачества, был исполнен гимн забайкальских казаков. А на казачьих посиделках истинное наслаждение получили присутствующие от духовных стихов, старинных казачьих песен в исполнении музыкально-фольклорного коллектива «Читинская слобода» под руководством А. И. Рюмкина.

Конференция и выставка показали, насколько велик интерес к казачьей истории не только крупных учёных, но и начинающих научных поиски молодых исследователей, которых их наставники воспитывают в духе любви к Отчизне. Иначе бы не откликнулся на просьбу музея и не предоставил на выставку отысканные бытовые казачьи вещи ученик 9-го класса средней школы № 47 г. Читы Василий Бутин. А учитель читинской школы № 8 Е. А. Бахметьева не передала бы на эту выставку макет казачьего острога, выполненный её подопечными.

Источники и литература

Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museums75.ru> (дата обращения: 15.02.2018).

УДК 008(571.55)
ББК Ч108.3(2РОС-4ЧИТ)

Елена Геннадьевна Ерохина,
Учебно-методический центр культуры
и народного творчества Забайкальского края,
г. Чита, Россия
Наталья Павловна Решта,
Учебно-методический центр культуры
и народного творчества Забайкальского края,
г. Чита, Россия

Популяризация традиционной народной культуры забайкальского казачества на примере деятельности ГУК «Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края»

Одним из приоритетных направлений деятельности Государственного учреждения культуры «Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края» является выявление, сохранение, изучение и популяризация традиционной культуры народов Забайкалья. Для выявления образцов казачьего фольклорного наследия осуществляются этнографические экспедиции, работает музей нематериального культурного наследия «Живая старина Забайкалья». Фестивали по традиционной культуре являются важным элементом популяризации фольклорного наследия. Таким образом, на сегодняшний день фольклорное наследие забайкальского казачества остаётся актуальным и востребованным.

Ключевые слова: казачество, традиционная культура, нематериальное культурное наследие

Elena G. Erohina,
Education and Methodological Center
of Culture and Folk Art of Transbaikal region,
Chita, Russia
Natalya P. Reshta,
Education and Methodological Center
of Culture and Folk Art of Transbaikal region,
Chita, Russia

Promotion of traditional folk culture of the Zabaykal Cossacks on the example of hooke “Educational-methodical center of culture and folk art in Zabaykalsky Krai”

One of the priorities of the State cultural institution “Educational and methodical center of culture and folk art in Zabaykalsky Krai” is the identification, preservation, studying and popularization of traditional culture of peoples of Zabaikalia. To identify samples of the Cossack folklore heritage are carried out ethnographic expeditions, a Museum of intangible cultural heritage “Living antiquity of Zabaikalia”. The festivals of traditional culture is an important element in the promotion of the folklore heritage. Thus, today the folk heritage of the Zabaykalsky Cossacks remains relevant and in demand.

Keyword: cossacks, traditional culture, intangible cultural heritage

Одним из приоритетных направлений деятельности Государственного учреждения культуры «Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края» (далее – Центр) является выявление, сохранение, изучение и популяризация традиционной культуры народов Забайкалья.

Для выявления степени бытования и трансформации сохранившихся образцов

казачьего фольклорного наследия осуществляются этнографические экспедиции в населённые пункты, известные как места компактного проживания казаков и их потомков. В основном это южные и юго-восточные районы края. Для сотрудников отдела традиционной культуры Центра важно проанализировать, насколько сохранены в быту образцы фольклора. Во время экспедиций сотрудниками

фиксируются песенная традиция, народная хореография, семейно-бытовые и календарные обряды, народные игры, народные приметы, декоративно-прикладное творчество, а также сведения краеведческого характера (история заселения, возникновения населённых пунктов, их названия). Собиратели делают аудио- и видеозаписи как отдельных исполнителей, так и певческих ансамблей. Основными методами исследования являются интервьюирование, видео- и фотофиксация.

В настоящее время в архиве отдела традиционной культуры из 2676 образцов народной традиционной культуры более 800 относятся к народной казачьей культуре, включающей песни, репортажи об обрядах, праздниках и играх. Среди образцов песенной культуры забайкальского казачества можно отметить уникальные, относящиеся по времени бытования к XVIII веку, такие как: строевая «Во поле корчажка», протяжная «За Кубой-то рекой», протяжная «Завтра праздник воскресенья».

Экспедиционный материал, прошедший стадии обработки, изучения, публикуется в сборниках «По следам экспедиций» и «Вопросы традиционной культуры», издаваемых Центром с 2003 года. В них приводятся нотированные песни, репортажи, фотографии, исторические справки населённых пунктов и районов.

Обработаны и изданы материалы экспедиций таких казачьих районов Забайкальского края, как Акшинский, Кыринский, Ононский, Оловянинский, Нерчинско-Заводский, Шелопугинский.

Изданы нотные сборники «Веселитесь, храбрые казаки» [1], «Скакал казак через долину» [6], «Песни забайкальских казаков» [4; 5], а также сборник «Казачество: духовная и материальная культура» [2; 3].

В качестве одного из аспектов реализации реконструктивного и образовательного направлений деятельности является существование фольклорного ансамбля «Живая старина». Основная идея ансамбля заключается в сохранении и трансляции аутентичной культуры Забайкалья, в том числе и казачьей. Ансамбль является творческой лабораторией по внедрению в практику новых технологий «погружения» в народные традиции казачества, семейских, других народов Забайкальского края и регионов России. В его репертуаре около пятидесяти лучших песенных образцов казачьей традиционной культуры Забайкальского края.

Основным принципом работы фольклорного коллектива является постоянный контакт

с подлинными образцами песенной культуры, общение с самими носителями традиции.

В основе репертуара «Живой старины» лежат уникальные песни семейских и казаков Забайкалья. Исполнение фольклорных песен и костюмы исполнителей полностью соответствуют подлинной традиции. Коллектив успешно представлял самобытную казачью традиционную культуру Забайкальского края на фольклорных фестивалях, в т. ч. в других регионах России. С целью популяризации фольклорных традиций забайкальского казачества участники ансамбля проводят концерты, игровые программы в общеобразовательных учреждениях и детских садах г. Читы.

С 2012 года в ГУК «Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края» работает музей нематериального культурного наследия «Живая старина Забайкалья». Источниковую базу экспозиции музея составляют образцы устного народного творчества, песенной и празднично-обрядовой культуры русского, эвенкийского и бурятского населения Забайкальского края, большой раздел музея посвящён песенному, обрядовому фольклору забайкальских казаков. Современные музейные технологии позволяют донести до экскурсантов аутентичность исполнения.

Фестивали по традиционной культуре, организуемые Министерством культуры Забайкальского края и ГУК «Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края», являются важным элементом популяризации фольклорного наследия.

Ежегодно в Забайкальском крае проводится Межрегиональный фестиваль казачьей культуры «Забайкальскому краю – любо!». В 2017 году фестиваль проходил в селе Засопка Читинского района.

В рамках фестиваля впервые прошла казачья полоса препятствий, в которой приняли участие четыре команды – станичное казачье общество «Акшинская станица», хуторское казачье общество «Ясинский караул», Читинское хуторское казачье общество «Тихий», Читинское городское казачье общество «Атаманская станица». Одним из главных мероприятий фестиваля стал конкурс творческих коллективов из районов Забайкальского края, Республики Бурятия, Тверской области (г. Тверь).

В завершении фестиваля прозвучала, теперь уже традиционно, казачья песня «Любо, братцы, любо», исполненная всеми участниками и гостями праздника. Межрегиональный фестиваль казачьей культуры «Забайкальскому краю – любо!» носит характер

широкого народного праздника и содействует приобщению подрастающего поколения и молодёжи к культурным и песенно-праздничным традициям казачества.

В 2017 году в селе Нижний Цасучей Ононского района Забайкальского края впервые состоялся Краевой этноэкологический фестиваль «Онон: связь времён и народов». Песенная и частично обрядовая культура казаков была представлена фольклорными ансамблями казачьей песни «Читинская слобода», «Мирсановский караул», «Елань»,

«Родные напевы», «Талисман» и другими из Акшинского, Оловянинского, Ононского, Читинского муниципальных районов. В рамках фестиваля состоялась защита казачьих станиц, выставка-ярмарка изделий мастеров декоративно-прикладного творчества.

Таким образом, фольклорное наследие забайкальского казачества остаётся актуальным и востребованным как среди профессиональных и любительских творческих коллективов, так и среди широкого круга населения края.

Источники и литература

1. **Веселитесь, храбрые казаки** / сост. В. Волков. – Чита, 1995. – 24 с.
2. **Казачество: история и материальная культура** / сост. М. М. Карпова, И. А. Филатченко. – Чита, 2009. – 40 с.
3. **Казачество: духовная культура** / сост. М. М. Карпова, И. А. Филатченко. – Чита, 2009. – 70 с.
4. **Песни Забайкальский казаков: нотный сборник** / сост. Н. Ю. Школа. – Чита, 2011. – Вып. 1. – 34 с.
5. **Песни Забайкальский казаков: нотный сборник** / сост. Н. Ю. Школа. – Чита, 2011. – Вып. 2. – 45 с.
6. **Скакал казак через долину** / Т. М. Зенкова, Л. Н. Ильюшенко. – Чита, 2001. – 49 с.

УДК 94(47+57)(571.55)
ББК ТЗ(2)-283.31(2РОС-4ЧИТ)

*Михаил Вадимович Кайгородов,
г. Москва, Россия*

Формирование исторической памяти родовых казаков на примере экспедиции «Казачий поход “Память”»

В данной статье представлены предварительные результаты изучения истории казачьих семей Забайкальского края. На основе архивных данных рассматривается вопрос расселения казаков 4-го военного отдела Забайкальского казачьего войска, их быта. Одним из важных этапов исследования стала экспедиция в приграничный район Забайкальского края, где жили предки семьи Кайгородовых, род которых на территории края начинает отсчёт с первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: казаки, 4-й военный отдел Забайкальского казачьего войска, экспедиция, с. Усть-Уров

*Michail V. Kaigorodov,
Moscow, Russia*

Formation of the historical memory of ancestral Cossacks on the example of the expedition “Cossack campaign “Memory”

This article represents preliminary results of studying of the Cossack families' history that lived in the Zabaykal Krai. The issue of resettlement of the Cossacks of the 4th Border Division of the Zabaykal Cossack Army and their way of life is being raised on the basis of archival data. One of the important stages of the study was an expedition to the border area of the Zabaykalsky Krai, where the ancestors of the Kaigorodov family lived, whose lineage began from the first quarter of the 18th century in the territory of the region.

Keywords: Cossacks, the 4th Border Division of the Zabaykal Cossack Army, expedition, Ust-Urov village

В условиях глубоких социально экономических и политических преобразований, происходящих в стране за последние 25 лет, отхода от политики государственного атеизма, возвращения христианских ценностей актуальной является тема изучения истории семьи, рода, связанная с конкретными историческими событиями, происходящими в то время в России.

Возвращение к истокам, анализ своего исторического прошлого – это основа понимания социально политических событий, происходящих сегодня, а также фундамент формирования и строительства общественных отношений. Отдельным вопросом, требующим глубоких исследований, является история казачьего рода. В общественно-политическом плане важность этого вопроса обусловлена объективной тенденцией возрождения забайкальского казачества и возрастание его роли в общественной жизни Российской Федерации и Забайкальского края в частности.

Необходимы поиск достоверной информации, её популяризация, повествование о жизни, быте, государственной и военной службе, возвращение исторической памяти потомкам забайкальских казаков, возрождение казачества, определение его роли в современных условиях и дальнейшее его развитие.

В данной статье рассматривается один из этапов исследования истории казачьих родов Забайкальского края. В процессе изучения архивных документов по истории расселения казаков 4-го военного отдела Забайкальского казачьего войска выявлены новые данные о быте и жизни казаков. Автор приводит результаты экспедиции «Казачий поход «Память»», организованной потомками забайкальских казаков, которая состоялась в 2017 году в период с 14 по 18 августа. Маршрут похода пролегал вдоль Российско-Китайской границы, где в начале прошлого века располагались станицы 4-го отдела ЗКВ, созданного в 1898 году. Конечным пунктом похода стала станица Усть-Уровская, входившая в состав указанного отдела.

Дата основания этой станицы относится к началу 1700-х годов. Ориентировочно первое поселение в этом месте было заложено в 1721 году. По архивным данным, первыми жителями деревни Усть-Уровской в 1726 году были Кайгородов, Инешин, Плотников, Поляков, Астафьев, Матафонов, Толстокулаков, Молоков и др. [2, л. 24об.].

Согласно списку поселений на реке Аргунь по переписи 1735 года станица Усть-Уровская относилась к Аргунскому острогу и располагалась в устье реки Уров, впадаю-

щей в реку Аргунь в 77 верстах ниже острога. По данным ревизской сказки за 1735 год в селе Усть-Уровское проживало 297 чел. Забайкальские казаки были верующими людьми и строили церкви в местах своего поселения.

Из документов известно, что в станице Усть-Уровская с 1835 года была Спасская церковь, которая неоднократно горела, последний раз – в 1898 году. Поэтому 21 августа 1899 года на общестаничном круге было составлено обращение казаков Усть-Уровской станицы через атамана 4-го казачьего отдела ЗКВ с просьбой построить храм и отправлено в Санкт-Петербург статс-секретарю А. Н. Куломзину. Среди подписей казаков в обращении хорошо сохранилась и читается подпись казака Дмитрия Симоновича Кайгородова, который внёс свои скромные пожертвования на восстановление Спасской церкви в станице Усть-Уровской.

Читаем воспоминания казаков: «Новый храм, только что отстроенный, сгорел 11 ноября 1898 года из-за трещины в печи. Усть-Уровский приход большой и составляет 3610 душ обоёго пола. Нет средств для строительства, чему способствовал неурожай хлебов в течение трёх лет, падение зверопромышленности и другие беды, и новая раскладка по 11 рублей 50 копеек на каждую платёжную душу тяжела...» [1, л. 1].

Через 120 лет после этих событий правнуки Дмитрия Симоновича Кайгородова (1861–1919) прибыли на землю своих предков, чтобы поклониться их праху и воздать им должное – установить православный поклонный крест.

Совсем недавно стали известны подробности о судьбе Спасской церкви. В конце 1950-х годов, при массовом переселении жителей деревень вдоль реки Аргунь, церковь была разобрана и перевезена в с. Большой Зерентуй. Сруб церкви был переоборудован в клуб, который простоял до конца 1990-х годов. В начале 2000-х годов сруб церкви был разобран на дрова и сожжён в печах.

Известно также, что в станице Усть-Уровской располагался таможенный пункт-застава. Даже после кровавых событий Гражданской войны, несмотря на репрессии 1929 года и жуткий голод 1931 года, станица оставалась крупной. В станице Усть-Уровская в 1927 году существовала артель «Чекист-Пограничник». Всего 222 двора.

Организация похода 2017 года началась задолго до его осуществления. Необходимо было согласовать маршрут передвижения, состав группы, получить пропуска в пограничную зону, решить вопросы с транспортом,

провиантом и проживанием по маршруту. Как уже упоминалось выше, инициаторами похода выступили потомки забайкальских казаков, проживавших в Усть-Уровской станице, братья Кайгородовы Александр, Николай, Михаил, Пётр.

Одним из основных вдохновителей, организатором, а также его руководителем выступил казачий генерал, полковник российской армии (в отставке), атаман ЗВКО (2010–2013) – Сергей Бобров.

Огромную поддержку оказали пограничники на всём маршруте следования казаков вдоль государственной границы России и Китая. Тем более, как выяснилось, что среди пограничников служит много потомков забайкальских казаков, потомков славных забайкальских фамилий, чьи предки своей отвагой и доблестью вписали много героических страниц в историю забайкальского казачества по освоению Сибири и защите рубежей России.

В составе группы и в подготовке приняли участие казаки из Читы, Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Подмосковья, Новосибирска, Иркутска, Забайкальска, Борзи, Нерчинского Завода, входящие в разные общественные организации ЗВКО, СКВРиЗ, МОО «ЕОЗК», потомки казачьих фамилий.

Одной из целей этого похода являлось показать, что, несмотря на имеющиеся разногласия в среде забайкальского казачества, есть люди, которые стремятся к единению забайкальских казаков, независимо от их принадлежности к разным казачьим объединениям, ныне существующим на забайкальской и других землях.

Поход был посвящён памяти печальных событий 1917–1929 годов, происходивших в казачьих станицах на границе с Маньчжурией, в зоне ответственности 4-го Пограничного отдела ЗКВ от поселения Горбуновская до села Марьинское, входящего в станицу Усть-Уровская, что составляет более 200 км.

События Гражданской войны привели в конечном итоге к огромным жертвам среди мирного населения, разрухе и экономической деградации населения, истреблению казачества как служивого сословия, его физическому уничтожению и вынужденной эмиграции части казачества в Трёхречье.

Участниками похода было принято решение установить памятный поклонный крест, на что было получено благословение Его Преосвященства, епископа Нерчинского и Краснокаменского Акия, переданное через настоятеля Князе-Владимирской церкви в с. Газимурский Завод, иерея Алексея Рябова. После того, как участники похода прибыли на место, где когда-то располагались стани-

ца Усть-Уровская и деревня Закамень, были проведены подготовительные работы и установлен памятный поклонный крест. На крест мы прикрепили памятную табличку, на которой были выгравированы стихи поэта, забайкальского казака Юрия Курца, посвящённые памяти забайкальских казаков.

Организаторы похода ставили целью не только почтить память казаков 4-го Пограничного отдела ЗКВ и жителей станицы Усть-Урово, но и продолжить цикл исследований, посвящённых жизни простых забайкальских казаков на рубеже веков и смены общественно-политических формаций.

Будущее казачества неразрывно связано с воспитанием молодёжи в духе патриотизма, любви к Родине, восприятия и изучения традиций казачества в целом и забайкальского в частности.

По маршруту следования из Читы в Нерчинский Завод походный отряд остановился у школы, в селе Знаменка, где трудами педагогического коллектива под руководством директора школы Светланы Викторовны Бронниковой была организована Казачья кадетская школа.

К сожалению, сейчас школа испытывает трудности по сохранению того, что было так тяжело создано, не говоря уже о дальнейшем развитии казачьего воспитания. Но директор и коллектив не унывают и продолжают дело по воспитанию молодых казачат. Проблемы школы в селе Знаменка хорошо известны и в школах села Нерчинский Завод, и в сельском поселении Горбуновское, где также трудами учителей, казаками станицы Мангученская, входящей в 4-й Пограничный отдел, а также администрацией созданы казачьи классы.

В дальнейшем планируется продолжить изучение архивных документов по выявлению данных о семье Кайгородовых и других казачьих родов: Соколовых, Астафьевых, Тимошевских, Кочневых, Первухиных, Зверевых, Чегодаевых, Апрельковых, Бойковых, Подкорытовых, Тонких, Толстокулаковых, Широких и т. д.

Усилия отдельных людей по сохранению памяти о казавшемся ещё недавно забытом и вычеркнутом из истории народе – воине, защитнике рубежей Отечества – должны сложиться со временем, возможно силами последующих поколений, в полноценную, и самое главное, правдивую историю прошлого нашего забайкальского казачества и послужить базой по возрождению и развитию казачества, безусловно, уже с учётом современной жизни и общественных отношений.

Этот поход показал, что потомки казаков Забайкальского казачьего войска – сторон-

ники восстановления забайкальского казачества, люди разных возрастов и профессий, члены разных общественных казачьих объединений, которые стремятся увековечить

память о славных временах былого величия Забайкальского казачьего войска и придать новый импульс его восстановлению и дальнейшему развитию.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 1363.
2. ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 8.

УДК 37(571.55)
ББК 4420.24(2РОС-4ЧИТ)

Светлана Юрьевна Трушина,
средняя общеобразовательная казачья школа,
с. Знаменка, Забайкальский край, Россия

Духовно-нравственное воспитание учащихся Знаменской казачьей школы через факультативную деятельность

В Концепции традиционного духовно-нравственного воспитания, развития и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах и школах формулируется социальный заказ системе казачьего кадетского образования со стороны государства, казачьих обществ и общественных организаций казачества, Русской православной церкви, ответственности на традиционное духовно-нравственное воспитание граждан, возрождение казачества. Статья посвящена вопросам духовно-нравственного воспитания учащихся через изучение истории и традиционной культуры казачества России в дополнительном образовании.

Ключевые слова: *духовность, история казачества, факультативы, традиция, культура*

Svetlana Yu. Trushina,
Cossack Secondary School,
Znamenka, Zabaikalsky Krai, Russia

**Spiritually-moral education of students sign
Cossack school through extracurricular activities**

In the concept of traditional spiritual and moral education, development and socialization of students in the Cossack cadet corps and schools formulated a social order system of education in the Cossack cadet from the state, the Cossack societies and public associations of the Cossacks, the Russian Orthodox Church and the public on traditional spiritual and moral education of citizens, the revival of the Cossacks. The article is devoted to questions spiritually-moral education of pupils through the study of history and traditional culture of the Cossacks of Russia in further education.

Keywords: *spirituality, history of the Cossacks, electives, tradition, culture*

В современном обществе социальный заказ казачьему кадетскому образованию как системе воспитания подрастающего поколения определяется кругом понятий, ведущим из которых является духовно-нравственное развитие обучающихся. Осуществляться это должно в процессах воспитания и социализации воспитанников образовательных организаций с казачьим компонентом усвоения и принятия православных духовных идеалов, основ нравственных норм, моральных уста-

новок, базирующихся на культурно-исторических традициях казачества, передаваемых от поколения к поколению, обеспечивающих возрождение казачества, его активное и успешное участие в модернизации современной России.

Целью данного направления является воплощение в жизнь современного казачьего воспитательного идеала – высоконравственного, творческого, ответственного и социально активного гражданина России, готовящего-

ся для службы Отечеству на военном и гражданском поприщах, укоренённого в православной вере, казачьей культуре, традициях казачьего воинского, трудового и общественного служения.

Теоретической основой для реализации данной цели служит Концепция традиционного духовно-нравственного воспитания, развития и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах и школах [1], разработанная в соответствии с Конституцией Российской Федерации, законами Российской Федерации «Об образовании» [2], «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральными государственными образовательными стандартами общего образования.

Концепция обеспечивает реализацию требований ФГОС общего образования в части духовно-нравственного воспитания, развития и социализации обучающихся с учётом православных и культурно-исторических особенностей традиционной казачьей педагогики, в контексте задач возрождения казачества и модернизации России.

Образование на основе культурно-исторических традиций казачества – это усвоение систематизированных знаний и навыков по казачьей тематике в основном в гуманитарной сфере обучения, целенаправленное воспитание высоких духовных, морально-нравственных, служебно-деловых качеств и патриотического духа.

И поскольку наша школа – казачья – актуальным представляется включение изучения истории и традиционной культуры казачества России в процесс воспитания и образования современных казачат-кадетов. Ввиду отсутствия готового методического материала по данному направлению, педагоги нашей школы занимаются созданием программ факультативов. Группой учителей разработан факультатив для учащихся средних классов «Духовное наследие казаков», где культурологический аспект предполагает изучение народного творчества казаков, быта, традиций, литературных произведений о казачестве и произведений, написанных казаками. Этот аспект несёт не только знания и умения, но и формирует убеждения, определяет качества личности, направленность жизненных интересов.

Также мною разработан и ведётся факультатив «История казачества России». Актуальность разработки факультативов заключается в необходимости изучения объективных знаний о возрождении культуры, традиционных устоев и народного творчества казаков в Забайкалье. Также значимость обусловлена живым научным и общественным

интересом к возрождению и становлению казачества как своеобразному феномену многовековой истории Российского государства.

Новизна программ факультативов состоит в подаче материала, каждый из которых предполагает разные направления деятельности.

Это позволяет создать поле для диалога с воспитанниками, способствующее формированию правильной направленности жизненных приоритетов. Программы факультативов включают:

- исторические сведения о возникновении и развитии казачества в Забайкалье как культурно-этнической общности с момента первых упоминаний в документах и по сегодняшний день;

- роль забайкальского казачества в становлении, укреплении и защите Российского государства;

- знакомство с традиционными промыслами казаков и способами ведения хозяйства, народное художественное и песенное творчество, бытовых и духовных традиции казаков.

На занятиях факультатива «Духовное наследие казаков» учащиеся в первой четверти (она носит название «Эх, казачата, ребята удалые!») знакомятся с историей казачьих игр, забав, разучивают их для дальнейшего использования в проведении народных и казачьих праздников и обрядов.

Во второй четверти – «Память предков» – ученики составляют словарь местных диалектных слов, казачий словарь, знакомятся традициями и обычаями жизни народностей – бурят и тунгусов (эвенков), проживающих рядом, изучают историю станицы Торгинской и историю Забайкальского казачества в судьбах торгинских казаков. Второе полугодие обозначено темой «Казачьему роду нет переводу». Целью программы факультатива становится духовное развитие личности через знакомство с историей, традициями и культурой казаков, в том числе забайкальских.

Учащиеся изучают такие темы, как:

- «Казачий фольклор как форма сохранения традиций казачьей культуры»;

- «Роль фольклорных казачьих ансамблей в сохранении и возрождении культуры казаков»;

- «Заповеди казаков, казачья символика и казачьи знаки»;

- «Казачьи пляски, бытовые казачьи, плясовые, хороводные и святочные песни»;

- «Казачи в быту, казачья хата, праздники и посиделки»;

- Факультативы данной тематики являются неотъемлемой частью образовательного процесса в нашей школе. Теоретические занятия на факультативах имеют нераз-

ривную связь с практикой, поскольку знания, приобретённые на них, находят применение в проведении мероприятий и праздников народного и казачьего календаря.

Изучение факультативного курса «История казачества России» ставит цель – формирование образовательного пространства, воздействующего на развитие личности патриота на основе изучения исторически сложившихся традиций российского казачества. Ученики изучают темы:

- «Освоение казаками Сибири. Ермак Тимофеевич»;
- «Казаки в Смутное время»;
- «Казаки в царствование Михаила Романова»;
- «Участие казаков в крестьянской войне под предводительством Степана Разина»;
- «Казаки на службе России в конце XVII века. Казаки на службе России в царствование Петра»;

– «Казаки в царствование Павла I, Николая I»;

– «Казаки в начале царствования Александра II»;

– «Казачьи части в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии»;

– «Участие казаков в Великой Отечественной войне (1941–1945)»;

– «Возрождение казачества».

Факультатив «История казачества России» ведётся с прошлого (2016–2017) учебного года, но теоретические знания учащихся уже были использованы в проведении предметной недели «Искусство» на тему «Возродим мы род казачий, дух казачий не забыт!» в апреле 2017 года. Цели проведения предметной недели – продолжить изучение истории и традиций казачества через знакомство с культурой казаков; воспитывать уважение к памяти поколений.

Источники и литература

1. Концепция традиционного духовно-нравственного воспитания, развития и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах. – М.; Ставрополь: Ирбис, 2013. – 36 с.

2. Федеральный закон «Об образовании». Ст. 98. Особенности реализации основных общеобразовательных программ общего образования, интегрированных с дополнительными предпрофессиональными программами [Электронный ресурс] // Кодексы и Законы РФ. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/98> (дата обращения: 28.01.2018).

УДК 94
ББК ТЗ(2)52

Игорь Георгиевич Пешков,
г. Санкт-Петербург, Россия

Дорожная карта посольской станицы межрегиональной общественной организации «Казачество Забайкалья» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по созданию музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

Дорожная карта музейного комплекса создаётся для сохранения и развития самобытной деятельности казачества XXI века, имеющего свои исторические корни служения своей Родине, на основе задач, стоящих перед казачеством, оперативно реагирующим на объективную реальность и изменения в совершенно новых геополитических условиях.

Ключевые слова: *создание музейного комплекса российского казачества; возрождение исторического и культурного опыта; осуществление иной деятельности на основе договоров (соглашений) с органами исполнительной государственной власти*

Road Map of the Possole Staney of interregional public organization "Cossack of Transbaikalia" in Sankt-Petersburg and Leningrad region to creat of a museum complex of the Russian Cossacks

The road map of the museum complex is created to preserve and develop the unique activity of the Cossacks of the XXI century, having their historical roots of service to their homeland, on the basis of tasks responsive to objective reality and changes in completely new geopolitical conditions.

Keywords: *creation of a museum complex of the Russian Cossacks; the revival of historical and cultural experience; the implementation of other activities on the basis of contracts (agreements) with bodies of executive state power*

Актуальность изучения российского казачества определяется следующими обстоятельствами: а) в общественно-политическом плане важность темы обусловлена объективной тенденцией возрождения казачества, возрастанием его роли в общественной жизни и в стремлении к участию в управлении, необходимостью поддержания традиционно-добрососедских отношений на границах, а также участием казаков в охране границ РФ на всём протяжении совместно с пограничными войсками России; б) в научно-теоретическом плане она определяется необходимостью дальнейшего изучения истории казачества, как неотъемлемой части истории Отечества; в) в практическом плане значение исследуемой темы обусловлено тем, что на историческом примере показано, как можно строить взаимоотношения между народами соседних государств, проживающими в приграничной полосе; г) исследуемая тема особенно важна в плане патриотического воспитания молодёжи на фоне роста национально-го самосознания россиян [2, с. 5].

Создание музейного комплекса российского казачества целенаправленно решит необходимые условия для сохранения и развития самобытной деятельности казачества XXI века, имеющие свои исторические корни служения своей Родине, на основе задач, оперативно реагирующих на объективную реальность и изменения в совершенно новых геополитических условиях. Музейный комплекс расскажет о реабилитации жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, о восстановлении их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и окажет обеспечение посылкой в настоящее время компенсации [3–6].

Совместная деятельность федеральных, региональных органов государственной

власти и органов местного самоуправления с казачьими обществами, казаками, членами семей казаков, с общественными организациями позволит осуществить [18] просветительную, научно-исследовательскую и образовательную деятельность, производить сбор и хранение музейных предметов и музейных коллекций, выявлять и собирать музейные предметы и музейные коллекции, организовывать изучение музейных предметов и музейных коллекций, осуществлять публикации музейных предметов и музейных коллекций для культурных, образовательных и научных функций некоммерческого характера по созданию музейного комплекса российского казачества [17].

Достижению целей создания музейного комплекса российского казачества также служат: Федеральный закон Российской Федерации от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ о «Государственной службе российского казачества» [19], Федеральный закон Российской Федерации от 24.11.2014 г. № 363-ФЗ [21], Указ Президента РФ от 15.06.1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» [15], Указа Президента Российской Федерации от 15.10.2013 г. № 778 [14, ст. 1–3.1], «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества» от 02.07.2008 г. [7], Стратегия развития российского казачества до 2020 года [13], Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года в Санкт-Петербурге в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 г. № 1417-р [12], Распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 г. № 1292-р «Концепция федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»

[10], Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2013 г. № 778 [14], Распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 г. № 1292-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России”» [10, ст. 1–3; 14, п. 3.2, 6–8].

Совместная деятельность по созданию музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге и Ленинградской области позволит решать вопросы привлечения к иной службе с общественными организациями и движениями, поисковыми отрядами, деятельностью по сохранению памятников истории и архитектуры, военно-патриотическому воспитанию, сохранению и содержанию парковых зон [8]. Проект одновременно отвечает целям и задачам Федеральной программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера», принятой Правительством РФ 27.07.2001 г. № 564 [16]. Это позволит формировать культуру экологического мышления и применение в управлении лучших мировых музейных практик с использованием самых совершенных технологий для создания условий устойчивого развития не только своего мегаполиса, но и всего балтийского региона.

Люди и резерв... российское казачество, государственный реестр казачьих обществ в РФ, казачьи общества, музеи, общественные организации, добровольцы, специалисты, волонтеры, участники военно-патриотических клубов, представителей клубов исторических реконструкций. Для реализации проекта планируется установление партнёрских отношений с ЗабГУ, различными государственными и негосударственными организациями на длительный или короткий срок в Санкт-Петербурге, регионах страны. Установление партнёрства позволит реализовать данный проект в полном объёме, где в процессе становления и дальнейшего развития будут привлекаться региональные казачьи общественные организации, зарубежные казачьи общества Австралии, Китая, Франции, советы по делам малых народов РФ, постоянные представительства регионов в Санкт-Петербурге, Москве, администрации республик и округов РФ, коммерческие структуры города, области и регионов, частных лиц, заинтересованных в данном проекте.

Экономика создания музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге и Ленинградской области может составить:

1. Региональное финансирование – это средства, направленные на проведение календарных общественно значимых меро-

приятий. Средства, выделяемые комитетам на проведение общественных мероприятий с привлечением казаков.

2. Целевое федеральное финансирование – это средства из федерального бюджета, выделяемые согласно «Стратегии развития российского казачества до 2020 года».

3. Финансирование для строительства за счёт национального региона, желающего представить себя в музейном комплексе, оформление в собственность администрации региона.

4. Инвестирование музейного комплекса в качестве туристического объекта.

5. Президентские программы. Гранты. Субсидии. Конкурсы.

6. Взносы членов общества и добровольные пожертвования. Социальный бизнес.

Музейный комплекс российского казачества для культурно-исторического изучения механизмов реализации государственной стратегии развития казачества до 2020 года в рамках непрерывного образования взрослых может совместно решать вопросы создания книжной популярной казачьей серии, подготовки и издания учебных пособий, проведения на постоянной основе социологических исследований. Поэтому необходимо исследование и изучение документов архивов иностранных дел, Главного штаба, Главного управления казачьих войск, Сенатского государственного архива, Министерства военного и внутренних войск, рукописных отделов Академии наук и публичных библиотек. Целями исследований будут: издание музейной книжной казачьей серии и учебника по истории и культуре российского казачества; деятельность Главного штаба казачьих войск в Санкт-Петербурге и казачьих воинских частей в Санкт-Петербурге; роль Правительствующего Сената в установлении и укреплении пограничных рубежей России; этапы освоения территорий России, как основной части освоения, заселения и развития Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока и роль государственных деятелей Санкт-Петербурга, Правительства Санкт-Петербурга в укреплении Российского государства.

Требуется познакомиться с деятельностью общественных благотворительных фондов Санкт-Петербурга и благотворителей, провести изучение основ материальной и духовной культуры, познакомить с традициями и обычаями российского казачества и исследовать современные проблемы возрождения казачества на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской области, РФ, Забайкалья. Музейный комплекс следует создавать для поддержки молодых поэтов, зарубежных, русско-

язычных, авторов, а также для объединения современных направлений в культуре. Создание музейного альманаха с привлечением самых интересных поэтов ближнего и дальнего зарубежья, лучших художников-графиков, фотографов.

Необходимо сближение деятелей творческих казачьих и других творческих коллективов из разных регионов и стран, проведение мероприятий патриотической направленности (связь поколений) и приглашение ветеранов на мероприятия, осуществление мер по увековечению памяти жертв политических репрессий и поддержка деятельности организаций и граждан, направленной на увековечение памяти жертв политических репрессий, в частности деятельности по выявлению и благоустройству мест захоронений жертв массовых репрессий, выявлению архивных документов по истории политических репрессий, созданию и пополнению музейных экспозиций, проведению музейных мероприятий по реконструкции событий к знаменательным датам с выступлением деятелей музеев и искусств, объединению различных групп по реконструкции событий и знаменательных дат, преемственности поколений и сохранению традиций.

Комитет по развитию туризма предлагает создание музейного комплекса казачьих войск России с посещением мест, связанных с деятельностью Правительствующего Сената, Министерства внутренних дел, Главного управления казачьих войск Российской Империи в Санкт-Петербурге со службой лейб-гвардии Сводного казачьего полка, Сводного казачьего лейб-гвардии полка, гвардейского кавалерийского полка Собственного ЕИВ. Конвоя. Рассказ о Санкт-Петербургских и Российских благотворительных фондах и их вкладе в дело сохранения и создания культурных и исторических ценностей России, сохранения музейных ценностей казачьих воинских формирований разных эпох и войн; рассказ о деятельности Санкт-Петербургских учебных заведений, в которых проходили обучение детей казаков со всей России. Среди вопросов: мировые открытия служилого сословия и их вклад в дело строительства государства; реабилитация репрессированных народов; деятельность россиян в создании музеев, поиска и сохранения музейных ценностей. В целях практического исполнения Дорожной карты будет целесообразно скорректировать первоначальный проект планировки района и увеличить долю коммерческой составляющей в связи с тем, чтобы ускорить сроки окупаемости и сделать проект коммерчески успешным.

Парковый комплекс Санкт-Петербурга является самым близким по доступности населения к городу архитектурно-ландшафтным парком из числа исторически сложившихся в XVII–XIX веках ансамблей вокруг Петербурга (Царское Село, Павловск, Гатчина, Петергоф, Ораниенбаум). Учитывая тематическую направленность, рекомендуется использовать архитектурные аналоги застройки территорий России в разные эпохи, например: Острог-город, казачья станица, деревянный дворец, здания деревянного зодчества, парковые зоны. Параметры застройки определены в режимах использования охранных зон парка. Соответственно создание музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге и Павловске на бывших территориях воинской части, где была территория постоянной дислокации казачьих войск, будет исторически верно и справедливо.

Историческая справка к вопросу о создании музея казачьих войск России в Санкт-Петербурге, Павловске. Адрес лейб-гвардии Сводного казачьего полка: г. Павловск, ул. Обороны, 16 (современная территория бывшей воинской части). Из Сборника правительственных постановлений по казачьим войскам за 1906 год (с. 48–51): «Мая 27/апреля 20. – О формировании л.-гв. Сводно-казачьего полка. Высочайше утверждённым 27 Мая положением Военного Совета постановлено: 1. Сформировать л.-гв. Сводно-казачий полк и содержать его по прилагаемому штату в составе: по одной сотне от Уральскаго и Оренбургскаго казачьих войск, по полусотне от Сибирскаго и Забайкальскаго и по взводу от Астраханскаго, Семиреченскаго, Амурскаго и Уссурийскаго казачьих войск» [11].

Охарактеризуем культурно-исторический объект в городе Павловск, ул. Обороны, 1 б лит. Ю. Год постройки: 1914. Стиль: неobarocco. Вновь выявленный объект культурного наследия. Приказ председателя КГИОП № 15 от 20.02.2001 г. [9].

Вызывает интерес комплекс казарм Сводного казачьего полка. 1846–1850 гг. Архитектор – И. Д. Черник Стиль: эклектика. Адрес Сводно-казачьего лейб-гвардии полка: Обводный канал дома № 21–39. На территории находился музей Сводно-казачьего лейб-гвардии полка – гвардейского кавалерийского полка Собственного ЕИВ. Конвоя, церковь, квартиры для высших казачьих чинов, казармы для низших казачьих чинов, штаб, офицерское собрание, служебные и хозяйственные постройки, железная дорога. Сохранился первоначальный Комплекс инженерных сооружений систем жизнеобеспечения.

Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики и Комитет по культуре совместно с исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга, Москвы участвуют в комплексе мероприятий по осуществлению ремонта и реставрации мемориальных сооружений, увековечивающих подвиги российского казачества в войнах XVI–XX столетий, казачьих формирований в ходе Великой Отечественной войны в 1941–1945 годах; благоустройства советских и российских захоронений российского казачества совместно с казачьими общественными организациями Франции, Германии. ОКО «Посольский австралийский отдел», индекс: 2166, почтовый адрес: Австралия, 108 Gladstone Street Cabramatta, тел.: (+61) 412-000-252 [1].

Комитет по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями, Комитет по культуре, Комитет по образованию в рамках создания музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, сохранения и развития казачьей культуры; музейного, научного, методического, кадрового, информационного обеспечения сохранения и развития самобытной казачьей культуры, сохранения культурного наследия казачьего фестивального движения, направления за рубеж российских фольклорных коллективов предлагают создать постоянно действующий книжный коллектор. Согласно новым публикуемым архивным и историческим материалам туристический бизнес получит возможность создания новых туристических проектов и маршрутов. Проект может осуществляться на международном уровне, распространяться во всех регионах РФ для создания постоянных выста-

вок и экспозиций по истории казачьих войск, обмена культурно-историческими материалами и книгами, альбомами, фотографиями с общественными казачьими организациями Франции, Германии, Австралии, ОКО «Посольский Австралийский отдел» [Там же].

В рамках создания музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге, непрерывного образования взрослых и издания учебно-методических пособий по истории российского казачества необходимо согласовывать с государственными архивами РФ, Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области решения о передаче копий карт, копий фотографий и копий выписок архивных документов, имеющих отношение к освоению казаками новых земель, международной и другой деятельности согласно поступающим заявкам исследований по истории казачества. В планах создание постоянных музейных выставок, музейных экспозиций по истории казачьих войск, обмен культурно-историческими материалами и осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей, в том числе с ОКО «Посольский Австралийский отдел» [1].

Таким образом, главная цель по созданию музейного комплекса российского казачества будет достигнута. Дорожная карта музейного комплекса российского казачества в Санкт-Петербурге и Ленинградской области может совместно решать вопросы с фондом пополнения для экспозиции Центрального музея российского казачества и станет частью комплекса Государственного исторического музея, который планируется открыть к началу 2020 года.

Источники и литература

1. **Австралия.** Gladstone Street Cabramatta [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ataman@aukazak.com.au> (дата обращения: 28.01.2018).
2. **Жуков А. В., Пешков И. Г.** Социокультурная среда Забайкалья. Забайкальские казаки и их потомки: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 175 с.
3. **Закон РСФСР** от 26.04.1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». – Ст. 1, 2.
4. **Закон РФ** от 18.10.1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». – Ст. 1, 2.
5. **Закон Санкт-Петербурга** от 02.06.2014 г. № 401-78 «О внесении изменения в Закон Санкт-Петербурга “О казачестве в Санкт-Петербурге”». – Ст. 1–3, 5.
6. **Закон Санкт-Петербурга** от 21.02.2012 г. № 37-6 «О казачестве в Санкт-Петербурге». – Ст. 1, 2.
7. **Концепция государственной политики** Пр-1355 от 2 июля 2008 года «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества». Ст. 1–19.
8. **Постановление правительства** Российской Федерации от 08.10.2009 г. № 806. – Ст. 1–3.
9. **Приказ председателя КГИОП** № 15 от 20.02.2001 г. // РГИС. – 2013. – 27 окт.
10. **Распоряжение Правительства РФ** от 22.07.2013 г. № 1292-р. «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России”». – Гл. 1. – Ст. 1–3, 3.2, 6–8.
11. **Сборник** правительственных постановлений по казачьим войскам. – 1906. – С. 48–51.

12. **Стратегия развития** государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года в Санкт-Петербурге в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 г. № 1417-р. – Гл. 2. – Ст. 25–29; гл. 5. – Ст. 61.

13. **Стратегия развития** государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года (утв. Президентом РФ 15.09.2012 г. № Пр-2789). – Гл. 1. – Ст. 2, 4.

14. **Указ Президента** Российской Федерации от 15.10.2013 г. № 778.

15. **Указ Президента** РФ от 15.06.1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества». – Ст. 1–3.

16. **Федеральная программа** «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера»: прин. Правительством РФ 27.07.2001 г. № 564. – Гл. 1. – Ст. 15.

17. **Федеральный закон** от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ (ред. от 28.12.2017 г.) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». – Гл. 5. – Ст. 26.

18. **Федеральный закон** от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – Гл. 3. – Ст. 14–14.1–1.

19. **Федеральный закон** от 05.12.2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества». – С. 1.

20. **Федеральный закон** Российской Федерации от 24.11.2014 г. № 363-ФЗ. – С.1.

УДК 94(47+57)

ББК Т214(2)-7

Елисей IV (Елисей Елисеевич Елисеев),
Филиал Дальневосточного федерального университета,
г. Большой Камень, Россия

Принципы составления родословия казачьего клана Елисеевых – Шестаковых – Бабич – Серёжниковых – Измайловых – Карнауховых

В статье отмечается, что вопросы духовного сродства, почитаемые православием, не являются предметом исследования специалистов. Даны сведения о книге «Кормчая» («Книга правил»), регламентирующей систему взаимоотношений не только кровных, но и духовных родственников. Говорится, что в старообрядческих согласиях её уложения соблюдаются в настоящее время. Приводится пример клана христиан казачьих старообрядческих фамилий (Бабич – Елисеевы – Измайловы – Карнауховы – Серёжниковы – Шестаковы), основанного на духовной общности и сформировавшегося в конце XX – начале XXI века.

Ключевые слова: духовное сродство, православие, книга «Кормчая» («Книга правил»), старообрядческие согласия, клан, казахи старообрядческие фамилии, Бабич – Елисеевы – Измайловы – Карнауховы – Серёжниковы – Шестаковы

Elisey IV (Elisey E. Eliseev),
Branch of the far Eastern Federal University,
Bolshoy Kamen, Russia

Basis of preparation the genealogy of the Cossack clan Eliseev – Shestakov – Babich – Serezhnikov – Izmailov – Karnauhov

The article notes that the issues of spiritual affinity, revered Orthodoxy, are not the subject of research specialists. Data on the book “Kormchaya” (“the book of rules”) regulating system of interrelations not only blood, but also spiritual relatives are given. It is said that in the old believers ‘acceptances of its code is adhered to at the present time. The example of the clan of Christians of Cossack old believer surnames (Babich – Eliseev – Izmailov – Karnaukhov – Serezhnikov – Shestakov) based on spiritual community and formed in the late XX – early XXI centuries is given.

Keywords: spiritual affinity, Orthodoxy, the book “Kormchaya” (“Book of rules”), old rite, clan, Cossack old believers surnames, Babich – Eliseev – Izmailov – Karnauhov – Serezhnikov – Shestakov

В классическом светском родоведении (в других источниках – семьеведении) хотя объектом исследования воспринимаются внешние связи семьи и внешние воздействия социума на неё, тем ни менее, основным объектом внимания и изучения является собственно семья, как социальная группа, имеющая традиционные родственные отношения – систему родовых, чаще кровных и брачных уз [1, с. 12]. Конечно, в эти связи вплетаются приёмные, усыновленные дети и т. п.

Родоведение в своём развитии остановилось на данных принципах, вероятнее всего, в связи со светской, гражданской системой родового наследования прав владения имуществом и неимуществом собственности данного конкретного рода [11, с. 4]. Считается, что этот подход к вопросам изучения семьи сформировался в «цивилизованном мире» к первой половине XIX века и остаётся неизменным по сей день [1, с. 15].

Анализ сети Интернет, проведённый автором в 2015 году, показал, что вопросы духовного сродства практически не затрагиваются в темах современных русскоязычных блогеров (с учётом того, что пользователями сети только в РФ считаются приблизительно 80 млн чел. [6]), не являются понятийной системой в светском обществе и, естественно, не являются предметом исследования специалистов. Материалы на эту тему единичны. Кроме того, найденные источники, затрагивающие данный вопрос, рассматривают не способ образования и структурирования клана, а классический вопрос духовного сродства (кумовства) для возможности заключения брака [10].

В Православии мощным акцентом в родовых связях является духовное родство. Насколько это важно, можно понять из церковных правил и указаний святых отцов Церкви. Так, 53-е правило VI Вселенского Собора (толкование) гласит: «Еже по духу сродство, больше есть телесного сродства» [8, с. 524]. То есть духовное сродство выше плотского.

До периода секуляризации христианства, активно начавшегося в начале II тысячелетия по Рождеству Христову, и поэтапно – в поздней Византии, средневековой Греции, Российском царстве XVII века – данное положение являлось неформальным и действенным. К XX веку исполнение данного церковного законоположения сохранилось только в старообрядческой среде, в настоящее время встречается крайне редко и в ней.

Современным обществом слова о значимости и месте духовного сродства в семейных узах воспринимаются как некий лозунг, высказывание, слова поддержки или утеше-

ния духовных родственников. В I тысячелетии в христианских странах это положение являлось реальной «церковно-юридической» практикой, строго исполняемой и церковными, и светскими структурами и людьми.

Правила взаимоотношений духовных сродников подробно расписаны в книге «Номоканон» (греческая), известной с XII века, и в книге «Кормчая» (русская), известной с XV века (в нынешнем переведенном варианте в Русской православной церкви (РПЦ) известна как «Книга правил»). В этой и иной литературе содержатся такие главы, как «О тайне супружества» [8, с. 1155–1162], «Чин о браках» [Там же, с. 1163–1189], «Чин о сродстве» [Там же, с. 1190–1213], «О возбраненных браках» [Там же, с. 1214–1217], «О беззаконных браках» [Там же, с. 1218–1249] и т. д. В данных уложениях чётко регламентируется система взаимоотношений не только кровных, но и духовных родственников, появившихся в клане во время крещения, в результате восприятия от Купели крещаемых.

За исполнением этих установлений строго следила и следит церковная иерархия, которая, опираясь на 7 Вселенских, 9 Поместных Соборов и правила святых отцов, за нарушения данных законов служителей извергает из священного сана, а мирян отлучает от церковного общения [12, с. 85–86, 102].

Например, «возбраняется брак между людьми, которые соединены друг с другом от святого и спасительного крещения» [7, с. 127]; «никто из детей восприемника (крёстного отца – *авт.*) не может жениться на матери восприятого отцом их, так как они считаются племянниками ея и состоят в 3-й степени» [Там же, с. 109] и т. д.

Духовное сродство в Православии считается истинным сродством. Всё это имеется в правилах РПЦ, но не соблюдается православными. В старообрядческих соглашениях данные уложения декларируются и практически всегда соблюдаются по сей день. Здесь надо понимать, что доминантой в вопросе духовного сродства являются не запретительные меры, но появление новой социальной общности, системы межличностных семейных отношений, взаимопроникновение и взаимообогащение культур, традиций, историй.

Такой общностью (родом или кланом), сформировавшейся в конце XX – начале XXI века, в полной мере можно считать клан христиан Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), объединившей в результате духовного сродства ряд казачьих старообрядческих фамилий: Бабич – Елисеевых – Измайловых – Карнауховых – Серёжничко-

вых – Шестаковых (в данном случае они расставлены по алфавиту, в названии статьи – по хронологии породнения). Рассмотрим, как выглядит клан на период конца 2015 года.

Родоначальниками этого духовного родового клана явились мои плотские родители Елисей Елисеевич Елисеев (потомок донских казаков, 1965 г. р.) [2, с. 1] и Ирина Владимировна (донская казачка, в девичестве Фролова, 1965 г. р.). На сей день у них имеется 10 детей: 7 кровных и 3 крестных [3]. Кровные: Александра (1989 г. р.), Елисей (в крещении – Илья, 1994 г. р.), Сергей (1997 г. р.), Васса (2001 г. р.), Георгий (2003 г. р.), Максим (2006 г. р.), Ксения (2010 г. р.). Крестные: Александр Николаевич Шестаков (1967 г. р.), Елена Николаевна Белошицкая (в замужестве – Бабич, 1976 г. р.) и Семён Алексеевич Карнаухов (2010 г. р.). Так Елисеевы-старшие в результате духовного сродства породнились с несколькими казачьими родами, в том числе и имеющими забайкальские корни.

В 1996 году во время крещения А. Н. Шестакова (1967 г. р.) Е. Е. Елисеев (старший), восприняв его от купели (став его крестным отцом), породнился с родом Шестаковых. Шестаков – потомок старожилов Забайкалья – казаков-карымов или гуранов. Его плотский отец – уроженец пос. Карымское Читинской области. Александр женат на Татьяне Анатольевне (в девичестве Пушняк, 1973 г. р.). В их семье, ныне проживающей в с. Верхний Жирим Тарбагатайского района Республики Бурятия, шесть детей: Матфей (1989 г. р.), Симеон (1998 г. р.), Александр (1999 г. р.), Лео니다 (2001 г. р.), Софья (2003 г. р.), Антонина (2005 г. р.) [9].

В 1998 году И. В. Елисеева восприняла от купели Е. Н. Белошицкую. Елена вышла замуж за потомка казачьего рода – Алексея Владимировича Бабича (1974 г. р.). Во втором поколении их семья имеет 4 сыновей: Алексея (2001 г. р.), Виктора (2002 г. р.), Михаила (2005 г. р.) и Андрея (2009 г. р.). В 1998 году, став аспирантом СО РАН в г. Новосибирске (науч. рук. – д-р ист. наук Ф. Ф. Болонев), активно занимается изучением вопросов истории старообрядчества Восточной Сибири в целом и Забайкалья в частности. Ныне семья проживает в г. Большой Камень Приморского края. Кроме того, у Елены Николаевны имеется двое крестных сыновей: Лев Александрович Беляев (2000 г. р., г. Большой Камень Приморского края) и Сергей Сергеевич Корчагин (2002 г. р., пос. Ольга Приморского края).

В 2001 году в г. Москве во время крещения младенца Вассы Елисеевны Елисеевой её восприемницей стала Ирина Максимовна Серёжникова (1983 г. р.) – потомственная ка-

зачка, представительница обширного клана потомков казаков-некрасовцев, поныне проживающих в Буковине (Молдова). И. М. Серёжникова в период 2001–2003 годов проживала в Бурятии. Принимает активное участие в становлении и развитии РПСЦ в Забайкалье, в издательской и архивной деятельности Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархии РПСЦ. Вносит значительный вклад в развитие старообрядчества данного региона. Род Елисеевых имеет тесное и неформальное общение с её родителями Серёжниковыми – Максимом Фёдоровичем (1953 г. р.) и Вассой Михеевной (в девичестве Дикова, 1954 г. р.) и дочерью Тамарой Сергеевной (2008 г. р.). Ныне все они проживают в с. Шувое Егорьевского района Московской области. Кроме того, Ирина Максимовна является крестной матерью двух младенцев: Клевцова Григория Павловича (2011 г. р., г. Коломна Московской области) и Ревницкой Софьи Сергеевны (2013 г. р., г. Ноябрьск Тюменской области).

В 2003 году в г. Улан-Удэ во время крещения младенца Георгия Елисеевича Елисеева его восприемниками стали И. М. Серёжникова и иерей РПСЦ Вячеслав Владимирович Измайлов (1966 г. р.), породнившийся таким образом с родом Елисеевых. Иерей Вячеслав – уроженец с. Газимурский Завод Шелопугинского района Читинской области – первый священник РПСЦ Читинской области конца XX века, рукоположенный в сан в 1995 году, известный старообрядческий иконописец [5], чьи работы распространены не только в пределах Дальнего Востока и Восточной Сибири, но по всей России и за её пределами (Америка, Китай, Таиланд, Польша и т. д.). Потомок староверов по материнской и осетин по отцовской линии (жена деда – кубанская казачка). В роду Измайловых в общении с кланом находится жена – Наталья Владимировна (в девичестве Фенёва, 1970 г. р.) и их сын Андрей (2007 г. р.).

В 2010 году Е. Е. Елисеев (старший) в г. Улан-Удэ во время крещения воспринял от купели младенца Семёна Алексеевича Карнаухова, чей отец Алексей Валерьевич Карнаухов (1974 г. р.) является забайкальским казаком, секретарём Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархии РПСЦ и известным политическим деятелем Бурятии. Его супруга – Ольга Александровна Карнаухова (в девичестве Иванова, 1973 г. р.).

Почти все вышеупомянутые представители этого клана являются христианами Белокриницкой старообрядческой иерархии – РПСЦ. И быть иначе не может в духовном родстве, так как христиане канонически не имеют возможности сочетаться в молитве

и таинствах (венчании и крещении) с людьми другой веры. История практически всех здесь упомянутых персон в большей или меньшей степени переплетена с историей казачества Забайкалья, что является отдельной темой исследования.

Внутриклановые отношения вполне действенные, крепкие и устойчивые. Елисеевы-старшие для детей своих крестников являются прародителями (дедушкой и бабушкой). Младшие поколения с детства воспитываются в понимании, что они – родные братья и сёстры друг для друга, а их дети, в свою очередь – их племянники [4]. Теснейшие связи поддерживают между собой кумовья: «роднятся» (долго проживают друг у друга, имеют частично «перетекающие» хозяйство и финансы), поздравляют друг друга с важными церковными и семейными датами, отмечают другие события, например, день основания семьи Елисеевых – 13 мая и день крещения основателей клана – 29 октября.

Свидетельством подлинности отношений данных родов может служить домовая трёхчастная икона-складень семьи Елисеевых, исполненная на доске с левкасом темперой иереем Вячеславом Измайловым в 2008 году (центральная часть – 36 × 46 см) и дописанная в 2014 году (2 боковые створы по 18 × 46).

На иконе, разделённой на два уровня, изображен Деисусный чин (верхний ряд) и ангелы-хранители (нижний ряд) основных представителей, согласно церковной литературе – «виновников» клана. В одном ряду слева направо изображены на левой створе: святой князь Александр Невский (покровитель А. Н. Шестакова), святая равноапостольная княгиня Ольга, во святом крещении наречённая Елена (покровитель Е. Н. Бабич), преподобный Симеон Ветхий (покровитель

С. А. Карнаухова); далее на среднике, т. е. в центральной части – святые покровители семьи Елисеевых, нисходящие по возрасту: пророк Елисей, благоверная царица Ирина, благоверная царица Александра, пророк Илья, преподобный Сергей Радонежский, святая мученица Васса, преподобный князь русский Георгий Всеволодович, преподобный Максим исповедник; на правой створе: святая мученица Ксения – покровитель К. Е. Елисеевой, святая мученица Ирина (покровитель И. М. Серёжниковой) и благоверный Вячеслав, князь чешский (покровитель о. В. Измайлова).

Обозначенные выше филигранные родовые взаимоотношения старообрядческих казачьих фамилий способны проявить новую плоскость в родоведении как прикладной науке, прояснить причины устойчивых семейных связей в прошлом и настоящем. В данной работе лишь обозначено само явление – православная законодательная культура вопросов духовного сродства на примере одного казачьего клана. Естественно, что сам клан, имеющий многочисленных родственников в каждой фамилии, весьма обширен, исследование каждой фамилии – уникальный материал для истории, этнографии и смежных наук.

Родоведение как наука не стоит на месте. По словам известного российского социолога В. А. Ядова, эта наука «...находится в постоянном движении, развитии, как сам процесс познания» [1; 12]. В этой связи, в связи с возрастающей ролью Православия в жизни российского общества есть надежда, что нынешнее положение значительной ограниченности данной области исследований, связанное с невниманием или минимизацией значения духовного сродства при составлении истории родов, будет постепенно преодолено.

Источники и литература

1. Дивицына Н. Ф. Семейведение. – М.: Владос-Пресс, 2006. – 325 с.
2. Елисеев А. Е. Древо нашего рода. – Большой Камень, 2013. – 48 с.
3. Елисеев Г. Моя семья в истории малой Родины // Купель: материалы конкурса. – 2016.
4. Елисеев Е. Назад в будущее // Одной строкой (Большой Камень). – 2016. – № 5. – С. 11.
5. Ильин Г. Древлеправославный иконописец // Взморье (Большой Камень). – 2016. (В печати).
6. Интернет в России и мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 03.02.2018).
7. К вопросу о брачном праве. Сборник статей различных видов родства. Постановления (старообрядческого) Казанско-Вятского епархиального съезда. – М., 1900. – 176 с.
8. Кормчая (Номоканонъ). – М.: Церковь, 1912. – 1481 с.
9. Помяни Господи... / авт.-сост. И. Шевнин. – Хабаровск, 2011. – 64 с.
10. Родственные связи крестных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.war.agafon.borda.ru> (дата обращения: 03.02.2018).
11. Семейный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. от 10.09.2010 г. – М.: Эксмо, 2010. – 96 с.
12. Швецов А. В. Краткий номоканон и чин исповеди. – Новосибирск, 2009. – 120 с.

Сведения об авторах

Information about the authors

Абраменко В. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории организации и управления персоналом, Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Abramenko V. A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of Theory of organization and human research management of Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia.

Аникина Е. В. – преподаватель, школа иностранных языков «ВКС-ИИ», г. Москва, Россия.

Anikina E. V. – Teacher of the school of foreign languages “VKC-II”, Moscow, Russia.

Ануфриев А. В. – старший преподаватель, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Anufriev A. V. – Senior Lecturer of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Аргудяева Ю. В. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Argudyaeva Ju. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief researcher, Institute of history, archeology and Ethnography of the Far East of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Арпентьева М. Р. – доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия.

Arpentieva M. R. – Doctor of psychological Sciences, Associate professor, Corresponding member of the Russian academy of natural sciences (RANS), Professor Chair of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, Kaluga, Russia.

Беликова Е. О. – кандидат социологических наук, доцент, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия.

Belikova E. O. – Candidate of Sociological Sciences, Docent of Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Бобров С. Г. – руководитель, региональная организация «Союз казаков – воинов России и Зарубежья в Забайкальском крае», г. Чита, Россия.

Bobrov S. G. – Head of the regional organization “Union of Cossacks-soldiers of Russia and Abroad in Zabaikalsky Krai”, Chita, Russia.

Валиахметов А. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Valiakhmetov A. N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Russian history of Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.

Васильев М. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

Vasiliev M. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of Russian history of Pskov State University, Pskov, Russia.

Вайраух Т. – внештатный учёный, Министерство внутренних дел Германии, Хойхельхайм, Германия.

Weyrauch T. – Freelance scientist at the office of the German Ministry of the Interior, Heuchelheim, Germany.

Гантимурова М. И. – начальник отдела научно-справочного аппарата, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Gantimurova M. I. – Head of Department of scientific-reference apparatus of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Граселиус Р. В. – «Сретенский дом детского творчества», г. Сретенск, Россия.

R. Graselius – “Sretensky Children’s Art Centre”, Sretensk, Russia.

Григорьева Ю. А. – ведущий юристконсульт, ГПК «Быстринское», г. Чита, Россия.

Grigoryeva Yu. A. – Leading Legal Adviser GRK “Bysrinskoye”, Chita, Russia.

Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Dean of the Faculty of History of Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Елисей III (Елисей Елисеевич Елисеев) – руководитель, Древлеправославный Иркутско-Амурский архив Русской Православной Старообрядческой Церкви, г. Большой Камень, Россия.

Elisey III (Elisey E. Eliseev) – Head of the ancient Orthodox Irkutsk-Amur archive of the Russian Orthodox old Believer Church, Bolshoy Kamen, Russia.

Елисей IV (Елисей Елисеевич Елисеев) – студент, Филиал Дальневосточного федерального университета, г. Большой Камень, Россия.

Elisey IV (Elisey E. Eliseev) – Student branch of the Far Eastern Federal University, Bolshoy Kamen, Russia.

Ерохина Е. Г. – директор, Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Erohina E. G. – Director of State Cultural Institution “Education and Methodological Center of Culture and Folk Art of Zabaykalsky Krai”, Chita, Russia.

Ефаров Р. Р. – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Efarov R. R. – Senior Lecturer, Chair of civil law disciplines of the Faculty of law of Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Жеребцов Г. А. – директор, Музей забайкальской милиции; председатель, Забайкальская региональная организация Российского общества историков-архивистов, г. Чита, Россия.

Zherebtsov G. A. – Director of the Museum of Zabaikal militia, Chairman of the Zabaikalskaya regional organization of the Russian society of historians-archivists, Chita, Russia.

Замогильный С. И. – доктор философских наук, профессор, Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия.

Zamogilny S. I. – Doctor of Philosophy Sciences, Full Professor of Saratov state technical University named after Y. A. Gagarin, Saratov, Russia.

Иванов-Ардашев В. В. – редактор, редакция газеты «Приамурский казачий вестник»; Окружное казачье общество Хабаровского края Уссурийского войскового казачьего общества, г. Хабаровск, Россия.

Ivanov-Ardashev V. V. – Editor of the newspaper “The Amur Cossack Bulletin”; Regional Cossack society of the Khabarovsk territory of the Ussuri Cossack army society, Khabarovsk, Russia.

Камедина Л. В. – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры литературы факультета филологии и массовых коммуникаций, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Camedina L. V. – Doctor of Culturology, Docent, Associate Professor of the Chair of literature of Faculty of Philology and mass communications of Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Кляус В. Л. – доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Klyaus V. L. – Doctor of Philology Sciences, Head of the Department of folklore of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Кайгородов М. В. – индивидуальный предприниматель, г. Москва, Россия.

Kaigorodov M. V. – Individual businessman, Moscow, Russia.

Клестова М. С. – волонтер, Музей-архив русской культуры при Русском центре, г. Сан-Франциско, США.

Klestoff M. S. – Volunteer at Museum of Russian Culture, San Francisco, Russian-American Women's League, Russian School at Orthodox Church of All Russian Saints, Burlingame, CA, San Francisco, USA.

Константинова Н. Н. – кандидат исторических наук, учёный секретарь, заведующая отделом истории и этнографии, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Konstantinova N. N. – Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary, head of the Department of history and Ethnography of the Zabaikal Regional Museum of local lore named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia.

Константинова Т. А. – кандидат исторических наук, ведущий архивист отдела научно-исследовательской работы и использования документов, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Konstantinova T. A. – Candidate of Historical Sciences, Senior archivist at scientific-exploratory work and use of documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Косенков В. А. – аспирант исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Kosenkov V. A. – Postgraduate student of the History Faculty of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Косых В. И. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Kosyh V. I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History, of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Крылов Д. А. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой политологии исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Krylov D. A. – Doctor of Philosophy Sciences, Docent, Head of the Chair of Political Science of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Куренная И. Г. – кандидат исторических наук, ведущий специалист по историко-культурному наследию комитета культуры, Администрация городского округа «Город Чита», г. Чита, Россия.

Kurennaya I. G. – Candidate of Historical Sciences, a leading expert on the historical and cultural heritage of Committee on culture of administration of city district "City of Chita", Chita, Russia.

Ланцева Т. В. – директор, Психологический реабилитационный центр «От А к Я», г. Чита, Россия.

Lantseva T. V. – Director of the Psychological rehabilitation centre «From A to Ya», Chita, Russia.

Ланцова Ю. Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, ведущий специалист по воспитательной работе исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Lantsova Yu. N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History, Leading Expert on Educational Work of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Легун Е. П. – научный сотрудник, Нерчинский краеведческий музей, г. Нерчинск, Забайкальский край, Россия.

Legun E. P. – Research associate of Nerchinsk Museum of local lore, Nerchinsk, Zabaikalsky Krai, Russia.

Малахов М. Т. – педагог дополнительного образования, Дом детского творчества, г. Борзя, Забайкальский край, Россия.

M. Malakhov – Teacher of additional education of the House of children's creativity, Borzya, Zabaikalsky Krai, Russia.

Мясников А. В. – архивист первой категории, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Myasnikov A. V. – Archivist of the first category of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории, заместитель декана исторического факультета по научной работе, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Myasnikova G. V. – Senior Lecturer, Chair of History, Deputy Dean of the Faculty of History for Scientific Work of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Никитин Г. В. – кандидат философских наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Россия.

Nikitin G. V. – Candidate of Philosophy Sciences, Docent of Blagoveshchensk State pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Парамонова В. А. – кандидат социологических наук, доцент, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия.

Paramonova V. A. – Candidate of Sociological Sciences, Docent of Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Пешков И. Г. – индивидуальный предприниматель, г. Санкт-Петербург, Россия.

Peshkov I. G. – Individual businessman, Saint-Petersburg, Russia.

Погодаев В. А. – представитель забайкальского казачьего рода Погодаевых, г. Пермь, Россия.

Pogodaev V. A. – Representative of Zabaikalsky Cossack genus Pogodaev, Perm, Russia.

Полоротов В. И. – научный сотрудник, Газимуро-Заводский краеведческий музей им. Ф. Н. Резанова, пос. Газимурский Завод, Забайкальский край, Россия.

Polorotov V. I. – Researcher of Gazimuro-Zavodsky Museum of local lore F. N. Rezanov, Gazimurskiy Zavod, Zabaikalsky Krai, Russia.

Пряженникова М. В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, заместитель декана исторического факультета по учебной работе, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Pryazhennikova M. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, Deputy Dean of the Faculty of History for Academic Affairs of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Пузанов В. Д. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и права гуманитарного факультета, Шадринский государственный педагогический университет, г. Шадринск, Россия.

Puzanov V. D. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Chair of History and Law of Faculty of Humanities of Shadrinsky State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia.

Пустовалов О. В. – аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия.

Pustovalov O. V. – Postgraduate student of National research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia.

Решта Н. П. – исполняющий обязанности заведующей отделом традиционной культуры, Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Reshta N. P. – Acting Head of the Department of traditional culture of State Cultural Institution “Education and Methodological Center of Culture and Folk Art of Zabaykalsky Krai”, Chita, Russia.

Рюмкина Е. С. – магистрант 1-го года обучения исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Ryumkina E. S. – Undergraduate 1 year students of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Савченко С. Н. – кандидат исторических наук, консультант, Отдел по взаимодействию с казачеством главного управления специальных программ Губернатора Хабаровского края, г. Хабаровск, Россия.

Savchenko S. N. – Candidate of Historical Sciences, Consultant of the Department for cooperation with the Cossacks of the main Department of special programs of the Governor of Khabarovsk Krai, Khabarovsk, Russia.

Савченко Р. С. – магистрант 1-го года обучения исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Savchenko R. S. – Undergraduate 1 year students of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Скрипкар М. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Skripkar M. V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor Chair of Political Science of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Ставропольский Ю. В. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Stavropolsky Yu. V. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor Chair of General and social psychology Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

Травкина Л. Н. – преподаватель, Читинский педагогический колледж; хорунжий, Забайкальское казачье войско, г. Чита, Россия.

Travkina L. N. – Teacher of the Chita pedagogical College, the Cornet of the Zabaikal Cossack army, Chita, Russia.

Трушина С. Ю. – учитель музыки и искусства, средняя общеобразовательная казачья школа села Знаменка, с. Знаменка, Забайкальский край, Россия.

Trushina S. Yu. – Teacher of Music and Art of the Cossack secondary school of the village Znamenka, Znamenka, Zabaykalsky Krai, Russia.

Уханаева М. Г. – учитель русского языка и литературы, Харацайская средняя школа, с. Харацай, Республика Бурятия, Россия.

Ukhanaeva M. G. – Teacher of Russian Language and Literature of the Kharatsai secondary school, Kharatsai, Republic of Buryatia, Russia.

Харламов М. И. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин социально-психологического факультета, Национальный университет гражданской защиты Украины, г. Харьков, Украина.

Kharlamov M. I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Social and Humanitarian disciplines of the Socio-psychological faculty of National University of Civil Defence of Ukraine, Kharkov, Ukraine.

Черенщиков О. Ю. – кандидат исторических наук, Кокуйская СОШ № 2, пгт. Кокуй, Забайкальский край, Россия.

Cherenschikov O. Yu. – Candidate of Historical Sciences, Kokuiskaya secondary school № 2, Kokui, Zabaikalsky Krai, Russia.

Черенщикова Е. С. – учитель истории, обществознания и права, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, Кокуйская СОШ № 2, пгт. Кокуй, Забайкальский край, Россия.

Cherenschikova E. S. – Teacher of History, Social Science and Law, Deputy Director for educational work of the Kokuiskaya secondary school № 2, Kokui, Zabaikalsky Krai, Russia.

Якунин В. Н. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, Россия.

Yakunin V. N. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for scientific and innovative activities of the Volga Region State University of Service, Togliatti, Russia.

Яремчук О. А. – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Yaremchuk O. A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Chair of History of the Faculty of History of Transbaikalsky State University, Chita, Russia.

Научное издание

**ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка Н. Ю. Добрецкой

Подписано в печать 26.03.2018.
Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 21,3.
Заказ № 18024. Тираж 100 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

